

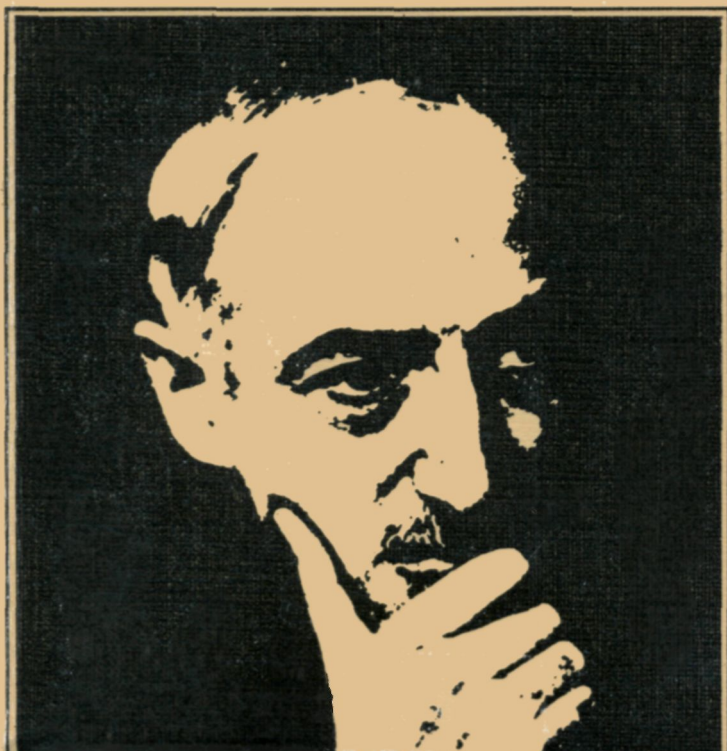
Андре МЮРУА

Надежды и воспоминания.

Во что я верю.

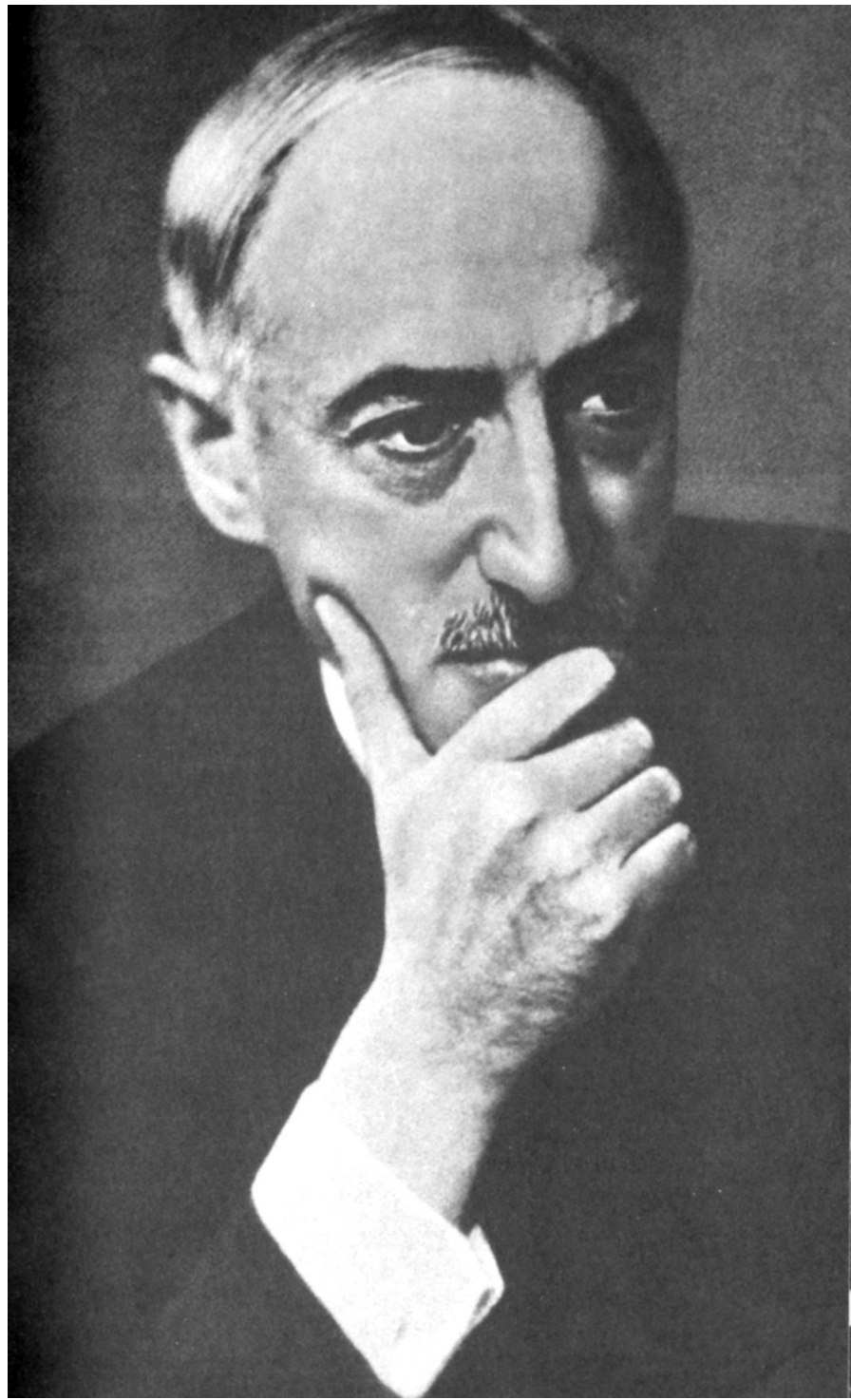
Трагедия Франции. Голье факты.
Письма незнакомке. Искусство беседы.

Открытое письмо
молодому человеку о науке жить.

Андре МОРУА

Я верю, что катастрофы можно избежать... Никакой мстительный рок не прячется за черными тучами, грозя нам гибелью. Спасение человечества в руках самого человечества... Нам предстоит уберечь от гибели еще живую и во многих отношениях процветающую цивилизацию. Мы не уверены в успехе, поскольку порыв безумия может охватить те группы людей, на которые мы не имеем влияния, и они взорвут земной шар. Но все-таки мы можем — пусть косвенно — повлиять и на них. Твердость наших убеждений, быстрота наших решений обезоружат тех, кто угрожает будущему человечества... Быть или не быть земному шару — вот перед каким выбором мы стоим. Либо мы подадим друг другу руки, либо истребим друг друга в атомной войне.

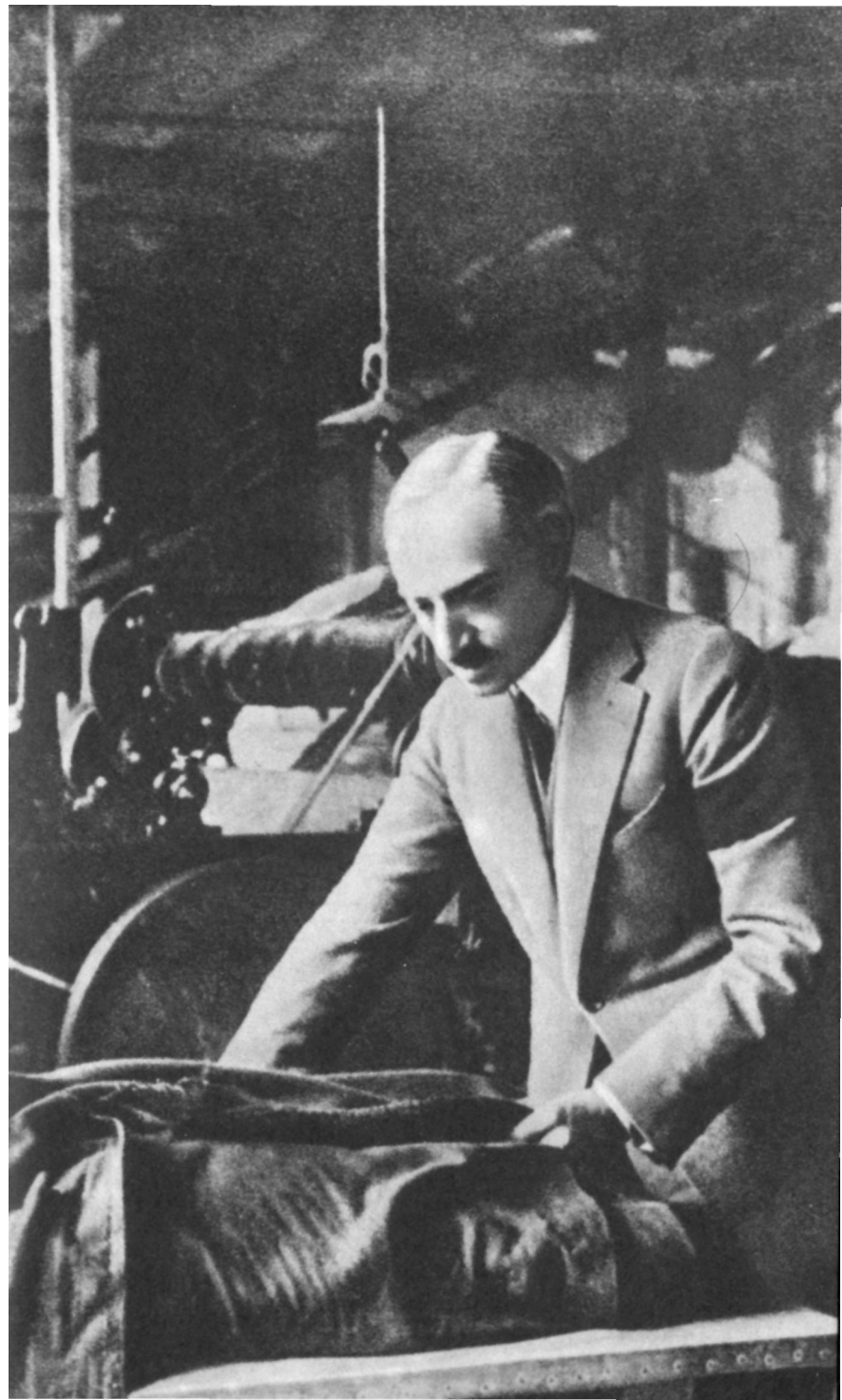

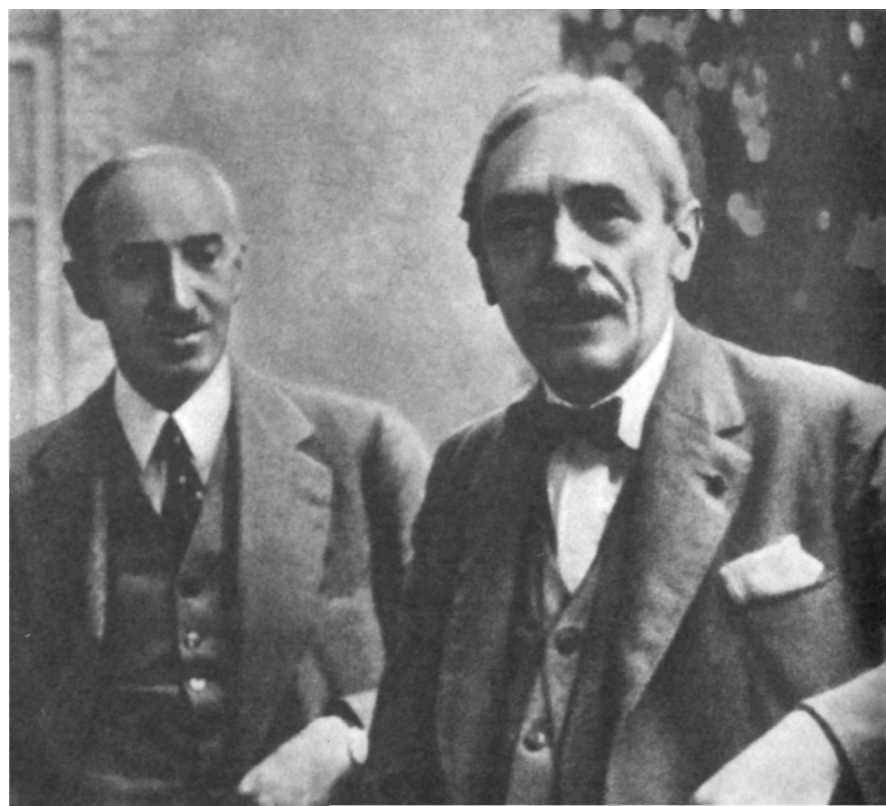

Жанина Шимкевич, первая жена
А. Моруа.

А. Моруа на фабрике в Эльбеф,
1925 г.

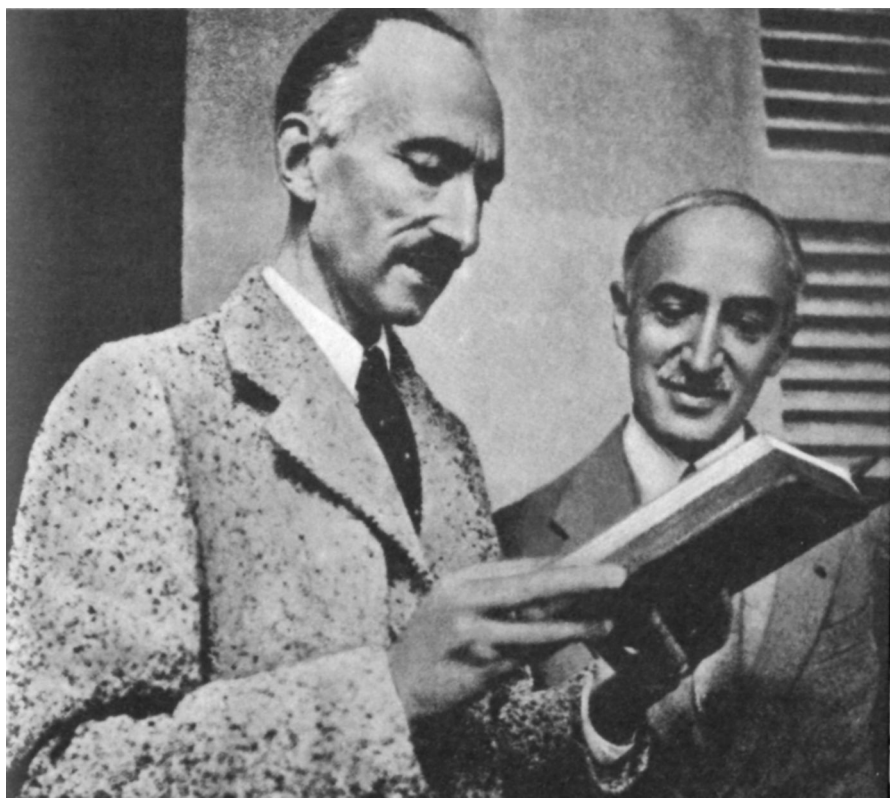

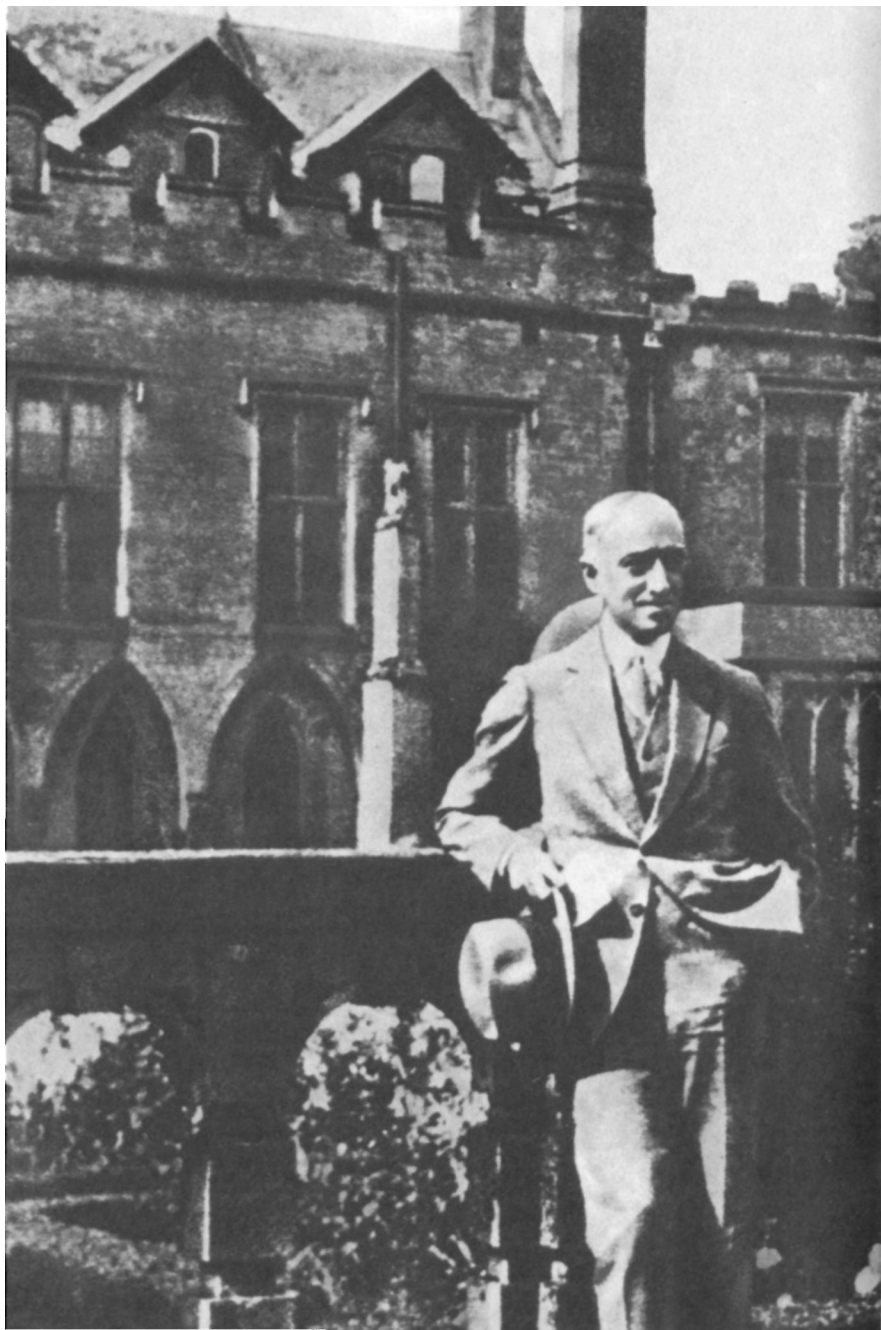
А. Моруа с дочерью Мишель,
1933 г.

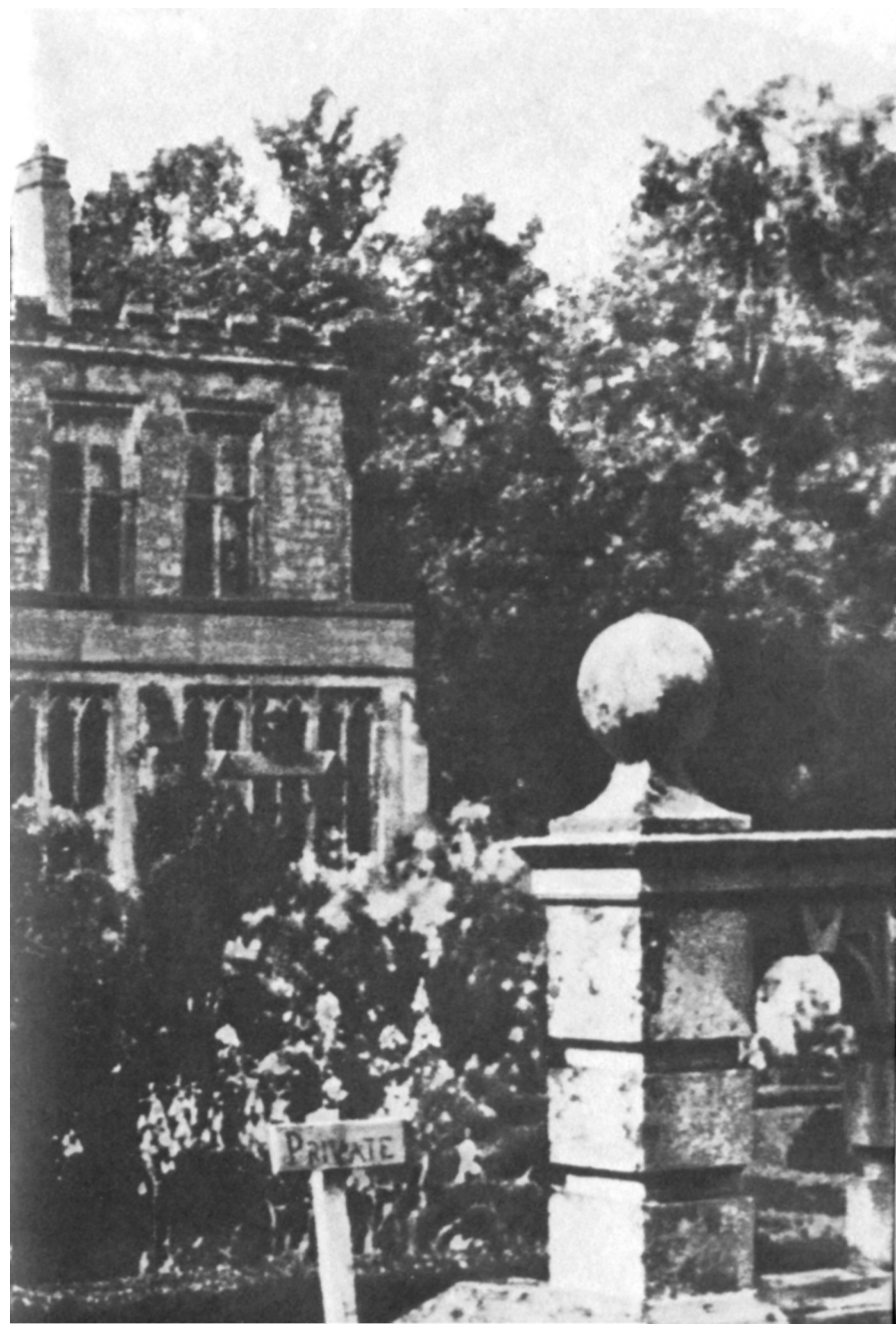
А. Моруа и П. Валери, 1930 г.

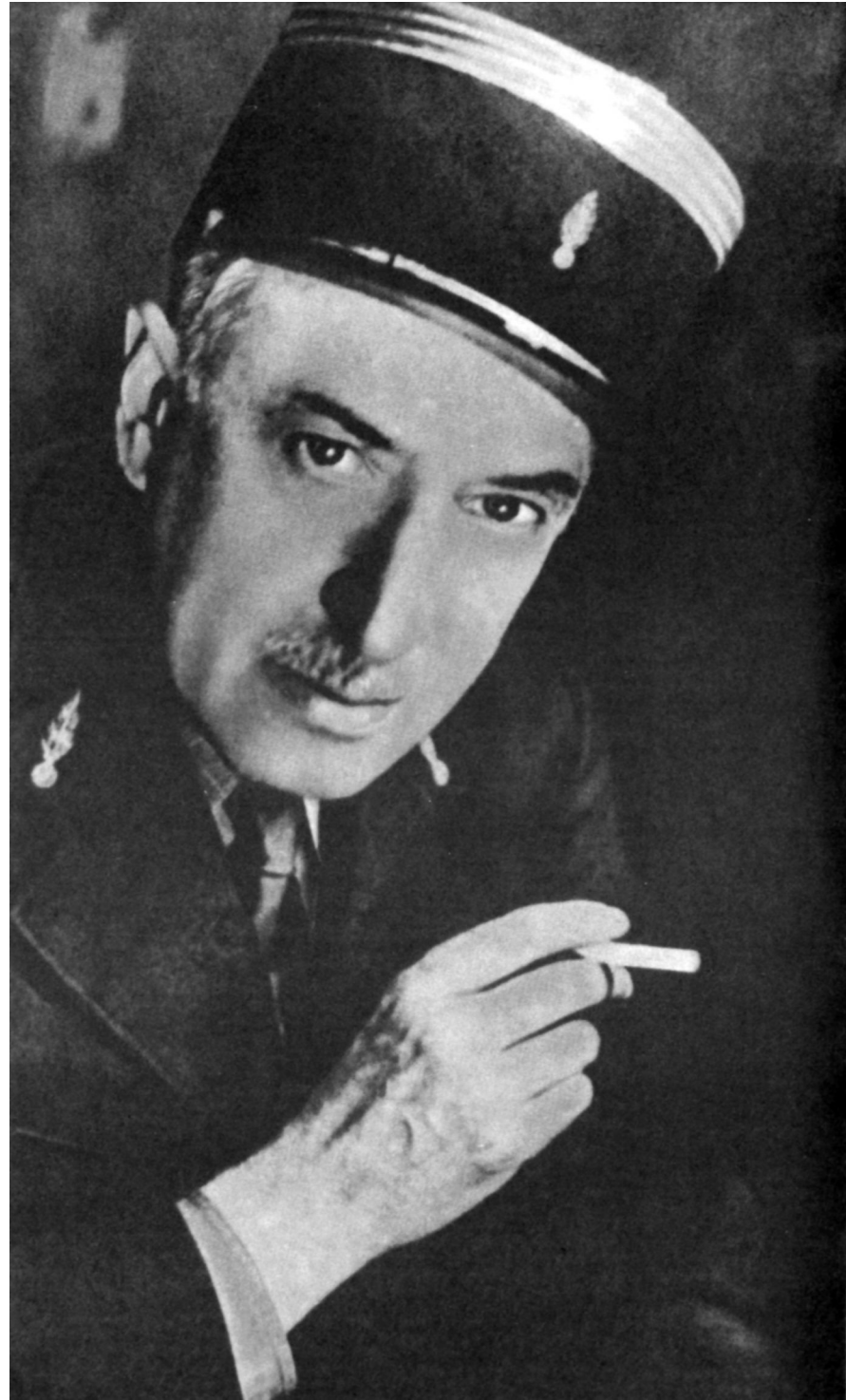
А. Моруа и Ф. Мориак, 1934 г.

А. Моруа перед домом Байрона.
Англия, 1928 г.

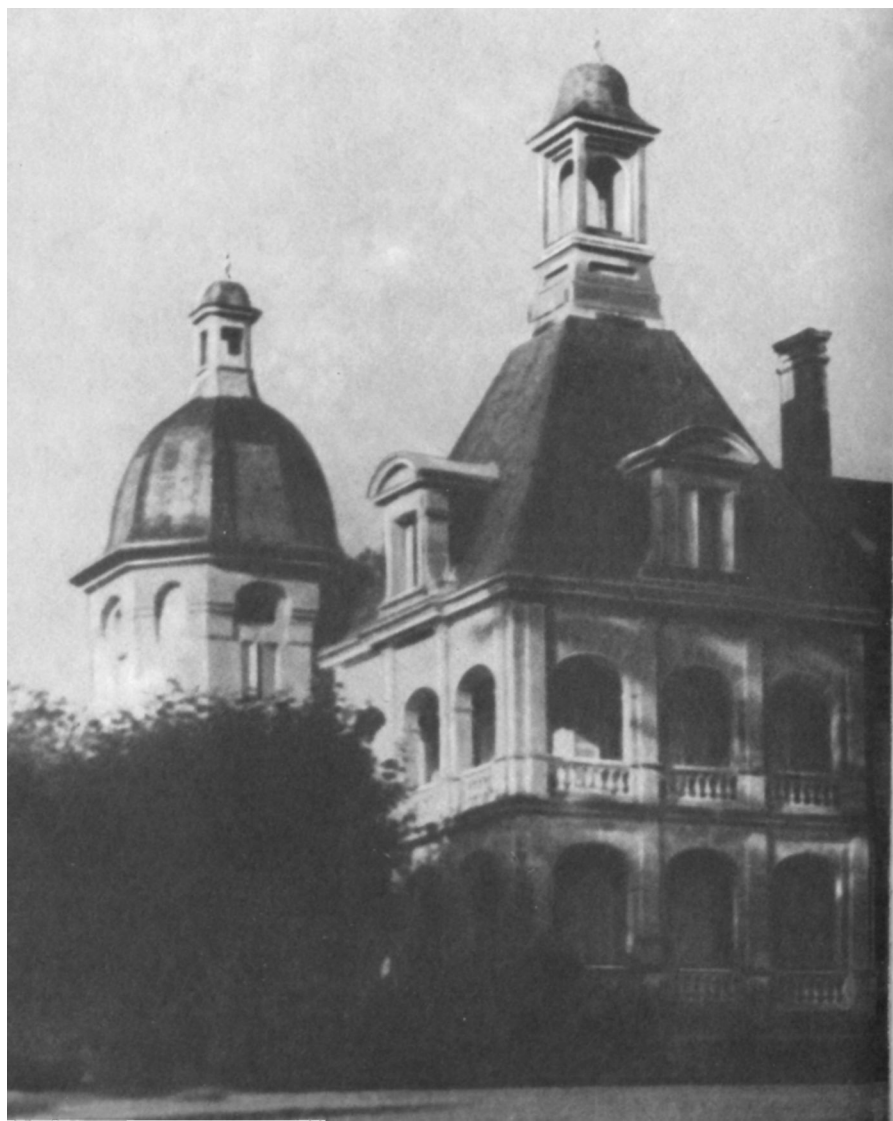

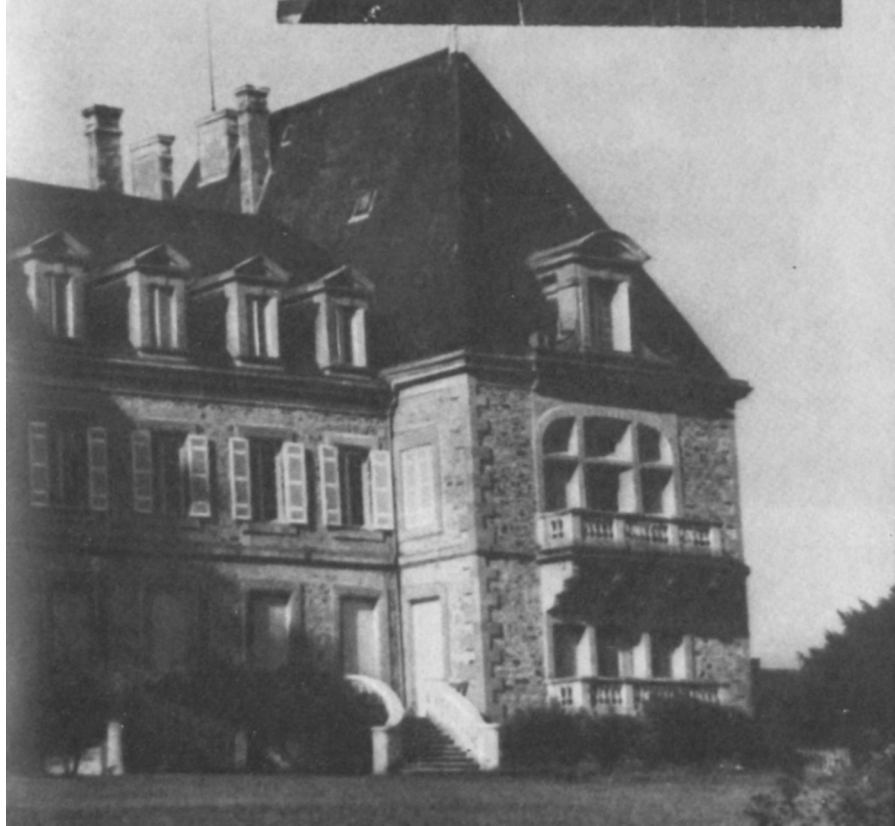
Симона и А. Моруа в Нью-Йорке,
1941 г.

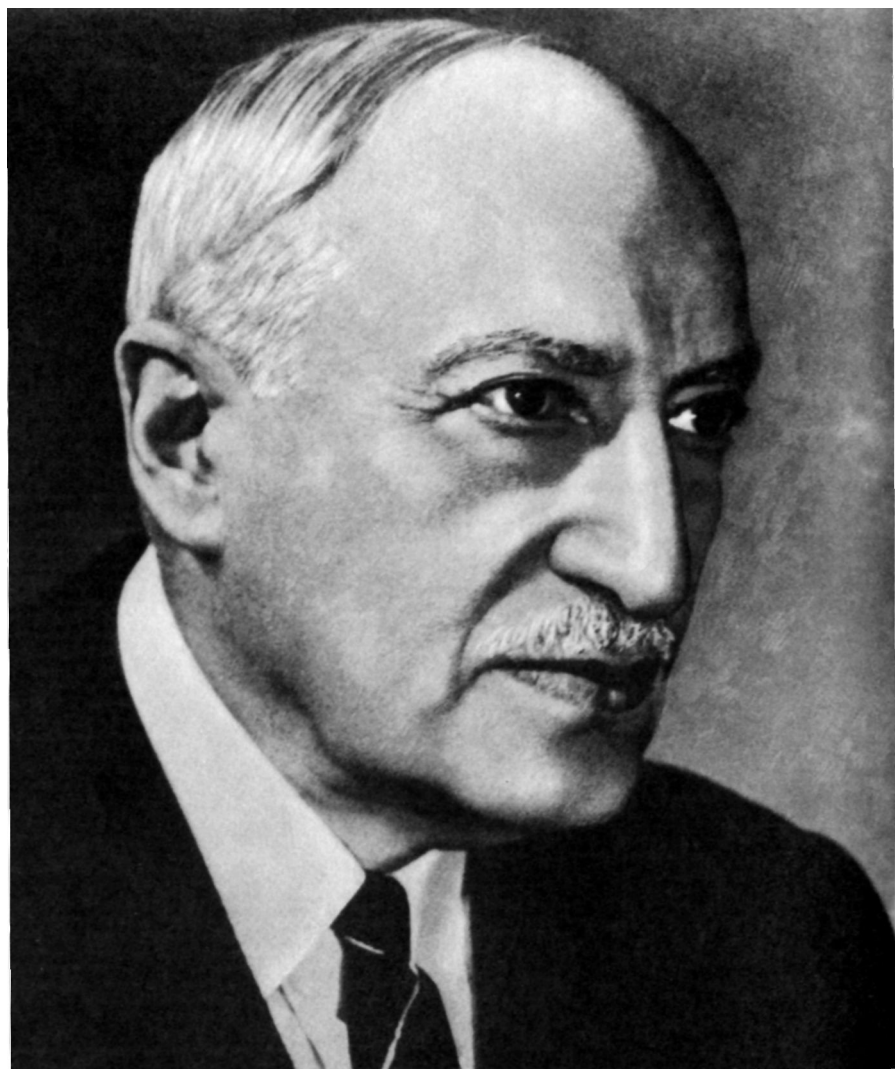
А. Моруа в 1939 г.

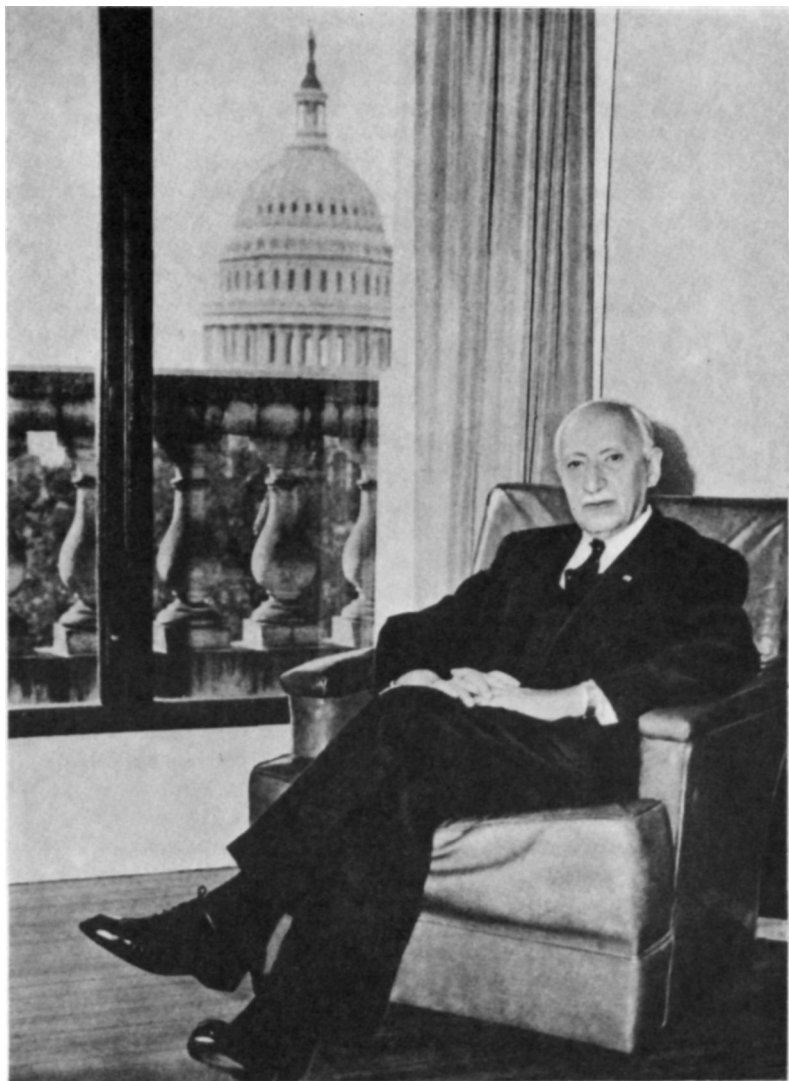
Дом А. Моруа в Эсандиера, 1970 г.

А. Моруа в своем кабинете в Нейи. 1963 г.

А. Моруа в Библиотеке Конгресса.
Вашингтон, 1960 г.

86, BOULEVARD MAURICE BARRES

NEUILLY-SUR-SEINE

7th MAILLOT 24-84

le 22 September 1967

Mourine et cher ami

Je ne peux malheureusement répondre en ce moment
à vos questions. Je suis dans une bonne phase à l'hôpital où je
dois subir une sérieuse opération chirurgicale. Il y restera au
moins un mois. Dès que je serai bien, je vous écrirai

Très amicalement à vous

André Nasson

Письмо А. Моруа Ф. С. Наркирьеру
от 22 сентября 1967 г. Автограф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Т. В. БАЛАШОВА, Н. И. БАЛАШОВ,
Ю. Н. ВЕРЧЕНКО, Я. Н. ЗАСУРСКИЙ,
Д. В. ЗАТОНСКИЙ, А. А. КЛЫШКО,
Н. И. НИКУЛИН, В. Н. СЕДЫХ, П. М. ТОПЕР.**

Андре МОРУА

Надежды и воспоминания

Художественная публицистика

Перевод с французского

Москва «Прогресс» 1983

ББК 84.4.Фр
М 80

Составитель *д.ф.н. Ф. С. Наркирьер*
Авторы предисловия *д.ф.н. Ф. С. Наркирьер и к.ф.н. А. Ф. Строев*

Художник *В. И. Левинсон*

Редактор *Т. В. Чугунова*

В работе над сборником приняли участие
д.ф.н. Т. В. Балашова, к.ист.н. И. А. Манфред

Моруа А. Надежды и воспоминания: худож. публицистика. Пер. с фр. / Предисл. Ф. С. Наркирьера и А. Ф. Строева. — М.: Прогресс, 1983. — 392 с.

В одноименный французский писателя Андре Моруа (1885-1967) вошла его художественная публицистика: эссе «Во что я верю», книга «Трагедия Франции», статьи и речи «Надежды и воспоминания» и др. Крупнейший мастер слова делится с читателями своими взглядами, жизненным опытом.

Все произведения, включенные в сборник, опубликованы на языке оригинала до 1973 г.

М **4703000000-360** без объявления
006(01)-83

ББК 84.4.Фр
И(Фр)

© Составление, предисловие, комментарии, перевод на русский язык и художественное оформление издательство «Прогресс», 1983

АНДРЕ МОРУА – ПУБЛИЦИСТ

Еще к Аристотелю восходит противопоставление истории и литературы как того, что было, тому, что только могло бы быть. Но в современную эпоху это соотношение стало изменяться. С одной стороны, история XX столетия преподнесла людям столько счастливых открытий и трагических минут, что показалась бы нашим предкам фантастичнее любого вымысла. С другой стороны, читатель, подавленный «информационным взрывом», уставший от навязываемых ему «мифов», инстинктивно сторонится вымысла, стремится обрести в литературе достоверную правду. Возникло новое эстетическое явление — документальная литература и тесно с ним связанное — художественная публицистика. Лев Толстой как-то обронил в беседе: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича и Марью Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни»¹. Обострение конфликтов — классовых, политических, национальных — привело к тому, что каждый, кто претендовал на право называться писателем, должен был ощутить себя гражданином. Так, во Франции видными публицистами стали Анатоль Франс и Ромен Роллан, Анри Барбюс и Поль Вайян-Кутюрье, Жан-Ришар Блок и Луи Арагон,

¹ Цит. по: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 181.

Андре Мальро и Жан-Поль Сартр. Соответственно изменилась и роль читателя — документальная литература, как никакая другая, требует от него активного сотворчества, определения своей собственной позиции.

Таким публицистическим диалогом с читателем было по своей внутренней сути творчество Андре Моруа. За 82 года жизни (1885—1967) он опубликовал более полутора сот книг, более тысячи статей. Моруа писал романы, новеллы, афоризмы, художественные биографии, эссе, исторические и литературоведческие труды, очерки, путевые заметки, трактаты, мемуары. Сочинения эти объединяет единая философская и художественная установка: стремление осмыслить окружающий мир, понять его законы и разъяснить их читателю. Для него, духовного наследника писателей Просвещения, философия, история и литература неразрывно связаны. Как и они, Моруа считает, что беды людей коренятся в их заблуждениях, что, исправив неверные суждения, можно исправить мир. Не случайно первая глава его книги «Искусство жить» (1939) посвящена «искусству мыслить». Эта страсть к просветительству, если угодно, даже к проповедничеству (недаром так часто и охотно выступал он с лекциями и докладами) определила специфику художественного метода писателя. Бесспорно, Андре Моруа — реалист, прочно усвоивший художественные открытия учителей — Стендаля и Бальзака. Но почти всегда за непосредственно описываемой действительностью видна иная, более дальняя перспектива, каждое событие рассматривается в контексте всеобщей связи явлений, частный случай проверяется законами миропорядка. Интеллектуализм творчества естественно сочетается с принципом универсального видения мира, также восходящим к традициям классической литературы. Не потому ли столь уверенным чувствовал себя Моруа в жанре новеллы, требующем в первую очередь четко продуманного построения и неожиданного парадоксального финала, и столь робким — в драматическом жанре, напрямую связанным с алогичным хаосом повседневности, требующим не столько интеллектуального, сколько эмоционального разрешения конфликта¹? Не потому ли исследование любви — привилегированная тема французских романов — предстает у него как чисто лабораторный анализ, где рассматривается «кристаллизация»² и саморазвитие чувств почти без

¹ Горячий поклонник театра, Андре Моруа за всю жизнь написал всего одну маленькую пьесу — драматическую поговорку «Блаженные да имут» (1955). Жанр этот, родившийся из салонной игры, наподобие нынешних шарад, был популярен в XVIII веке. Зритель должен угадать поговорку, выражающую суть и «пуант» разыгрываемых событий.

² Понятие введено Стендалем в знаменитом трактате «О любви» (1822).

воздействия социальных факторов, исторических событий?

Эту опасность разрыва с действительностью прекрасно осознал сам писатель, высмеявший сторонников «чистого искусства» в антиутопии «Путешествие в страну эстетов» (1927). Некая абстрактность творческого метода вынуждала его идти на непосредственный контакт с реальностью, искать за художественной правдой документальную точность фактов. Путь был найден достаточно быстро — после двух романов о первой мировой войне («Молчаливый полковник Брембл», 1918, и «Речи доктора О'Грэди», 1922), которую лейтенант Эмиль Эрзог (настоящее имя писателя) провел в составе британского экспедиционного корпуса, вышла книга «Ариэль, или Жизнь Шелли» (1923). В художественной биографии, как считал сам Моруа, сочетаются «и труд историка, и произведение искусства» («Типы биографий», 1928). Биограф не изобретает сюжет — его уже запрограммировали сами факты. Он не творит художественный образ по законам привычной типизации, а воссоздает его на основе собранных документов. В основу произведения ложится не сырой жизненный материал, а отобранный, художественно преобразованный, пропущенный через стиль писателя. «Я как раз и стремился к тому, чтобы соединить правду с искусством. Это не поэзия *или* правда, а поэзия *и* правда»¹.

Жанр художественной биографии не только синтезирует две главные тенденции творчества Андре Моруа — интеллектуализм и историзм, он наиболее цельно и последовательно воплощает его духовные воззрения, сердцевина которых — гуманизм. Писатель-антифашист Жан Прево утверждал: «Практическая философия Моруа, его восприятие истории и современности основывается на вере в человека, в могущество и силу воздействия творческой личности. Подобные воззрения и благожелательное отношение к людям дали жизнь биографическим произведениям Моруа»². Память о великих людях, их жизнь, деяния, творения помогают потомкам обрести силу, уверенность в своих возможностях — так мыслит Моруа-биограф. История и литературоведение (а в обеих этих областях Моруа был профессионалом) выполняют сакральную миссию, сохраняя вечные, непреходящие ценности, создавая «храмы памяти». Искусство живет своей собственной жизнью, ее надо познавать и оберегать так же, как жизнь людей. Поэтому гуманизм Моруа — активный, действенный — неотделим от защиты культуры, борьбы за всеобщий мир.

То, что главный, любимый герой Моруа — творческая лич-

¹ Из письма А. Моруа Ф. Наркирьеру от 21 июля 1966 г. «Поэзия и правда» — название автобиографической книги Гёте.

² «Нувель ревью Франсез», 1937, 1 сентября, с. 440.

ность, связано с верой в высокое предназначение искусства, позволяющего победить хаос жизни. Знаменитый биограф посвящал свои книги людям, чья судьба настолько ярка, что уже сама по себе — произведение искусства. Он писал о Бальзаке: «Разве его жизнь не роман? Он правил ее в гранках».

Моруа творил и свою собственную биографию. Не с «башни из слоновой кости» наблюдал он жизнь — «человек действия» (как он себя называл), он отстаивал свои идеалы с оружием в руках в двух мировых войнах, сражался и пером публициста. Суровый жизненный опыт дал ему право наставлять других. Он много испытал, много видел, был знаком с выдающимися политическими деятелями и писателями современности. Во внешне спокойном течении его судьбы были свои опасные водовороты. Когда в 1940 г. немецкие войска оккупировали Францию, дом Моруа был захвачен, бумаги и книги растащены, писатель был вынужден начинать на чужбине с нуля: у них с женой было три доллара на двоих. Тогда Моруа начал создавать свой «храм памяти» — в 1942 г. вышли два тома «Мемуаров», за ними последовали «Дневник. США 1946» (1946), «Возвращение во Францию» (1947), «Портрет друга, которого звали Я» (1959), «Голые факты» (1963), «Шестьдесят лет моей литературной жизни» (1966). Он подвел крышу — поставил точку под «Мемуарами» — в конце сентября 1967-го, за две недели до смерти.

Автобиографические элементы присутствуют в большинстве произведений Моруа, будь то жизнеописание или роман (так, сложные, драматические отношения писателя с его первой женой, Жаниной Шимкевич, отразились и в «Ариэле», и в «Превращениях любви», задуманных как своеобразные исповеди). Творения великих художников, деяния государственных деятелей Моруа стремился постичь через их частную жизнь. При этом ключом своего анализа он избрал известную фразу Флобера: «Госпожа Бовари — это я». Тем больше оснований применить этот ключ к его книгам. Их автобиографизм не случаен, а закономерен, он отражает творческую философию автора. Сильное личностное начало-третья составная часть художественного метода Моруа, преодолевающая абстрактность аналитизма и отдаленность исторических фактов, насыщающая их живым, непосредственным чувством. Моруа считал, что природа человека неизменна, поэтому самопознание — путь к постижению проблем всего человечества.

В публицистических произведениях авторский голос звучит сильнее и отчетливее, чем в художественных. Он учит нас житейской мудрости, помогает понять себя и окружающий мир.

Наиболее полно и последовательно Моруа изложил свои философские, этические, политические и эстетические взгляды в эссе «Во что я верю» (1951) — одном из первых в этой популярной во

Франции серии¹. Подчеркнем, что взгляды его отнюдь не однородны — они составляют стройную систему, в которой единый принцип реализуется на всех уровнях. «Я верю в то, что независимо от меня существует внешний мир, который я, однако, могу воспринять, только пропустив его через свое сознание» — так начинается эссе. Отвергая философский идеализм, писатель пишет, что не может полностью принять и материализм, который он понимает, увы, упрощенно, в русле традиций XVIII в., как механическую, жесткую детерминированность явлений. А ведь кредо Моруа зиждется на вере в человека, в человеческий разум, и вера эта не доверчиво слепая, а суровая, требовательная. Да, человек может быть эгоистичным, следовать животным инстинктам, но в нем есть нечто, что выше его самого, что позволяет совершать героические поступки, идущие вразрез с личной, мелкой выгодой. Здесь на помощь человеку приходит искусство, творящее рядом с жестокой реальностью другой, облагороженный мир. Человек не может жить без поэзии, утверждает Андре Моруа, красота не только лечит, умиротворяет мятущуюся душу, она воспитывает, развивает разум и чувства, преображает мир. Искусство так же необходимо обществу, как законы или религия, оно выполняет ту же задачу, но иными способами.

В этический идеал Моруа входят честность, смелость, милосердие и, самое главное, верность. Человек должен в первую очередь быть верным самому себе, тому лучшему, чем одарила его природа, — своему жизненному предназначению. Этот постулат помогает понять специфику художественной концепции писателя, который, творя характер своего героя, стремится через резкие противоречия пробиться к целостности, внутренней гармонии. На верности, чувстве долга держатся, по убеждению Моруа, все человеческие отношения: надо хранить верность женщине, другу, родине, братству людей всего мира. Для писателя нравственные критерии вечны, незыблемы и едины: они одинаково применимы в семейной, общественной, политической жизни. «Все сказанное о браке относится и к другим узам, связующим людей» («Во что я верю»), «то, что я говорю здесь о людях, приложимо, разумеется, и к нациям», «когда мы изучаем нашу собственную жизнь или историю своей страны...» («Письма незнакомке»).

Политические взгляды писателя основаны на защите достоинства и независимости как отдельного человека, так и всего народа. Он страстно призывает к миру — внутри страны и на всей планете: «Я верю, что катастрофы можно избежать... Спасение человечества в руках самого человечества...» Эти слова были на-

¹ Советский читатель знаком с исповедью веры Жака Дюкло.

писаны двадцать лет назад, в разгар «холодной войны», не менее актуально они звучат и сегодня.

Издатель Бернар Грассе, выпустивший исповедь веры Моруа, был человеком охранительных взглядов. Очевидно, книга показалась ему чересчур смелой, и он пошел на беспрецедентный шаг: сопроводил ее негодующими письмами читателей — литератора-коллаборациониста Альфреда Фабр-Люса и ренегата, также коллаборациониста Жана Гиттона. Спокойный диалог с самим собой сменился открытой и страстной полемикой: в своем ответе Моруа отстаивал жизненность демократии, доказывая, что беды людям XX столетия принесла диктатура, которая неизбежно вела к фашистскому тоталитаризму, к войнам. Уроки второй мировой войны заставили писателя внести коррективы в свою концепцию исторического прогресса как целенаправленной деятельности великих людей, осознать те опасности, которыми чревато беспрекословное и бездумное подчинение всех одному.

А схватку с нацистской Германией, залившей кровью Европу, Моруа начал еще в 1939 г. Он выступал в прессе со статьями, направленными против гитлеровской агрессии, опубликовал брошюру «О причинах войны», в которой анализировал события последних лет, показывая истинную цель немецкой дипломатии — достижение мирового господства (после поражения Франции книга попала в первый же список запрещенных произведений). Свое публицистическое произведение, снискавшее мировую известность — «Трагедию Франции», — Моруа написал по горячим следам событий, сразу же по прибытии в Америку в июле 1940 года, и уже в октябре оно печаталось — полностью или в извлечениях — в прессе многих, прежде всего англосаксонских и нейтральных государств. Отдельной книгой «Трагедия Франции» вышла в Нью-Йорке в 1940 г. на французском и английском языках.

С сокращенного текста, опубликованного на немецком языке в Цюрихе, был сделан перевод на русский язык. В ноябре 1940 г. отрывки из книги были напечатаны в «Правде» и «Красной звезде», в журналах «Огонек», «Мировое хозяйство и мировая политика». В 1941 году уже после начала Великой Отечественной войны «Трагедия Франции» вошла в сборник «О тех, кто предал Францию» и получила высокую оценку в советской печати (рецензии в журналах «Большевик» и «Октябрь»).

Целью Моруа было ответить на вопросы, которые он вынес в заглавиях шести глав, — ответить и самому себе, и читателям: американцам, наслушавшимся нелепых выдумок; французам, ошеломленным поражениями, еще не выбравшим свой путь. На шестикратное «почему?» надо было ответить правду, как бы горька она ни была. «Трагедия Франции» — это исторический документ, «объективное и беспристрастное» свидетельство очевидца

и участника войны, хорошо знавшего положение дел в тылу и на фронте, осведомленного о сложных перипетиях закулисной борьбы в верхах, о дипломатической «игре». Но это и серьезное исследование профессионального историка (напомним, что перу Моруа принадлежит более десяти исторических трудов, в том числе истории Франции, Англии, США, Германии). Это и художественное произведение — трагедия, в которой соблюдено единство времени, места и действия, — трагедия страны, обреченной на поражение. Лейтмотивом этой трагедии стала роковая предопределенность: «когда размышляешь о бесконечной цепи несчастных случаев, ошибок, роковых стечений обстоятельств, приведших нас к столь стремительному и быстрому крушению, поневоле вспоминаются античные трагедии, где несчастного изгоя, от которого отвернулись боги, карает жестокий и непредсказуемый рок». Вспомним, что пишет Моруа в своем кредо: «Драма и рок живут внутри человека», то есть источник наших бед — в нас самих. Катастрофа была не случайной, а закономерной. В чем же, по мнению Моруа, причина этой катастрофы?

Прежде всего — в неподготовленности к войне. Действительно, в 1937 г. французская авиационная промышленность выпустила всего 38 самолетов, в распоряжении командующего армией генерала Жиро было только 8 боевых машин. Но надо учитывать, что правители Франции — будь то Рейно или Петен — были заинтересованы в создании легенды о военном превосходстве Германии. На самом деле количество пехотных дивизий и боевой техники (кроме авиации) у немцев и союзников было почти равным¹.

Вторая причина — ошибочная стратегия французского командования, основанная на обороне. «Линия Мажино» считалась неуязвимой, а нападение Германии на Бельгию исключалось. Кроме того, генералы готовились к прошедшим войнам, не понимая, что характер боевых действий в корне изменился. Здесь Моруа совершенно прав: его критика во многом совпадает с критикой французской стратегии в «Мемуарах» генерала де Голля.

То, что Моруа называет обстоятельствами личного порядка (непримиримая вражда двух политических деятелей — Эдуарда Даладьё и Поля Рейно, — боровшихся за власть), также сыграло на руку врагам Франции. Моруа психологически точно и ярко рисует их портреты, подчеркивая мрачную подозрительность и почти болезненное безволие первого («овца в волчьей шкуре» — говорили о нем министры) и энергию второго, прозванного «бойцовым петушком». Творивший культ великих людей, преувеличавший их роль в историческом процессе, писатель мечтал

¹ См.: Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии: 1939—1945. М., 1982, с. 67.

увидеть во главе правительства сильного человека, способного объединить народ на борьбу — и не увидел его в генерале де Голле! 18 июня, за 4 дня до унизительного перемирия в Компьенском лесу, генерал де Голль заявил в воззвании к французам: «Что бы ни произошло, пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет»¹. В своих «Мемуарах» Моруа упоминает о речи де Голля, о той встрече, которая состоялась между ними. Де Голль предложил ему выступить для французоз по английскому радио. После долгих и тяжелых раздумий Моруа, у которого в оккупированной Франции осталась семья, от предложения отказался².

Многие политические события трактуются Моруа ошибочно. Так, предложение Уинстона Черчилля об «объединении» Франции и Англии, сделанное 16 июня 1940 года, расценивается им как великодушный жест со стороны Черчилля. Конечно же, меньше всего речь шла о щедрости и великодушии. Британский премьер, по сути дела, предлагал в форме такого «союза» «передать под контроль Англии французские колонии, флот, авиацию и то, что можно будет эвакуировать из остатков армии»³.

Но были и другие причины поражения Франции. И прежде всего — злобещий антикоммунизм и антисоветизм последних правительств Третьей республики. В августе 1939 г. был запрещен центральный орган ФКП газета «Юманите». Французская компартия ушла в подполье. В трагические дни лета 1940 года эта партия была единственной, выступавшей за продолжение борьбы с оккупантами. 6 июня 1940 г. подпольный ЦК ФКП обратился к правительству с предложением организовать оборону Парижа. Ответа на это предложение не последовало. Антисоветизм шел рука об руку с антикоммунизмом. А ведь известен такой факт: выступая 14 июня по радио, Поль Рейно обратился к правительству США с просьбой прислать «тучи военных самолетов»⁴; ответ американского правительства был уклончив. Когда же Рейно в критический момент обратился с той же просьбой к СССР, наша страна ответила согласием. Но французская миссия прибыла в Москву лишь 22 июня 1940 г., когда Франция уже проиграла войну.

Несомненно, главной причиной ее поражения было предательство национальных интересов страны крупной буржуазией.

¹ Де Голль Ш. Военные мемуары. М., 1957, с. 332.

² В мемуарах де Голля читаем: «Мы уезжаем в Америку, — заявили мне Андре Моруа, Анри Бонне и де Керилис. — Именно там мы сможем быть вам всего полезнее» (там же, с. 126).

³ Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М., 1980, с. 148.

⁴ См.: История Франции, т. 3. М., 1973, с. 226.

У Моруа проскальзывает замечание о том, что многие промышленники больше думали «о собственной выгоде, чем о спасении Франции», но ему не было дано подняться до тех глубоких выводов, к которым пришли такие видные антифашисты, как Франсуа Мориак, Жорж Бернанос, Жак Маритен и другие, утверждавшие с совершенной ясностью, что буржуазия предала родину, что, по словам Мориака, «только рабочий класс в массе своей остался верен поруганной Франции»¹.

В «Трагедии Франции» дает себя знать политический консерватизм автора. Моруа настроенно относится к рабочему классу, не понимает роли коммунистической партии в общественной жизни страны. Желание увидеть в каждом явлении и положительные и отрицательные стороны, держаться «золотой середины», стремление быть «над схваткой» приводит его к нечеткости политических позиций. Так, он чуть ли не ставит знак равенства между сторонниками де Голля и Петена. Он как бы старается не замечать того воздействия, которое оказывают социальные факторы на общественный процесс. Классовая борьба для него — лишь досадное препятствие на пути к гармоническому объединению «просто людей».

Но гуманист-Моруа становится непримирим, когда дело доходит до попраania человеческих ценностей. Нацистский строй взял на вооружение культ сверхчеловека и сверхрасы, уничтожающей остальных «недочеловеков». Поэтому Моруа разоблачал фашистскую идеологию не только во время второй мировой войны, но и после ее окончания, до последних лет жизни. Для писателя, прославлявшего всеми своими произведениями мощь и силу разума, Гитлер олицетворял темные силы человеческой природы, бесовское, иррациональное начало. «Гитлер, этот Вотрен в масштабе целой нации, дорвавшийся до власти бандит, проповедовал беспощадную жестокость, попраание всех моральных устоев, коварство и насилие. Для Гитлера поступать как «истинный национал-социалист» значило убивать детей, сжигать женщин в печах крематориев, нарушать самые священные обязательства, окружать себя палачами» («Открытое письмо молодому человеку о науке жить»).

Трагедия Франции стала и личной трагедией Моруа — он расстался с матерью, арестованной оккупантами, и сыном, сражавшимся в рядах французской армии, был разлучен с родиной. А изгнание Моруа всегда считал самой тяжелой карой. Уже на пароходе по дороге в Америку он начинает подводить итоги пережитому. Сформулированные им политические принципы важны и поучительны: бороться с любым беззаконием, насилием,

¹ С Францией в сердце. М., 1973, с. 116.

свято и безупречно служить свободе. Но взгляд писателя устремлен не назад, а вперед: тяжкие уроки заставляют его думать о том, что конкретно он может сделать для своей родины.

За семь лет, проведенных на чужбине, Моруа много писал, выступал по радио, ездил с лекциями по США; в рядах союзных войск участвовал в освобождении Корсики, находился на итальянском театре военных действий. Он призывал американцев помочь полутора миллионам солдат и офицеров французской армии, попавшим в плен («В защиту военнопленных», 1941). Писатель утверждал, что французы, несмотря на беды и лишения, не склонили головы, что они никогда не примирятся с чужеземным игом («Дух Франции», 1942). Выступления Моруа действенны, как листовки; их цель — помочь народам понять друг друга, объединиться против общего врага. Писатель стремится сохранить образ великой Франции — славной в прошлом, подавленной, но не сломленной в настоящем, независимой в скором будущем — неизбежным. С болью и любовью воссоздает он перед своим внутренним взором картину Парижа — города, о котором он писал много и вдохновенно («Париж вчера-сегодня-завтра», 1943)¹. Свои выступления в США Моруа объединил в книгу с символическим названием «Надежды и воспоминания» (1943). Воспоминания привели Моруа к мысли написать в изгнании историю своей жизни («Мемуары», 1942) и своей страны («История Франции», 1947). Надежды оправдались в 1944 году, когда был освобожден Париж, и в 1945, когда рухнул нацистский рейх.

Война вторглась не только в жизнь писателя, но и в его творческие замыслы. С 1927 по 1939 г. он собирал материалы для политического романа «Депутат от Пон-де-Лера». После войны сделанные впрок записи, наблюдения, заметки пополнились новыми, и писатель решил в 1963 г. опубликовать их, ничего не меняя, не объясняя и не комментируя. Отсюда заглавие «Голые факты» ("Choses nues"), отсылающее к традиции политической эссеистики Виктора Гюго, автора «Увиденных фактов» ("Choses vues").

Эта книга — своеобразный дневник, причудливый, мозаичный. На первый взгляд, «Голые факты» — сборник «анекдотов» (в старом смысле этого слова), то есть интересных, поучительных или забавных действительных происшествий, жанр, популярный вплоть до XIX в. Но это не так. Это события, отобранные писателем из жизни и тем самым уже ставшие фактом искусства. Достоевский писал: «Проследите иной, даже и не такой яркий факт

¹ Напомним полюбившуюся нашему читателю книгу А. Моруа «Париж» (1954, рус. изд. 1970).

действительной жизни — если только Вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира»¹.

Что же привлекает взгляд Моруа? Политика, философия, искусство... Но в первую очередь люди: депутаты, министры, дипломаты, писатели, философы, художники, актеры. С грустной иронией пишет Моруа о деятельности Лиги Наций, о трагическом фарсе игры в разоружение. Он создает сатирический образ английского премьера Макдональда, который выступает с интонациями церковного проповедника и произносит слово «мир» как в храме произносят слово «бог». Писателю ясно, что Лига Наций не орудие действия, а говорильня.

Примечательны характеристики видных политических деятелей. С неожиданной точки зрения предстает Пуанкаре, рассказывающий о начале своей карьеры. Эдуард Даладье говорит о германской опасности в 1930 году, а в 1940 станет одним из «могильщиков Франции». Эдуарда Эррио пугали угрозой «большевизма в Европе», но до конца своих дней он остался верен делу дружбы между Францией и Советской Россией.

Более двадцати книг из творческого наследия Моруа посвящено жизни и творчеству великих писателей, литературоведческим исследованиям². «Голые факты» удачно дополняют их. Дело не только в том, что появляются новые лица — Морис Метерлинк, Мигель де Унамуно, Луиджи Пиранделло, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Эжен Даби и некоторые другие. Об Анатоле Франсе, Поле Валери, Франсуа Мориаке, Поле Клоделе, Шарле Дю Бо писалось и раньше. Здесь важнее то, что герои предстают в простой, будничной обстановке, живые портреты дают читателю радость узнавания или первого знакомства. Они как бы проходят проверку на естественность поведения, занимательность беседы, умение неординарно мыслить. Моруа непосредственно общается с ними: спорит, поражается, радуется... В диалоге зачастую рождаются серьезные раздумья об изменчивости человеческого характера, о роли любви в жизни гения, о нравственном влиянии русской литературы, о стремлении французского народа к миру.

Документальная литература нередко старается подчеркнуть простоту, грубость необработанных фактов. Иному принципу следует Моруа — документ не противостоит художественному образу, а претворяется в него. Так, в очерке «Похороны маршала Фоша» (29 марта 1929 г.) одной-двумя фразами создаются живые характеры. Инвалид отталкивает пытающегося пролезть в первый ряд господина со специальным пропуском: «Пусть так, но я не позво-

¹ Русские писатели о литературе, Л., 1939, т. 2., с. 200.

² Советский читатель знаком с «Литературными портретами» (М., Прогресс, 1970).

лю вам наступать мне на ногу, тем паче что она у меня всего одна!» Другой инвалид войны — слепой — с напряженным вниманием слушает рассказ Моруа о том, что видят все, кроме него, комментирует события (этот прием позволяет автору вступить в прямой диалог с читателем). Так, очень простыми средствами, буквально из ничего рождается яркая антимилитаристская зарисовка.

В «Голых фактах» поражает совершенная свобода литературного жанра: эссе соседствует с портретной зарисовкой, философское рассуждение — с литературной шуткой. Ироническая интонация сменяется трагической («Убийство Поля Думера»). Многие воспоминания — законченные новеллы.

В противоположность большинству современных буржуазных философов Андре Моруа — оптимист. Заключительные страницы «Голых фактов», относящиеся к 1962 г., как раз и направлены против идей грядущего апокалипсиса, а последняя главка иронично названа «Конец света»: ни «парад планет», ни загробная жизнь не тревожат писателя. И в другой жизни он хотел бы остаться самим собой и никем иным.

Моруа всегда волновала проблема взаимопонимания людей. Ей и посвящены размышления «Искусства беседы» (1927). Во Франции беседа, как и переписка, возведена в ранг высокого искусства. Традиция эта, возникшая в салонах XVIII века, создала определенные правила игры, где важно казаться, а не быть, где изящество и легкомыслие ценятся выше тяжеловесной эрудиции. Поэтому вековой опыт афоризмов и максим Моруа подан в мягкой, чуть ироничной манере, придающей книге особое очарование. Стиль любого произведения Моруа афористичен: стремление быть точным и кратким диктует ему лаконичные, ясные фразы. «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом», а по Моруа, плоха та фраза, которая не хочет стать афоризмом. В рассуждениях писателя ясно чувствуется влияние и Монтеня, и Ларошфуко, но Моруа с большей любовью и снисходительностью относится к людям, чем великие моралисты прошлого.

«Искусство беседы» можно рассматривать как своего рода записную книжку писателя, куда заносятся не происшествия (как в «Голых фактах»), а мысли, удачные слова и выражения. Многие из них использованы им в художественных произведениях, и в первую очередь в «Превратностях любви» (1928)¹. Но это и целостное произведение, объединяющее в себе как анализ риторики, так и блестящий ее образец. Моруа рассматривает разные типы бесед: любовную, деловую, остроумную, беседу-игру; сове-

¹ Влияние «Искусства беседы» на этот любовно-психологический роман сопоставимо с воздействием «Максим» Ларошфуко на роман г-жи де Лафайет «Принцесса Клевская».

тует, как вести себя в той или иной ситуации, как спорить, убеждать, как слушать. Главки строятся по схеме: тезис—развитие его—пример, причем Моруа быстро и с удовольствием уходит от абстрактных построений к анализу характеров, создает небольшие законченные сценки, построенные, как новеллы, на принципе обманутого ожидания.

Излюбленный Моруа тип общения, также восходящий к литературе классицизма, — переписка. В «Открытом письме молодому человеку о науке жить» он защищает эту угасающую традицию, тщетно конкурирующую с телефоном: «Письмо может стать произведением искусства, желания ваши облекаются в нем в совершенную форму». Письмо, формально требующее ответа, а по сути, уже содержащее его, идеально отражает характерную черту стиля Моруа, диалогичного и монологичного одновременно. «Так устроен мой ум, — писал Моруа в предисловии к «Диалогам живых» (1959)¹, — как только рождается мысль, я вижу возможный ответ. Записав его, обнаруживаю ответ на ответ. Такая диалектика для меня естественна». Почти любой спор в его произведениях — это фехтование перед зеркалом. Поэтому оптимальный собеседник для писателя — человек, нуждающийся в советах, руководстве: юноша, молодая женщина. Перу Моруа принадлежат «Советы молодому французу, отправляющемуся в Англию» (1927), «Письмо молодой светской женщине, отправляющейся в Лондон» (1938), «Заметки для французского государственного деятеля, впервые пересекающего Ла-Манш» (1938), «Советы молодому французу, отправляющемуся в США» (1947). К молодой женщине обращены роман «Превратности любви» и эссе «Париж».

Адресат «Писем незнакомке» (1953) — прекрасная вымышленная женщина, собирательный образ, воплощающий идеал писателя. Темы переписки понятны и важны всем — как нравиться, как сохранить индивидуальность, как преуспеть в жизни, как добиться счастья, как устроить супружескую жизнь. Последнее для Моруа не частный вопрос: вспомним, что семья для него — модель всего общества, ибо, по его мнению, одни и те же законы управляют и человеком, и нацией. В силу этого моральные трактаты писателя² неотделимы от его философской и политической публицистики.

Счастье, по мнению Моруа, заложено не в событиях, а в сердцах людей. Верить в счастье — значит испытывать его, каждый мо-

¹ Название отсылает к знаменитому сочинению Фонтенеля «Диалоги мертвых» (1683).

² См. также: «Чувства и обычаи» (1934), «Искусство жить» (1939), «Курс семейного счастья» (1951).

жет «что-то совершить на земле, улучшить свою собственную жизнь и — в более широком смысле — жизнь рода людского».

«Письма незнакомке» во многом следуют традиции «Характеров» Лабрюйера: от конкретного рассуждения Моруа идет к анализу характера, причем пример превращается в живую зарисовку, сценку, целую новеллу («О даме, которая все знает», «О прибытии лектора»). А три письма «О другой женщине» представляют собой конспект психологического романа. Принципиально важна глава «Характер», отличающаяся ярко выраженной антибуржуазной направленностью. Любой из афоризмов, щедро рассыпанных по тексту, уже таит в себе интересный, парадоксальный сюжет (например, «Ничто так не выводит мужчину из себя, как агрессивность женщины. Амазонок обожают, но не обожают»). Дидактизм смягчается иронией, шуткой. Наблюдения писателя конкретны, остросоциальны и в то же время универсальны, носят вневременной, общечеловеческий характер. «Письма» нередко выходят за границы «семейного круга» (так называется один из романов Моруа), в них речь идет и об искусстве, и о политике.

Итог жизненной философии писателя подведен в «Открытом письме молодому человеку о науке жить» (1966). Это — завещание Моруа, обращенное к молодежи. Умудренный жизненным опытом мыслитель ведет диалог с воображаемым оппонентом, человеком другого поколения. Спор пойдет о политике, о литературе, о моральных принципах, о женщинах, о любви. Цель его — воспитать людей, способных подхватить начатое им дело, продолжить в них свою жизнь. Моруа учит: надо сделать из своей жизни шедевр, настоящее произведение искусства.

Как и пятнадцать лет назад, в книге «Во что я верю», Моруа излагает свои взгляды на жизнь, но уже в иной тональности: он ощущает свою личную ответственность за уходившие в прошлое классические идеалы, остро чувствует, что многие отбрасывают их как ненужную обузу. Он вновь и вновь опровергает идеи абсурдности мира, пессимизма, отчаяния, утверждает, что совместными усилиями можно предотвратить катастрофу, «не дать земному шару погибнуть от рук его обитателей». Моруа, как и прежде, полагает, что великая классическая культура не умерла, что человеческая натура неизменна, что моральные ценности вечно живы. Он учит: нельзя жить для себя, надо действовать, верить в возможности человека, хранить верность. Писатель отвергает миф об «обществе изобилия», указывая на реальную нужду и голод в капиталистическом мире. В традиции своего духовного учителя Бальзака он говорит о «проклятии денег», губящих душу человека, иссушающих талант.

Рассуждения Моруа логичны и убедительны. Но если заме-

нить воображаемого оппонента «Письма» реальным западным юношей конца шестидесятых годов, то картина резко изменится. Пытаясь во всем найти «золотую середину», Моруа безнадежно останавливается, застревает на полпути, его советы абстрактны и потому не могут устроить молодых. Идет трагический, безнадежный спор традиционалиста, защищающего рушащиеся идеалы, пытающегося догнать ускользающее время, с не слушающим и не слышащим его поколением. Уступки Моруа женской эмансипации (совет выбирать жену с хорошей профессией, а не большим приданым) кажутся совершенно архаичными на фоне прокламированной «сексуальной революции», «свободной любви». Он наставляет: лучше хорошо знать нескольких авторов, чем плохо многих; учит, как собрать библиотеку; твердит: читайте Гомера, Монтеня, Шекспира, Бальзака, Толстого, Пруста, Алена — а западная молодежь, по данным социологических опросов, предпочитая кино и телевизор, почти совсем забыла о книгах. Моруа дает советы, как делать карьеру, обходиться с начальством и подчиненными, как лучше распорядиться капиталом — а хиппи вообще отказались от денег, от благ цивилизации, от каких-либо связей с государственной системой. Моруа твердит: надо стать большим в малом, всего можно добиться постепенно, нужны преобразования, духовное совершенствование, а «сердитые молодые люди» шестидесятых хотят «стать всем», призывают сдать на слом старую культуру, бунтуют.

И все же «прописные истины» Моруа непреходящи, живы, способны воспитать не одно поколение и вдохнуть силы не в одного молодого человека.

В последний год своей жизни Андре Моруа спешил закончить «Мемуары» — самому поставить точку в книге своей судьбы. Предчувствуя конец, он назвал последнюю главу строчкой из «Цветов зла» Бодлера:

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!

(Перевод Марины Цветаевой)

Уже после того, как 20 сентября 1967 года Моруа закончил предисловие к своим «Мемуарам», ему пришлось обратиться к врачу, который предложил немедленную операцию... «То был удар грома среди ясного неба. Годы покоя все больше становились годами бедствий. За себя я спокоен. Мне и раньше делали операции, я знаю, что приходится немного помучиться, претерпеть боль, но затем, после перенесенной опасности, наступает облегчение. Но я боюсь потрясения». На этом воспоминания заканчиваются.

9 октября Моруа не стало: он умер так же мужественно, как жил.

Андре Моруа вошел в историю литературы не только как автор биографических произведений, но и как выдающийся публицист. В художественной публицистике Моруа сплавлены воедино элементы биографического жанра, журналистики, мемуаров, философского диалога, полемики с воображаемым или реальным противником. И в этом — ее своеобразие.

Ф. Наркирьер, А. Строев

Во что я верю

Я верю в то, что независимо от меня существует внешний мир, который я, однако, могу воспринять, только пропустив его через свое сознание. Я вижу за окном облака, холмы, качающиеся под ветром деревья, коров на лугу; ближе я вижу часть меня, которую я называю «моя рука» и которая пишет эти строки. Я верю в то, что рука эта по природе своей глубоко отлична от всего остального мира. Когда птица садится на ветку липы или кедра, я не ощущаю ничего; когда муха садится на мою руку, мне щекотно. Стоит мне захотеть — и я пошевельну рукой; но я не в силах сдвинуть с места облака и холмы. Да и рука в состоянии исполнить далеко *не всякое* мое желание. Не надо требовать от нее невозможного. Палач может отрубить ее, я по-прежнему буду ее видеть, но она превратится для меня в посторонний предмет. Таким образом, тело мое занимает промежуточную позицию: с одной стороны, оно подчиняется моей воле, с другой — внешнему миру. Я могу послать его навстречу испытаниям и даже опасности, я могу путем тренировки или с помощью машин увеличивать его силу и расширять сферу его деятельности, но не до бесконечности; не в моей власти уберечь его от несчастных случаев и старости. В этом отношении я весь, с головы до пят, принадлежу внешнему миру.

Мой внутренний мир — более надежное убежище. Назовите его как угодно — духом, мыслью, душой; название не имеет значения. Здесь власть моя куда больше, чем в мире внешнем. Я волен не

соглашаться с теми или иными взглядами, строить умозаключения, погружаться в воспоминания; я волен презирать опасность и с мудрым смирением ожидать старости. И все-таки даже в этой крепости я не изолирован от внешнего мира. Сильная боль мешает свободной работе мысли; телесные страдания влияют на умственную деятельность; навязчивые идеи с изнуряющим постоянством лезут в голову; болезни мозга приводят к душевному расстройству. Таким образом, я принадлежу внешнему миру и одновременно не принадлежу ему. Мир обретает для меня реальность лишь внутри меня. Я сужу о нем лишь по моим ощущениям и по тому, как интерпретирует эти ощущения мой разум. Я не могу перестать быть собой и стать миром. Но без «этого странного хора» вокруг меня я лишился бы разом и ощущений, и мыслей. В голове моей теснятся образы внешнего мира — и только они. Вот почему я не разделяю взглядов епископа Беркли и не причисляю себя к чистым идеалистам; я не верю в то, что, пересекая Ла-Манш или Атлантику, я всякий раз заново создаю Лондон или Нью-Йорк; я не верю в то, что внешний мир не более, чем мое представление о нем, которое исчезнет вместе со мной. *«И умирая, уничтожу мир»*, — сказал поэт. Мир перестанет существовать для меня, но не для других, а я верю в существование других людей.

Однако я не могу назвать себя и чистым материалистом. Конечно, я верю, что мир, частью которого я являюсь, подчиняется определенным законам. Я верю в это, потому что это очевидно. Я пишу эти строки в начале осени: я знаю, что листья за окном пожелтеют; знаю, что завтра в этот час солнце будет стоять на небосклоне чуть ниже, чем сегодня; знаю, что созвездия, эти золотые гвоздики, забитые в черную небесную твердь, вскоре изменят свое положение, и изменения эти можно предсказать; знаю, что, если я выпущу из рук книгу, она упадет на пол со скоростью, которую можно вычислить заранее. Знаю я и другое: некоторые современные ученые утверждают, что в масштабе бесконечно малых величин невозможно точно предсказать ни одно событие и что законы наши — законы статистические. Ну и что из этого? Статистические законы учитывают существование случайностей. Любые законы, в том числе и статистические, действительны и полезны, поскольку позволяют предвидеть немало, явлений. Некоторые материалисты делают отсюда вывод, что *все* явления предсказуемы, что будущее полностью предопределено и что единственно по невежеству своему мы не можем построить механическую модель мира, которая позволила бы нам прогнозировать не только расположение созвездий в тот или иной день и час, но и все грядущие события человеческой истории. Такая модель мира ничем не отличалась бы от самого этого мира. Если бы она

была возможна, это означало бы, что органическая материя сама, по законам своего внутреннего развития, автоматически порождает все, что происходит в мире, включая наши поступки. В этом случае история, как социальная, так и индивидуальная, была бы абсолютно детерминированной, а наша свобода выбора — иллюзорной.

Я не разделяю этот чисто материалистический взгляд на мир. Тому есть три причины. *Во-первых*, я отказываюсь считать мой разум полностью зависимым от системы, которая создана самим этим разумом. Кто, как не человек, открыл законы развития внешнего мира? Кто, как не он, упорядочил мнимый хаос явлений? Было бы абсурдно, если бы могущество человеческого разума в конце концов привело нас к отрицанию этого могущества. *Во-вторых*, научные исследования, на которых зиждется наша вера в упорядоченность мира, никогда не давали оснований считать весь мир механизмом. Данные науки свидетельствуют, что при определенных условиях в рамках замкнутой системы, зная исходные параметры, можно предвидеть результат. Но предсказания такого рода ограничены в пространстве и времени, толковать их расширительно мы не вправе. Экономика и история одной только нашей планеты настолько сложны, что не поддаются прогнозированию. Что же тогда говорить обо «всем мире» — ведь мы даже не знаем наверняка, что обозначает это произвольное сочетание слов? Наконец, *в-третьих*, я просто не понимаю, как может сознание зародиться в недрах материи. Я всегда наблюдал обратное — как в недрах моего сознания зарождаются образы материального мира. Кроме того, опыт учит меня, что есть вещи, которые подвластны моей воле. Я хочу сразиться с врагом и сражаюсь с ним. Мне могут возразить, что воля моя предопределена моей природой. Не стану спорить. Говоря о воле, я не утверждаю, что она может приказать мне сделать то, чего я *не* хочу. Моя воля не является силой, существующей независимо от меня. Моя воля — это мое действующее я.

Конечно, материалист возразит мне: «Вам известно, что пропасть, разделяющая живую и неживую материю, с каждым днем становится все уже. Вам известно, что относительно некоторых вирусов невозможно сказать наверняка, к живой или к неживой материи они принадлежат. Вам известно, что химики научились синтезировать молекулы такой сложности, какая встречается только в живой природе. Не за горами тот день, когда наука объяснит нам, каким образом на заре существования вселенной исполтинские катаклизмы привели к возникновению жизни на земле, каким образом медленная эволюция привела к образованию видов. Линия эволюции, идущая от бактерии к Платону, непрерывна. Человек, последнее звено в длинной цепи живых существ, за-

нимает во времени и пространстве самое ничтожное место. Зачем придавать такое значение его разуму? Он — лишь более совершенная форма разума пчелы или муравья, рыбы или змеи, собаки или кошки...» Рассуждения такого рода оставляют меня совершенно равнодушным. Как бы ни сузилась пропасть, мост через нее до сих пор не перекинут. Разгадать загадку жизни до сих пор не удалось ни химикам, ни биологам; ни одно живое существо не обладает разумом, сравнимым с человеческим. Пропасть между примитивнейшим из людей и умнейшим из животных по-прежнему широка и глубока. Материалист слепо верует в науку, как во всемогущего бога, но *мне* такая религия чужда.

Что же касается происхождения видов, то мне кажется весьма существенным замечание Леконта дю Нуи *: если мы примем гипотезу о естественном отборе и выживании сильнейших, получится, что на развитие и совершенствование такого сложного органа, как человеческий глаз, ушло столько миллиардов лет, сколько не существует и сама земля. «Но в таком случае, — спросит Верующий, — вы, как и мы, считаете, что живые существа создал Господь?» Я верю лишь в то, что знаю, а в этой области я знаю лишь то, что я не знаю ничего. Я скептически отношусь к рассказам палеонтологов и геологов, жонглирующих тысячелетиями и основывающих смелые теории на докембрийских ископаемых, которые при ближайшем рассмотрении оказываются просто булыжниками причудливой формы. Но мне ничуть не легче поверить во всемогущего и милостивого Господа, который в здравом уме и твердой памяти создал палочку Коха, блоху и комара, а спустя множество веков увенчал свой труд новой победой: забросил во враждебный и загадочный мир человека, наделил его мыслями и чувствами и заставил это несчастное создание отвечать перед Создателем за свои поступки. Меня не волнует вопрос: как и почему человек попал в этот мир? Мы не знаем и, судя по всему, никогда не узнаем ответа. Я допускаю, что бесконечно малые существа, которые, быть может, обитают на электроне, способны открыть его ядро и несколько соседних атомов. Но разве могут они вообразить себе человека или циклотрон? Да и вообще все это не важно. Меня волнует другое: «Вот человек, вот мир. Каким образом человек, такой, как он есть, должен действовать, чтобы настолько, насколько позволяет его природа, подчинить своей власти окружающий мир и себя самого?»

Я не чистый материалист и не чистый идеалист. Во что же я в таком случае верю? Я ограничиваюсь констатацией фактов. Вначале был мой разум, который с помощью тела вступил в контакт с внешним миром. Но само тело — лишь чувственный образ, то есть образ, созданный моим сознанием, так что в конечном счете я отвергаю дуалистический взгляд на природу. Я верю в су-

существование единой реальности, которую можно рассматривать как в аспекте духовном, так и в аспекте материальном. Создана ли эта реальность сверхчеловеческой волей? Управляет ли нашим миром какая-нибудь высшая сила? Нравственна ли эта сила и воздает ли она по заслугам праведникам и грешникам? У меня нет оснований утверждать что бы то ни было по этому поводу. Миру вещей неведома нравственность. Удар молнии и рак так же часто поражают добрых, как и злых. Вселенная не дружелюбна и не враждебна людям доброй воли; скорее всего, она просто равнодушна. Кто создал ее? Почему в ней не царит полный хаос, почему она все же подчиняется законам? Какая сила забросила нас сюда, на этот комочек грязи, вращающийся в бесконечном пространстве? Я ничего не знаю об этом и думаю, что другие знают об этом не больше моего. Различные боги, которым на протяжении тысячелетий человеческой истории поклонялись народы, были воплощением страстей и потребностей верующих. Это не значит, что религии были бесполезны; это значит, что они были необходимы. Но в их задачу не входит познание мира. «Если вы заблудитесь в пустыне, — говорил мне один добряк священник, — я не дам вам карту, я только покажу, где можно напиться воды, и постараюсь вселить в вас бодрость, чтобы вы могли продолжить свой путь. Вот все, что я смогу для вас сделать».

«Христианство совершило переворот, перенеся рок *внутрь* человека. Оно увидело источник наших бедствий в нашей собственной природе. Для древнего грека мифы, как правило, были частью истории — и не более того. Он выпускал наружу демонов своей души, воплощая их в мифах. Христианин впускает мифы *внутрь* своей души, воплощая их в демонах. Первородный грех затрагивает каждого из нас. Распятие Христа затрагивает каждого из нас...» (Андре Мальро) *. Христианская религия человечна, а не бесчеловечна. Драма разыгрывается не во внешнем мире, рок грозит не извне, как думали Гомер и Эсхил; внешний мир нейтрален, драма и рок живут внутри человека. Догмат о первородном грехе обличает присутствие в душе всякого человека животного начала. Ребенок рождается диким, жадным; не будь он столь слаб, он был бы жесток. Наше первое побуждение — убивать. Но столь же верна и идея искупления. Человек не просто зверь. В человеке воплотился бог. «Человек и бог сливаются в свободном человеке» (Ален *). В этом источник наших мук, но в этом же причина наших побед.

Я признаю существование в человеке высшего начала. «Никакое животное не могло бы сделать того, что сделал я», — говорил Гийоме, и в самом деле человек способен на бескорыстные героические поступки, отнюдь не продиктованные животными инстинктами и даже противоречащие им. «Ничто не заставляет нас

быть благородными, любезными, милосердными и отважными». Конечно, циник ответит на это, что давление общественного мнения, тщеславие или стыд оказывают одинаковое действие на человека и волка, поскольку и тот и другой — стадные животные. Но эта точка зрения уязвима — она не может объяснить поведение мудрецов, героев, праведников. Есть целый ряд случаев, когда стадное чувство и тщеславие могли бы ужиться с лицемерием и заботой о спасении собственной шкуры, а человек тем не менее избирает другой путь и поступает «правильно». Почему он так поступает? Я полагаю, потому, что он повинуется голосу некоего высшего начала, постоянно живущего в его душе. «Человек бесконечно выше человека». Причем несомненно, что это начало, которое можно назвать сверхчеловеческим, поскольку оно подвигает человека на деяния, идущие вразрез с его личной выгодой и интересами его клана, присутствует в сознании каждого человека и предъявляет ему свои требования, если только он не обманывает ни себя, ни других. Я готов называть богом эту общечеловеческую совесть, но мой бог не трансцендентен, а имманентен.

«Итак, вы отрицаете существование трансцендентного бога и провидения, определяющего ход земных событий?» Я ничего не отрицаю, однако, повторяю, я никогда не видел в окружающем мире следов воздействия трансцендентной воли. «Но неужели вам не страшно жить в равнодушном мире, который покинули боги?» Должен признаться, ничуть не страшно; скажу больше, на мой вкус гораздо спокойнее оставаться в одиночестве, чем быть вечно окруженным богами, как в гомеровские времена. На мой взгляд, моряку, застигнутому штормом, утешительнее считать бурю игрой слепых сил, с которыми он должен бороться, призвав на помощь все свои знания и мужество, чем думать, что он какой-то неосторожностью навлек на себя гнев Нептуна, и тщетно искать средства умилостивить бога морей.

Возможно, в сравнении с греком гомеровских времен мы одиноки — ведь нас не сопровождают бессмертные спутники, подсказывающие нам, как поступить, и держащие нашу судьбу в своих руках, но ведь и древнегреческого морехода удача ждала, по сути дела, лишь в том случае, когда он действовал. Он греб, рулил, лавировал. Это доступно и нам. Только у нас это получается лучше, поскольку мы знаем гораздо больше. Мы научились, подчиняясь природе, управлять ею. В борьбе с окружавшим его огромным миром Улисс мог рассчитывать только на свои руки да на попутный ветер. Мы покорили и поставили себе на службу силы, о существовании которых он даже не подозревал: пар, электричество, химические и ядерные реакции. Почти все, что герои «Илиады» и «Тысячи одной ночи» просили у богов и джиннов, мы научились делать сами. Наш мир не хаотичен, он подчи-

няется жестким законам, а не капризам фортуны, поэтому мы приобрели над ним такую власть, которая и не снилась нашим предкам.

Наука может даровать человеку многое из того, в чем отказала ему природа: она лечит болезни, регулирует рождаемость, увеличивает сельскохозяйственную и промышленную продукцию настолько, что кажется, будто люди на всем земном шаре вот-вот заживут без забот и в полном довольстве. Еще в начале нашего столетия самые знающие люди имели, казалось бы, все основания думать, что наступает новый Золотой Век и остается только ликвидировать неравенство и несправедливость. Они полагали, что не за горами тот день, когда основной задачей станет не производство, а распределение. На деле Золотой Век оказался Веком Огня и Позора. Несмотря на свои знания и могущество, современные люди несчастны, как никогда. *«Как золото чистое свинцом презренным стало?»* В то время как терапия и хирургия боролись за жизнь человека и облегчали его муки, война, сделавшаяся жестокой, как никогда, несла народам невыносимые страдания. Свою власть над природой человек использовал не для созидания, а для разрушения. Политика и экономика не поспевали за развитием физики и биологии. Новые изобретения попали в руки людей, которые не смогли совладать с ними и поставить их себе на службу. Напуганные, несчастные, эти люди уподобились своим далеким предкам и, приписав своим страхам и надеждам сверхъестественную силу, населили равнодушный мир богами и чудовищами... Неужели нам не на что надеяться, неужели несчастный род человеческий уничтожит себя вместе с планетой, служащей ему пристанищем?

Я верю, что катастрофы можно избежать. Повторяю еще раз: мир равнодушен, мир нейтрален. Никакой мстительный рок не прячется за черными тучами, грозя нам гибелью. Спасение человечества в руках самого человечества. В истории нередко бывали случаи, когда отчаявшимся людям казалось, что все потеряно. После шаштета варваров и падения Римской империи не один пессимист, глядя на руины галльских или бретонских городов и бедствия народа, должно быть, говорил себе: «Теперь роду человеческому никогда уже не жить в радости и довольстве». И тем не менее в чаще лесов выросли монастыри; монахи стали обрабатывать девственную землю и пестовать девственные умы; великие люди предприняли попытку возродить великие государства. Им это удалось. Наша задача легче — нам предстоит уберечь от гибели еще живую и во многих отношениях процветающую цивилизацию. Мы не уверены в успехе, поскольку порыв безумия может охватить те группы людей, на которые мы не имеем влияния, и они взорвут земной шар. Но все-таки мы можем — пусть

косвенно — повлиять и на них. Твердость наших убеждений, быстрота наших решений обезоружат тех, кто угрожает будущему человечества.

Я верю, что новейшие открытия положат конец замкнутой жизни отдельных народов. Современные средства коммуникации позволяют управлять территориями, гораздо более обширными, чем прежние государства. Современная военная техника слишком мощна, чтобы стоило идти на риск и нападать друг на друга...

Цивилизации подобны «заколдованным замкам». Они существуют лишь до тех пор, пока мы в них верим. Международные организации станут мощной силой, если их признают граждане всех стран мира. Я считаю, что в наши дни долг всех писателей, ученых и государственных деятелей — убеждать людей в необходимости создания таких организаций. Быть или не быть земному шару — вот перед каким выбором мы стоим. Либо мы подадим друг другу руки, либо истребим друг друга в атомной войне.

Что же касается внутренней политики, то я верю в защиту демократических свобод и прав человека. Я верю в них по двум причинам. Во-первых, я считаю, что без свободы не может идти речь ни о человеческом достоинстве, ни о счастье членов общества. Жить под надзором полиции, вздрагивать при каждом шорохе, страшась ареста, ссылки или смерти, бояться произнести лишнее слово, постоянно скрывать свои мысли — это не жизнь. Во-вторых, я считаю, что свобода — залог силы государства. Тоталитарные государства — колоссы на глиняных ногах; они выглядят могущественными лишь благодаря своей пропаганде, способности подавлять в зародыше любой конфликт, быстроте и секретности политических акций. Тоталитарный режим вводит в заблуждение только романтиков да слабых духом, принимающих тирана за избавителя. Но после долгой борьбы свобода торжествует: так случилось и в 1918, и в 1945 годах. В свободной стране решения властей постоянно подвергаются критике. Эта критика сурова, подчас даже несправедлива, но она полезна. Она помогает исправлять ошибки. Тиран же никогда не исправляет своих ошибок, поскольку слышит лишь голоса льстецов. Что же до средств охраны свободы, то тут я не могу предложить ничего нового. Состояние ужаса и тревоги, в котором живут сегодня множество человеческих существ во множестве стран, властно напоминает нам о безотлагательной необходимости вернуть народам законность, служащую основой счастья. Конечно, всякое общество нуждается в полиции, охраняющей порядок, а полиции не пристало нежничать. Но человек может чувствовать себя в безопасности лишь под покровительством определенных законов. Я верю в то, что эти законы нужно уважать, и именно то общество, которое сохранит им верность, окажется наиболее долговечным.

Первый из этих законов — *разделение власти*. Исполнительная власть не имеет никакого права оказывать давление на власть законодательную. Члены суда должны назначаться пожизненно — иначе честолюбие не даст им покоя. Небольшое количество высокооплачиваемых и равных между собой судей — такова английская система. Опыт показал, что она оправдывает себя. Второй закон — *наличие суда присяжных*. Пусть даже присяжные руководствуются порой политическими или местническими пристрастиями — если они избраны из всех слоев населения, у подсудимого гораздо больше шансов быть судимым по справедливости. Ни в коем случае нельзя ни самовольно заменять одних присяжных другими, ни проводить заседания без наличия кворума. Третий закон: пока вина подозреваемого не доказана, он должен считаться невиновным. Арестовать его можно лишь в том случае, если, находясь на свободе, он угрожает общественной безопасности. Арестованный должен незамедлительно предстать перед судом, который, если преступление не будет доказано, возвратит ему свободу.

Я перечислил юридические гарантии свободы. Гарантией этих гарантий является свобода политическая. Я называю свободным или демократическим такое государство, где меньшинство признает власть большинства, честно завоеванную в ходе выборов, поскольку знает, что, придя к власти, большинство будет уважать интересы всех граждан, независимо от их убеждений. «Есть только два способа править, — говорил Киплинг, — рубить людям головы или считать их по головам». Государство, где рубят головы, идет по пути насилия. Кучка единомышленников может, опираясь на вооруженные банды или не знающую жалости полицию, внушить такой страх своим политическим противникам, что они тут же сойдут со сцены. Вокруг одного диктатора собирается компания убийц, по недоразумению называемая партией, хотя гораздо больше она похожа на стаю волков. И древняя, и новая история свидетельствуют, что этот способ правления жесток, слаб, недолговечен. Забыв о справедливости, единовластный правитель сеет вокруг себя разрушения и проливает реки крови. Всемогущество развращает его, пусть даже он по природе честен. Будь он сам хоть святым — его преемник непременно окажется чудовищем. Система эта была опробована сотни раз, и всякий раз дело кончалось провалом. Цезарь и Наполеон были людьми редкого ума и великодушия. Тем не менее Цезаря убили, а Наполеон, прославившийся столькими победами, привел Францию к поражению. Интуиция всех лучше мудрости самого гениального одиночки. Существование оппозиции — главная гарантия демократических свобод. Таково мое политическое кредо.

Что же до частной жизни, то я верю, что смелость, честность,

верность, милосердие не утратили своей ценности и привлекательности и в наши дни. «Верность для мужчины — как клетка для тигра. Она противна его природе», — утверждал Бернارد Шоу. Согласен, но добродетели не заложены в нас от природы. Все они — плоды человеческой воли, результаты самосовершенствования. Почему, даже оставшись один, без помощи и поддержки богов, человек не утрачивает нравственного чувства и не дает воли своим животным инстинктам? Потому что он знает, что в равнодушной вселенной выживает только тот, кто доверяет людям, кто связан с ними прочными узами любви, дружбы, брака, патриотизма. Внешнему миру неведома нравственность, но ничто не мешает человеку создать *свой* мир и жить в согласии с самим собой и с людьми, которых он уважает, по законам, которые даруют душевный покой и чувство собственного достоинства.

Нелегко воспитать в себе чувство долга, способность взять на себя обязательство и выполнить его. И душа, и тело наши запятнаны первородным грехом; их вечно мучат несправедливые желания, жадность, ненависть. Я вижу два способа противостоять искушениям. Во-первых, хранить верность своим убеждениям, чего бы это ни стоило. Мелких предательств не бывает. Спокойно слушать, как поносят вашего друга, — уже предательство. «В таком случае, — возразят мне, — все мы предатели». Нет, потому что дружба-вещь редкая и драгоценная и не надо путать ее с обычными знакомствами, заводимыми ради выгоды или развлечения. Истинная дружба бескорыстна и возвышенна. Лучше раз и навсегда избрать политическую позицию и хранить верность своей партии, какие бы ошибки ни совершали ее члены, чем каждый день менять свои взгляды в зависимости от изменений политической обстановки. Тот, кто хочет отречься от своих убеждений, всегда найдет для этого основания. Ален недаром называл ум публичной девкой.

Ален говорил еще и о том, что «нужно класть низшее в основание высшего». Поэтому второй способ остаться верным долгу — брать обязательства, исходя не из абстрактных рассуждений, а сообразуясь со своей натурой и темпераментом. Чтобы плоть наша не мешала нам выполнять наши обязанности, возьмем ее в союзницы. Эффективность этого метода видна на примере брака. Люди основали первую ячейку общества — супружескую пару — на инстинкте, на плотском влечении. Я долгое время считал, что супружеская верность противна человеческой природе. В браке желание притупляется; люди меняются; их притягивает новизна. Я был не прав: верность противна не человеческой природе вообще, а лишь животному началу, живущему в человеке. Тот, кто способен побороть власть инстинкта, сохранить верность взятому на себя обязательству, обратить любовь в дружбу, обретает в со-

юзе душ, сердец и тел счастье, которое с лихвой вознаграждает его за принесенную жертву.

Все сказанное о браке относится и к другим узам, связующим людей. Никто не выбирает друга по каким-либо абстрактным соображениям. «Ибо он — это он, а я — это я». Дружба, подобно любви, зиждется на родстве душ. Чтобы распознать это родство, как правило, необходимо познакомиться с человеком довольно близко. Сближает сама жизнь. В лицее, полку, лагере военнопленных, профсоюзе, политической партии — повсюду, где люди тесно общаются, живут общими интересами, поверяют друг другу свои тайны, они находят друзей. Переселившись в Париж, человек не должен забывать свою деревню, свою провинцию. Связь с родной почвой придает силы. Любовь к «малой родине» не заглушает любви к родине «большой». Совсем наоборот, Любовь к «большой родине» складывается из привязанностей к родине «малой»...

Человеческое стремление наперекор слепой стихии построить свой собственный надежный и прочный мир прекрасно. Иногда человеку это удается, пусть ненадолго, чаще же он терпит поражение. Далеко не каждому выпадает счастье полюбить всем сердцем, обрести преданного друга. Те, кому это не дано, находят прибежище в занятиях искусством. Искусство — это попытка создать рядом с реальным миром другой, более человечный мир. Человек знает два типа трагического. Он страдает от того, что окружающий мир равнодушен к нему, и от своего бессилия изменить этот мир. Ему тягостно чувствовать приближение бури или войны и знать, что не в его власти предотвратить зло. Человек страдает от рока, живущего в его душе. Его гнетет тщетная борьба с желаниями или отчаянием, невозможность понять самого себя. Искусство — бальзам для его душевных ран. Подчас и реальный мир уподобляется произведению искусства. Нам часто внятны без слов и закат солнца, и революционное шествие. В том и другом есть своя красота. Художник же упорядочивает и подчиняет себе природу. Он преображает ее и делает такой, какой создал бы ее человек, «будь он богом». Расин облакает самые мучительные страсти в строгие, чистые формы своего стиха. Боссюэ убаюкивает саму смерть мерным покачиванием своих долгих периодов*. Придя в театр, зритель попадает в новый мир, сотворенный для него автором пьесы, оформителем, актерами. Он знает, что увидит здесь свои собственные драмы, но они будут облагорожены. *Ars est homo additus naturae*¹. Искусству нужен человек; этот человек — художник. Похожий на нас с вами, он пытается создать для нас упорядоченный, внятный нам мир. Но ис-

¹ Искусство — это человек плюс природа (*лат.*).

куству нужны также природа, разгул стихий и страстей, немолимый ход времени; созерцание одного только абстрактного порядка не разбудит в нас никаких чувств. Мы желаем видеть в произведении искусства природу, преображенную духом человеческим. Там, где нет природы, художнику нечего преобразать.

Без страстей нет искусства. Это относится и к художнику, и к зрителю. Бетховен не написал бы своих симфоний, не будь его жизнь полна страданий: тот, кто прожил безоблачную жизнь, не поймет симфоний Бетховена. Мы понимаем поэтов и музыкантов постольку, поскольку они близки нам по духу. Валери, не испытывавший безысходной тоски Паскаля, не понимал и величия его творений *, а мы, разделяющие горестное смирение Валери, с наслаждением узнаем в «Морском кладбище» наши собственные чувства, облеченные в совершенную форму. Я верю в то, что человек не может жить без поэзии. Людей тянет к разным формам искусства, потому что их одолевают разные страсти и тревоги, но всем им необходимо, чтобы художник творил мир, внятный человеку. Я верю в то, что прекрасные полотна, прекрасные драмы, прекрасные романы так же необходимы человечеству, как мудрые законы или религиозные обряды. Я верю в то, что художник, создавая свой мир, спасает и себя, и других.

Наконец, я не верю в то, что мы будем вознаграждены за добродетели и наказаны за пороки на том свете; довольно часто, хотя и не всегда, мы получаем воздаяние на этом свете. Не знаю, есть ли у нас бессмертная душа. По-моему, маловероятно, чтобы мысль человека продолжала существовать после исчезновения органов его чувств, ведь мысли — следствие ощущений. Впрочем, механизмы памяти изучены еще далеко не достаточно, так что, быть может, вечный сон существует. Что бы то ни было, я не боюсь смерти. Тех, кто ждет ее со страхом, преследует мысль о мире, где они будут одновременно и присутствовать, и отсутствовать. Они представляют себе свою жену, своих детей, свой дом после своей смерти и отводят себе роль зрителя, взирающего со стороны на страдания близких. Но смерть нельзя вообразить, поскольку она — отсутствие образов. О ней нельзя думать, ибо с нею исчезают все мысли. Поэтому нужно жить так, как если бы мы были бессмертны. Что — не для всего рода человеческого, но для каждого человека в отдельности — глубоко верно.

Трагедия Франции

Вступление

Я прибыл в Америку 18 июля 1940 года. Всю войну я провел в рядах британской и французской армий, а затем 10 июня был послан в Лондон. Я имел несчастье присутствовать при трагических событиях в жизни Франции и Англии; я был знаком со многими людьми, стоявшими во главе правительств обеих стран и их армий. Естественно, американцы сразу забросали меня вопросами. Уже из первых разговоров с заокеанскими друзьями я понял, что даже самые доброжелательные из них находятся в плену выдумок и легенд. Мне казалось, что истина, как она ни прискорбна, несравненно менее опасна для моей родины, чем все эти рассказы. Разумеется, я видел и знал далеко не все и не могу, да и не хочу писать историю недавних событий, но я могу рассказать о том, чему был свидетелем, и считаю это своим долгом. Я приложил все усилия, чтобы мое свидетельство получилось объективным и беспристрастным.

АНДРЕ МОРУА

I Почему Франция и Англия были плохо подготовлены к войне?

В конце 1935 года я был в Лондоне и однажды на обеде у леди Лесли встретился с Уинстоном Черчиллем, доводящимся этой

даме племянником. Когда все встали из-за стола, Черчилль взял меня под руку и увлек в маленькую гостиную.

— Нынче, господин Моруа, — произнес он резко, — не время писать романы! Да! И не время писать биографии...

Я взглянул на него с тревогой.

— Теперь нужно только одно: писать каждый день по статье... И в каждой статье нужно на все лады повторять одно и то же: французская авиация, которая когда-то была лучшей в мире, неуклонно утрачивает мощь и занимает сегодня четвертое или пятое место... Немецкая авиация, которой прежде вовсе не существовало, вот-вот станет первой в мире... Всё... Больше ничего... Если вы будете кричать об этом во все горло и заставите французов слушать вас, вы окажете своей стране гораздо большую услугу, чем если будете описывать женскую любовь и мужское честолюбие.

Я ответил, что, к сожалению, очень слабо разбираюсь в авиации и не имею никакого морального права высказывать о ней суждения, что, если я возьмусь не за свое дело, меня никто не станет слушать, поэтому лучше мне не следовать его совету и по-прежнему писать романы и биографии.

— Напрасно, — ответил Черчилль своим уверенным, ироничным голосом, которому едва заметный акцент придавал особое своеобразие и неповторимое обаяние, — напрасно... В настоящее время *единственная* тема, которая должна по-настоящему волновать французов, — это опасность, которую представляет собой немецкая авиация... Ибо немецкие самолеты могут погубить вашу страну... Культура, литература — все это прекрасно, господин Моруа, но без поддержки силы культура обречена на гибель.

Я не стал писать статьи, которых требовал от меня Уинстон Черчилль, и теперь горько сожалею об этом. Но беседа с ним произвела на меня сильное впечатление, и чувство тревоги долго не покидало меня. Не раз, разговаривая со сведущими людьми, я спрашивал их о состоянии нашей авиации. И всегда получал уклончивые или откровенно пессимистические ответы.

— Если начнется война, — сказал мне один полковник из Лиона, командир эскадрильи бомбардировщиков, — мы с моими ребятами будем стоять насмерть, но это ничего не изменит.

— Почему? — спросил я.

— Потому что нас очень мало, а самолеты наши давно устарели.

В 1936 году положение стало еще более серьезным. Рабочие устраивали забастовки, занимали фабрики, правительство боялось решительных мер, чиновники из комиссий по приему готовой продукции осложняли дело бесконечной волокитой, и французская авиапромышленность практически бездействовала. В 1937 году Франция, как ни дико это звучит, выпускала всего тридцать

восемь самолетов в месяц, меж тем как Германия производила их больше тысячи!

Если во Франции отношения рабочих и промышленников были отравлены постоянной враждой, то Германия, напротив, мобилизовала все силы на то, чтобы подготовиться к долгожданной войне и взять реванш за поражение 1918 года. Французы верили нелепым слухам о слабости нацистского режима. Это был типичный "wishful thinking"¹. Все, кто знал положение дел в Германии — английский посол в Берлине сэр Эрик Фиппс, французский посол в Берлине Франсуа-Понсе*, — уже много лет твердили о надвигающейся опасности. Помню один их разговор, свидетелем которого мне довелось стать в 1937 году.

— Отбросьте все иллюзии, — говорил Франсуа-Понсе, — Германия сильна, она это знает и не замедлит воспользоваться своей силой... У Франции и Великобритании есть две возможности, только две: либо бросить все дела и немедленно приступить к полному перевооружению, либо попытаться договориться с Германией.

Я спросил:

— Неужели это возможно? Неужели Германия захочет пойти на переговоры?

— Германия, — саркастически ответил Франсуа-Понсе со своим обычным бесстрастным юмором, — Германия не хочет ничего и одновременно хочет всего... Германия хочет быть гибкой, иными словами, применяться к обстоятельствам... Те, кто стоят ныне во главе государства, любят впечатляющие зрелища, грандиозные символы... Вы хотите найти с ними общий язык? Постройте на каждом берегу Рейна по гигантской лестнице, соберите на одном берегу под знаменами со свастикой миллионы юных немцев, а на другом берегу под трехцветными знаменами миллионы юных французов; пусть они стройными рядами спускаются и поднимаются по ступенькам, а в это время на плоту посреди Рейна статный французский солдат встретится с Гитлером. В этом случае, *если вдобавок ваша страна будет прекрасно вооружена*, вам, пожалуй, удастся содействовать сближению Франции и Германии... Но если вы по-прежнему будете препираться с рейхом по поводу всяких крючкотворских мелочей и дипломатических тонкостей, на которые ему наплевать, если вы по-прежнему будете посылать ноты и произносить речи вместо того, чтобы выпускать самолеты и танки, то дело непременно дойдет до войны, и выиграть эту войну нам будет не под силу...

Не один Франсуа-Понсе ясно осознавал возросшую мощь Германии. Дипломаты и политики многих стран, сравнивая расходы нацистов на вооружение с военным бюджетом Франции и Анг-

¹ Принятие желаемого за действительное (англ.).

лии, неизбежно приходили к выводу, что соотношение сил в Европе скоро изменится, и многие из них заранее готовились к этому. Г-н Ларош, французский посол в Польше, часто говорил мне, что не чувствует себя вправе осуждать поляков за то, что начиная с 1936 года они шли на сближение с Германией*.

— Что поделаешь? — сказал он мне однажды. — Когда они поняли, что Германия перевооружается, а Франция и Англия не прилагают ни малейших усилий, чтобы это предотвратить, когда в марте 1936 года они увидели, как Гитлер, вероломно нарушив Локарнские договоры, вводит свои войска в Рейнскую область*, а Франция не ударяет палец о палец, чтобы этому помешать, когда они услышали, как премьер-министр Франции, выступая по радио, говорит: «Я не потерплю, чтобы немецкие пушки угрожали Страсбургу», и с удивлением убедились, что за этими словами не последовало никаких действий, они утратили всякое доверие к нам... Польские руководители сказали мне: «Коль скоро вы не можете помешать перевооружению Германии, мы вынуждены встать на сторону немцев». Что и не замедлили осуществить... Таким образом мы потеряли доверие Польши, а вслед за ней от нас отвернулись Бельгия и Югославия.

Англия несет не меньшую, если не большую ответственность, чем Франция, за этот дипломатический промах и за то, что Европа оказалась во власти Германии. Многие влиятельные представители британского общества толкали свою страну на путь неразумия и трусости. Банкиры Сити боялись потерять деньги, одолженные германским промышленникам, наивно рассчитывая вести дела со страной, которая на всех перекрестках кричит о своем намерении создать независимую экономику. Некоторые британские аристократы, напуганные большевиками, видели в нацизме средство предотвратить революцию. Либеральная интеллигенция со своей стороны проповедовала пацифизм любой ценой и одностороннее разоружение, которое вскоре нанесло самому либерализму смертоносный удар. Все это было как нельзя более на руку нацистам.

Судя по тому, что французские и английские народные массы в 1938 году решительно выступали против войны, они в той или иной степени осознавали слабость своих государств. Ярче всего их позиция проявилась в реакции на Мюнхенское соглашение. Американское общественное мнение строго осуждало в ту пору Чемберлена и Даладье. Но в Соединенных Штатах не подозревали об истинном соотношении сил в Европе. Американцы плохо представляли себе состояние духа парижан и лондонцев, а между тем жители французской и английской столиц были лишены бомбоубежищ, противогазов, зенитных орудий и запуганы распространяемыми немецкой пропагандой страшными слухами об от-

равляющих газах и тысячекилограммовых бомбах, ударная волна от которых способна разрушить целые кварталы.

Люди, которые бесстрашно сражались бы на переднем крае, будь новая война похожа на предыдущую, боялись войны в тылу, жертвами которой станут их жены и дети. Поэтому Мюнхенское соглашение, казавшееся нью-йоркским политикам постыдным, было встречено парижанами и лондонцами с невероятным энтузиазмом. Они праздновали это дипломатическое отречение как победу. Один парижский муниципальный советник дошел до того, что предложил назвать одну из улиц французской столицы улицей 30 сентября, увековечив таким образом дату капитуляции.

В ту пору я встретился в Париже с Невиллом Чемберленом, одним из главных участников переговоров. Судьба подшутила над мэром Бирмингема, председателем нескольких административных советов, привыкшим к контактам с деловыми людьми, которые, подобно ему, свято выполняют взятые на себя обязательства, — она столкнула его с рейхсканцлером, уверенным, что его долг — защищать интересы одной Германии, а соглашение с любой другой страной он вправе уважать лишь постольку, поскольку это выгодно немецкому народу. Невилл Чемберлен, англичанин до мозга костей, не имел до начала переговоров ни малейшего представления о том, что за человек Адольф Гитлер. Накануне визита британского премьер-министра в Берхтесгаден * один из моих английских друзей сказал мне:

— Чемберлен принимает Адольфа Гитлера за члена если не своей бирмингемской корпорации, то по крайней мере корпорации города Манчестера.

Мой друг был прав.

В ноябре 1938 года, через два месяца после своей встречи с фюрером, Чемберлен, беседа с представителями министерства иностранных дел Франции на Кэ д'Орсе *, описал, как его принимали в Берхтесгадене. Гитлер спросил: «Вы хотите говорить со мной один на один или при свидетелях?» — «Один на один», — ответил Чемберлен.

Тогда Гитлер повел его вместе с переводчиком, лектором Шмидтом, к себе в спальню. В этой маленькой комнатке из мебели была только железная кровать; на стене висело прекрасное полотно из мюнхенского музея (время от времени его меняли). Чемберлен был поражен нескончаемым потоком слов, лившимся из уст канцлера Германии, и невозможностью вставить хоть слово в ответ.

— Когда я прибыл в Годесберг на вторую встречу *, — продолжал Невилл Чемберлен, — фюрер был в таком приступе ярости, что беседа наша сразу потеряла всякий смысл... Каждые две минуты

(разумеется, все это было подстроено специально) в комнату вошел офицер и подавал фюреру срочное донесение. «Чехи убили еще двух немцев! — восклицал Гитлер, и лицо его становилось страшным. — Мы отомстим за пролитую кровь!.. Мы истребим чехов всех до единого!» Видя его гнев, подлинный ли, притворный, я сказал переводчику, что предпочитаю прервать беседу и вернуться в гостиницу. Поскольку она находилась на другом берегу Рейна, мне нужно было сесть на паром. Гитлер, продолжая неистовствовать, вышел вместе со мной на террасу. Внезапно он остановился на полуслове, выражение его лица мгновенно изменилось, и, глядя на текущую внизу реку, он с нежностью и чуть не со слезами в голосе произнес: «О, я в отчаянии, господин премьер-министр... Я так мечтал, чтобы вы полюбовались этим восхитительным видом... Но из-за тумана ничего не видно...» Ни разу в жизни мне не приходилось видеть, чтобы человек так резко переходил от самой бешеной ярости к самому поэтическому восторгу.

Один из сотрудников английского министерства иностранных дел, сопровождавший Чемберлена во время его визита в Германию, рассказывал мне, что премьер-министр, не привыкший к подобным выходкам, сохранил о встрече с фюрером тяжелое воспоминание и теперь, когда при нем произносят имя Гитлера, «кривится, как ребенок при виде касторки...». Но Чемберлен считал своим долгом предотвратить войну и не терял надежды на успех.

Его поддерживало одобрение простых англичан и англичанок, французов и француженок. Тысячи крестьянок из разных уголков Франции слали ему письма с благодарностью за то, что он спас их страну от войны, их дома от бомб, их детей от смерти. Пожилые французские фермерши вязали ему митенки, чтобы, как говорилось в их написанных крупным, нетвердым старческим почерком письмах, «у него не мерзли руки, когда он будет летать на своем аэроплане». Все это бесконечно трогало миссис Невилл Чемберлен, женщину нежную и сентиментальную, и она поддерживала мужа в его миротворческих устремлениях.

Однако в самой Англии после заключения Мюнхенского соглашения пацифизм утратил популярность. Из-за своей неподготовленности к войне англичанам пришлось проглотить мюнхенский сговор, но на поверку пилюля оказалась слишком горькой, а сделка — слишком позорной. Британская общественность хотела во что бы то ни стало застраховать себя впредь от подобных унижений. В январе 1939 года я выступал с лекциями в ряде городов Великобритании. Я убедился, что английская общественность настроена гораздо прогрессивнее, чем правительство. Правительство колебалось, не отваживаясь ввести воинскую повинность — на-

род настоятельно требовал этого. Повсюду представители разных слоев общества повторяли одно и то же:

— Нельзя допустить, чтобы это чудовище подчинило себе Европу; нам нужны сильная армия и мощная авиация.

По возвращении в Париж я опубликовал статью, где писал, что в марте в Великобритании будет введена воинская повинность. Большинство моих французских друзей сказали мне на это, что я сошел с ума, что англичане никогда не введут воинскую повинность, поскольку она противоречит их традициям*. Тем не менее в марте 1939 года воинская повинность была введена.

Вступление немецких войск в Прагу оказалось для Невилла Чемберлена и других пацифистов тяжелым ударом. Британский премьер-министр был искренне и глубоко возмущен. Несмотря ни на что, он продолжал верить, что Гитлер никогда не посмеет аннексировать не принадлежащие Германии территории. Теперь он убедился в обратном и стал (хотя об этом мало кто знает) одним из самых непримиримых врагов Гитлера в Англии. Именно во власти душившего его гнева и возмущения он вопреки всем ожиданиям обещал Польше поддержку и помощь. В ту пору я находился в Соединенных Штатах. Я сразу подумал: «Значит, война». Ибо не могло быть никаких сомнений ни в том, что Германия будет продолжать свою захватническую политику и нападет на Польшу, ни в том, что Англия поступит так, как поступала испокон веков, то есть останется верной заключенному по всей форме договору.

Внезапное возвращение к политике европейского сотрудничества не могло не привести Англию к сближению с Францией. В июне 1939 года общество «Франция—Великобритания» устроило в Париже торжественный прием, на котором присутствовали британский военный министр Хор-Белиша, французский министр иностранных дел Жорж Бонне* и генерал Гамелен*. Хор-Белиша заявил, что в случае, если начнется война, британские части поступят в распоряжение французского главнокомандующего и что он гордится правом называть генерала Гамелена «наш генерал Гамелен». Слова эти, которые Гамелен выслушал с непроницаемым лицом, были встречены долгими аплодисментами. После приема мы вместе с Хор-Белиша отправились на бал в польское посольство; британский министр хотел подчеркнуть своим появлением крепость уз, связующих Великобританию с Польшей.

Праздник этот оставил в моей душе трагические воспоминания. Была прекрасная летняя ночь. В саду особняка де Саган, где размещалось польское посольство, серебрились в лунном свете белые мраморные сфинксы; оркестр играл вальсы Шопена, бенгальские огни рассыпались в небе сверкающим фейерверком. На траве красавицы в кринолинах (в том числе прелестные дочери

немецкого посла) танцевали с польскими и французскими офицерами. Все мы понимали, что война не за горами, что первой жертвой ее станет Польша и что этот бал напоминает тот, который дал Веллингтон в Брюсселе накануне Ватерлоо. Светские люди с привычной небрежностью пили шампанское и перебрасывались ничего не значащими фразами. Кто-то говорил о круизе на «Пас-тере», кто-то мечтал вслух о путешествии в Южную Америку.

Через несколько дней, 14 июля, Хор-Белиша вместе с Уинстоном Черчиллем присутствовал на параде по случаю национального праздника Франции. То был последний счастливый день в жизни Парижа. Никогда еще французская армия не казалась такой блистательной. По площади проходили войска, составлявшие славу нашей армии: мотопехотные части, зуавы, морская пехота, Иностраннный легион, гарнизон «линии Мажино». Уинстон Черчилль сиял. «Да благословит бог французскую армию!» — повторял он. Мы еще не понимали в ту пору, что отвага солдат и офицеров, их военная подготовка и даже традиции лучших полков бессильны против новейшей военной техники. Колонны танков успокоили и воодушевили толпы народа, собравшиеся на Елисейских полях, но парижане не знали, что у немцев гораздо больше танков, чем у нас, а броня этих танков так крепка, что наши пушки не могут ее пробить.

В полдень Хор-Белиша вместе со своим адъютантом заехал ко мне в Нейи. Он рассказал о трудностях, с которыми сталкивается, пытаюсь модернизировать британскую армию.

— Воинская повинность — это прекрасно, но на сегодняшний день она существует скорее на словах, чем на деле... Я не могу призвать в армию всех мужчин призывного возраста, потому что у меня не хватит ни обмундирования, ни офицеров.

— А те, кто участвовали в прошлой войне? — спросил я.

— Они не знакомы с новым оружием.

— А если война начнется завтра, сколько дивизий вы сможете предоставить в наше распоряжение?

— Сразу?.. Не больше шести.

Эта цифра привела меня в ужас. Я испугался еще сильнее, когда немного погодя узнал, что наш генштаб просит у Англии *на все время войны на Европейском континенте* всего тридцать две дивизии. Я вспомнил, что в 1918 году на нашей стороне выступало до восьмидесяти пяти британских дивизий, кроме того, нашими союзниками в то время были американцы, русские, итальянцы, японцы и, несмотря на все это, мы выиграли войну с огромным трудом. Тут было от чего встревожиться.

Сходного мнения придерживался тогдашний министр иностранных дел Жорж Бонне. Я слышал от него такой рассказ:

— За несколько дней до начала войны, в конце августа 1939

года, я вызвал к себе в кабинет двух военачальников, ответственных за состояние нашей армии и авиации. Я сказал, что дело идет к войне и что, если Польша не согласится на уступки, война эта начнется в самое ближайшее время. Тем не менее, добавил я, если вы, командующие нашей армией и военно-воздушным флотом, заверите меня, что у нас нет *никакой* надежды на победу, то я потребую, чтобы поляки отдали немцам Данциг и «польский коридор» *... Конечно, хорошего в этом мало. Скажут, что я предал Польшу, так же как раньше предал Чехословакию... Но я готов на все, лишь бы не допустить разгрома моей родной страны, тем более что за ним неизбежно последует разгром Польши... Главное, не думайте, что я строю какие-нибудь иллюзии относительно намерений Германии. Германия уже целых семь лет готовится к войне и, если ей не удастся добиться европейского владычества простыми угрозами, рано или поздно развяжет ее... Но нам выгодно отсрочить этот момент и выиграть время, необходимое для перевооружения нашей армии, — полгода, год... Поэтому я обращаюсь к вам как к стратегам и спрашиваю: «Назрела ли необходимость требовать от Польши уступок?..» Оба ответили, что с военной точки зрения нет ни малейшего смысла тянуть время, поскольку германская армия сумеет использовать отсрочку не хуже, чем мы... Что я мог сделать в таких условиях?

Тем не менее Бонне предпринял последнюю попытку. 31 августа в 13 часов Франсуа-Понсе, в ту пору французский посол в Риме, сообщил ему по телефону, что граф Чиано предлагает созвать конференцию для решения польского вопроса и прочих спорных проблем. Жорж Бонне не сомневался в искренности намерений графа Чиано. Италия не была готова к войне; по договору с Германией она могла не начинать военных действий еще три года; итальянская общественность выступала за мир; ходили слухи, что последняя встреча графа Чиано с Риббентропом прошла довольно напряженно. Конференция дала бы Италии возможность мирным путем удовлетворить большую часть своих требований. Казалось бы, в данном случае ее интересы совпадали с интересами Франции и Англии. Бонне решил сделать все возможное для созыва конференции. Он пришел к Даладьё, ввел его в курс дела и сказал:

— Сегодня в шесть вечера состоится заседание совета министров; я выступлю за то, чтобы принять предложение итальянцев. Прошу вас поддержать меня... Этим мы поставим Германию перед свершившимся фактом.

Даладьё обещал свою помощь. Однако Бонне слишком хорошо знал характер премьер-министра — человека честного и горячо любящего родину, но легко меняющего свои убеждения, непо-

стоянного, безвольного и идущего на поводу у первого встречного. Всю вторую половину дня Бонне не находил себе места, и недаром: на заседании совета министров Даладье не только не поддержал его, но, наоборот, выступил против созыва конференции. Предложение итальянцев не было отвергнуто окончательно, но совет решил подождать до окончания переговоров между Польшей и Германией. Официальное коммюнике, обнародованное в девять вечера, ограничилось указанием на то, что «совет министров единодушно высказался за неукоснительное исполнение Францией своего долга». А 1 сентября на рассвете немецкие войска вступили в Польшу.

На следующий день в 14 часов 15 минут в кабинете министра иностранных дел на Кэ д'Орсе раздался телефонный звонок. Бонне снял трубку и с изумлением услышал: «Говорит граф Чиано. У меня в кабинете находятся сейчас г-н Франсуа-Понсе и сэр Перси Лоррен *... Я полагаю, что еще не поздно вернуться к идее конференции...»

Жорж Бонне пообещал графу Чиано до полудня следующего дня не предъявлять Германии ультиматум.

Затем произошел любопытный эпизод, суть которого, как мне кажется, по сей день до конца не ясна. Известно, что французское правительство выполнило обещание, данное Жоржем Бонне графу Чиано, и предъявило Германии ультиматум лишь 3 сентября в полдень, а война была объявлена в тот же день в пять часов вечера. Англия же объявила Германии войну в одиннадцать утра. Вот как объяснил мне этот странный ход событий Жорж Бонне.

В 1939 году английская общественность была настроена совсем не так, как во времена Мюнхенского соглашения, и не желала идти ни на какие уступки. Во время парламентских каникул депутаты встретились со своими избирателями и были поражены необычайной решимостью всего народа. Англичане были убеждены, что война неизбежна, и считали, что чем скорее она начнется, тем лучше. Находясь под сильным впечатлением увиденного и услышанного в своих округах, депутаты не могли допустить, чтобы Чемберлен проявил такую же мягкотелость, как прошлым летом. В результате 3 сентября в девять часов утра лорд Галифакс * позвонил Жоржу Бонне и сказал:

— Мне известны причины, по которым вы не можете предъявить ультиматум раньше полудня, но мы не давали графу Чиано подобных обещаний и считаем своим долгом предъявить ультиматум немедленно... Палата общин соберется сегодня в полдень, и, если премьер-министр до этого времени не выполнит своих обязательств по отношению к Польше, ему несдобровать.

Вот почему две союзнические державы объявили Германии войну с интервалом в шесть часов.

Так 3 сентября 1939 года началась война, к которой Германия готовилась уже давно, а Англия и Франция не готовились вовсе, причем Германия с поразительной ловкостью вынудила эти державы *первыми* объявить ей войну. Сегодня можно утверждать, что в этой войне Франция была обречена на поражение с самого первого дня. Она была обречена на поражение, потому что у нее было мало самолетов, мало танков, мало зенитных и противотанковых орудий и мало военных заводов. Она была обречена на поражение, потому что союзники ее располагали крошечной армией и не могли *быстро* мобилизовать свои огромные резервы оружия и живой силы.

В беседе со мной, о которой я упоминал в начале этой главы, Уинстон Черчилль привел одно образное сравнение, которое надолго запало мне в душу. Когда я спросил его, почему после нападения итальянцев на Абиссинию Англия так и не применила к Италии ни экономических, ни финансовых санкций *, он ответил мне вопросом на вопрос:

— Вы когда-нибудь наблюдали за поведением омаров?

Я ответил, что мое внимание привлекали, как правило, иные проблемы.

— В таком случае при первой же возможности понаблюдайте за этими ракообразными... — сказал он. — Это крайне поучительно... В определенные периоды своей жизни — периоды линьки — омары утрачивают защитный панцирь. Тогда даже самые отважные из них прячутся в расщелину скалы и там терпеливо ждут, пока у них вырастет новый панцирь... Как только новая броня затвердевает, они покидают свое убежище и вновь превращаются в бойцов, хозяев подводных глубин... По вине неосмотрительных и трусливых министров Англия лишилась панциря; нам надо подождать, пока у нас вырастет новая броня.

К сожалению, обстоятельства заставили Францию и Англию раньше времени покинуть свои убежища и вступить в бой с опаснейшим из противников без защитного панциря.

II

Почему мы так плохо использовали первые восемь месяцев войны?

В начале октября 1939 года, через некоторое время после прибытия во Францию первых английских подразделений, я получил от Военного совета британской армии письмо с приглашением занять должность French Official Eye-Witness ¹ при генштабе этой

¹ Французский официальный наблюдатель (англ.).

армии. В мои обязанности входило следить за ходом военных действий и обеспечивать контакт между британскими войсками и французским населением, используя при этом все возможные средства, как-то: статьи, лекции, выступления по радио.

В 1914—1918 годах я служил офицером связи при британской армии и сохранил самые лучшие воспоминания о своих английских и шотландских однополчанах; я описал их в своей первой книге *; естественно, меня тронуло это теплое и доброжелательное письмо. Будучи офицером запаса французской армии, я передал его своему командованию и сразу же получил приказ дать согласие. И вот в военной форме с погонами лейтенанта (это звание я получил еще в 1918 году) я отправился в Аррас и явился к главнокомандующему лорду Горту *.

Штаб-квартира генерала Горта располагалась в замке Абарк неподалеку от Арраса. Меня приняли его адъютанты: блистательный шотландец из старинного рода Гордонов в клетчатой юбке и гольфах, вооруженный великолепным кинжалом с серебряной рукоятью, и обходительный лорд Мюнстер, побочный потомок Вильгельма IV Английского. В небольшой приемной они угостили меня крепким коктейлем со странным вкусом под названием "the Nabarcq Horror"¹, а потом сказали:

— Теперь пойдёмте к шефу.

Более скромного кабинета, чем кабинет Горта, нельзя себе и представить. На приколотой кнопками к двери бумажке было кое-как нацарапано: «Office of the C.-in-C.»². Мебели в комнате не было вовсе. Письменным столом главнокомандующему служила доска, положенная на два некрашенных чурбака. Он добровольно отказался от удобств, считая, что командир должен жить в таких же условиях, как и его подчиненные. Лорд был человеком очень подвижным и большим любителем спорта. Во время войны единственным развлечением ему служила ходьба. На рассвете его можно было встретить на грязных аррасских дорогах: в красной с золотом фуражке, согнув руки в локтях, вытянув шею, он мчался вперед сквозь непогоду, а за ним едва поспевал взмыленный адъютант.

Гордон рассказал мне, как однажды шеф взял его с собой в Париж, где в отеле «Крийон» должно было состояться совещание с генералом Гамеленом. Гордон уже предвкушал приятный вечер. Но после ужина лорд Горт сказал ему: «А теперь пройдемся».

После чего генерал и его несчастный адъютант в быстром темпе, согнув руки в локтях и вытянув шею, устремились по улице

¹ Абаркский ужас (англ.).

² Кабинет главнокомандующего (англ.).

Риволи и набережным, сделали три огромных круга вокруг Лувра и только после этого отправились спать.

Горт с самого начала поразил меня своей моложавостью, бодростью и подвижностью. Хор-Белиша недавно омолодил командный состав британской армии; на мой взгляд, это было мудрое решение. Мы быстро и легко нашли с Гортом общий язык. Вначале разговор зашел о планах Гитлера...

— Начнет ли он с нападения на Бельгию?.. — Полагаю, да, — сказал Горт, — ничего другого ему не остается... Как сказал ваш маршал Фош: «На войне делаешь что можешь, исходя из того, что у тебя есть...» Хотя мне не совсем понятно, как Гитлер собирается наступать зимой, по этой фландрской грязи... А если еще несколько месяцев не будет боев, наши солдаты, боюсь, начнут киснуть... Когда темнеет в четыре часа, мало радости сидеть при свечке в сыром сарае...

— Но ведь мы же сидели в блиндажах и окопах в 1914 году...

— Тогда все было по-другому: перед нами был враг, грозивший нам оккупацией... А сейчас наши части стоят перед Лиллем и Дуэ (он резко поднялся, чтобы показать мне на карте линию укреплений). Впереди только Бельгия, нейтральная страна... В таких условиях нелегко поддерживать боевой дух армии... Нет, если нам еще долго придется сидеть сложа руки, необходимо чем-то занять людей... Лорд Нуффилд предлагает радио, но это очень сложно... Приемники, которые включаются в сеть, не подходят, потому что в расположении частей нет электричества... Значит, нужны приемники, работающие на батарейках... Но батарейки быстро садятся... Я уже приказал снарядить несколько машин, которые будут объезжать подразделения и производить замену батареек.

Затем он описал мне линии укреплений, которые немцы, по сведениям Интеллидженс сервис, строят в Польше, готовясь к войне с русскими. В ту пору многие еще всерьез — и, как оказалось, совершенно напрасно — надеялись, что эти два народа недолго проживут в мире. Потом речь зашла о моих будущих обязанностях.

— Я хотел бы, — сказал он, — чтобы вы как можно больше рассказывали французским солдатам о наших солдатах, а нашим — о французских... Кроме того, хорошо бы устраивать встречи... Вчера мои уланы обедали у ваших кирасиров... Это замечательно... Я сам часто бываю у генерала Жиро*, командующего вашей седьмой армией — она стоит слева от меня. Жиро — настоящий солдат.

Поскольку я уже докурил сигарету, которой он меня угостил, и она жгла мне пальцы, я поискал глазами пепельницу.

— Бросайте прямо на пол, — сказал мне генерал.

Из принципиальных соображений он не терпел в походной обстановке лишних предметов и обходился без пепельницы.

На следующий день я отправился на передний край. Как и говорил Горт, впереди были только пограничные заставы да бельгийские жандармы, но в случае немецкого вторжения в Бельгию здесь со дня на день могли завязаться ожесточенные бои. Незащищенность наших передовых позиций ужаснула меня.

Я часто слышал о том, что «линия Мажино» кончается в районе Монмеди, однако я наивно полагал, что вдоль бельгийской границы ее продолжает цепь пусть менее совершенных, но все-таки вполне надежных укреплений. При виде того жалкого кордона, что должен был защитить нас от противника на этом участке фронта, я испытал одно из самых сильных и тяжелых потрясений в моей жизни.

Что предстало моим глазам в октябре 1939 года в районе Лилля? На расстоянии одного-двух километров друг от друга там и сям были разбросаны небольшие бетонные доты, окруженные колючей проволокой. В каждом из них размещалось по взводу британских солдат: пять-шесть человек с капралом или сержантом во главе. У каждого взвода был перископ для наблюдения за окрестностями, станковый пулемет и ручной пулемет Брена. Кроме того, на каждый взвод *полагалось* одно противотанковое орудие, но отведенные для них места пока пустовали. Сами орудия были, по-видимому, еще в пути.

Между укреплениями тянулся неглубокий и наполовину обвалившийся противотанковый ров. Позади него английские солдаты рыли траншеи и оборудовали опорные пункты. Но глинистая фландрская почва и непролазная осенняя грязь сводили на нет все их усилия. Стоило бедным солдатам вырыть яму глубиной в несколько футов, как она тут же наполнялась водой. Люди проявляли чудеса изобретательности, чтобы осушить это бесконечное болото: они сооружали по краям рвов насыпи, укрепляли их дерном и досками. Все было напрасно. Английские военные корреспонденты, в большинстве своем прошедшие, как и я, войну 1914 года, относились к этим укреплениям весьма скептически.

— Если это и есть наши оборонительные рубежи, то да спасет нас Господь! Оружие противника сейчас в десять раз мощнее, чем в четырнадцатом году, а наша оборона — в десять раз слабее!

Беднягам журналистам, привыкшим честно высказывать свое мнение, приходилось нелегко: безжалостная цензура принуждала их не только молчать о своих тревогах, но и вселять в читателей надежду.

Офицеры старались смотреть на вещи не так мрачно и не давать воли своему пессимизму. Один из них, показав мне на жалкую канаву, которую с трудом рыли его солдаты, сказал извиняющимся тоном:

— Конечно, танк этим не остановишь... Но перед нами густой лес, и надо надеяться, что на нашем участке танки не появятся...

Тем не менее следует признать, что за последующие несколько недель британские и французские инженерные войска проделали большую работу. Позади первой линии блокаузов их отряды усердно принялись возводить другие бетонные укрепления. Почти повсюду в полях высились остовы будущих дотов, а опытные каменщики, прибывшие из Англии, месили раствор. Все эти укрепления, особенно на французском участке фронта близ Мобежа, были великолепно замаскированы. Многие из них казались на первый взгляд безобидными домами или сараями. Командование возлагало на них большие надежды.

Во французской армии в ту пору пользовалась огромной популярностью книга генерала Шовино «Возможно ли в наши дни вторжение?» *. Этот генерал, профессор Военной школы, утверждал, что бетонные доты делают оккупацию практически невозможной. «Подобные сооружения, — писал он, — могут быть построены в такой короткий срок, что, пока противник занимает один оборонительный рубеж, обороняющаяся сторона успевает построить другой...» Автор книги забыл о двух вещах: во-первых, о возможности существования новых средств нападения, а во-вторых, о том, что противник может прорвать оборону и подойти к бетонированным укреплениям *с тыла*. Именно так и случилось: немцы и не думали атаковать эту линию, которую в течение всей холодной и дождливой зимы мужественно возводили французские и английские солдаты, с фронта.

Впрочем, большинство военных специалистов в отличие от генерала Горта вообще не считали возможным нападение немцев на Бельгию. «Зачем Германии наживать себе лишнего врага в лице многочисленной и прекрасно вооруженной бельгийской армии?» — писали они. А так как, по их словам, прорвать «линию Мажино» было практически невозможно, «у Гитлера, — утверждали они, — остаются лишь два плацдарма для нападения на нас — Голландия и Румыния, однако оба варианта маловероятны, поскольку Роттердам — это *последнее легкое* Германии *, а Румыния и так отдает рейху всю свою нефть...». Отсюда делался вывод, что летом 1940 года Германия не предпримет никаких наступательных действий, а между тем время будет «работать на нас» и еще через год «превосходство в воздухе окажется на *нашей* стороне», а в 1942 году мы произведем столько пушек и танков, что сможем сами перейти в наступление и атаковать «линию Зигфрида». Сознаюсь, я и сам

не раз грешил подобными рассуждениями, которые в ту пору можно было услышать в любой офицерской столовой.

Гитлер сказал о нас: «Я сгною их армию», и долгое зимнее бездействие помогло ему добиться своей цели. Люди устали, им надоело копаться в грязи и рыть под дождем окопы, меж тем как о противнике нет ни слуху ни духу. Командование могло, более того, было обязано по очереди отзываться дивизии с переднего края для тщательной подготовки к войне совершенно нового типа, войне страшной. Необходимо было учесть опыт польской кампании. Но боевой дух настолько упал, что генералы проявляли щепетильность, уместную только в мирное время. Помню, я спросил одного из них, почему он не учит пехотинцев отражать атаки немецких танков с огнеметами и пикирующих бомбардировщиков.

— Если они впервые столкнутся с этими средствами нападения на поле боя, они перепугаются до смерти... — сказал я. — Напротив, привыкнув к подобным зрелищам, они будут чувствовать себя увереннее.

— Вы правы, — ответил он, — я и сам не раз докладывал об этом командованию... Но мне ответили, что гражданские власти против учений, поскольку танковые маневры могут попортить посевы...

Похоже, что в тылу все и думать забыли об угрозе нападения противника — там всех беспокоила лишь угроза скуки. В начале войны солдатам не хватало одеял, теплой одежды, обуви, и в стране были созданы благотворительные организации: «Посылки для фронта», «Сигареты для фронта». Очень скоро солдат забросали посылками и подарками.

— При всем моем желании, — степенно объяснял мне один английский солдат, — я *не могу* выкурить в день двести сигарет!

Тогда цвет парижского и лондонского общества основал новые организации: «Книги для фронта», «Радио для фронта», «Досуг для фронта», «Мюзик-холл для фронта», «Спорт для фронта», «Искусство для фронта», «Театр для фронта». Одна остроумная женщина, встревоженная столь легкомысленным отношением к серьезным вещам, говорила, что ей хочется организовать общество «Война для фронта». Она была права, но подобные речи не встречали поддержки.

По британскому участку фронта в сопровождении офицеров торжественно разъезжали в военных машинах «концертные бригады», состоявшие из знаменитых актеров и очаровательных герлз. Морис Шевалье * пел свои прелестные песенки перед солдатами и офицерами обеих армий. Его появление в Аррасе надедало гораздо больше шума, чем приезд президента Лебрена. Ему устроили овацию. «Морис, «Валентину!»» — кричали французы;

«Морис, "The Rain Drop!"¹», — орали англичане. За кулисами певица осаждали любители автографов: "Maurice; it's for my kids... I'm a papa, you know..."². На прощание Шевалье говорил солдатам: "God bless you, boys..."³.

Все это было очень мило и вполне безобидно, но никак нельзя было назвать это действенной подготовкой к войне. В ту пору, когда страна, стоя на пороге одной из самых трагических эпох своего существования, получила несколько недель отсрочки и возможность хоть отчасти исправить прежние ошибки, укрепить оборонительные рубежи, обучить солдат, французы и англичане за редким исключением продолжали вести на фронте жизнь тыловых чиновников, подчиняющихся различным бюрократическим формальностям.

В том самом Аррасе, где служил я, были расквартированы несколько тысяч французских ополченцев, старых солдат, неизвестно для чего мобилизованных и никому не нужных. Офицеры за неимением лучшего приказывали им разбивать огороды, разводить домашнюю птицу, свиней и кроликов. Слов нет, занятия вполне достойные — однако гораздо полезнее было бы, пожалуй, укреплять Аррас и возводить оборонительные рубежи вдоль Скарпы. Один мой приятель майор попытался заговорить об этом с генералом, но получил от ворот поворот.

— Оборонительные рубежи вдоль Скарпы! Да противник ни в коем случае не продвинется так глубоко. Вы пораженец! Делайте, что вам приказано.

После пары попыток такого рода даже самые ревностные командиры предпочитали помалкивать. Солдаты бездельничали, ели до отвала и жирели. С наступлением вечера «томми» * садились писать женам и sweethearts⁴ длиннейшие письма. Офицеры едва справлялись с чудовищным потоком посланий: не успевал бедняга капитан одолеть одну грудку конвертов, как перед ним вырастала другая. Словно забыв о том, что от их умения и мужества зависит, быть или не быть миру свободным, солдаты до бесконечности пережевывали в письмах мелкие семейные ссоры. Гитлер исполнил свое обещание: он сгноил нашу армию.

И все же ему не удалось сгноить ее полностью. Кое-где над морем пошлости возвышались, не давая мелочам обыденщины поглотить себя, островки героизма. В конце декабря я провел несколько дней на «линии Мажино». Вернулся я в большом воодушевлении. Эта сотворенная руками человека горная цепь,

¹ Капля дождя (англ.).

² Морис, это для моих детей... Знаете, я ведь отец... (англ.).

³ Благослови вас господь, ребята... (англ.)

⁴ Возлюбленные (англ.).

ощетинившаяся пушками и непроницаемая для газов, оставила в моей душе удивительное, хотя, быть может, и совершенно необоснованное, ощущение надежности: я любовался защитниками этой крепости.

Почти все они были местные, родом из Лотарингии, и еще в мирное время каждое воскресенье бывали на оборонительных рубежах. Я видел там молодых лейтенантов, адвокатов и инженеров из Меца, которые вот уже лет восемь проводили все свои уик-энды на «линии Мажино», составляя таблицы стрельбы. Благодаря их неутомимому труду батареи получили возможность стрелять с поразительной точностью. У наблюдателей, находящихся в укрытиях перед дотами, имелись карты местности, разделенные на нумерованные сектора. Предположим, они замечали противника в квадрате 248-В — им достаточно было сообщить номер сектора по телефону, чтобы десять секунд спустя на этот сектор обрушился шквал пуль и снарядов.

Я подумал, что всей нашей армии стоило бы взять пример с этих юношей, верящих в свое оружие, преданных своему экипажу (каждый гарнизон считал себя экипажем корабля). Я не раскаиваюсь ни в своем тогдашнем воодушевлении, ни в своих похвалах этим молодым людям. Я и сейчас продолжаю считать, что их самоотверженность и патриотизм достойны восхищения. Не их вина, что впоследствии немцы так быстро прорвали нашу оборону. Ведь они подошли к «линии Мажино» с тыла. Эта катастрофа ставит под сомнение мудрость государственных деятелей, израсходовавших на постройку такой несовершенной и недостаточно протяженной линии укреплений суммы, достаточные для содержания громадной действующей армии; однако она никоим образом не ставит под сомнение рвение и честь солдат и офицеров.

Немало замечательных бойцов встречал я по всей линии, особенно в моторизованных дивизиях Кавалерийского корпуса. Помню, например, смотр драгунского полка. Ах, что там были за красавцы! Они шли, чеканя шаг, дружно поворачивая голову влево, в сторону генерала, пожирая его юными горящими глазами, и отдавали честь, резко прищелкнув каблуками... Право, такой выправки не было даже у гренадеров Старой гвардии.

И все же умудренных опытом генералов не покидали мрачные предчувствия. Командующий одной североафриканской дивизией признался мне, что, будь его воля, он пошел бы на уступки ради заключения мира.

— Немецкая армия во много раз превосходит нашу численностью, а о боевой технике и говорить нечего. Битва будет слишком неравной. Мои солдаты не уступают противнику в мужестве, но без противотанковых орудий им не отразить удары бронетан-

ковых дивизий; они грудью встанут на защиту Франции, но что толку в этом самопожертвовании?..

Даже генерал Жиро, известный своей отвагой и не боящийся риска, полагал, что мы не сможем перейти в наступление раньше 1941 года.

— Это досадно, но ведь мы нищие... Особенно нам недостает авиации! Знаете, сколько у меня, командующего армией, самолетов? Восемь!.. Всего-навсего восемь... Есть еще, конечно, Британский воздушный флот — у них отличные машины, но, чтобы послать английский самолет в разведку, я должен попросить об этом генерала Жоржа, который в свою очередь попросит об этом генерала Гамелена, тот — маршала Баррата, а маршал Баррат — вице-маршала Блаунта, который наконец пошлет самолет в разведку, хотя в этом, скорее всего, уже не будет нужды...

— А если немцы первыми начнут наступление, генерал?.. Если они войдут в Бельгию?

— Тогда мы будем сражаться в этом году, но нам придется туго.

Почему наши заводы так плохо использовали восьмимесячную отсрочку, которую дали нам немцы? Тому было несколько причин.

Во-первых, перевод заводов на выпуск военной продукции совершался крайне неумело. Высококвалифицированные рабочие были мобилизованы и вместо того, чтобы собирать самолеты и лить пушки, мели дворы да чистили картошку в захолустных казармах. Потребовались недели, месяцы, чтобы разыскать их и вернуть на свое место. В результате персонал заводов Рено, где в мирное время трудилось более тридцати тысяч человек, с началом войны сократился до шести-восьми тысяч. А ведь на эти заводы была возложена огромная задача по выпуску танков и грузовиков. Ну не абсурд ли это?

Во-вторых, инженеры и финансисты планировали экономику страны исходя из того, что новая война будет вестись теми же средствами, что и предыдущая, и продлится четыре-пять лет. В результате во Франции возводились корпуса заводов, которые должны были вступить в строй в 1941, а то и в 1942 году. Имеющаяся на заводах техника оставляла желать лучшего, но зато была под рукой, предприниматели же выписывали станки более совершенной конструкции из Соединенных Штатов, хотя гораздо уместнее было бы покупать у этой страны танки и моторы для самолетов. По той же причине английские и французские финансисты, планируя военный бюджет, старались экономить доллары и золото, чтобы их хватило на четыре-пять лет. Крупные американские заводы, которые вовремя могли бы предоставить нашим

армиям необходимое вооружение, не получали от нас заказов. «Орудия, изготовленные во Франции, обойдутся дешевле», — думали у нас. Экономия обошлась нам дорого — из-за нее мы проиграли войну.

В-третьих, военные планы также были рассчитаны не на ту войну, которая имела место в действительности. Генштаб намеревался долго и тщательно готовить наступление на «линию Зигфрида». Штабисты с изумительной точностью подсчитали, сколько понадобится для этой операции орудий тяжелой артиллерии, и заказали эти орудия, меж тем как позаботиться нужно было о том, в чем наши войска на самом деле нуждались в первую очередь, — о противотанковых и зенитных орудиях, о личном оружии — винтовках и автоматах. Все немецкие патрули были вооружены автоматами, и наши патрульные с Саара умоляли командование выдать им такие же. Но автоматов у командования не было. Когда немцы начали сбрасывать на нашу территорию парашютистов, все офицеры получили приказ иметь при себе револьверы. Но револьверов во Франции не было и в помине. Я сам обошел немало оружейных лавок во многих городах, включая Париж, и все без толку. В конце концов в начале июня их пришлось заказать в Италии. Не поздно ли?

Наконец, *в-четвертых*, работу промышленных предприятий тормозили трудности морального и политического порядка. С тех пор как Россия заключила с Германией пакт о ненападении, рабочие-коммунисты — а их было немало, — не выказывая открытого неповиновения, работали вяло, вполсилы. Мелкие предприниматели со своей стороны растерялись от почти полной утраты прибылей. Безвозвратно прошли те времена, когда, как в 1914 году, во всякой мастерской, всяком гараже отливали снаряды. Несколько месяцев жизнь во Франции текла так, словно война и не была объявлена.

В октябре 1939 года Поль Рейно, в ту пору занимавший пост министра финансов, решил однажды вечером после ужина посетить несколько военных заводов в окрестностях Парижа. Он с изумлением обнаружил, что на ночь они закрываются. На следующее утро он отправился к Даладье.

— Понимаете ли вы, — сказал он, — что, если так пойдет дальше, мы проиграем войну?

В ту пору эта мысль казалась ему, да и всем нам совершенно неправдоподобной. Увы, она была более чем справедлива.

Ситуация изменилась к лучшему, когда министром вооружения стал Рауль Дотри *, прекрасный инженер, инициатор реорганизации французского железнодорожного сообщения. Но было

уже поздно — другое дело, если бы его назначили на этот пост года на три раньше. Я хорошо знал и очень уважал Дотри (мы оба были большими друзьями маршала Лиоте). Маленький, коренастый, энергичный, он лукаво поглядывал на собеседника, прищурив левый глаз. За что бы он ни брался, ему всегда все удавалось, когда же его спрашивали, как у него это выходит, он отвечал: «У меня один секрет — я работаю».

Обосновавшись в отеле «Мажестик», где располагалось министерство вооружения, Дотри взялся за дело. С раннего утра он забрасывал начальников отделов красными бланками со срочными заданиями. Придя на работу, те обнаруживали на своих письменных столах указания патрона, которые нужно было выполнить немедленно. Краткие, резкие, подчас даже грубые, красные записки Дотри вошли в историю. Вот некоторые из них:

«Всем начальникам отделов: Я заметил, что служащие министерства опаздывают на работу и уходят раньше времени. За этим будет установлен контроль».

«Г-ну А...: Я понимаю, что погода стоит прекрасная, я понимаю, что сегодня жаркий день, но я понимаю также, что идет война, и не желаю, чтобы майор Х... весь день прохлаждался у окна, покуривая сигару».

«Г-ну В...: Когда вашим людям нечего делать — а такое порой случается, — найдите им работу. Пусть убирают помещение, приводят в порядок бумаги, собирают металлолом, чистят выгребные ямы, мостят дороги. Никто не должен сидеть без дела. На то вы и руководящий работник, чтоб руководить».

«Одному промышленнику: Все французские станки должны работать двадцать четыре часа в сутки. Это трудно, но необходимо. Все остальное — никому не нужные красивые слова. А мне нужно все, и немедленно. *Цель:* как можно скорее добиться победы. *Средство:* делать невозможное».

Таков был стиль Рауля Дотри, и, бесспорно, если кто и мог заставить Францию работать, так это он. Но поговорив однажды с Дотри с глазу на глаз, я убедился, что оптимистичен и бодр он только на людях, а в душе встревожен и растерян.

— Когда вы сможете обеспечить армию всем необходимым? — спросил я его.

— Всем?.. Не раньше 1942 года, — ответил он. — Мы слишком поздно начали.

Дотри был из тех, кто мужественно трудился на своем посту до самого конца, но и он не мог творить чудеса — Германия опередила нас на несколько лет.

В январе я был послан в Англию, чтобы на месте оценить военный потенциал страны. Я побывал на побережье Северного мо-

ря, видел английский флот; я посетил летные школы, учебные лагеря, военные заводы. Флот был достоин самых высоких похвал. Военно-воздушные силы тоже были превосходны, хотя и малочисленны. Что до армии, то даже французская военная миссия не могла добиться никаких сведений о числе солдат, проходящих военную подготовку. Я спросил у генерала, принявшего меня в военном министерстве:

— Вы уверяете меня, сэр, что в действующей армии, ее резерве и территориальных войсках служит в настоящее время 750000 человек и что уже призваны 600000 новобранцев... Неплохо... Но в таком случае вы должны были бы уже сформировать дивизий тридцать-сорок?

— Я не в курсе дела, — ответил он, — а полковника, который занимается вопросами личного состава, сейчас нет на месте.

Вечером я встретился на заседании парламента с Хор-Белиша.

— Как вам понравились наши новобранцы? — спросил он меня.

— По-моему, они замечательны. Но я вроде Оливера Твиста: "I ask for more..."¹.

В самом деле, за исключением канадской дивизии, мне ни разу не удалось увидеть на учениях подразделение крупнее батальона. Пехотинцев обучали старые сержанты, показывавшие, как колоть противника штыком. Эти познания вряд ли могли пригодиться солдатам на поле боя. В танковых училищах преподавание было поставлено хорошо, но сами танки были устаревшей конструкции, да и тех не хватало. Впрочем, люди повсюду были старательны, жизнерадостны, терпеливы и твердо верили в победу.

Когда в феврале 1940 года я вернулся в Аррас, начальник штаба генерала Горта произнес перед нами блестящую речь.

— Я полагаю, — сказал он, — что за эти зимние месяцы мы одержали большую победу. В самом деле, сравните международную обстановку в конце августа 1939 года с нынешней. Тогда мы были уверены, что нам придется сражаться не только с Германией, но и с Италией, Испанией, Японией; мы не знали, снимет ли Америка эмбарго на вывоз оружия, поддержат ли нас доминионы, не восстанут ли против нас арабы... А что мы видим сегодня? Италия, Испания, Япония сохраняют нейтралитет, Америка сняла эмбарго на вывоз оружия, доминионы на нашей стороне, даже арабы поддерживают нас. Прибавьте к этому, что мобилизация во Франции идет полным ходом, так что немцам, скорее всего, не удастся применить на Западном фронте тактику «блицкрига», — разве все это не дает нам права считать, что мы одержали большую победу?..

В тот момент доводы эти казались мне неопровержимыми. Но

¹ «Хочу добавки...» (англ.)

люди, имевшие возможность сравнить силы воюющих сторон, придерживались иного мнения. Страны, сохранявшие нейтралитет, утратили веру в нашу победу. Известно, например, что, хотя Муссолини явно симпатизировал Гитлеру, в начале войны Италия пыталась беспристрастно наблюдать за ходом событий, но начиная с февраля итальянские руководители пришли к выводу, что союзники не воспользовались как следует данной им отсрочкой и военное превосходство рейха не только не уменьшилось, но, напротив, возросло. В воркующем голосе дикторши итальянского радио, ведущей передачи для французов, стали проскальзывать насмешливые и даже враждебные нотки. Мои французские друзья, общавшиеся с итальянцами, делились со мной самыми мрачными предчувствиями.

— Я прощаюсь с вами навсегда, — сказал граф Вольпи Пьеру Лиоте *. — Вы даже не представляете себе, какой шквал металла и огня обрушится на ваши головы... Вы обречены!

Италия сделала выбор и теперь только дожидалась подходящего момента, чтобы вступить в войну.

Что же произошло? Неужели восемь месяцев отсрочки так и пропали для нас впустую? Безоговорочно утверждать это было бы несправедливо по отношению к храбрецам с Саара, грудью вставшим на защиту родной страны, по отношению к французским и английским солдатам, перекопавшим столько земли и перемесившим столько бетона, по отношению к некоторым штабам, с такой тщательностью разрабатывавшим планы военных действий. Многие французы и англичане в эти восемь месяцев, с сентября по май, трудились на совесть, но большая часть их трудов пропала даром. Их руководители находились в плену трех ложных представлений:

а) что в 1939 году можно будет, как в 1914, долгое время отбивать атаки противника на одном и том же оборонительном рубеже и, следовательно, нужно строить и укреплять этот рубеж;

б) что опыт Польши непригоден для Франции и что, следовательно, нам нет нужды перевооружать нашу армию и переучивать наших солдат, руководствуясь новыми принципами;

в) что война затянется надолго и, следовательно, нужно готовить промышленность и экономику страны к сражениям 1941 и 1942 годов.

Если прибавить к этим серьезным заблуждениям всеобщее равнодушие, объяснявшееся во Франции политическими разногласиями, а в Англии чрезмерным благодушием всего населения, становится вполне понятно, почему спустя восемь и даже десять месяцев после объявления войны Франция и Англия все еще не были готовы отразить нападение адской машины, которую третий рейх методично и тщательно собирал целых семь лет.

III

Почему обстоятельства личного порядка затруднили ведение войны?

В истории не раз бывали случаи, когда соперничество политических деятелей пагубно влияло на ход военных действий и обстановку в стране. В 1918 году во главе государства стоял Клемансо. К счастью для французов, он был человеком достаточно энергичным, чтобы поставить на место всякого, кто вздумает ему мешать. В 1939 году, напротив, страна была в руках двух человек — Эдуарда Даладье и Поля Рейно, которые, несмотря на весь свой патриотизм, беспрерывно боролись за власть, и их непримиримая вражда стала одной из причин наших несчастий.

В день коронации короля Георга VI в Вестминстерском аббатстве * один офицер британской армии, стоявший рядом со мной, спросил меня о Поле Рейно:

— Кто этот человек с раскосыми глазами?

Я ответил:

— Этот человек — будущий премьер-министр Франции.

С того момента, как Поль Рейно женился на Жанне Анри-Робер, дочери крупного адвоката и подруге детства моей жены, я с неослабным интересом следил за его карьерой. Я считал его одним из самых мудрых и смелых французских политических деятелей. Мне не раз приходилось видеть, как Рейно вопреки интересам своей партии отстаивал идеи, от которых его избиратели, должно быть, приходили в ужас. Когда курс фунта стерлингов упал, у него одного хватило мужества высказаться за девальвацию франка — как показали дальнейшие события, это был единственный выход из положения. Он один из всех депутатов парламента тщательно изучил предложение полковника де Голля о моторизации армии и выступал за создание мощных бронетанковых дивизий. Он один в ту пору, когда французская молодежь была предоставлена самой себе, назвал свою политическую брошюру «Юные, какой вы хотите видеть Францию?».

Незадолго до войны он был назначен на пост министра финансов и, хотя предшественники его никак не могли выбить для государственной казны никаких кредитов, в несколько недель сумел получить крупные займы, исчислявшиеся миллиардами долларов... Приятно было видеть Рейно, когда он был в ударе: засунув руки в карманы брюк, он приподнимался на цыпочках, вытягивал шею, чтобы казаться выше ростом, и чеканил язвительные образные фразы. Мы прозвали его «бойцовым петушком» и надеялись, что он будет биться за правое дело.

Но воинственность Рейно, его самоуверенность, жесткая и блестящая логика его речей, умение быть всегда правым, когда дело

касались финансовых и экономических вопросов, в которых слабо разбирался собеседник, естественно, выводили из себя его коллег, и прежде всего Даладье. Тот не уступал Рейно в красноречии, но предпочитал иной тон: победно-агрессивной деловитости своего соперника он противопоставлял простоту, прочувствованность. Когда Даладье, выступая перед народом, говорил о войне, все — буржуа, рабочие, крестьяне — ощущали, что провинциальный акцент, серьезность, искреннее стремление к миру роднят премьер-министра с рядовыми гражданами.

Эдуарду Даладье, в прошлом преподавателю истории, изучение славного прошлого Франции вкупе с благородством души дало немало оснований для пламенной любви к родине. Все это не может не вызывать симпатии, но достоинства уживались в характере Даладье с двумя крупными недостатками: мрачной подозрительностью, которая заставляла его с недоверием относиться ко всем своим коллегам, и почти болезненным безволием. Когда на заседании совета министров он в приступе ярости стучал кулаком по столу, удары, по уверению его коллег, звучали глухо. «Овца в волчьей шкуре», — говорили министры. Но, кроме них, никто не понимал истинной сущности характера Даладье: в народе этого крепкого приземистого человека прозвали «камаргским бычком» и ждали от него решительных действий.

— Кто, по-вашему, был бы идеальным преемником Даладье? — спросил я однажды у Рейно.

— Даладье, каким его видят французы, — ответил тот.

Из-за своей недоверчивости и вспыльчивости Эдуард Даладье не поладил в свое время с Эдуардом Эррио, и распря между ними — «война двух Эдуардов» * — стала причиной раскола в их партии, партии радикалов. В одной комедии Тристана Бернара есть персонаж, которого друзья называют «Троеручка» * и который настолько неуверен в себе, что даже в день собственной свадьбы не знает, пойти ли ему в церковь. «Даладье — истинный Троеручка», — говорил Поль Рейно, и, видимо, именно из-за этого свойства своего характера премьер-министр то участвовал в создании Народного фронта, то отстаивал интересы буржуазии. А вот что говорил Даладье о Рейно: «Он разглагольствует с таким самодовольством, что я, чтобы не взорваться, воображаю его в виде павлина, веером распутившего хвост».

Таковыми были эти два человека, стоявшие у кормила власти в ту пору, когда Франция вступила в страшнейшую из войн. Вместо того чтобы помогать друг другу и править страной сообща, они только и делали, что ссорились, а когда в дело вмешались женщины, взаимное ожесточение переросло в ненависть.

Я с удовольствием умолчал бы об этой на первый взгляд такой незначительной стороне разыгравшейся во Франции трагедии, но

пагубное влияние частной жизни некоторых наших политиков на их общественную деятельность—факт бесспорный. К тому же многое из того, о чем мне придется рассказывать, все равно ни для кого не является секретом. Неверно, совершенно неверно утверждать, что в 1939 году нравы моих соотечественников были развращены; миллионы семейств жили в ту пору в мире и согласии. Но жизнь тех трех тысяч парижан, которые, по выражению Байрона, «считают, что вершат судьбы мира, оттого что поздно ложатся спать», протекала иначе. Как правило, они не придавали большого значения своим любовным похождениям и увлечениям; тем не менее дальнейшие события показали, что именно эта сторона их жизни может привести государство на край бездны и что «человек, который хочет стать королем» *, должен прежде всего научиться управлять собой и смирять свои собственные страсти.

Главной советчицей Даладье стала после смерти его жены маркиза де С... Эта хорошенькая блондинка, молодая и грациозная, любила власть и, к несчастью, чрезвычайно интересовалась политикой и экономикой. Впрочем, она умела оставаться в тени, не желая скомпрометировать великого человека; более того, ее скрытое влияние порой бывало благотворным. Подруга Поля Рейно графиня де П..., напротив, была взбалмошна, вспыльчива, охотно ввязывалась в склоки и со временем стала просто опасна. С самого начала войны она слушалась только голоса собственного тщеславия. Ей было мало назначения Поля Рейно на пост министра финансов, она хотела любой ценой сделать его премьер-министром. Не было такого салона в Париже, где бы она не прожужжала всем уши об инертности Даладье, его лени и безынициативности и не дала понять, что давно пора посадить на его место Рейно. Естественно, все эти излияния в тот же вечер доходили до Даладье и его ненависть к Рейно от этого возрастала еще больше. Дошло до того, что некоторое время два руководителя воюющей державы вовсе не разговаривали между собой. Эта абсурдная, чудовищная ситуация была чревата ужасными последствиями для всей страны.

Что до меня, то я, приезжая из Арраса в Париж, любил побеседовать с Полем Рейно, который как никто другой умел блестяще и жестко обрисовать политическую обстановку. Помню, как 19 марта в перерыве между двумя заседаниями палаты депутатов он зашел ко мне и мы вместе поужинали. То был несчастный день для кабинета Даладье. Финская война тревожила парламент, и депутаты упрекали премьер-министра в нерасторопности. Упрек был, скорее всего, несправедлив, так как было трудно, практически невозможно организовать эту операцию: она наверняка закончилась бы провалом. Но депутаты потребовали закрытого заседания, которое заняло всю вторую половину дня и

после перерыва должно было продолжиться в 10 часов вечера.

Рейно пришел к нам в восемь.

— Бедняга Даладье был сегодня не в ударе, — сказал он входя. — Похоже, что ночью его ждет отставка.

— А кто займет его место? — спросила моя жена. — Вы?

— Это зависит от президента республики, — сказал Рейно, — а также от мнения большинства.

— Если вы станете премьер-министром, — сказал я ему, — вам придется ввести Даладье в состав нового кабинета. Он все еще очень популярен в народе.

— Потому что народ не знает его.

— Возможно, но это не меняет дела. У вас есть талант, но нет союзников. Радикалы останутся верны своему Даладье, да и правые, к которым принадлежите вы, тоже предпочтут Даладье, поскольку вы презираете их и не даете себе труда скрывать это.

Он улыбнулся и сказал, что, если президент Лебрэн поручит ему формирование правительства, он постарается отдать Даладье портфель военного министра. В десять вечера он отправился в Бурбонский дворец. Ночью, как он и предполагал, Даладье был смещен. Заняв его место, Рейно немедленно приступил к формированию нового кабинета. К сожалению, при всем своем уме он проявил в этом сложном деле поразительную неадекватность и пренебрежение к общественному мнению. Тогда-то мне впервые пришло в голову, что этот великолепный диалектик оторван от реального мира и живет в мире идей, а не людей. Он сформировал такое правительство, которое не могло не восстановить против него и радикалов, и умеренных. Он в самом деле оставил Даладье в правительстве, но бывший премьер-министр затаил вражду и, решив отомстить, думал только о том, как бы при случае взорвать министерский корабль, на борту которого он чувствовал себя не столько штурманом, сколько пленником.

В парламенте Рейно с огромным трудом добился перевеса в *один* голос! В глубине души депутаты недолюбливали его и уже раскаивались в том, что сместили Даладье. На этом заседании Рейно почувствовал враждебность аудитории и, утратив обычную уверенность в себе, произнес очень скверную речь.

На следующий день я возвратился в Аррас. Все мои товарищи-французы были неприятно поражены составом нового правительства, считая его вызовом общественному мнению. В военное время полный разрыв между правительством и народом особенно опасен. Я не успел увидеться с Рейно после того, как он стал премьер-министром. Из Арраса я послал ему в качестве поздравления фразу Барреса: «В мирное время парламент представляет страну, а в военное — армию...» И добавил: «Помните о нас».

С самого начала войны Поль Рейно не скрывал своей неприязни к генералу Гамелену. Он упрекал его в бездеятельности и утверждал, что армия не может на него положиться. Мне трудно было судить о том, насколько справедливы эти упреки. Действительно, в сентябре 1939 года генерал не предпринял мощного наступления на «линию Зигфрида», ограничившись осторожными вылазками в районе Саара. Противники Гамелена утверждали, что этот период был наиболее благоприятен для решительного удара, поскольку основные силы немцев находились тогда в Польше. На это генерал Гамелен отвечал, что в начале войны у нас не было необходимого для наступательных действий вооружения, и прежде всего тяжелой артиллерии. В таких условиях наступление привело бы к серьезным потерям.

Я не хочу начинать войну с битвы под Верденом, — сказал тогда генерал Гамелен. И пояснил свою мысль: — Во Франции вообще низкая рождаемость, кроме того, мы понесли тяжелые потери во время последней войны. Мы не перенесем нового кровопролития. Мы должны вести войну на научной основе и точно предвидеть ход событий, чтобы свести потери к нулю.

Признаюсь, в ту пору подобные речи казались мне верхом предусмотрительности. Не мне, дилетанту, было подвергать сомнению точку зрения такого авторитета, как генерал Гамелен. В битве на Марне * он сражался бок о бок с Жоффром и придумал тот маневр, который решил исход боя. Он был идеальным офицером штаба, а на поле битвы — прекрасным командиром дивизии.

Первая встреча с этим человеком озадачивала: в нем было что-то таинственное, неуловимое. Маленькие глазки, короткие жесткие усы, тонкогубый рот — и абсолютно непроницаемое, неподвижное лицо. Ни кипучей энергии Фоша, ни грубоватого добродушия Жоффра. Гамелен был скуп на слова; как-то до войны мы были приглашены в один дом — за целый обед он не проронил ни слова. Однако он был учтив и скромен. Подчиненные любили его. Ко мне генерал Гамелен всегда относился очень доброжелательно. Впервые появившись в штаб-квартире Горта и увидев меня в форме, он спросил:

— Как, в ваши годы вы все еще лейтенант?

— Я лейтенант еще с прошлой войны, господин генерал.

— Двадцать лет выслуги! — сказал он со смехом. — Это немало. Я произведу вас в капитаны.

Когда он приехал к нам в следующий раз, я по-прежнему оставался лейтенантом. Он удивился.

— В чем дело? — спросил он полковника Петибона. — Я приказал вам позвонить в Военное министерство насчет производства Андре Моруа в капитаны.

— Я так и поступил, господин генерал, — ответил полковник, — но тут есть одно затруднение: по уставу требуется дважды побывать на учениях, а господин Моруа был на них всего один раз.

Генерал Гамелен обернулся к генералу Гурту:

— Везде свои трудности, — сказал он, — но кто бы мог подумать, что главнокомандующий французской армией не может повысить лейтенанта в звании!

Когда меня произвели в капитаны, он прислал мне очень милую записку: «Наконец-то!.. Не смею даже поздравить Вас!» — и пригласил меня в гости в свою штаб-квартиру в Венсенском замке. Я прекрасно помню наш завтрак в сводчатом зале крепости; за столом кроме штабных офицеров сидели генерал Ногес, командующий нашими войсками в Северной Африке, и г-н Брюжер, французский посол в Белграде. За завтраком речь шла о делах: генерал Ногес говорил о нуждах своей армии, г-н Брюжер — об оружии, которое Югославия заказала во Франции и до сих пор не получила. Точность и ясность ответов Гамелена, его прекрасная осведомленность производили самое благоприятное впечатление. Меня он расспрашивал о 51-й британской дивизии, отбывавшей на Саар. Потом разговор зашел о Французской академии и академическом словаре *:

— Нам нужно новое слово, новое название для нынешних солдат. Парни, воевавшие в 1914 году, сами окрестили себя «пуа-лю» *, а те, кому предстоит сражаться в 1941, еще не нашли себе крестного отца.

Г-н Брюжер спросил генерала, ожидается ли в ближайшее время наступление немцев.

— Да, судя по донесениям наших летчиков и разведчиков, все идет к тому... Немцы усиленно подвозят к границе артиллерию и боеприпасы, эвакуируют гражданское население... Конечно, все это может быть тактической уловкой, но Геринг во вчерашней речи говорил о том, что наступает пора больших перемен, а он в таких случаях обычно не лжет. Похоже, нам предстоят жаркие бои.

Спокойствие, с которым генерал Гамелен ждал удара, обнадёживало. Казалось, будто видишь перед собой невозмутимого здоровяка Жоффра. Однако Поль Рейно был иного мнения.

— Зачем нам два главнокомандующих? — говорил он. — Если армией командует генерал Жорж *, пусть генерал Гамелен удовольствуется ролью начальника генерального штаба национальной обороны...

Не только характеры премьер-министра и верховного главнокомандующего, но и их понимание войны были полностью противоположны. Гамелен с самого начала военных действий предпочитал оборонительную и выжидательную тактику, Рейно высказывался за наступление и быстроту действий.

— Генерал, думающий только об обороне, обречен на поражение, — говорил он.

Добившись власти благодаря своим обещаниям вести войну «более энергично», Рейно чувствовал себя обязанным предпринять серьезные шаги, но возможности его были ограничены. С самой первой своей поездки в Лондон он начал требовать, чтобы англичане заминировали норвежские территориальные воды. Чуть позже он извлек из архивов министерства иностранных дел проект франко-английского договора об отказе обеих сторон от сепаратного мира — договора, заключению которого неизменно противился Даладье. Затем он вернулся к вопросу о Бельгии*. Надо ли дожидаться просьбы бельгийского правительства, чтобы ввести туда войска? Рейно попытался оказать давление на руководителей бельгийского государства.

— Вы с нами или против нас? — спросил он бельгийских министров... — Если с нами, давайте поскорее займемся укреплением наших границ. А если против нас...

Генералу Гамелену эта политика была не по душе, ему казалось, что она может настроить двадцать пять бельгийских дивизий против нас. Между Гамеленом и Рейно произошла ссора. Премьер-министр еще в апреле с удовольствием назначил бы на пост верховного главнокомандующего генерала Жоржа, но Даладье, бывший в ту пору военным министром, пригрозил, что в этом случае он немедленно подаст в отставку. На такой риск Рейно пойти не мог. Впрочем, его собственные позиции как будто несколько укрепились. Победа французского флота в сражении при Нарвике* произвела на французов большое впечатление, и престиж Рейно, как главного инициатора норвежской кампании, возрос.

— Мы полностью отрезали немцам доступ к месторождениям железной руды, — заверил он парламент 20 апреля.

Правительство, которое несколько дней назад имело преимущество всего в один голос, на сей раз добилось в парламенте единодушного одобрения. Это показалось мне добрым знаком, но вечером того же дня один сенатор с дьявольской усмешкой разъяснил мне, что радоваться тут нечему.

— Вы ничего не смыслите в парламентской тактике! — сказал он, снисходя к моему невежеству... — Единогласное одобрение — дело рук противников Рейно; ведь единогласное одобрение безлико, это голос всей нации, всего народа, подлинный же успех для политика — большинство голосов.

На следующий день меня принял сам Рейно. Засунув руки в карманы, он расхаживал по своему кабинету на Кэ д'Орсе. Своим звонким голосом он поведал мне, как обстояли дела во Франции в момент его прихода к власти, и я ужаснулся.

— Наши танки, — сказал он, — существовали только на бумаге... Из-за общей неразберихи пушки и пулеметы, необходимые фронту, пылились на складах. У немцев было двести, а то и двести сорок дивизий, а у нас с трудом набиралась сотня... Всякая попытка реформы наталкивалась на сопротивление Даладье, у правительства были связаны руки...

— Но ведь Даладье — истинный патриот, — возразил я, — невозможно без волнения слушать его выступления по радио.

— Да, — сказал Рейно, — я допускаю, что он желает победы Франции, но еще сильнее он желает моего поражения...

Эти страшные, идущие из глубины души, хотя, наверное, несправедливые, слова заставили меня еще острее ощутить, какая пропасть пролегает между ним и Даладье.

Я вновь встретился с Полем Рейно 6 мая, он был подавлен, нервничал. На его письменном столе стояли три телефона: один городской, другой внутренний, для связи с членами правительства, а третий соединял его со спальней госпожи де П... Этот третий телефон трезвонил непрерывно. Рейно снимал трубку, слушал несколько секунд, потом измученно восклицал: «Да... Я же сказал, да... Ведь мы же обо всем договорились... Прошу Вас, не мешайте мне работать...»

В конце концов он просто перестал снимать трубку.

Дела в Норвегии шли неважно*. Здесь впервые стало очевидным подавляющее превосходство немецкой военной техники. Теперь даже самые большие оптимисты волей-неволей признали разницу между тщательно подготовленной, продуманной до мельчайших деталей операцией и поспешной импровизацией, подставляющей отважных, но безоружных солдат, у которых нет даже зенитных пушек, под бомбы и пулеметы авиации противника. Рейно возлагал вину за эту чреватую катастрофой опрометчивость на своих политических противников.

— От меня все скрывали, — сказал он мне, — в частности, письмо адмирала Дарлана, где он предупреждал о трудностях норвежской операции... Знай я о них заранее, я вряд ли ввязался бы в это дело... Но я сегодня же отправлюсь в сенат и выскажу там все, что я об этом думаю.

На сей раз Рейно и Даладье спорили так ожесточенно, что президенту Леброну пришлось призвать их к порядку.

В начале мая я был в отпуске и 10 числа с утра собирался за город. В половине девятого я включил радио и узнал, что немцы вступили в Бельгию и Голландию. Решительное наступление началось. Командование отменило все отпуска, и я отправился на Северный вокзал, чтобы вернуться в Аррас. В поезд набилось столько французских и английских солдат, что пришлось прице-

пить к составу несколько дополнительных вагонов. Настроение моих спутников мне понравилось. Они были совершенно спокойны, чувствовалось даже, что им приятно наконец распротиться с бездействием и неуверенностью. На перроне толпились жены, пришедшие проводить мужей. Рядом со мной в коридоре у открытого окна стоял пехотный капитан и давал жене последние наставления:

— Так вот, дорогая... Деньги лежат в левом ящике моего письменного стола, а мелочь в тумбочке в спальне... Ключи от машины и от гаража в моей комнате на комод, в шкатулке... Скажи Берте, чтобы она пересыпала камфарой мои костюмы... Пусть кто-нибудь смажет велосипед Жана, он скрипит... Что-что?... Два дня пролетели слишком быстро?.. Конечно, но не забывай, что их могло вовсе не быть... Если мы теперь остановим немцев, войне, даст бог, конец.

Жена мужественно улыбалась. Неправда, что люди упали духом еще до начала наступления. В высших кругах, гораздо лучше осведомленных, многие в самом деле смотрели на события мрачно, но массы еще не потеряли веры в победу, да и радио по восемь раз в день заряжало народ очередной порцией иллюзий. Известие о прорыве немцев под Седаном оказалось для парижан страшным ударом, к которому они совершенно не были подготовлены. Все допускали возможность отступления наших войск, это случалось и в 1914 году. Но французы были уверены, что всякое продвижение противника в глубь французской территории будет тотчас остановлено. 17 мая генерал Гамелен предупредил правительство, что немецкая мотопехотная дивизия движется в направлении Лана и что уже ночью враг может войти в Париж. Министрства охватила паника.

На следующее утро парижане узнали, что немцы повернули к морю и что еще несколько дней столице Франции ничто не грозит. На сей раз, осмелев от сознания надвигающейся опасности, Рейно принял решение, которое уже столько раз откладывал. Чтобы отстранить от командования ставленника Даладье генерала Гамелена, несущего, по его мнению, ответственность за поражение, он сам занял пост военного министра, отдав Даладье портфель министра иностранных дел. Кого же он хотел назначить верховным главнокомандующим? Долгое время он прочил на эту должность генерала Жоржа, однако такое решение было бы крайне неприятно Гамелену, поскольку два генерала враждовали так же непримиримо, как Рейно и Даладье, и факт этот был широко известен и в военных, и в парламентских кругах.

Между тем интересы армии и всей страны требовали полюбовного решения вопроса о передаче командования.

Другим возможным претендентом был Ногес *, превосходно

проявивший себя в Северной Африке, и в частности в Марокко. Из более молодых генералов были популярны Хюнтцигер * и Жиро. Хюнтцигер имел репутацию человека очень умного и образованного, его армия оказала достойное сопротивление противнику. Жиро, к несчастью, недавно попал в плен. Рейно остановил свой выбор на командующем Восточной армией генерале Вейгане * и срочно вызвал его в Париж. Вейган был правой рукой маршала Фоша в 1918 году, когда тот обратил почти неизбежное поражение французской армии в победу. Не удивительно, что Рейно возлагал большие надежды на его опыт.

Одновременно Рейно назначил своим заместителем маршала Петена.

Петен пользовался в стране необыкновенным авторитетом. Благородные и правильные черты лица, светлые глаза, высокий рост, властный вид, холодноватая, чуть насмешливая манера держаться — все в нем выдавало человека незаурядного. Из шести маршалов, творцов и свидетелей нашей славы в прошлой войне, в живых оставались только он да Франше д'Эсперэ *. В свои восемьдесят четыре года Петен по-прежнему был молод и бодр; это изумляло и внушало почтение.

Приблизив к себе Петена, Рейно рассчитывал прежде всего на то, что непререкаемый авторитет маршала поможет ему укрепить свои собственные позиции и подбодрить народ. Но он глубоко заблуждался, видя в своем коллеге только имя и славное прошлое. В лице Петена он обрел судью * и преемника.

Мучительная борьба Рейно и Даладьё закончилась 6 июня полным отстранением последнего от руководства государством. Того, кто еще несколько месяцев назад правил Францией, пользовался большой популярностью и казался неприкосновенным, унес обрушившийся на страну ураган, и никто не только не огорчился, но даже и не удивился этому.

А тем временем давний протеже Даладьё генерал Гамелен, распроставшись с военной формой, в тихом, утопающем в зелени особнячке на авеню Фош отстукивал на машинке мемуары, призванные оправдать его действия. Одна приятельница четы Гамеленов, оставшаяся верной им и после того, как они впали в немилость, зашла перед отъездом из Парижа попрощаться с госпожой Гамелен. Супруга генерала спокойно и безропотно сносила свою судьбу.

— Генерал, — сказала она, — теперь рядом со мной. Но думает он не о себе, а о Франции, о наших солдатах... Муж высоко ценит генерала Вейгана и надеется, что ему удастся остановить продвижение противника.

Затем любящая и верная жена бросила нежный взгляд на

дверь в соседнюю комнату, где я когда-то любовался очаровательным портретом юного Гамелена, нарисованным его матерью: маленький Морис в платьице до пят бьет в барабан.

— Слышите? — сказала она взволнованно... — Это стук его пишущей машинки.

Я рассказал об основных обстоятельствах «личного порядка», затруднивших ведение войны. Мне могут возразить, что подобные обстоятельства существовали во все времена, что зависть и тщеславие — вечные страсти, что в 1914 году Клемансо и Пуанкаре так же ненавидели друг друга, но это не помешало нам выиграть войну. Все это верно, однако в 1914 году душевное благородство и любовь к родине одержали верх над страстями. Пуанкаре не любил Клемансо, но честно трудился бок о бок с ним. Петен самоотверженно согласился служить под командой Фоша. В 1940 году все было иначе: во Франции царил такой разброд, бушевали такие политические страсти, что ненависть отдельных государственных деятелей друг к другу не знала границ. Конечно, основная причина поражения крылась не в разногласиях политиков. Мы уже говорили, что она состояла в недостаточной военной, дипломатической и экономической подготовленности союзников. Но вражда министров и отсутствие человека, способного не только возглавить правительство, но и сплотить его, лишили наши войска последних шансов на победу.

IV

Почему наступление немцев так быстро увенчалось победой?

В начале мая 1940 года, за несколько дней до того, как французская Девятая армия под командованием генерала Корапа в беспорядке отступила под натиском немецких бронетанковых дивизий, я побывал в расположении этой армии. Штаб ее находился в Вервене, старинном сонном городке, где ставни никогда не открывались во всю ширь; по его мощенным булыжником улицам офицеры, словно штатские чиновники, степенно шествовали в назначенные часы на службу.

Вечером в день своего приезда я написал жене, что люди здесь, «в общем-то, симпатичные, но какие-то старообразные и пыльные...».

Генерал Корап, застенчивый, умный, очень полный человек, с трудом влезающий в автомобиль, мало походил на военного. Он был интересным собеседником, но чувствовалось, что он живет только прошлым. Он рассказал мне, как во времена англо-фран-

цузского конфликта в Судане * юным лейтенантом сражался с англичанами, а затем в 1925 году подавлял в Марокко восстание Абд Аль-Керима *. Эта операция стала вершиной его военной карьеры, однако по сравнению с той задачей, которую генералу предстояло решить теперь, вершина казалась крошечным холмиком.

Я побывал в подразделениях, занимавших позиции перед Фурми и Шарлевилем, и был поражен их малочисленностью. В Вервен я возвращался по совершенно безлюдной местности. Машина катила по деревням, где солдат не было и в помине, и я не мог выбросить из головы мысль о скором наступлении противника. С какой легкостью немецкие бронетанковые дивизии, перейди они границу, дошли бы до Вервена! А что ждало их в городе? Деревянные укрепления, которые опрокинул бы и ребенок, часовой с примкнутым штыком да жандармский бригадир. Нечего сказать, оборона!

Все дело было в том, что боевой порядок франко-английских войск в целом не отвечал ни потребностям войны нового типа, такой, какую немцы вели в сентябре 1939 года в Польше, ни извечным потребностям войны вообще.

Как, например, были размещены наши части? Необходимость охранять длинную границу заставила командование растянуть войска вдоль нее от Дюнкерка до Ментоны узенькой лентой. Это был пережиток прошлой войны. В 1914 году такая тактика пришлась очень кстати: ведь противник был недостаточно силен, чтобы прорвать нашу оборону. Однако все крупные теоретики и практики военного дела высказывались против подобного размещения войск, считая его весьма опасным. Все они предпочитали иную организацию обороны — глубоко эшелонированную, когда в тылу, за передней линией, сосредоточен мощный ударный кулак, способный перейти в контратаку или, если противник провет передний край, закрыть брешу.

Увы, в 1940 году силы наши были так малочисленны, что никаких ударных группировок не имелось. Лучшие наши части находились на самой границе. Прорвав передовую линию, противник не встретил бы уже никакого сопротивления, и его дальнейшее продвижение ничем не отличалось бы от обычного марша. Конечно, на пути у немцев оказались бы города. Но кому было их защищать? Во все головы крепко засела идея развернутого наступления по всему фронту, когда, как в 1914 году, противник продвигается в глубь территории очень медленно, не больше чем на несколько километров в день и довольно скоро становится весьма уязвимой мишенью, поэтому никто не позаботился об обороне Дуэ, Вервена, Абвиля и Амьена, а ведь эти города находились недалеко от линии фронта.

Размещавшимися там подразделениями командовали полковники и генералы, давным-давно вышедшие в отставку. В начале войны их снова призвали и назначили на посты, являвшиеся, по сути дела, административными синекурами. Эти милые старички, добросовестные чиновники, утопающие в кипах деловых бумаг, не задавались вопросом, как они поступят, если вражеские танки или вооруженные пулеметами мотоциклисты окажутся у ворот их цитаделей.

Ситуация осложнялась еще и тем, что все эти города вместе с соединявшими их железными дорогами образовывали *сеть коммуникаций* нашей армии. Снабжение британской армии могло производиться по железнодорожной линии Амьен-Аррас-Дуэ-Лилль или в крайнем случае по ветке Абвиль—Булонь. Но если бы немцы перекрыли эти пути сообщения, британская армия оказалась бы отрезанной от своих баз. Ее склады продовольствия, обмундирования и боеприпасов находились в Гавре, Шартре, Нанте, а ближайшие к передовой базы—в районе Абвиля, Сен-Поля, Арраса. Допустим, противник прорвал бы линию фронта и отрезал армию от складов. Нетрудно догадаться, что через несколько дней наши части остались бы без продовольствия и снарядов. Что же сделало командование, чтобы предотвратить эту опасность? Что оно сделало, чтобы помешать врагу атаковать нас с флангов, а не с фронта?.. Ровным счетом ничего.

Но если уж наши стратеги решили сделать все ставки на передовую линию, и только на нее одну, нужно было защищать ее до последнего. Наш передний край был укреплен не очень надежно, но кое-какие достижения здесь имелись; на британском участке фронта мощные экскаваторы, привезенные из Англии, вырыли в марте и апреле противотанковые рвы более внушительных размеров, чем те жалкие канавы, вид которых встревожил меня в октябре 1939 года. Однако — верх безрассудства! — при первом же появлении противника солдатам было приказано покинуть доты, которые они строили в течение восьми месяцев, не жалея сил, и вступить в чистом поле в опаснейший встречный бой.

«В нынешней войне тому, кто первым высунет нос из-под панциря, придется туго...»

Эти слова я услышал однажды от генерала Гамелена. Поэтому я вполне допускаю, что он высунул нос из-под спасительного панциря не по доброй воле, а под давлением обстоятельств. Конечно, фатальная операция «Введение войск в Бельгию» обдумывалась уже давно. Несколько месяцев подряд штабные офицеры тщательнейшим образом готовились к тому дню, когда бельгийский король наконец обратится к нам за помощью, и разрабатывали наикратчайшие маршруты. Они подсчитали, что, пока бельгийцы будут давать отпор противнику, мы вполне успеем

закрепиться на линии Антверпен-Намюр. Генералу Жиро предстояло сделать бросок до Бреды. Даже немцам было доподлинно известно, как мы будем действовать, если они войдут в Бельгию, потому что мы любезно прорепетировали все наши маневры прямо у них на глазах.

Вот как это произошло: однажды на бельгийской территории приземлился немецкий самолет. У находившихся там офицеров имелся подробный план вторжения в Бельгию с указанием точной даты операции. Они сделали вид, что хотят сжечь документы, но очень ловко позволили себе помешать. Получив ценную информацию, мы немедленно приняли меры: британская армия пришла в состояние боевой готовности № 3, затем № 2, затем № 1, то есть готовности выступить через два часа. Множество подразделений пришли в движение, все британские резервные войска направились к границе, и немцы, выслав туда разведывательные самолеты, зафиксировали, к вящему своему удовольствию, численность и местоположение наших дивизий, поражаясь, наверное, блестящему успеху такой старой и грубой уловки.

Естественно, в тот момент никто не собирался нападать на Бельгию, у бельгийцев и в мыслях не было обращаться к нам за помощью, и все дивизии вернулись обратно, даром потратив не один литр горючего. Но начальник военной разведки генерал Мак Фарлан, человек, прекрасно знающий немецкую армию, единственный из англичан, строивший весьма пессимистические прогнозы по поводу исхода нынешней кампании, настаивал на необходимости усилить оборону на границе с Голландией.

— В районе Ахена по-прежнему стоят сто десять немецких дивизий, — говорил он, — это что-нибудь да значит.

11 мая я вместе с колоннами британской армии вступил в Бельгию. В прелестных городках со старинными особнячками, в чистеньких деревеньках женщины встречали нас цветами. Один из английских военных корреспондентов, растроганный таким приемом, написал лирический репортаж об этом поистине триумфальном вступлении в Бельгию; редактор вернул его к действительности: "Less flowers; more facts, please"¹. Исполнить этот приказ было нетрудно. Уже на следующий день цветы исчезли, а фактов стало более чем достаточно.

Женщины в деревнях все так же стояли на порогах своих домов, но теперь они тревожно вглядывались в небо. Впрочем, до сих пор немецкие самолеты еще не нанесли бельгийцам большого урона. Кое-где в деревнях было разрушено по два-три дома, не больше. В одном месте немцы разбомбили железнодорожный

¹ Пожалуйста, поменьше цветов и побольше фактов (англ.).

переезд и разрушили будку стрелочника. На равнине горело несколько зданий, в том числе монастырские постройки. Все это не внушало мне серьезных опасений. Но я был не прав. Первые немецкие бомбежки преследовали одну цель — устроить местное население. И цель эта была достигнута. Позже мы узнали, что в каждой деревне был свой представитель «пятой колонны», немец или бельгиец, который с самого начала бомбежки убеждал крестьян: «Уходите, пока не поздно!.. Деревню вот-вот разрушат, а вслед за летчиками придут гестаповцы... Вы ведь знаете, как они обошлись с поляками!»

Их слушались. Охваченная общей паникой, вся деревня целиком во главе с мэром, священником и должностными лицами снималась с места. Беженцы запрудили все дороги. То было необычайное зрелище. Впереди ехали автомобили богачей, с шоферами в безупречных перчатках и фуражках; за ними — автомобили мелких буржуа с матрасами на крыше; их владельцы сами вели машины; за ними тащились запряженные лошадьми деревенские телеги, на которых сидели целые семьи; затем следовали взводы, батальоны, целые армии велосипедистов, чьи красные одеяла, привязанные к раме, были бы находкой для живописца, и, наконец, в хвосте плелись толпы пеших путников.

Ничто так не заразительно, как бегство. Докатившись до очередного городка, этот двигавшийся в направлении французской границы поток увлекал с собою всех жителей. Наши мотопехотные колонны, выступившие в поход стройными рядами, тонули в людском море, выплеснувшись на дороги Бельгии. Водители останавливались, чтобы не задавить ненароком женщин и детей. В результате всякое продвижение сделалось невозможным. Впоследствии многие задавались вопросом, почему французские части не перешли вовремя в контратаку. Помимо всего прочего, в девяти случаях из десяти это было невозможно из-за дорожных пробок.

В прошлую войну даже в тот момент, когда немцы прорвали фронт под Амьеном, до такого беспорядка дело не доходило. Почему? Потому что сейчас страх перед оккупантами был сильнее; потому что намеренно распространяемые слухи вызывали у всех, даже у тех, кто горячо любил родные места, желание спастись бегством от страшной, хотя и неясной пока, опасности; потому что в 1914 году новости доходили до крестьян в последнюю очередь и они сохраняли спокойствие, а теперь радио постоянно будоражило их умы тревожными известиями; потому что численное превосходство немецкой авиации было так очевидно, что гражданское население ощущало себя совершенно беззащитным.

Если бы военные и гражданские власти проявили предельную

твердость, *строго-настрого* запретив кому бы то ни было покидать родные места, изобразили хоть какое-то подобие обороны, установив кое-где на крышах домов пулеметы и увеличив число истребителей в небе Бельгии, население, пожалуй, не тронулось бы с насиженных мест. Однако власти чаще всего сами поддавались общему настрою и спасались бегством; пулеметов и самолетов не хватало. Беззащитные люди в страхе бросались куда глаза глядят, и многотысячные толпы изголодавшихся беженцев обрушивались на попадавшийся им на пути городок, словно тучи саранчи.

Мало того, что полнейшая неразбериха мешала своевременно исполнять приказы — сами эти приказы как назло запаздывали и не отвечали потребностям момента. Мало того, что в разгар боя были смещены верховный главнокомандующий и пятнадцать генералов, — новый главнокомандующий генерал Вейган по пути из Сирии попал в шторм и прибыл на родину с опозданием. Северной группой наших армий, принявшей на себя первый удар, командовал генерал Бийот, человек энергичный и знающий свое дело, — к несчастью, в самый напряженный момент он погиб в автомобильной катастрофе. Заменявший его генерал Бланшар тоже был не новичок в военных делах, но новое назначение застало его врасплох, четко налаженной связи с войсковыми подразделениями у него не было, и повернуть ход событий в сложившихся крайне неблагоприятных условиях он не сумел.

Воистину, когда размышляешь о бесконечной цепи несчастных случаев, срывов, роковых стечений обстоятельств, приведших нас к столь стремительному и полному крушению, поневоле вспоминаешь античные трагедии, где несчастного изгоя, от которого отвернулись боги, карает жестокий и непредсказуемый рок.

Я находился в штабе британской армии, когда до нас дошла весть о прорыве немцев под Седаном и разгроме армии Корапа. Мои английские товарищи, вероятно щадя меня, а может быть, и робея, таили от меня эти события. Официальные сообщения были осторожны и туманны, но я чувствовал, что от меня что-то скрывают: друзья при моем появлении замолкали, а командование дало приказ отступить. Наконец англичане рассказали мне все, что знали.

По всей линии фронта был осуществлен молниеносный прорыв. Как это произошло? Благодаря трем факторам — внезапности, массивности удара и использованию противником средств устрашения. Тысячи танков с огнеметами, вой самолетных сирен — всему этому армия Корапа не могла противостоять. Я видел документальный фильм о нападении на Польшу: струи огня, которыми поливала противника танковая дивизия, напоминали апо-

калипсическое видение. Самые мужественные из бойцов, неожиданно и без всякой подготовки оказавшись перед лицом такой опасности, теряли самообладание.

Наверное, они попытались бы продолжать борьбу, будь у них противотанковые орудия. Но каков же был их ужас, когда выяснилось, что их снаряды не могут пробить броню мощнейших немецких танков. Заводы «Шкода» выпускали танки с такой крепкой броней, какая нам и не снилась: наши снаряды были для них не страшнее, чем стрелы лилипутов для Гулливера. Правда, наши артиллеристы довольно скоро обнаружили, что в некоторых случаях пушка-семидесятимиллиметровка может быть использована как противотанковое орудие, но это была крайняя мера, а не способ организованной обороны.

Тогда, в мае, никто из нас не мог понять, как немцам удалось переправиться через Маас. Неужели мосты не были заминированы? В британской армии в ходу была версия, согласно которой вражеские парашютисты или шпионы убили тех, кто должен был взорвать мосты; к тому же мин все равно не хватило бы. Кроме того, в Арденнах предатели из «пятой колонны» оказали такую действенную помощь немецким мотопехотным частям, что по скорости продвижения немцы побили все рекорды и армия Коррапа была застигнута врасплох.

Один из самых героических эпизодов войны относится ко времени боев за Маас. Французские и английские летчики получили приказ во что бы то ни стало разрушить часть мостов через реку. Две авиационные группы, по одной от каждой страны, самоотверженно пошли на верную смерть. Вначале на бреющем полете над целью пролетели французы, за ними последовали англичане. Точной цифры французских потерь я не знаю, но из шестидесяти английских самолетов уцелели только двадцать.

Этот пример, равно как и тысяча других, доказывает, что в армиях союзников не было недостатка в героях. Неверно, что солдаты с самого начала были морально разоружены и неспособны к сопротивлению. Участники сражения во Фландрии не уступали в храбрости тем солдатам, что бились на Марне. Подобно тому как тело, ослабленное усталостью или заботами, подвержено губительному воздействию микробов, безопасных для здорового организма, так и наши войска поддались тлетворному влиянию малодушия, только когда в полной мере выявилась наша неподготовленность к войне.

Люди привыкают и к победам, и к поражениям. Знакомивший меня с армией Коррапа лейтенант Жюмильяк, большой любитель верховой езды, сказал мне, когда речь зашла о норвежском деле: «Скверно, что мы начали войну с поражения... Хуже нет, когда на тренировке лошадь постоянно приходит последней... Она при-

выкает к этому, теряет самолюбие и считает естественным плестись в хвосте».

Эта мудрая мысль приложима не только к лошадям, но и к армиям. Победы придают им уверенность в своих силах, поражение отнимает веру в себя.

После Седана повсюду быстро распространился миф о непобедимости германской армии, и многие из тех, кто еще пытались оказать немцам сопротивление, пали духом. Страшные слухи о немецких мотопехотных колоннах летели впереди самих колонн и расчищали им путь. Повернув на запад, немцы напали с тыла и с флангов на наши северные армии. Спасаясь от немцев, английский штаб, к которому я был прикомандирован, возвратился в Аррас. Город гудел как улей: «Немцы в Дуэ... Немцы в Камбрэ...» Они в самом деле заняли эти города, но несколько позже; однако страшные вести, истинные ли, ложные ли, переходили из уст в уста, из дома в дом, и, напуганные ими, тысячи мужчин, женщин и детей покидали родные места. Мало того, на основании этих слухов плохо информированные командиры дали своим подразделениям приказ отступать к морю, в результате чего эти подразделения попали в окружение, а затем — в плен.

Немецкие парашютисты действительно сыграли во время голландской и бельгийской кампаний более чем роковую роль, но у страха глаза велики, и молва сильно преувеличивала их численность. Крестьяне и солдаты начали подозревать в шпионаже каждого встречного. Они видели переодетого немца во всяком кюре и офицере, не принимали на веру ни одного телефонного звонка. Немного позже Жан Кокто с истинно поэтической лаконичностью охарактеризовал мне тогдашнее положение дел таким образом: «Всю Францию заполонили монахини, перематывающие портянки».

Именно слухи и легенды, распространявшиеся со скоростью в сто раз большей, чем скорость «мессершмидтов», повинны в том, что небольшие отряды противника без боя занимали важные стратегические пункты. Несколько смелых, вооруженных до зубов мотоциклистов врывались на вокзал, убивали железнодорожников, задерживали проходящие поезда. Во многих случаях было можно и должно оказать сопротивление. Я сам видел взвод саперов, которые лопатами и кирками зарубили всех немецких мотоциклистов передового отряда.

Другой пример того, что могли предпринять в этой тыловой войне решительные и смелые люди, — защита Арраса валлийскими гвардейцами и горсткой французов-зуавов. Я видел, как англичане под командованием француза, майора Пумье, с полным самообладанием готовились к обороне своих позиций. Все подступы к городу они забаррикадировали мешками с песком, из-за ко-

торых высовывались дула пулеметов и противотанковых ружей. Когда немецкие танки подошли к городу, защитники Арраса подбили и подожгли большинство из них. Вражеская колонна окружила город, но его мужественные защитники держались целую неделю, а затем в боевом порядке отступили к Дюнкерку.

Будь таких опорных пунктов побольше, генерал Вейган мог бы осуществить наступление и закрыть брешь, проделанную немецкими мотопехотными дивизиями на участке Аррас-Бапом. Однако нескончаемый поток беженцев, перерезанные коммуникации, отсутствие резервов, растерянность штабистов союзных армий, напуганных немецкими бомбежками, — все это вместе не позволило нашим войскам перейти в контратаку. Немецкая разведывательная сеть работала с молниеносной быстротой. Стоило какому-нибудь генералу обосноваться в новой деревне, как вражеские истребители тут же принимались бомбить ее.

«Блицкриг», описанный итальянским генералом Дуэ и уже опробованный гитлеровцами в Польше, «блицкриг», в возможность которого мы не верили, поскольку наша армия находилась на заранее подготовленных позициях, оказался не только возможным, но и победоносным; причина тому — превосходство немецкого оружия, малочисленность наших войск и неудачное их расположение, а также неосторожное, безрассудное решение нашего командования ввести войска в Бельгию, решение, которое свело на нет восьмимесячные труды наших солдат, строивших подземные коммуникации.

Амьен стал для меня и моих товарищей-англичан *the parting of the ways*¹. Мы прибыли туда в толпе беженцев. К этому времени они загрохотали весь город. Привокзальная площадь была покрыта ковром из человеческих тел: повсюду — на мостовой, на тротуарах — сидели на чемоданах люди с серыми, изможденными лицами. Словно черви на падаль, беженцы набросились на кладовые ресторанов, полки бакалейных лавок и булочных. Только милосердная Армия спасения пожертвовала мне чашку чая. Спал я на земле, завернувшись в одеяло. В три часа ночи полковник Меддикотт, который довез меня до Амьена, передал мне, что оставаться здесь опасно, что сам он уезжает в Булонь, а мне вместе с лейтенантом Клее приказывает поездом отправиться в Париж и доставить туда всех французских журналистов, прикомандированных к британской армии, поскольку в машинах, к сожалению, не хватает места для всех.

Такой приказ легче отдать, чем исполнить. Немцы приближались к городу, тысячи беженцев осаждали вокзал. В толпе раздавались женские крики. *Единственный* поезд на Париж был пере-

¹ Перепутье, распутье (англ.).

полнен: человек по двадцать в каждом купе. Обезумевшие матери протягивали в окна своих детей, умоляя незнакомых людей: «Довезите его до Парижа...» О том, чтобы сесть в этот поезд, не могло быть и речи. В конце концов один изобретательный и хладнокровный военный уполномоченный разрешил нам влезть в багажный вагон, в котором он отправлял в Париж деньги из вокзальных касс и филиалов Французского банка.

Так, стоя среди железных ящиков, под немецкими бомбами мы вернулись в Париж. Путь, на который обычно уходило два часа, занял часов пятнадцать. У каждого переезда нас встречали скорбные толпы беженцев. Мои друзья журналисты привлекли внимание своей необычной формой, и я услышал, как кругом перешептывались: «Парашютисты!..» На одной из остановок я услышал рассказ о том, как в соседнем вагоне обнаружили шпиона, переодетого офицером, и жандарм застрелил его из пистолета. Скорее всего, на самом деле ничего подобного не произошло, но этот случай дает представление об атмосфере тревоги и подозрительности, в которой совершалось бегство.

Тем не менее проводник багажного вагона, пожилой француз, седой, но крепко сложенный, сохранял хладнокровие.

«Ничем не могу помочь, — говорил он беженцам, загораживая дверь багажного вагона, — ничем не могу помочь. Я вас не пушу... Это багажный вагон, я везу деньги. Мне приказано никого не пускать, и я никого не пушу... Нет, милая, сердце-то у меня есть... Не пойму только, с чего это вы все пустились бежать? На вашу деревню упала бомба? Ну и что? Эка невидаль! Подумаешь, бомбы были и в прошлую войну, были вещи и похуже: торпеды, артобстрел... И все-таки мы не пускались наутек... Что-что?.. Вы не солдаты?.. Нет, в нынешней войне мы все солдаты, потому что они напали на всех нас... А вы, наоборот, играете на руку немцам: запруживаете дороги, переполняете вокзалы, мешаете движению поездов и войск... Сейчас важно только одно — победить...»

Поезд шел еле-еле. Над нашими головами то и дело пролетали немецкие бомбардировщики, старавшиеся разрушить железнодорожный путь. Их преследовали английские истребители. Женщины, стоявшие на насыпи, радостно показывали пальцем сначала на небо, а потом на землю, давая нам понять, что англичане сбили немецкий бомбардировщик. Я любовался нашим проводником, который с полным спокойствием, не обращая ни малейшего внимания на то, что творилось кругом, регистрировал свои ящики с деньгами... В ту пору у меня еще оставались какие-то надежды... И тем не менее, глядя на огромные толпы беженцев, растянувшиеся по всему пути от Амьена до Крея я ощущал, что присутствую при бесповоротном крушении всей прежней жизни.

Когда я наконец ступил на перрон Северного вокзала, я валился с ног от усталости, но мечтал только об одном — поскорее сообщить тем, кто может как-то изменить сложившееся положение, обо всем, что мы с товарищами видели во время отступления. Мы всерьез верили, что ряд несложных мер помешает противнику добиться на других участках фронта такого же легкого успеха. Поэтому я немедленно составил докладную записку на имя Поля Рейно, где указал на необходимость немедленно поставить во главе гарнизонов городов, расположенных вблизи от линии фронта, более молодых и энергичных офицеров, которые не станут отдавать без боя вверенные им объекты; я писал также о необходимости запретить гражданскому населению любые перемещения, о мерах по защите городов от зажигательных бомб и других тому подобных вещах.

В военном министерстве, куда я отправился со своим донесением, начальник дипломатического секретариата Ролан де Маржери сказал мне: «Подождите, патрон сам примет Вас...»

Чуть позже меня в самом деле пригласили пройти в кабинет премьер-министра, и я передал ему свою докладную, однако он был буквально завален жалобами, так что я очень скоро перестал питать иллюзии относительно судьбы моих предложений. Рейно в тот день напоминал боксера, который мужественно пытается устоять на ногах, меж тем как силы его на исходе и противник вот-вот нокаутирует его. Я пробыл у него не больше минуты и, уходя, спросил:

— Как вам кажется, есть еще надежда?..

— Пока больной не умер, — ответил он, — врач всегда говорит родным, что надежда еще есть.

Он стоял у письменного стола, засунув руки в карманы, и по-прежнему не склонял головы. Это была наша последняя встреча.

Назавтра я отправился к своим армейским командирам. Они были настроены более оптимистично и всю расхваливали глубоко эшелонированную оборону вдоль Соммы и Эны. Генерал Вейган, узнав я от них, отказался от единой линии укреплений; он решил в крайнем случае пропустить танки между нашими опорными пунктами, но биться за пункты насмерть, не давая пехоте и артиллерии последовать за танками. К несчастью, наши лучшие дивизии были разбиты на севере, и на новой линии солдат оказалось еще меньше, чем на старой.

3 июня двести сорок немецких самолетов сбросили бомбы на Париж. В этот день столицу посетил английский министр информации Дафф-Купер, и два французских министра, Фроссар и Жюльен, пригласили меня пообедать с ним. Обед проходил в «Рице»; не успели мы сесть за стол, как раздался сигнал воздушной тревоги. Официанты в соответствии с инструкцией тотчас

спустились в убежище. Министры и их помощники оказались в крайне затруднительном положении. Идти в укрытие малодушно, подавать на стол самим — унижительно. В результате они, сидя перед пустыми тарелками и стараясь не обращать внимания на грохот канонады, стали ждать... Но отбоя все не было, а голод возрастал, и беседа зашла в тупик. Один из сотрудников министерства пошел позвонить префекту полиции и принес печальные вести:

— Положение очень серьезное... Бомбят заводы «Ситроен»... Горит министерство авиации... Несколько сот жертв...

Дома дети сказали мне, что самолеты летели высоко в небе и сверкали на солнце, словно рой пчел. Казалось, парижане ничуть не напуганы бомбежкой. В тот день у меня появилась надежда, что и воздушные налеты на Лондон будут не так страшны. На следующий день стало известно, что гитлеровцы начали развернутое наступление в районе Соммы и Эны. Поскольку генерал Горт и его штаб покинули Францию, я попросил разрешения перейти в распоряжение Британского воздушного флота и получил согласие.

Штаб-квартира передовой ударной группы располагалась в ту пору в Труа. Меня принял сам командующий вице-маршал военно-воздушного флота Плэйфэр. Познакомившись с несколькими командирами британской авиации, я был поражен странным и неуловимым сходством между ними. Благородные черты лица, сочетание молодых голубых глаз с седыми волосами, мягкости с решительностью, дружеский тон, не переходящий в панибратство, — вот что отличало английских летчиков.

— Хотя немецкая авиация превосходит нас количественно, — сказал мне маршал Плэйфэр, — она бесспорно уступает нам качественно... Потери у них раза в три-четыре больше, чем у нас, так что сейчас наше положение лучше, чем в начале кампании.

Однако автор «Ночного полета» французский летчик Сент-Экзюпери, с которым я встретился несколько дней спустя, оценил ситуацию иначе.

— Английские летчики, — сказал он, — настроены чересчур оптимистично... Лично мне ясно одно: моя эскадрилья понесла огромные потери и едва не погибла вся целиком.

Неподалеку от Труа располагались две превосходные эскадрильи «харрикейнов». Я видел английских летчиков, девятнадцатилетних белокурых парней с голубыми, как незабудки, глазами; у каждого из них было на счету по десятку и более сбитых немецких самолетов. Однако я был поражен тем, как мало самолетов было у самих англичан. Во Франции, во всяком случае в том районе, где находился я, стояло всего несколько английских эскадри-

лий. Вернувшись в Париж (где меня ожидало печальное известие о том, что немецкие мотопехотные части заняли Форж-лез-О и подошли к Руану), я поделился впечатлениями с моим командиром, полковником Шиффером, и добавил:

— Я уверен, что в Англии осталось еще немало истребителей... Нужно заполучить их... Ведь сейчас на карту поставлена не только наша судьба, но и судьба англичан...

— Хорошо бы вам поехать в Лондон, — ответил полковник, — и по радио обратиться к английскому народу с просьбой о помощи... По всей вероятности, далеко не все англичане понимают, в каком отчаянном положении мы находимся.

— Я с удовольствием поеду, полковник... Но мне нужен приказ.

— Я подам запрос в штаб главнокомандующего.

Я побеседовал с представителем штаба капитаном Эрманом, и было решено, что 10 июня на военном самолете я отправлюсь в Лондон. Вести с фронта меж тем были все хуже и хуже. Немецкие танки дошли уже до Вернона, потом до Манта, то есть подошли к Парижу. Правительство по-прежнему клятвенно заверяло, что будет оборонять столицу, однако в воскресенье 9 июня, проходя по площади Согласия, я увидел, что перед Министерством морского флота стоят огромные грузовики.

10 июня в 7 часов утра Ролан де Маржери позвонил мне и посоветовал отправить жену на юг.

— Правительство эвакуируется?

— Сегодня же.

— Неужели мы отдадим Париж без боя?

— Да.

В этот миг я понял, что все кончено. Франция без Парижа — как тело без мозга. Война была проиграна.

Мой самолет улетал с аэродрома Бюк в полдень. Утром мы с женой решили обойти, быть может, в последний раз в жизни наши любимые уголки Парижа. Мы простились с Домом Инвалидов, с набережными Сены, с площадью Дофин и собором Парижской богородицы. Город был красив, как никогда. Дул легкий ветерок, нежно голубело небо. Полицейские старательно регулировали движение, как будто завтра не должен был наступить конец света. Продавщицы в магазине, куда мы зашли, были хлопотливы и любезны. В глазах у парижан стояли слезы, но все они по мере сил выполняли свои обязанности, стараясь не давать воли горю.

— Какой у нас замечательный народ! — сказала моя жена. — Скромный, славный... И эти люди проиграли войну?..

— Что могут сделать люди против машин... — ответил я. — Им

сказали: «Держите оборону на этой линии». Они бы держали оборону... Но эту линию никто не атаковал... Враг обошел укрепления с флангов и взял бойцов в окружение...

— Никак не могу представить, что немцы вот-вот войдут в Париж, — сказала жена.

За несколько дней до этой прогулки мы долго разговаривали о возможной оккупации Парижа с одним из наших самых близких друзей хирургом Тьерри де Мартелем *.

— Лично я, — сказал он, — уже решил для себя: как только я узнаю, что они вошли в город, я застрелюсь.

Он подробно разъяснил нам, что большинство людей не умеют стреляться и промахиваются, хирург же владеет револьвером не хуже, чем скальпелем, и точно знает, куда целиться. Потом полшутя добавил:

— Если и вы не хотите пережить наш позор, могу предложить свои услуги...

Вечером 10 июня, когда я был уже в воздухе, а жена грустно укладывала те немногие вещи, которые могла взять с собой в дорогу, в нашей квартире раздался телефонный звонок. Это был Тьерри де Мартель.

— Я хотел знать, уехали ли вы с мужем из города?..

— Андре в командировке в Лондоне, — ответила жена. — А я уезжаю завтра на рассвете...

— Я тоже уезжаю, — сказал он каким-то необычным голосом, — но мне предстоит гораздо более далекий путь...

Жена вспомнила разговор о самоубийстве, поняла, что Тьерри собирается покончить с собой, и попыталась отговорить его.

— Вы можете еще принести столько пользы, — сказала она... — Вы нужны всем — больным, ассистентам, санитаркам...

— Я не могу больше жить, — ответил Мартель... — Мой единственный сын погиб в прошлую войну... До сих пор я верил, что он погиб ради спасения Франции... Но теперь я вижу, что Франция тоже погибла... Все, ради чего я жил, рушится... Я не в силах жить.

Жена продолжала убеждать его, но он повесил трубку.

25 июня во время стоянки «Клиппера» на Азорских островах моя жена узнала из американской газеты, что Тьерри де Мартель покончил с собой в тот момент, когда немецкие войска вошли в Париж: он сделал себе внутривенную инъекцию стрихнина.

В его лице наша семья потеряла бесценного друга, а Франция — одного из благороднейших своих сыновей. Этот хирург был истинным рыцарем. На заработанные деньги он построил несколько бесплатных клиник, где через его руки прошли тысячи больных. Однажды Тьерри спас от смерти человека, который долгие годы преследовал его своей ненавистью и завистью, сделал

ему сложнейшую операцию, отважиться на которую мог только он один. Он тысячу раз доказывал свою физическую и духовную силу. Ничто не свидетельствует с большей силой о смятении разгромленной Франции, чем добровольный уход из жизни такого мужественного человека.

Когда мы отступали из Фландрии по вимийской дороге, старая французская крестьянка, стоя на пороге своего дома и провожая глазами шествие беженцев, печально сказала мне:

— Как жалко, капитан!.. Такая большая страна...

Как жалко, подумал я в свой черед, узнав о смерти Тьерри де Мартеля. Мучительно было думать, что такие люди (а во Франции их немало) доведены до отчаяния, а великой культуре грозит гибель, и все оттого, что мы не смогли вовремя произвести или купить пять тысяч танков и десять тысяч самолетов, хотя это было нам по силам.

V

Почему Франция и Англия стали врагами?

Еще в сентябре 1939 года, в самом начале войны, немецкая пропаганда изо всех сил старалась поссорить Францию и Англию. Последующие восемь месяцев она ловко и упорно добивалась своей цели. Французам ежедневно внушали, что в войну их втянули англичане, которые сами сражаться не станут, как не сражались они и прежде, и откупятся машинами, предоставив французам жертвовать жизнью. В немецких иллюстрированных журналах на одних страницах английский солдат толкал французского в лужу крови, на других французские солдаты стояли в дозоре на «линии Мажино», а тем временем английские офицеры развлекались в Париже с полуодетыми девицами. Наконец в июне 1940 года желание немцев исполнилось: они не только нарушили доброе согласие двух союзных держав, но и настроили их друг против друга. Как им это удалось?

Во-первых, на руку немецкой пропаганде играли старинные предрассудки, укоренившиеся в сознании многих французов. Дело в том, что Англия — гораздо более давний враг Франции, чем Германия. У народа на удивление долгая память. Во многих французских провинциях мои рассказы о дружелюбии англичан наталкивались на глухую, устойчивую неприязнь к ним, так и не угасшую со времен Столетней войны. Да, в 1904 году Делькассе примирил обе страны и добился создания Антанты*; да, с 1914 по 1918 год англичане мужественно сражались на нашей стороне; да, миллион британских солдат и офицеров остались лежать на кладбищах французского севера — и все же после войны нелады

между союзниками возобновились. Боясь растущей мощи Франции, Англия весьма неосторожно способствовала перевооружению Германии.

— Мы, англичане, — сказал мне как-то в 1930 году лорд Тиррелл, английский посол в Париже, — допустили после войны две ошибки: мы решили, что французы, победив, превратились в немцев, а немцы каким-то чудом стали англичанами.

В 1936 году, в тот момент, когда немецкие войска вновь заняли Рейнскую область, нарушив тем самым Локарнские договоры, английские государственные и общественные деятели, опьяненные пацифизмом, отказались поддержать нас.

— В чем, собственно, дело? — сказал мне один английский политик, — у себя дома немцы вольны поступать, как им заблагорассудится...

А другой добавил:

— Вы упрекаете нас, англичан, в том, что мы не ведем себя как французские патриоты...

Это было сказано неточно. Я упрекал англичан в том, что они не ведут себя как английские патриоты и не желают понять, что перевооруженная, защищенная на западе мощными укреплениями и жаждущая реванша Германия представляет опасность не только для нас, но и для них.

Я издавна относился к английской нации с уважением и самой горячей симпатией. В 1914—1918 годах я был офицером связи при британской армии. Я по опыту знал, что англичане всегда неукоснительно выполняют свои обещания. Знал я и то, что, ревностно отстаивая интересы своей страны, подобно представителям любой другой нации, они тем не менее никогда не дают воли ненависти.

У народов, как и у отдельных личностей, жестокость рождается от сознания собственной неполноценности. У англичан же комплекса неполноценности не было. Более того, девять веков безмятежного существования привили им непоколебимый оптимизм. Выигрывая все войны, в которых им доводилось принимать участие, подданные Великобритании и думать забыли о возможности поражения и его ужасных последствиях. После заключения перемирия* им сразу захотелось вернуться к своим аккуратно подстриженным газонам, к своим коттеджам, спортивным играм и привычному укладу жизни. Они и слышать не хотели ни о вооружении, ни о битвах. Английские преподаватели объясняли своим ученикам, что война — варварский пережиток прошлого, который легко изжить. Они забыли, что, когда справедливость не опирается на силу, верх берет несправедливость.

И если Англия с таким энтузиазмом отнеслась к созданию Лиги Наций, то не только из искреннего идеализма, но еще и пото-

му, что ухватилась за вздорную и туманную идею о том, что про- светительские речи могут заставить замолчать пушки. Депутат британского парламента Гарольд Николсон рассказал мне, что получил от одного из своих избирателей такое письмо: "I hope you are for the League of Nations and no foreign entanglements"¹.

Эта путаница в мыслях, это невероятное самомнение, это нежелание посмотреть в лицо фактам не замедлили принести свои плоды. Продремав на своих зеленых газонах два десятка лет, Англия очнулась очень поздно, уже после Мюнхенского соглашения, и вступила в войну практически безоружной. В этом была вторая причина успеха немецкой пропаганды. «Смотрите сами, — говорили немцы, — у англичан *нет* солдат, они будут биться до последнего француза». Дело, конечно, обстояло далеко не так. Великобритания располагала лучшим в мире флотом и многообещающей авиацией. Но на суше британская армия, малочисленная и плохо вооруженная, действительно могла защитить лишь крохотную часть длинной границы, тянущейся от Дюнкерка до Ментоны.

— Англичане? Да где они, ваши англичане? Вы что, видели во Франции англичан? — с иронией спрашивали у меня многие французы, с которыми я заговаривал о британской армии.

Быть может, поторопись Великобритания сразу же после объявления войны сформировать побольше новых дивизий, французы и изменили бы свое мнение. Но англичане, медлительные от природы и из принципа, нынешней зимой вели себя еще неторопливее обычного. Тред-юнионы сняли запрет на увеличение продолжительности рабочего дня только через несколько месяцев после начала войны, когда в правительство вошли лейбористы*. Промышленники цеплялись за прежние рынки сбыта. Оружия в Америке и Канаде было заказано недостаточно. Авиапромышленность начала работать как следует лишь после того, как перешла в ведение лорда Бивербрука. В марте 1940 года французский министр Вооружения Рауль Дотри приходил в ужас от того, что английские специалисты до сих пор спорят о том, какую модель танка пустить в производство. Тогда же генерал Бийот, командующий северной группой армий, говорил мне:

— Англичане? У них масса достоинств. Они храбрые солдаты, а у их командиров за плечами большой опыт. Но они безнадежно медлительны. Подумать только, идет девятый месяц войны, а у них до сих пор всего десять дивизий! Народу-то они призвали столько, что хватило бы по меньшей мере дивизий на тридцать!

¹ Я надеюсь, что Вы за Лигу Наций, а не за международные осложнения (англ.).

Но они делают все чересчур тщательно. Это такие аккуратисты! Немцы — другое дело, они знают цену *времени*. Бывает, что лучше плохое оружие немедленно, чем прекрасное после войны...

Начальник штаба Французской миссии при британской армии полковник де Кард тоже был неспокоен.

— Никак не могу добиться от англичан точных сведений о том, сколько солдат они намереваются прислать нам в ближайшие месяцы... — говорил он, — а от этого зависит количество офицеров связи... Никто ничего не знает. То они обещают к октябрю четыре дивизии, то одну... Одно время они собирались сформировать вторую армию, потом передумали... Ясно одно — ни на какую серьезную помощь этим летом рассчитывать не придется... Плохи наши дела.

Тем не менее, несмотря на все предрассудки и трения, в апреле 1940 года немецкая пропаганда была еще далека от цели. Конечно, во Франции много англофобов. Их всегда было немало, некоторые французы буквально помешались на ненависти к англосаксам. Но штабы союзных армий ладили между собой, и даже гораздо лучше, чем в 1914 году. У адмиралтейств не было секретов друг от друга. Англичане информировали нас о всех своих новейших открытиях, все наши сведения были в их распоряжении.

Между солдатами отношения налаживались труднее. Мешало незнание языка. Но при случае солдаты обеих армий с большой охотой шли на сближение. Я видел, например, как на «линии Мажино» шотландский батальон давал концерт для французского батальона. Успех был огромный. Шотландские волынки похожи на бретонские, и представители двух древних цивилизаций ощутили себя братьями. После концерта начался обмен сувенирами: у гарнизонов «линии Мажино» были особые значки, и они подарили их шотландцам; те в ответ похвастались перед французами фотографиями жен и невест. Обстановка была самая сердечная; крайняя степень англофобии чаще встречалась в высших слоях общества, чем в народе.

В глазах многих французов военный престиж Англии спасали морской и военно-воздушный флот. Случившееся с «Графом Шпее» и «Альтмарком», а также сражение при Нарвике * произвели на гражданское население огромное впечатление.

— Что ни говори, — признавали даже самые упрямые из англофобов, — что ни говори, а англичане молодцы!

Британский воздушный флот был у нас очень популярен. В начале войны, когда французских самолетов было еще совсем мало, подвиги английских летчиков обнадеживали наших солдат. Они с восхищением следили за тем, как «харрикейн» атакует

в воздухе «хейнкель» или «дорнье» и прошивает его пулеметной очередью.

Наши специалисты были самого высокого мнения об английских самолетах, как об истребителях «харрикейне», «спитфайре», а позже «дифайенте», так и о бомбардировщиках «блениме» и «веллингтоне». Под стать машинам были и летчики, ловкие, горячие юноши, неотразимые в своей серо-голубой форме, отважные и скромные.

— Трудно сбить немецкий бомбардировщик? — спросил я однажды у девятнадцатилетнего парня, на чьем счету было уже немало сбитых самолетов.

— Трудно? — переспросил он. — Совсе нет. Нужно только выполнять все, чему учили в летной школе. Нас учили, что нужно лететь следом за неприятелем, не обращая внимания на пулеметные очереди, до тех пор, пока не приблизишься к нему на триста ярдов, а потом сделать так, чтобы он оказался в центре вот этого красного кружочка на ветровом стекле... Потом надо нажать вот на эту кнопку, все восемь пулеметов дадут очередь — и немец сбит... Я все делал как положено... Когда расстояние между нами сократилось до трехсот ярдов, я взял немецкий самолет на прицел, нажал на кнопку и сбил его... Сами видите, это несложно...

Машины и летчики у англичан были в порядке, организация же Британского воздушного флота оставляла желать лучшего. Она была слишком сложной. Определенное число самолетов на севере подчинялось генералу Горту, они составляли так называемую Component Air Force¹. В Шампани располагалась другая авиационная группа, состоявшая в основном из бомбардировщиков, — Advanced Striking Force². Наконец, немало самолетов оставалось в Англии: в их задачу входило оборонять английские заводы и города.

Поскольку истребитель может оставаться в воздухе не больше полутора часов, эскадрильи, размещавшиеся в Англии, использовались в операциях над нашей территорией лишь изредка. Они принимали участие в Дюнкеркской операции, проходившей совсем близко от побережья Англии. Полчаса они затрачивали на дорогу, полчаса участвовали в военных действиях, причем, как правило, с большим успехом, а затем отправлялись в обратный путь — горячего оставалось на полчаса лету. Но чем дальше к югу смещалась линия фронта, тем затруднительнее становился подобный маневр. Этим объясняется уменьшение числа английских эскадрилий, воевавших во Фландрии, и растущее недовольство французского командования.

¹ Часть воздушных сил (англ.).

² Передовая ударная группа (англ.).

Сражение во Фландрии, как всякое проигранное сражение, окончилось взаимными попреками союзников. Не то чтобы кто-нибудь струсил. И французы и англичане проявили себя с самой лучшей стороны. Но нужно было найти объяснение провалу операции.

— Мы попали в окружение, — говорили англичане, — и потеряли все орудия из-за стратегической ошибки вашего командования.

— Насчет ошибок вы правы, — отвечали французы, — но первая и самая серьезная ошибка заключалась в том, что мы уступали противнику численностью, а в этом прежде всего виноваты *вы*.

После прорыва немцев под Седаном Уинстон Черчилль постарался преуменьшить серьезность случившегося. Прибыв 16 мая в Париж, он удивил и воодушевил совет министров своей непреклонной решимостью. Те, кто видели старого льва в эту пору, восхищались взрывами его гнева и силой его красноречия. Мысль об отступлении из Бельгии, о сдаче Лувена и Брюсселя была для него нестерпима. Ему хотелось бы отвечать атакой на атаку. Но 26 мая Рейно прибыл в Лондон с ответным визитом, обрисовал положение дел в самых мрачных красках и заявил, что, если англичане не напрягут все свои силы, Франции, возможно, придется прекратить сопротивление. Спустя два дня, 28 мая, бельгийская армия капитулировала перед вермахтом, и это ускорило отступление наших войск в район Дюнкерка.

После эвакуации английских войск из Дюнкерка британская общественность пришла в волнение. «Зачем, — писали некоторые журналисты, — снова посылать во Францию дивизии, которые мы с таким трудом спасли? Французской армии уже ничто не поможет, а мы потеряем силы, необходимые для защиты Британских островов». Даже те, кому был чужд этот священный эгоизм, полагали, что для того, чтобы заново вооружить вернувшиеся с континента разбитые дивизии, потребуется не меньше трех месяцев.

Какие же части представляли Великобританию на территории Франции во время битвы на Сомме?.. 51-я дивизия избежала разгрома во Фландрском сражении, поскольку находилась на Сааре. Ей было приказано выступить в направлении Сен-Валери-ан-Ко. Эта дивизия вкуче с только что высадившейся на французском берегу мотопехотной дивизией и еще несколькими подразделениями составляла крошечную британскую армию. Канадцы пересекли Ла-Манш слишком поздно и уплыли обратно, так и не приняв участия в боевых действиях. Таким образом, в ту пору, когда началась решающая битва и немцы бросили на Францию более пятидесяти дивизий, на нашей территории находилось не больше трех-четырёх дивизий британской армии. Те, кто был в курсе событий, понимали, что это неизбежное следствие поражения во Фландрии, но большинство французов, естественно, вынесли от-

сюда ощущение, что вся тяжесть войны падает только на их плечи.

— Англичане? — твердило немецкое радио. — Они овладели только одной военной операцией — эвакуацией... Скоро в их прессе появится триумфальное сообщение о том, что флот Ее Величества одержал крупную победу, переправив на родину в целостности и сохранности последних британских солдат.

Внешне все подтверждало эти наветы. После печального исхода сражения во Фландрии английские генералы, боясь попасть в окружение, инстинктивно старались держаться поближе к морю. Французское командование угадывало их тревогу и опасалось ее последствий. Пора взаимного доверия миновала.

Боевой дух английской и французской армий в начале июня внушал мне такое беспокойство, что я специально доложил о нем командованию. Именно в этот момент, как я уже говорил, я был послан в Англию; мне было поручено привлечь внимание английского народа к бедственному положению Франции (правительству Великобритании эти факты были и без того известны) и убедить англичан забыть на время о защите собственной страны и выслать нам на помощь все свои самолеты и всех своих солдат до единого.

Я должен был лететь с аэродрома Бюк близ Версаля на английском самолете «фламинго», который утром доставил во Францию лорда Ллойда *. Теперь, однако, один из винтов упорно не хотел приходить в движение.

— This is how we win the war! ¹ — сердито сказал пилот, и мы пересели в другую машину, не такую элегантную, но более покладистую. Обычный маршрут через Булонь и Кале был слишком опасен. Мы свернули на запад, пролетели над немецкими колоннами, тянувшимися по дорогам Нормандии, и покинули пределы Франции в окрестностях Кана. Я узнал устье Дивы и Кабургский пляж, где часто играл ребенком. Летели мы долго, но без происшествий. В пути я узнал от капитана Краусхэя о смерти Гордона, красавца шотландца, который поразил мое воображение, когда я впервые переступил порог штаб-квартиры лорда Горта. Гордон добровольно оставил службу в штабе, чтобы возглавить шотландский батальон.

С Хэндонского аэродрома я отправился прямо во Французскую миссию, а оттуда — в Британское министерство информации. Там у меня было много друзей: министр Дафф-Купер, его парламентский секретарь Гарольд Николсон * (один из лучших современных писателей), Рональд Три, лорд Гуд и многие другие.

¹ Вот как мы выигрываем войну! (англ.)

В министерстве как раз только что началась пресс-конференция для журналистов. Вел ее сотрудник министерства иностранных дел Чарлз Пик. Совершенно неожиданно он предоставил слово мне.

— Раз вам поручено рассказать англичанам о положении дел во Франции, — сказал он, — то более удобного случая не найти. Вас будет слушать вся британская пресса.

Не помню, что я говорил: я не готовился к выступлению, а ведь я не настолько хорошо владею английским, чтобы сымпровизировать целую речь. Но в тот день я был так взволнован, так потрясен обрушившимися на Францию несчастьями и ожидающим нас всех ужасным будущим, что слова сами полились из моих уст. К моему удивлению, когда я замолчал, три сотни журналистов, сидевших в зале, встали и устроили мне овацию. Думаю, что до того дня никто никогда не рассказывал им так откровенно, насколько трагично положение Франции, насколько она нуждается в немедленной помощи, насколько несбыточна для нее надежда выстоять, если Англия откажет ей в подкреплении.

Затем Николсон и Пик проводили меня к Дафф-Куперу. Мы с ним договорились, что вечером того же дня я повторю свою речь по радио в несколько иных выражениях, причем Британская корпорация радиовещания предоставит мне «самое лучшее время», то есть выпустит меня в эфир по окончании девятичасовых последних известий.

Я спешно набросал текст моего выступления, кончавшийся так:

«Наши друзья могут помочь нам не в 1941 году, не осенью нынешнего года, не месяц спустя, а сейчас. Мы знаем, как храбро сражались солдаты и офицеры британской армии и военно-воздушного флота, мы знаем, что они сделали все возможное. Пришло время сделать невозможное. Мы всем сердцем верим в британских союзников. Мы знаем, что они готовы отдать для борьбы с врагом все силы и средства, но мы просим их не забывать, что главное сейчас — выиграть время. Вспомните Дюнкерк. Все думали, что за несколько дней из полуразрушенного порта удастся эвакуировать не больше тридцати тысяч человек. Оптимисты называли цифру пятьдесят тысяч. На деле было эвакуировано триста тридцать пять тысяч человек. Как это произошло? Кто знает это лучше, чем вы, совершившие этот подвиг? Если вы повторите его, то сможете выиграть новое сражение и всю войну. Вы послали в Дюнкерк все ваши корабли, пошлите же нам теперь все самолеты, всех солдат, все винтовки. Давайте вместе попросим американских промышленников, которые готовы нам помочь, выпустить в течение одного-двух месяцев столько оружия, сколько

они в обычных условиях выпускают за несколько лет. Невозможно, скажут специалисты, за несколько недель снарядить, обучить и доставить к месту сражения большую армию. Совершенно верно, невозможно. Но сделать это необходимо, и это будет сделано...»

Британская корпорация радиовещания попросила меня повторить тот же самый текст по-французски в два часа ночи в передаче для провинции Квебек, а на завтра мне предстояло обратиться к английским школьникам. Я две ночи не спал и валился с ног от усталости, но я был счастлив, видя, какой отклик находят мои речи в сердцах англичан. За несколько дней я получил кучу писем. Во всех говорилось одно и то же: «Мы хотим помочь Франции. Что мы можем для этого сделать?..»

Как ни странно, искреннее и бескорыстное желание протянуть нам руку помощи сочеталось у англичан с полнейшим непониманием того, что представляет собой нынешняя война. Рассказывая о страданиях беженцев, о немецких самолетах, сбрасывающих бомбы на Париж и его окрестности, о разгроме наших армий — то есть о вещах, которые казались мне общеизвестными, — я с изумлением видел, что на меня смотрят как на инопланетянина.

Я разговаривал с молодежью.

— Какой позор, — говорили мои собеседники, — что нас до сих пор не призвали! Нельзя ли нам вступить в ряды французской армии? Мы бы хоть сейчас...

Я понял, что англичане ждут от правительства более решительных действий. Однако добрая воля не способна заменить танки, самолеты и винтовки.

— Ваши письма, ваше внимание — все это очень трогательно, — говорил я своим друзьям... — Но какую реальную помощь вы можете нам оказать?

Они мрачнели на глазах.

— Кроме канадской дивизии, которая только что отбыла, — говорили они, — у нас больше нет сухопутных войск... Нам нечем заменить технику, которой мы лишились во Фландрии... Мы непременно пошлем вам несколько эскадрилий, но не все — ведь в наших общих интересах как следует оборонять английские авиационные заводы и порты... Если бы вы могли продержаться до 1941 года...

Так я понял, что игра проиграна и *последняя* надежда на спасение Франции потеряна.

Как-то я сказал французскому послу в Англии Шарлю Корбону, который в течение всего этого трудного периода держался с исключительным мужеством и благородством:

— Все-таки странно: идет десятый месяц войны, а у англичан все еще нет армии!

— Да, — ответил он, — но нужно отдать им справедливость: они сдержали все свои обещания. Они сформировали свои дивизии в срок. Мы сами виноваты: мы не попросили у союзников столько же дивизий, сколько в 1914 году, и в этом была наша ошибка... Миф об оборонительной войне и мощных укреплениях вдоль границы ослепил наших министров.

Утром 13 июня газеты сообщили о том, что немцы подошли к Парижу. Я печально читал «Таймс», когда на моем столе внезапно зазвонил телефон и одна из придворных дам от имени королевы пригласила меня завтра в одиннадцать утра в Букингемский дворец. Я был представлен королеве Елизавете в ту пору, когда она была еще герцогиней Йоркской; позже, когда она взошла на престол, я встречался с ней в Париже; тем не менее я не мог понять, чем обязан такой чести. Дворец с рослыми слугами в красных ливреях, бесчисленными фамильными портретами и бамбуковой мебелью был воплощением викторианской эпохи. Сэр Александер Хардинж проводил меня к королеве.

— Господин Моруа, — сказала она, — я хотела выразить вам свои соболезнования... Я так опечалена судьбой Парижа и французам... Я так люблю Францию... Два года назад мы были в Париже, и я чувствовала, что мое сердце бьется в унисон с сердцами французских женщин... Сегодня вечером я собираюсь обратиться к ним по радио и сказать им что-нибудь очень простое, от чистого сердца.

Мы поговорили о моем будущем выступлении, потом она стала расспрашивать меня о том, что я видел, о моей жене и детях. Я ответил, что ничего о них не знаю. В ее нежном взгляде выразилось такое неподдельное сострадание, что я был искренне тронут. Когда она сказала: «Я так люблю Францию», я почувствовал, что это не дежурная фраза, но подлинный крик души. Королева, как и весь английский народ, хотела бы сделать все возможное, чтобы помочь нам. Но было уже поздно.

После падения Парижа Уинстон Черчилль вылетел во Францию. Его ужаснул царивший в стране хаос. Аэродром в Туре, на котором приземлился самолет английского премьер-министра, был совершенно пуст. Ни один член правительства, ни один министерский чиновник не встретил Черчилля. Лишь с огромным трудом разыскал он в переполненном беженцами городе правительство Франции.

Здесь, в Турени, в замке на берегу Луары французский премьер-министр заявил английскому, что лично он — сторонник продолжения борьбы, но вполне возможно, что его вынудят уйти в отставку и преемник его выступит за перемирие. Как на это посмотрит Великобритания? Уинстон Черчилль не мог освободить Францию от обязательства не заключать сепаратный мир, но бри-

танское правительство, которое он представлял, надо думать, любезно дало понять, что не будет затевать бессмысленные препирательства, а одной из целей Англии в войне станет отныне восстановление полной независимости Франции. То была последняя встреча Рейно и Черчилля*.

17 июня я был в Уилтшире в гостях у сэра Эрика Фиппса, бывшего английского посла в Париже; мы слушали французское радио. При звуке позывных «К оружию, граждане!» у меня теперь всякий раз на глаза навертывались слезы. Из передачи я узнал об отставке Рейно и о том, что новое правительство попросило немцев о перемирии. Справедливости ради должен отметить, что мои английские друзья сразу признали в эти горькие и для меня и для них минуты, что ответственность за плачевный финал кампании падает не только на нас, но и на них, и воздержались от упреков. Меня пригласил к себе сэр Эдвард Григг, крупный чиновник военного министерства.

— Я хотел сказать вам только одно: мы все понимаем и никого не осуждаем... — заверил он меня. — Мы не смогли вовремя помочь вам, у вас не было другого выхода.

Потом он заговорил о флоте. Этот вопрос волновал всех англичан*. В последующие дни атмосфера накалилась. Условия перемирия вызвали серьезные опасения. Говорили, что их скрывают от находящегося в Бордо английского посла сэра Рональда Кэмпбелла. По слухам, лорду Ллойд и генералу Спирсу, прибывшим для участия в переговорах, также не удалось получить точных сведений.

В последний момент Уинстон Черчилль едва не убедил кабинет Рейно в необходимости продолжать борьбу. Он предложил слить обе державы в одну и избрать единое правительство с французом во главе*. Подданные обеих стран назывались бы отныне франко-британцами. Все ресурсы составили бы общую собственность обеих стран. Будь это необычное предложение выдвинуто несколько недель назад, оно, возможно, изменило бы ход войны. Но оно опоздало — изнемогающая Франция нуждалась только в *немедленной* помощи: самолетах, танках, пушках.

Рассказывают, что во время переговоров генерал Вейган вспомнил один случай из жизни Уинстона Черчилля. Дело происходило во время англо-бурской войны: однажды, выходя из вагона поезда, Черчилль неожиданно оказался пленником двух буров, приставивших ему револьверы к виску.

— Если бы в тот момент, — предположил генерал Вейган, — кто-либо из сидевших в вагоне сказал Черчиллю: «Не сдавайтесь! У меня дома есть мощные средства борьбы. Я предоставлю их в ваше распоряжение», этот совет вряд ли помог бы ему... В таком же положении находится сейчас Франция; к ее груди приста-

влено дуло автомата, а она безоружна. Ей ничего не остается, кроме как последовать примеру господина Черчилля и смириться с судьбой.

Не знаю, достоверен ли этот рассказ, но как бы то ни было, сравнение удачно. Однако Уинстон Черчилль, убежденный, что осчастливит французов своим щедрым подарком, настолько щедрым, что изумленный британский парламент даже порицал за него своего премьер-министра, был глубоко обижен равнодушием, с которым союзники приняли предложение об объединении. Многие англичане разделяли его чувства, причем сильнее всех огорчились, пожалуй, самые верные друзья Франции.

— Как жаль! — сказал мне видный английский критик Десмонд Маккарти, — я был бы счастлив стать гражданином Франции.

Накануне мы провели с ним и другим талантливым английским литератором Раймондом Мортимером приятный и грустный вечер, и я впервые за много месяцев смог ненадолго забыть о недавних страшных событиях и поговорить о вечном. Так, наверное, коротали порой время наши далекие предки — те, что в IV—V столетиях наслаждались в осажденных варварами городах римской Галлии чтением Вергилия и Горация. Мы говорили о французской поэзии, которую мои собеседники знали превосходно. Мы читали наизусть Малларме и Валери, Малерба и Расина. Затем Десмонд сказал:

— Мы знаем, что нам грозит много опасностей: во-первых, смерть, что не так уж страшно, а во-вторых, тирания, что гораздо страшнее. Наш долг — спасти то, что можно спасти и что в силах спасти только мы сами: наше доверие друг к другу. Для этого мы должны, во-первых, всегда помнить о наших друзьях, о том, что они относятся к нам с теплотой и любовью. Пусть даже мы расстанемся на долгие годы, пусть даже французов станут уверять, что мы, англичане, — чудовища, а нам, англичанам, постараются внушить, что французы нас предали, — мы не поверим, потому что вспомним о наших французских или английских друзьях, которые не способны ни на какую подлость и ни на какую низость... А во-вторых, мы должны быть неизменно добры друг к другу, гораздо добрее, чем обычно. Сегодня миру так недостает доброты. Наш долг — восстановить равновесие.

Этот вечер, а также все те дни, что я провел у Фиппсов и у Мориса Баринга, укрепили мою давнюю любовь к Англии. И все же порой я мучительно ощущал неестественность своего положения. Отношения между Англией и Францией становились день ото дня все напряженнее. Генерал де Голль, в недавнем прошлом командир танковой дивизии, создал в Лондоне антифа-

шистскую организацию. Одни считали, что, как ни безотрадно положение отечества, важнее всего сохранить единство Франции; другие отказывались признать перемирие и вставали на сторону де Голля. Лондон и Бордо обменивались по радио бессмысленными оскорблениями. Я пытался призвать стороны к сдержанности, но без особого успеха.

Великобритания заботилась теперь только о собственной безопасности. Хотя еще в мае, когда Франция просила ее о помощи, у нее не было ни одной сформированной и вооруженной дивизии, два месяца спустя она уже располагала миллионом солдат, обученных и способных дать отпор оккупантам. Впервые в истории на защиту Англии готовились встать канадцы и австралийцы. Повсюду — на дорогах, в городах — шло строительство опорных пунктов. Учтя наш трагический опыт, командование приказало гражданскому населению оставаться на местах, если начнется наступление, и предупредило, что солдаты будут обстреливать дороги из пулеметов. В каждой деревне создавались отряды добровольцев для борьбы с парашютным десантом. Везде я встречал решимость и отчаянную храбрость, которых не было прежде. Утрата веры в непобедимость французской армии и осознание опасности, грозящей их острову, явились для англичан сильнейшим потрясением. Но как всегда бывало в их истории, опасность лишь придала им мужества.

2 июля Французская военная миссия демобилизовала меня и, поскольку сообщение между Великобританией и Францией было нарушено, а вскоре мне предстояло принять участие в Лоуэлловских чтениях * в Бостоне, я решил отправиться в Америку. Мне удалось достать билет на пароход, который вез в Канаду английских детей. На палубе моим глазам предстало зрелище поразительное и трогательное. Сотни ребятишек, озаренные солнцем, играли среди охранявших их пушек. Нас сопровождал крейсер «Мститель» и два эскадренных миноносца. Уже на борту корабля я узнал невыносимо печальную новость о сражении в Оране *.

Из всех несчастий, которые одно за другим обрушились на нас в последние недели, это показалось мне самым страшным. Я прежде всего француз, но с Англией меня связывала двадцатипятилетняя дружба. Подобно ребенку, чьи родители разводятся, я встал на сторону матери, но это не спасло меня от страданий. Сердце мое говорило: «My country, right or wrong» ¹. Разум мой оплакивал разрыв двух стран, которые так нуждаются друг в друге. Стоя у борта, я долго смотрел на пенно-мраморную гладь моря и неслышно скользивший по волнам крейсер. Пасса-

¹ Какой бы она ни была — это моя родина (англ.).

жиры-англичане, уважая мое горе, сторонились меня. Внезапно мне пришли на память слова Десмонда Маккарти: «Что бы ни случилось, не забывайте, что ваши друзья вам не изменили»; я бессознательно стал насвистывать старую шотландскую песенку: «Should auld acquaintance be forgot»¹. Высоко в небе на броневой башне «Мстителя» блеснул свет, длинные и короткие сигналы передали нам какое-то таинственное сообщение.

VI

Почему Монтескьё сказал, что демократический строй зидется на добродетели? *

Когда я вспоминаю полный ребятишек корабль, увозивший меня к берегам Канады, у меня возникает чувство, будто я грежу наяву. Этот гигантский плавучий детский сад выглядел нереально. Сотни белоголовых и черноголовых кудрявых человечков носились по палубе, хохотали, кричали, взбирались по снастям, кубарем слетали по лестницам, падали, плакали и снова хохотали. На самых маленьких, как на пони, были надеты «вожжи», так что одна мать могла управлять целой «упряжкой», держа поводья в руках или привязав их к стулу. Со мной в каюте ехал восьмилетний Адриан. Он совершал это большое путешествие один.

Адриан показал себя весьма достойным и деликатным спутником. Воспитанный в английских традициях, с детства привыкший к самостоятельности, он не был ни слишком застенчив, ни слишком развязен. Он все старался делать сам, научился без посторонней помощи взбираться на свою койку, подвешенную высоко над моей, каждый вечер обливался холодной водой, каждое утро складывал свою пижаму и убирал ее под подушку. Он был опрятен, аккуратен и не робкого десятка. Родители его жили в Сиаме, а сам он — в Глазго, у дяди. Провожая племянника, тот дал ему на дорогу семь шиллингов шесть пенсов. Мое состояние было немного больше, но я расходовал его более экономно. Адриан покупал в пароходном киоске карандаши, свистки и конфеты и прибыл в Канаду с пятью шиллингами в кармане. Больше всего мой маленький попутчик скучал по оставленному в Шотландии велосипеду; фонарик от этого велосипеда он взял с собой и частенько, просыпаясь ночью, с гордым видом освещал им каюту.

Иногда я вставал на заре и усаживался на палубе, чтобы насладиться безмолвной красотой океана до того, как проснутся де-

¹ «Забыть ли старую любовь...» (шотл. диал.)

ти. Неподдалеку чернел мощный силуэт «Мстителя», который в этот ранний час уже болтал о чем-то на своем световом языке с нашим кораблем. Миноносцы кружили вокруг него, как собаки вокруг хозяина, а время от времени один из них устремлялся вдаль в погоню за призрачной подводной лодкой. В одно прекрасное утро ко мне подсел английский писатель Н... А..., автор многих хороших книг; он ехал в США, чтобы прочесть там курс лекций.

— Я узнал, что мы с вами плывем на одном корабле, — сказал он, — и осмеливаюсь обратиться к вам, потому что многого не понимаю в тех страшных несчастиях, что обрушились на Францию... Я не говорю о военном провале — он объясняется неподготовленностью наших стран к войне и стратегическими просчетами... Но мне не дает покоя моральное крушение, и именно о нем, если, конечно, эта тема не слишком тяжела для вас, мне бы хотелось поговорить...

— Спрашивайте, — сказал я, — тема эта для меня, *разумеется*, тяжела, но от нее все равно никуда не денешься.

Он уселся в шезлонг, стоявший рядом с моим.

— Как, по-вашему, справедливо ли утверждать, что боевой дух армии и всего французского народа в целом был в 1939 году не таким могучим, как в 1914 году, а воля к победе — не такой сильной?

— Многие части сражались героически, но боевой дух народа в целом действительно был не тот, что прежде.

— Но почему?.. Ведь в обоих случаях на карту была поставлена судьба Франции, причем во второй раз опасность значительно возросла.

— Верно, но в 1914 году Франция была относительно едина, а о Франции 1940 года этого не скажешь.

— Разве раскол в вашей стране начался не в 1793 году? *

— Шатобриан назвал террор кровавой раной, которая никогда не заживет; без сомнения, отзвуки Французской революции долгое время определяли политическую жизнь страны. Но в 1914 году противоборствующие стороны примирились друг с другом перед лицом общего врага. То была пора Священного единства. На четыре года социалисты и капиталисты, радикалы и монархисты стали братьями.

— В какой же момент нарушилось согласие между французами?

— Почти сразу после войны... Уже на выборах 1924 года шла борьба между Национальным и Левым блоками... Насколько далеко зашло дело, показали уличные бои 6 февраля 1934 года... Еще хуже стало в 1936 году, когда в результате массовых забастовок многие буржуа, до тех пор преданные правительству, потеря-

ли к нему доверие. Безусловно, положение рабочего класса нуждалось в улучшении, однако нельзя было действовать так резко и неловко. Франция — страна перегородок, стен, заборов, закрытых ставней и засовов; покушение на частную собственность не могло не вызвать взрыва негодования. К весьма немногочисленной «пятой колонне» прибавилась целая армия недовольных, которые, сами того не сознавая, лили воду на мельницу иностранной пропаганды. Добавлю, что мало кому были понятны причины нынешней войны. В 1914 году дело было ясное, французы защищали свою страну от оккупантов. В 1939 году Франция сама объявила войну Германии из-за Данцига — города, о местоположении и, более того, существовании которого многие французы даже не подозревали. Сведущие люди понимали, что это только предлог и что если мы позволим Германии подмять под себя всех наших союзников, то в конце концов настанет и наш черед. Но были и другие — они утверждали, что, не втяни нас Англия в эту авантюру, войны можно было бы избежать.

— Я полагаю, французы издавна недолюбливали англичан?

— Как вам сказать... Отношение французов к Англии не раз менялось... Во время итало-абиссинского конфликта англичан в самом деле сильно осуждали. Многие французы, в особенности военные, дорожили добрыми отношениями с Италией. Долгие годы отношения эти были очень напряженными, но затем после конференции в Стресе * появилась надежда, что отныне Англия, Италия и Франция объединят свои усилия в борьбе за мир в Европе. Французы считали безумием жертвовать поддержкой итальянской армии и авиации ради независимости негуса. Даже те, кто не подвергал действия Англии резкой критике и сохранял к ней глубокое уважение, считали ее внешнюю политику безрассудной и обреченной на провал. Несколько позже, во время выборов 1936 года, английские консерваторы склонялись к поддержке Народного Фронта, и это возмутило многих французских буржуа. С другой стороны, приезд королевской четы в Париж и миротворческая политика Невилла Чемберлена вызвали одобрение тех же самых буржуа... Учтите, я не порицаю и не хвалю ничьих действий, я лишь констатирую факты.

— Вы говорите о буржуазии, но ведь рабочий класс, вероятно, был настроен совершенно по-иному? Рабочие, надо думать, ненавидели Чемберлена и обожали Идена?

— Не совсем так. Даже в социалистической партии было много пацифистов. Когда газета «Пари-Суар» объявила подписку на постройку во Франции дома для Чемберлена, первыми откликнулись простые люди. Не забывайте, что в 1939 году Франция все еще была страной мелких буржуа, фермеров, служащих, рантье, а не пролетарской страной. В число офицеров запаса входили

в основном буржуа, землевладельцы, преподаватели да священники. Во Франции правительству не выиграть войну без поддержки рабочих, но ему нечего надеяться на успех и без полного одобрения буржуа.

— А в этой войне буржуазия участия не принимала?

— Принимала, но без энтузиазма, лишь из чувства долга и истинного патриотизма. Двадцать лет подряд газеты внушали ей, что французское правительство, политические деятели и министры, словом, все, кто поведут ее в бой, — отъявленные мерзавцы. Газетчики играли с огнем. Чтобы сражаться, надо верить. Разумеется, это разочарование — не главная причина поражения. Имей наши войска необходимую технику, пушки, самолеты и танки, одержи они вначале хоть несколько побед, настроение французов могло бы измениться. Франция — страна славных воинских традиций. За плечами у нее — Вальми и Аустерлиц *. Даже в самых строптивых сердцах готов был вспыхнуть патриотический дух. Всякий раз, когда нашим солдатам открывалась хоть малейшая возможность, они храбро сражались. Но отступление и поражение всколыхнули в их душах недовольство и обиду.

— Вы говорите: «Имей наши войска необходимую технику...» — и считаете недостаток самолетов и танков главной причиной ваших несчастий. Но пойдём дальше: почему вам не доставало техники?

— Во-первых, потому, что вследствие ошибочной военной доктрины генеральный штаб не заказал необходимые самолеты, пушки, танки, противотанковые и зенитные орудия... Во-вторых, потому, что рабочие на наших заводах уже много лет работали спустя рукава... Наконец, потому, что некоторые промышленники, больше думавшие о собственной выгоде, чем о спасении Франции, активно выступали против закупки техники, производство которой не было ими освоено, за границей... Когда перед войной правительство хотело заказать самолеты в Соединенных Штатах, парламентская комиссия в результате различных закулисных переговоров дала разрешение закупить всего-навсего сто самолетов, как ни смехотворно звучит эта цифра...

— Но почему власти оказались так беспомощны и не смогли справиться ни с промышленниками, ни с рабочими?... Когда страна в опасности, частные интересы и желания должны отойти на второй план. Заставить их молчать — дело правительства. Почему же оно ничего не предпринимало? Самые близорукие люди видели, что мощь Германии растет и война неизбежна. Разве в этом виноват государственный строй? Ведь в 1914 году...

— В 1914 году не существовало вражеской пропаганды; в 1939 году она не только существовала, но уже пять или шесть лет как вела дьявольски изощренную подрывную работу... А обществен-

ное мнение всемогуще, и с ним нельзя не считаться. Возьмите на выбор любую из трех стран — Францию, Англию, Соединенные Штаты — и вы убедитесь, что везде общественное мнение с удивительным постоянством обманывалось само или поддавалось обману. Общественность всех трех стран осознала опасность и потребовала перевооружения слишком поздно.

— Но руководители государства могли и даже обязаны были указать ей верный путь.

— К сожалению, они взяли привычку советоваться с общественностью вместо того, чтобы направлять ее по верному пути. Они только тем и занимались, что прислушивались к мнению общественности да размышляли, как бы убедить ее, что стране лучше жить, чем умереть, и при этом не вызвать ее неудовольствия. Что же до военного командования, то оно зависело от политических деятелей и не осмеливалось ни возражать им, ни оказывать на них давление. Специалисты в канцеляриях бездельничали в ожидании точных и строгих приказов. Никто не думал о завтрашнем дне. Гитлер рассуждал так: «Я хочу быть в Париже 15 июня. Для этого мне нужно начать наступление в первых числах мая. Чтобы начать наступление в первых числах мая, мне нужны новые танки в начале апреля». Он разработал точный план действий, и горе тому, кто не исполнил бы своей задачи в срок! А что происходило у нас? Командование запрашивало специалистов: «Сколько времени вам понадобится, чтобы изготовить столько-то самолетов, столько-то танков?» Специалисты наугад назначали срок, и все ждали его со священным трепетом. Мы делали все наоборот. Мы считали, что война должна приспособливаться к нашим техническим возможностям, а не наша промышленность — к требованиям войны. Оттого и вышло, что мы готовились вести войну в 1942 году, а она кончилась в 1940.

— Иными словами, вы или, точнее, мы забыли, что один из главных факторов в войне — *время*.

— *Самый* главный... Сила Гитлера была в том, что, пока мы рассуждали, он действовал, и притом быстро.

— Вы относите нашу медлительность на счет парламентского режима?

— Я считаю, что бесстрашный руководитель государства, больше заботящийся о спасении отечества, чем о собственной карьере, мог бы заставить парламент и даже пресловутые канцелярии действовать с необходимой быстротой. Черчиллю, например, это удалось. Закон, давший британскому правительству полномочия, которым позавидовал бы любой диктатор, был принят английским парламентом за несколько минут*. Но известно ведь, что парламентский строй, изобретенный англичанами, функционирует у себя на родине лучше, чем в других странах.

— Почему же он плохо функционировал во Франции?

— По многим причинам... Во-первых, французский и английский парламент — вещи разные. Выступая в Сорбонне, профессор Баркер из Кэмбриджа начал свою замечательную лекцию о политическом строе Великобритании словами: «Англия — демократическая страна, потому что она — страна аристократическая». Этот парадокс имеет под собой глубокие исторические основания. Прежде чем стать представителем всей нации, английский парламент был представителем сословия землевладельцев. На их глазах он за несколько веков превратился в один из самых уважаемых клубов со своими древними и причудливыми обычаями и сделался защитником их свобод. Во многих знатных английских семействах стало традицией посылать младшего сына в палату общин, куда наряду с отпрысками старинной аристократии входят представители той новой знати, которая постоянно нарождается в любой большой стране. Уинстон Черчилль происходит из рода Мальборо, но в свое правительство он включил выходцев из рабочей среды, таких, как Эрнст Бевин, и они стали его лучшими министрами. Таким образом, в Англии народное правительство опирается на опыт элиты и не сталкивается с ее ревнивым сопротивлением... Напротив, во Франции издавна (и в этом источник всех наших бед) элиту и власть разделяет непроходимая пропасть. Во французском парламенте не были должным образом представлены ни интеллектуальные слои Франции, ни ее финансовые и промышленные круги. В результате этот орган стал казаться всем, кто играет хоть сколько-нибудь заметную роль в жизни нации, орудием подавления. Я допускаю, что виной тому пропаганда определенного толка, но в этих взглядах была доля истины.

— Я убежден, — сказал мой собеседник, — что в случае, когда борьба партий перерастает в классовую борьбу, парламентский строй оказывается несостоятельным. В самом деле, на чем основана эта форма правления? На том, что одна партия имеет право сместить другую и взять власть в свои руки, если такова добрая воля большинства, а меньшинство также по доброй воле соглашается в течение определенного времени подчиняться этой новой власти. Каково необходимое и достаточное условие покорности меньшинства? Уверенность, что большинство будет поступать с ним по справедливости. При парламентском строе приход одной партии к власти не грозит другой преследованиями. Американские демократы и республиканцы, английские тори и виги могли не опасаться смены правительственных группировок; это верно и применительно к современной британской двухпартийной системе: у консерваторов нет оснований бояться лейбористов, поскольку лейбористская партия не призывает к революцион-

ному перевороту, хотя по-своему и защищает интересы рабочих.

Н...А... закурил сигарету и несколько минут молча разглядывал чаек, которые летели следом за нашим кораблем, то и дело беспечно опускаясь на гребни волн.

— Если мы пойдем еще дальше, — сказал он, — то увидим, что, по сути дела, борьба разворачивается сейчас не между двумя формами государственного устройства: демократией и диктатурой, а между двумя философиями. Люди XVIII столетия, столетия великих научных открытий, верили во всемогущество разума и в его способность изменить общество. Они смотрели на человеческую природу излишне оптимистично. Теории Руссо, который, несомненно, был «человеком доброй воли», породили террор, а террор двадцать лет спустя привел к реставрации Бурбонов и белому террору *. В течение всего XIX века, за редкими исключениями, такими, как, например, Вторая империя, продолжал господствовать либерализм. Однако в тех странах, где либеральный режим потерпел неудачу, на смену оптимистической философии XVIII столетия пришли доктрины противоположного толка, мрачные и жестокие. XVIII век верил в разум — люди XX века восславили насилие. XVIII век верил в истину и в возможность постичь ее с помощью научных методов — люди XX столетия признают лишь ту истину, что отвечает их потребностям, и навязывают ее окружающим.

В предисловии Муссолини к «Государю» Макиавелли нашел выражение тот тотальный пессимизм, о котором вы говорите: человек, учит дуче, прескверное животное; понять человека можно лишь презирая его; правителю страны все дозволено, поскольку там, где нет тирана, неизбежно воцаряется анархия, а анархия, утверждает Муссолини, хуже тирании.

— На сегодняшний день, — продолжал мой собеседник, — победа осталась за теми, кто презирает человека. Навсегда ли? Не думаю. В человеческом обществе ничто не вечно. Тезис, антитезис, синтез — Гегель прав. *Тезис XVIII столетия*: человек от природы добр; глас народа — глас божий. *Антитезис XX столетия*: человек — презренное чудовище, которое нужно усмирять силой; дело народа — слушаться своего хозяина. Рано или поздно наступит синтез; однажды он уже был достигнут христианством. Учение о первородном грехе и искуплении — это синтез. Каков же будет новый синтез? Примерно таков: по природе человек — жестокое животное; божественные и человеческие законы постепенно цивилизовали его; он завоевал свободу трудом и послушанием; он сохранит ее впредь только благодаря труду и послушанию; чтобы выжить, демократиям следует вспомнить о добродетелях, давших им рождение.

— Слово *республика*, — сказал я, — звучит гораздо лучше, чем слово

демократия, потому что содержит идею преданности общему делу, которая представляется мне первостепенно важной. Англия, формально являющаяся монархией, — республика, поскольку этой преданности общему делу здесь учат с детства. Французская Республика быстро оправилась после войны 1870 года и даже стала мощной колониальной державой, потому что первые республиканцы видели в ней свой идеал и готовы были всем пожертвовать ради нее. Она погибла в тот день, когда часть ее вождей поставила собственную выгоду и личные интересы выше интересов общего дела... Я хорошо знал Пуанкаре. Это был человек ограниченного ума. «Что вам делать в Лондоне? — спрашивал он меня. — Стоит человеку уйти с площади Согласия, как он начинает болтать вздор». Но Пуанкаре был истинным республиканцем. Он был настолько щепетилен, что ни разу в жизни не позволил себе попросить кого-нибудь из мелких служащих министерства, людей, состоящих на государственной службе, о личной услуге. Отдав без малого сорок лет общественной деятельности и управлению государством, он остался беден... Вспомните частную жизнь великих английских политических деятелей: она безупречна. Гладстон ненавидел Дизраэли, а Дизраэли не любил Пилля *, но все трое были верны своим женам. Вот как создаются здоровые нации... Недаром Монтескье сказал однажды, если память мне не изменяет, что монархии зиждутся на чести, а республики — на добродетели.

Мы помолчали, затем он продолжал:

— В конце концов, какие свободы мы хотим сохранить любой ценой?.. Мы хотим, чтобы все люди были равны перед законом и имели равные права; мы хотим, чтобы каждый обладал свободным доступом к информации (в этом-то и заключается истинный смысл требования свободы убеждений); мы хотим, чтобы каждый имел право высказывать то, что думает, если только он не выступает за разрушение государственного строя, предоставляющего ему эту свободу; наконец, мы хотим, чтобы правительство могло быть смещено, если такова будет свободно выраженная воля большинства населения. Вот, пожалуй, и все...

— Совершенно верно, — сказал я, — причем это не означает, что, прежде чем предпринять какие бы то ни было действия, государственные деятели обязаны ежедневно испрашивать мнения общественности и слушаться его как гласа оракула. В подлинно свободной стране правительству, свободно избранному народом, нет нужды советоваться с подданными по каждому вопросу. Если бы в 1936 году английские министры вместо того, чтобы прислушаться к мнению общественности, положились на собственную мудрость и поддержали Францию, мы избежали бы войны.

Солнце поднималось все выше. Кудрявые человечки постепен-

но заполняли палубу, между шезлонгами уже катались их мячи.

— Мячи, — сказал мой собеседник. — Оставь мы их детям, мы, быть может, серьезнее отнеслись бы к угрожавшим нам опасностям. Очевидно ведь, что уже много лет и французы, и англичане вместо того, чтобы посмотреть в лицо прискорбной реальности и мужественно взяться за работу, создали себе искусственные мирки и укрывались в них. Англия жила крикетом и футболом, Соединенные Штаты — бейсболом и кино, Франция — мелкими политическими дрызгами да литературными пересудами. Когда твоя страна в безопасности, можно за неимением более серьезных дел спокойно заниматься спортом и искусством, но надо быть безумцем, чтобы отдавать им все силы, когда не решены жизненно важные проблемы... Сама политика превратилась у нас в спорт... Однако, когда на карту поставлена жизнь страны, нельзя тратить драгоценное время на массовое бегство от действительности... Пока наши дети упивались счастливыми развязками голливудских фильмов, немецкая молодежь всерьез готовилась к перестройке реального мира... Развязка оказалась безрадостной.

Мой собеседник встал.

— Пора завтракать, — сказал он. — Овсянка и яичница с беконом — вещи реальные, и не стоит ими пренебрегать.

Оставшись один, я долго размышлял о нашем разговоре. Взяв карандаш, я принялся писать на обложке «Беатрисы» Бальзака, которую взял с собой в дорогу:

В ЧЕМ НАШЕ СПАСЕНИЕ:

Быть сильными. Народ, который не готов умереть за свою свободу, утрачивает ее.

Действовать быстро. Лучше десять тысяч самолетов вовремя, чем пятьдесят тысяч после сражения.

Направлять общественное мнение. Вождь должен вести массы за собой, а не идти у них на поводу.

Бороться за единство страны. Партии — пассажиры одного корабля. Если он пойдет ко дну, потонут все.

Оберегать общественное мнение своей страны от иностранных влияний. Отстаивать те или иные идеи — законное право каждого; получать за это плату от иностранных держав — преступление.

Незамедлительно принимать меры против любого незаконного насилия. Проповедь насилия равносильна преступлению.

Оберегать молодежь от влияния тех, кто расширяет единство народа. Государство, которое не заботится о своем будущем, само обрекает себя на гибель.

Доверять, государственную власть людям безупречной нравственности. Всякий, кто предается пороку, играет на руку врагам.

Свято верить в идеи и образ жизни, которые отстаиваешь. Именно вера дает армии силу, а порой и оружие. У свободы должны быть

верные слуги. Она достойна этого гораздо больше, чем тирания.

Тут ко мне подбежал Адриан, из пальца у него капала кровь.

— Я порезался, — сказал он. — Перевяжите мне, пожалуйста, палец.

Я как умел помог ему.

12 июля я прибыл в Галифакс, а на следующий день выехал поездом в Монреаль. На перроне среди встречавших меня репортеров, говоривших по-французски с тем едва заметным старинным нормандским акцентом, который придает такую прелесть речи франкоязычных канадцев, я увидел свою жену, о которой с тех пор, как мы расстались в Париже 10 июня, не имел никаких известий. Она рассказала мне о своих странствиях.

11 июня на рассвете она села в машину и покинула наш дом в Нейи-сюр-Сен. Нескончаемая вереница машин медленно тянулась по шоссе Париж-Орлеан. Неподалеку от Дурдана немецкие самолеты трижды обстреляли беженцев из пулеметов. По команде жандармов моя жена вместе со всеми бросилась в кювет. Несколько детей рядом с ней были ранены — кто в плечо, кто в ногу, но все остались живы.

Ночь жена провела во Вьерзоне; спала она в машине, как и тысячи других людей, которым автомобиль заменил дом, а к вечеру следующего дня добралась до нашего загородного дома. Там уже расположилась добрая сотня беженцев. Отсюда она попыталась связаться со мной, но все ее телеграммы в Лондон остались без ответа. Через пять дней она в тревоге отправилась в Бордо, где стала свидетельницей страшного зрелища — агонии целого общества.

Административное здание французского государства, казавшееся нам таким прочным, рухнуло под бомбами немецкой авиации. Правительство, не сумевшее завоевать перевес в воздухе, утрачивало власть и на земле. Полиция была не в состоянии поддерживать порядок. В Бордо любой прохожий мог беспрепятственно и без доклада войти к премьер-министру или президенту республики. Послы слонялись по лицу Лоншан, ожидая, чтобы их расселили по соседним замкам. Их увешанные драгоценностями супруги обливались потом, сидя в душных «роллс-ройсах». Один знакомый министр сказал моей жене, что Поль Рейно вот-вот подаст в отставку, а новое правительство будет просить немцев о перемирии.

— Я думала, — сказала жена, — что мы продолжим военные действия в Северной Африке?..

— Таково и было намерение Рейно, — ответил министр, — но совет министров большинством в три голоса отверг его предложение... Сейчас он, наверно, у Лебрена.... Впрочем, Рейно, кажется,

надеется, что переговоры о перемирии окончатся ничем и тогда он вернется на свой пост. Он заблуждается... Перемирие будет подписано; не пройдет и недели, как немцы будут здесь... Вам лучше уехать.

— Но куда? — спросила жена. — Если заключат перемирие, моего мужа демобилизуют... Как вы думаете, сможет он вернуться во Францию?

— Вряд ли... Сообщение между Францией и Англией сейчас практически прервано.

Жена знала, что я обещал принять осенью участие в Лоуэлловских чтениях. Она подумала, что в сентябре я так или иначе постараюсь попасть в Бостон. Чтобы удостовериться в этом, она еще раз послала мне телеграмму и, не получив ответа, решила отправиться в Соединенные Штаты и ждать меня там. Поскольку приглашение Лоуэлловского института было у нее с собой, она без труда получила необходимые визы и с радостью покинула Бордо, возмущенная легкомыслием людей, которые смаковали прославленные старинные вина под обветшалыми сводами «Нежного каплуна», не сознавая, что наступает последний час Франции.

Вечером 17 июня на пограничном мосту Андай-Ирун она разговорилась с французскими таможенниками.

— Но почему, мадам, — спрашивали они со слезами на глазах, — почему мы сдались?.. Неужто нельзя было продолжать войну?.. Хоть кусочек-то Франции они нам оставят?.. Неужто правда, что они дойдут и досюда?

После всего увиденного в Бордо жене было особенно отрандно встретить этих парней, так горячо любящих родину.

Наконец 25 июня в Лиссабоне верные друзья помогли ей сесть на пароход «Янки клиппер». Прибыв в Нью-Йорк, она сразу послала мне каблогамму на адрес французского посольства в Лондоне. Я тут же ответил, но британская цензура не позволила мне указать ни дату отъезда, ни название судна. В конце концов из американских газет жена узнала, что я плыву в Канаду. Вот почему она оказалась в шесть утра на перроне Виндзорского вокзала в Монреале.

Радость нашей встречи омрачала мысль о бедственном положении Франции.

— Представляешь, — сказала жена, — сегодня 14 июля... А помнишь год назад, в Париже... Великолепный парад на Елисейских полях... Как мы радовались, как гордились!..

И правда, было 14 июля. На улицах Монреала кое-где виднелись трехцветные флаги. Французские канадцы остались верны нам.

— Дай бог и Франции остаться верной самой себе... — подумал я.

Надежды и воспоминания

Вступление

Я предлагаю вниманию читателей текст моего выступления на приеме в американском Институте Франции. В тот вечер я поделился с собравшимися воспоминаниями о былом и надеждами на будущее. Оказалось, что многие из моих слушателей живут теми же надеждами; они попросили меня опубликовать мою речь. Я согласился при условии, что средства от продажи книги пойдут в фонд помощи французским военнопленным, а авторское право будет принадлежать Coordinating Council of French Relief Societies¹. Издательство «Мэзон Франсез» и директор американского Института Франции г-н Пьер Бедар любезно предложили мне свою помощь в осуществлении этого плана. Приношу им за это сердечную благодарность.

В защиту военнопленных

*Речь, произнесенная на заседании
Coordinating Council of French Relief Societies
в ноябре 1941 года*

Вчера я с большим волнением перечитал описание обороны Дюнкерка; для начала я бы хотел напомнить вам этот эпизод, поскольку он как нельзя лучше свидетельствует о том, что француз-

¹ Координационный совет обществ оказания помощи Франции * (англ.).

ские военнопленные, которым вы благородно протягиваете руку помощи, достойны ваших добрых чувств.

Вы знаете, какие ужасные события произошли во Франции в мае 1940 года, знаете о том, как немцы обрушили на нас лавину железа и огня, о том, как они обратили в бегство нашу 9-ю армию и отрезали, окружили, оттеснили к морю Северную группу армий, то есть отборные французские и британские части. В этом хаосе у солдат и офицеров была лишь одна цель, одна надежда — во имя будущего эвакуировать на кораблях, стоящих в Дюнкеркском порту, как можно больше людей.

Чтобы обеспечить эвакуацию, шестьдесят тысяч французских солдат и офицеров получили приказ любой ценой задержать немецкие части, рвущиеся к Дюнкерку. Командующий 12-й дивизией генерал Янсен приказал своим бойцам: «Стоять насмерть». И они бились за Дюнкерк несколько дней, не зная ни сна ни отдыха, полуголодные. Каждый вечер бойцы спрашивали: «Кончена посадка?»

«Нет... Продержитесь еще чуть-чуть».

И обессиленные люди держались, не отступая под натиском танков и «штукасов». Генерал Янсен стоял насмерть. 2 июня он был убит. Силы его бойцов были на исходе.

«Кончена посадка?» — запросил командование преемник Янсена.

«Нет, продержитесь еще чуть-чуть... Еще денек».

Они продержались до вечера 3 июня. Наконец наступила ночь. Дюнкеркский порт опустел. Но из шестидесяти тысяч французов, оборонявших город, уцелели немногие. Когда утром 4 июня немцы заняли дюны, среди тысяч мертвых тел они обнаружили лишь несколько десятков живых бойцов. В число тех военнопленных, которым вы протягиваете руку помощи, входят и эти отважные герои.

Оборона Дюнкерка не единственный пример отваги французских бойцов. Чем больше мы узнаем об этой короткой и страшной майской кампании, тем яснее становится, что если в боевой технике в ту пору недостаток ощущался повсеместно, то в воле к победе недостатка не было нигде. Вспомните эпизод с сомюрскими курсантами, горсткой юношей, которые героически преградили двум вражеским дивизиям путь через Луару. Вспомните оборону Сен-Валери, вспомните о мужестве отряда Ля Лоранси в Центральном массиве. И вы поймете, что, какие бы грязные слухи ни распространяли враги, французские военнопленные достойны не только сочувствия — они достойны уважения и восхищения.

Между тем пленные эти испытывают тяжкие страдания, прежде всего страдания физические, поскольку они мерзнут и голодают.

В прошлую войну Франция сама приходила на помощь своим сынам. Но сегодня Франция опустошена.

И чужеземца грязная рука
Надежду, жизнь и хлеб француза отнимает.

Нам трудно даже представить себе, в какой нищете живут французы. Послушайте, что написал недавно великий французский писатель Роже Мартен дю Гар: «Представьте себе, мы дошли до того, что тщательно собираем со стола все крошки, чтобы затем использовать их в пищу... А хлеб едим только черствый, чтоб его меньше уходило... И не ломаем его, а режем ножом, как камешки на стройке, чтобы он меньше крошился...» * Как же могут французы накормить своих пленных, если сами они так бедствуют? Но все же они пытаются что-то сделать, и пример тех, у кого нет ничего, ко многому обязывает тех, у кого есть все. Недавно один калифорнийский фермер сказал, показывая мне огромные сливы, которые растут в его фруктовом саду: «Мы их даже не собираем...» В ваших силах накормить обездоленных этой пропадающей даром пищей.

Но пленные страдают и морально. Им больно вспоминать о стремительной катастрофе, о поражении родной страны. Им больно думать, что Франции грозит опасность утратить любовь и уважение своих друзей. Ваш долг — показать им, что эти опасения напрасны. Ваш долг — сказать людям, которые будут жить в послевоенной Франции, что Франция нужна послевоенной планете. Ведь это чистая правда. Да, после войны, как и до войны, миру нужна будет страна, которая вот уже тысячу лет преобразует мир, «народ, который выдержал все испытания, народ, который множество раз погибал и столько же раз возрождался к новой жизни».

Среди пленных, ждущих вашей помощи, есть будущие поэты и художники. Спасая их, вы спасете французскую культуру, а как ценят эту культуру в Соединенных Штатах, я понял в этом году, общаясь со своими студентками. Для меня нет ничего трогательнее, чем слышать, как одна юная американка с нежностью описывает все лавочки на улице Святых Отцов, другая вспоминает спектакль по пьесе Мюссе, третья — изумительный портал Шартрского собора. Вечером 14 июля мои студентки, не сговариваясь, собрались после ужина в холле.

«Расскажите нам о Франции, — попросили они меня, — а потом мы почтим ее минутой молчания».

В заключение своего рассказа я прочел им прекрасные стихи Пеги:

Мать, вот твоих сынов убитых рать лежит
Среди убитых ими. Кончен бой.
Да пощадит Господь сраженных, да простит
Тоску их душам и сердцам их боль.
Мать, вот сыны твои, и да не судят строго
Их за отчаянье и поражение,
И да подарит им Господь во утешенье
Любимой и родной земли немного...

и увидел в их глазах слезы. Вы делили с нами нашу славу, сегодня вы разделяете наше горе.

Согласен, вам предстоит нелегкая миссия. Во-первых, в период, когда растут налоги и поднимаются цены, не так просто убедить людей в необходимости поделиться тем, что они имеют. Но вспомните битву на Марне и прекрасную телеграмму Фоша: «Наш левый фланг прорван, правый смят; перехожу в наступление». Вы тоже вступаете в битву, так скажите себе: «Запасы на исходе, налоги растут. Я поделюсь тем, что имею».

Другая трудность, которая могла бы стать серьезным препятствием, состоит в разобщенности наших рядов, но эту трудность вам сразу же удалось преодолеть благодаря усилиям мисс Анны Морган *, и я пользуюсь случаем выразить ей мою глубочайшую признательность. Вы сумели сплотить вокруг себя *всех* французов, которые полагают, что их намерения и цели различны, меж тем как на самом деле все они стремятся к одному — к победе Франции. Таким образом, вы не только способствовали успеху своего предприятия, но и оказали неоценимую услугу Франции.

Выступая недавно перед жителями французской колонии одного американского города, я сказал:

«Вы утверждаете, что придерживаетесь разных убеждений, и тем не менее, говоря с вами, я вижу, что убеждения у всех вас общие — все вы полны любви к Франции. Какой Франции? Просто Франции, ведь она одна. К облику, духу, жизни Франции, к Франции городов и деревень, к Франции Шартра и Амьена, Флерюса и Вальми *, Вердена и Марны, к Франции Вольтера и Пегги, Расина и Мориака. Не забывайте, что если эта Франция томится ныне под гнетом оккупантов, то виной тому наши прежние распри. Постарайтесь же сплотить ваши ряды. Пусть у вас разные точки зрения на средства достижения цели, но цель у вас одна — освобождение родины. Если вы молоды, помогайте тем, кто воюет; если вы богаты, помогайте тем, кто бедствует. И не питайте ненависти ни к одному честному французу. В доме нашей матери — родины всем хватит места».

Вы говорили примерно то же самое, и все вас слушали. Поэтому ваше предприятие должно увенчаться успехом. Оно *непрерывно*

должно увенчаться успехом. Оно должно доказать тем, кто, томась в немецких лагерях, мечтает о свободе, что рождество по-прежнему остается праздником надежды, что дух рождества восторжествует и что победа останется не за силой и жестокостью, но за милосердием и любовью.

Дух Франции

*Статья, опубликованная в «Нью-Йорк таймс»
в феврале 1942 года*

Мои американские друзья то и дело спрашивают меня: неужели французы изменили своему духу? Неужели они навсегда подчинились иноземному господству? Неужели они оставили всякую надежду на освобождение?

Ответ мой прост и ясен: французы остались верны своему духу. Ни один истинный француз никогда не примирится с тем, что на его родине хозяйничают захватчики. В большинстве своем французы не только не потеряли надежду на освобождение, но, напротив, твердо уверены в том, что Франция выйдет из войны свободной и независимой.

Мне хочется привести в этой связи несколько фраз из письма, которое я получил из Франции в ноябре 1941 года, еще до вступления Соединенных Штатов в войну, и которое показывает, насколько французы уже тогда были исполнены отваги и веры в будущее.

«В 1914 году, — писал мой корреспондент, — нашей союзницей была Россия; в 1917 году, после выхода русских из войны, нашей союзницей стала Америка *. Сегодня обе они единым фронтом выступают против Германии. Случай помог нам и сделал то, чего не могла добиться самая тонкая дипломатия. Он сдал все козыри в одни руки... Германия пока не подозревает, что для нее война не только не окончена, но, напротив, еще толком и не начиналась. По существу, Англия вступит в войну только в 1942 году, Соединенные Штаты — в 1943-м. В борьбу со свежими силами германская армия вступит изнуренной, поредевшей, измотанной, и ей придется нелегко. В этом убеждены девять с половиной французов из десяти...»

Когда я показываю это и подобные ему письма своим американским друзьям, многие из них удивляются.

«Откуда, — спрашивают они, — у французов эта вера в будущее — ведь их родина сейчас целиком и полностью во власти врага?»

Я отвечаю вопросом на вопрос.

«Известно ли вам, — говорю я, — что тысячелетняя история нашей страны знает множество подобных примеров?

Перечитайте историю Франции. Вы убедитесь, что нет в мире страны, пережившей столько нашествий. Франция занимает оконечность Европейского континента, земля ее богата и плодородна — поэтому она издавна влекла к себе завоевателей. На нее нападали гунны, арабы, англичане, испанцы, австрийцы, а то и объединенные армии всех европейских стран. Немцы вторгались в ее пределы в 1814, 1815, 1871, 1914 и 1940 годах. Нередко пленниками врага оказывались французские короли или императоры: Людовик Святой в 1250 году попал в плен к туркам *, Иоанн II Добрый в 1356 году — к англичанам *, Франциск I в 1515 году — к испанцам *, Наполеон III в 1870 году — к немцам *.

Но разве французы хоть однажды смирились с позорным поражением своего отечества? Разве Франция хоть раз осталась под пятой захватчиков на долгий срок? Разве завоеватели оказали хоть сколько-нибудь значительное влияние на идеологию и культуру Франции? Нет. «На протяжении всей своей истории, — пишет американский ученый, — французы переносили несчастья с неизменным, ничем не поколебимым мужеством и быстро оправлялись от них».

Быть может, однако, прежние невзгоды Франции были не так страшны, как нынешнее поражение? Ничего подобного. Многие из них были даже тяжелее. В ходе Столетней войны площадь, занимаемая французским королевством, сократилась до размеров, уступающих нынешней свободной зоне. Страну раздирали противоречия: два враждебных клана, арманьяки и бургиньоны, боролись между собой так же ожесточенно, как правые и левые накануне нынешней войны. И тем не менее французские крестьяне, торговцы и ремесленники XIV века не допускали мысли, что Франция обречена и что отныне французской культуре суждено раствориться в культуре иноземной. Задолго до того, как мудрая и бесстрашная пастушка из Домреми повела французов к победе, многие из них прониклись чувством глубокой жалости к родной стране. Они искали спасения от бедствий — и вот явилась Жанна д'Арк. Какие же следы оставило долгое английское владычество во Франции? Никаких.

А какие следы оставила победа немцев в 1871 году? Никаких. Разгром был ужасен. И в ту пору враждующие политические партии тоже раздирали страну на части. Монархисты, бонапартисты, республиканцы, социалисты боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть. На улицах Парижа французы стреляли во французов. Между столицей и провинциями шла гражданская война. По холодному расчету Бисмарка, поражение в войне и политические распри должны были выбить Францию из колеи по

меньшей мере лет на сто. И что же? Через семь лет, в 1878 году, в Париже открылась Всемирная выставка, доказавшая и друзьям и врагам, что в мирных ремеслах Франция не знает себе равных. А еще через двадцать лет, по большей части мирными средствами, Франция создала богатую и цветущую колониальную империю *. Так страна, которую враги надеялись втоптать в грязь, удивила мир неопровержимыми доказательствами своего стремительного возрождения.

«Что ж, — возразит скептик, — возрождение оказалось возможным благодаря тому, что страна не была побеждена окончательно. Сегодня же вы имеете дело с противником, которому мало завладеть вашей землей — он хочет овладеть вашими душами».

Да, но по этой-то причине врага и ждет поражение. Насилие и гнет не сломят французов, но лишь выведут их из терпения. Французов можно заставить подчиниться грубой силе, но рано или поздно они взбунтуются. Будьте уверены, что они никогда не забудут и не простят унижения. И не потому, что французы ненавидят иностранцев. Дело не в этом. Французы могут оценить по достоинству величие немецкой, английской, испанской культур, могут восхищаться ими. Дело в том, что француз не немец, не англичанин и не испанец, и поэтому он всегда с негодованием отвергал любые притязания иностранцев на владычество в его родной стране. «Всяк в своем доме хозяин» — гласит французская поговорка. Французы охотно признают за всеми народами право на национальные предрассудки, учения, нравы, обычаи. Пусть только чужеземцы не навязывают всего этого французам.

Чем объясняется стойкое сопротивление французов любым завоевателям? Прежде всего любовью к родной земле, той земле, которую века их кропотливого труда превратили в огромный сад. «Быть французом — нелегкое ремесло, у француза всегда работы по горло». Но в этом трудном ремесле есть своя прелесть. Я имею в виду, что француз живет жизнью, которую нельзя не полюбить. Я имею в виду, что француза окружают вещи простые и добротные. Я имею в виду, что француз, кем бы он ни был: плотником, ювелиром, художником или писателем, — старается работать на совесть. Я имею в виду, что француз уважает свободу слова и борется за нее. Не было еще такого режима, который бы помешал французам высказать все, что у них на душе, — не было и не будет. Французы умеют говорить без слов. Даже заткнув им рот, нельзя заставить их замолчать.

Кроме того, французы сопротивляются всякому интеллектуальному давлению извне, потому что знают: французская культура — неотъемлемая часть всей западноевропейской культуры. С какой стати французы будут внимать наставлениям чужих моралистов и идеологов, когда их собственные моралисты вот уже много ве-

ков подряд учат весь мир мыслить и чувствовать? Французы предпочитают продолжать свои традиции и во что бы то ни стало будут продолжать их. Сюда, в Америку, дошло несколько книг, опубликованных после перемирия лучшими писателями Франции. Эти книги оправдали все наши ожидания, все наши надежды. Их авторы ни на йоту не отступили от своих убеждений. Они ни разу не унизились до восхваления философии, которая не имеет иных аргументов, кроме танковых дивизий.

Наконец, французы сопротивляются завоевателям, потому что они солдаты. Они помнят свое славное прошлое и гордятся им. Сегодняшние французы — потомки тех, кто сражался при Вальми и Ваграме *, на Марне и под Верденом. Они хотят быть достойными своих отцов. В начале нынешней войны они потерпели поражение потому, что им не хватало боевой техники, самолетов, танков, политического единства. Но это печальное стечение обстоятельств не может поставить под сомнение боевую отвагу французской нации.

Сегодня французы, живущие во Франции, безоружны и не способны оказать врагу физическое сопротивление; но их моральное сопротивление не ослабевает ни на минуту. Забывать об этом могут только очень несправедливые и совершенно неблагодарные люди. В пору мучительных испытаний Франция не молит более удачливые народы о сострадании; она требует к себе уважения; она достойна восхищения. Здесь, на вашей земле, мы живем в довольстве, а в это время многие французы там, во Франции, голодают. От недоедания умирают дети. Люди живут в нетопленных домах. Полтора миллиона пленных вот уже два года находятся в Германии, вдали от родных и близких. Все это очень тяжело. Но разве французы пошли хоть на какие-нибудь уступки ради того, чтобы облегчить себе жизнь? Их сотни раз обвиняли в этом, но обвинения всякий раз оказывались беспочвенными.

Разве французы пытались умиловить оккупантов, братаясь с ними? Напротив, все доходящие до нас сведения говорят о том, что французский народ держится с поразительным достоинством. Незаметные герои и героини всячески уклоняются от общения с оккупантами и вступают с ними в контакт только вынужденно, по необходимости. Они любят родину еще горячее, чем прежде. Один мой друг оказался на маленькой железнодорожной станции в неоккупированной части Франции в тот момент, когда туда прибыло несколько сотен эльзасцев, изгнанных немцами с родной земли. Захватчики разграбили все их имущество; два дня несчастные мучились от голода в переполненных, наглухо запертых вагонах. Но прибыв к месту назначения, они бог знает из чего ухитрились соорудить маленькие трехцветные флажки, и дети их

бегали по перрону, размахивая этими самодельными знаменами и распевая «Марсельезу».

Нет, Франция не изменила своему духу. Оккупантам не удалось поставить ее на колени. Они и сами уже не питают на этот счет никаких иллюзий. Они понимают, что, если в один прекрасный день Франция примет участие в строительстве свободной Европы, она будет выступать за равенство всех европейских держав.

«Славное прошлое, единодушие в настоящем, свершение сообща великих дел, мечта о новых победах — вот что отличает настоящий народ», — писал Ренан. О том, что за плечами у французов славное прошлое, неопровержимо свидетельствуют музеи, памятники и целые государства, раскиданные по всему свету. В том, что впредь у французского народа еще более славное будущее, заверит вас любой молодой француз. Вот почему французской нации суждена долгая жизнь. Дух Франции не изменился со времен Жанны д'Арк. Франция так же непокорна, исполнена той же веры в будущее. Так было всегда, так будет и впредь.

«Ненавидите ли вы своих врагов?» — коварно спросил Жанну д'Арк один из руанских судей.

«Не знаю, — ответила Жанна, — но зато я твердо знаю, что мы выдворим их из Франции всех до единого, кроме тех, что падут на нашу землю мертвыми».

Таков был дух Франции, таким он остается и поныне.

Париж вчера — сегодня — завтра

*Речь, произнесенная на приеме в Институте Франции **

30 января 1943 года

Господин Председатель!

Прежде всего я хочу поблагодарить Институт Франции и Вас лично за все, что вы делали и делаете для французской культуры. Настоящие друзья познаются в беде. В эту тяжелую пору, одну из самых трагических в ее истории, Франция не одинока. Ей помогают преданные друзья. Среди них Вы, господин президент, и сотрудники Вашего института. Ваши лекции, Ваши выставки, Ваши дружеские приемы, поддерживающие в нас священную память о родине, продолжают традиции не только Вашего института, но и нашей страны. Я верю, настанет день, когда Франция будет освобождена от захватчиков, и тогда благодарные французы смогут доказать Вам свою признательность.

Одна маленькая француженка, уже два года живущая в Нью-Йорке, как-то сказала матери: «Мама, давай посмотрим открытки с видами Парижа. Я боюсь забыть его...» Конечно, тому, кто,

как я, уже шесть десятков лет носит в сердце образ Парижа, не грозит опасность забыть его; но, случается, ночью, во время бессонницы, он встает перед моим мысленным взором, и тогда со смешанным чувством грусти и нежности я отправляюсь в воображаемое путешествие по любимому городу.

Воспоминания мои очень отчетливы. Я так ясно представляю себе каждую улицу, каждый дом, каждую лавку, что могу в своих грезах наяву подолгу рассматривать витрины, любоваться на улице Ля Боэси полотнами Вюйера и Боннара * или остановиться поболтать с забавным бородачом регулировщиком в накидке, который всегда стоял с белым жезлом в руках на углу улицы Гавра и бульвара Османа. У каждой парижской улицы свое лицо, свой характер. Вот Рю де ля Пэ — «там красота, там гармоничный строй». Аркады улицы Риволи навевают мысли о восточном базаре. Галереи Пале-Рояля классичны, таинственны и пустынно. Здесь шла торговля иностранными орденами и старинными книгами. Какие таинственные покупатели-невидимки, какие ожившие тени франтов и шеголих былых времен покупали здесь орден Белого Орла * и «Записки» Бассомпьера *, чтобы не дать унылым торговцам-призракам умереть с голоду? В верхних этажах, там, где балконы с колоннами и окна с частыми переплетами, жили писатели, влюбленные в этот уголок Парижа: Жан Луи Водуайе *, Эдмон Жалу * и великая Колет *, которая приглашала вас в гости «на чашку чая», но, питая к этому напитку презрение истинной бургундки, вместо чая потчевала гостей подогретым вином с корицей, приговаривая своим раскатистым бодрым голосом: «Вот настоящее французское питье! Только так и можно согреться!»

Миновав площадь Пале-Рояль и кассы Лувра, я выходил на набережную Сены. Здесь всегда было полно продавцов птиц и корма, цветочницы предлагали прохожим букеты, у самой воды сидели рыболовы с удочками. О, как мудры были эти парижские почтальоны-пенсионеры и жандармы-отпускники, которые круглый год без всякой надежды на успех, из чисто спортивного интереса сидели над водой с утра до ночи. У Мопассана есть рассказ о двух парижанах, господине Соваже и господине Мориссо *. В 1870 году, когда пруссаки осадили Париж, они не могли отказать себе в удовольствии половить пескарей и уклеек между Аржантеем и островом Гранд Жатт. Пруссаки схватили рыболовов и расстреляли их за то, что они отказались выдать пароль, который позволил бы врагам проникнуть во французский лагерь. Сегодня потомки господина Соважа и господина Мориссо живут в плену у немцев, но никто из них не выдал врагу пароль, который позволил бы ему проникнуть в души французов, и недалек тот день, когда французы снова смогут спокойно ло-

вить рыбу не только в Сене, но и в Марне, и в Мозеле, и в Рейне.

Почему рыться в старых книгах было приятнее всего именно на парижских набережных? Отчасти потому, что здешние букинисты — старушка в черной шали, сидящая на складном стуле с грелкой у ног, или старик в потертом пальто с поднятым воротником — выглядели колоритней, чем в других местах, и к тому же хорошо разбирались в книгах; но в основном потому, что от романтических гравюр на обложках старинных фолиантов взгляд переходил на реку, древнюю, как сама история; потому, что напротив чернели башни Консьержери; потому, что вверх по течению в голубоватом тумане угадывались два изумительных розовых кирпичных особняка на площади Дофин; потому, что книжная одиссея свершалась под сенью великого собора Парижской богородицы; потому, что сквозь голые ветки деревьев просвечивало ясное и доброе небо Иль-де-Франса.

Перейдя на другой берег Сены, я устремлялся к улице Бонапарта — улице антикварных лавок. Сколько тут было позолоченных стальных часов, миниатюрных портретов сановников с голубыми орденскими лентами, фарфоровых пастушек. Художники, оформляющие витрины нью-йоркской Пятой авеню, любят смелые намеки, гротескные манекены, сатирические зарисовки. Витрины улицы Бонапарта очаровывали небрежностью и простотой. Покупатель с радостью устремлялся на поиски и сам извлекал из груды никому не нужных табакерок и бесчисленных бюстов императора подлинные произведения искусства. Из ветхого комода, из пыльной папки являлись на свет автографы интереснейших писем Пруста. Древние и независимые, улица Бонапарта и соседняя с ней улица Святых Отцов были полны неожиданностей. Рядом со старинными особняками уютились лачуги, маршал Лиоте жил бок о бок со старьевщиком. Подъезд маршала находился в глубине двора. Я поднимался по лестнице, звонил, спрашивал: «Патрон у себя?» Патрон был у себя — великолепное воинственное лицо, лихо закрученные усы, волосы ежиком, жажда деятельности, а в глазах тоска. «Я больше ни на что не гожусь... Я даром прожил жизнь...» — и это говорил с мрачным видом человек, который основал за свою жизнь двадцать семь городов и одну империю *. «Я живо погребен, — гремел он — Марокко? Слышать не желаю ни о каком Марокко!» Потом он внезапно воспламенялся и принимался читать вслух старые письма, вспоминал переходы по пустыне, победы и султанов, часами с юношеским пылом рассказывал о Марокко.

Неподалеку, на улице Святых Отцов, жил мой издатель Бернар Грассе *. Издательство размещалось в старом мрачном здании, в темных углах и закоулках которого постоянно слышались ругань и жалобы на страшную тесноту. Как непохож был этот

дом на огромные конторы американских издателей, кишасшие машинистками и служащими! Грассе выпускал книги миллионными тиражами, он был одним из крупнейших издателей Франции, но ему нравилось жить и работать вместе с несколькими старыми друзьями в этой мрачной и причудливой атмосфере. Недалеко от входа заведующий складом, длинноусый старик в сером халате по имени Леон, принимал заказы от книготорговцев. Леону было точно известно, какую книгу раскупают, а какую нет, но авторам он этого никогда не говорил. Вы с тревогой спрашивали: «Ну, как там моя книжонка, Леон?» Сколько бы ни было продано экземпляров, десятков или десять тысяч, Леон неизменно отвечал: «Все в порядке... Идет потихоньку...» А с самим Грассе было совершенно бесполезно разговаривать о новой рукописи, поскольку у него самого всегда лежало в кармане только что законченное собственное творение. «Бернар, — говорили вы ему, — я дописал роман». «А я статью, — отвечал он, — сейчас я тебе прочту...» И автору приходилось выслушивать прозу издателя, впрочем прозу превосходную. Таков Париж.

И самое потрясающее: несмотря на беспорядок, издательство процветало и выпустило немало прекрасных книг. Во Франции многие гигантские предприятия рождались в лавчонках и сараях. Они росли благодаря бережливости, трудолюбию, энтузиазму и хозяйственности владельцев. Но и в непритязательной обстановке французы при желании создавали гениальные произведения искусства; Флобер и Дега черпали сюжеты своих шедевров в самой что ни на есть повседневной жизни; наши лучшие дипломаты и генералы неизменно отличались скромностью и простотой. Когда маршала Жоффра пригласили представлять Французскую академию на праздновании очередной годовщины битвы на Марне, он ответил: «О нет! Нельзя же возобновлять сражение на Марне каждый год!»

Я возвращался по набережным, доходил до площади Согласия и, если погода была хорошая, сворачивал на Елисейские поля. Раз в году, 21 мая, в день смерти Наполеона, солнце садилось точно за Триумфальной аркой. Неповторимые Елисейские поля — улица парадов и гуляний. Под ее каштанами кружатся карусели с деревянными лошадками, катаются обручи, гудят волчки. Из окон модных ресторанов видны памятники поэтам. Поток машин течет по мостовой мимо монументов, воскрешающих в памяти монархию, революцию, обе империи, республику (воплощенную в стоящем на каменном постаменте Клемансо), а впереди, подобно маяку, сияет чистый огонь вечной Франции, хранимый «Марсельезой» Рюда*.

Как непохож этот героический, прустовский, торжественный, зажиточный, многолюдный, такой привычный Париж Елисейских

полей на Париж Монпарнаса, Монмартра или Бельвиля! Но бывали дни, когда внезапно и без всякой видимой причины все кварталы Парижа сливались в едином порыве, проникались единым чувством. Это происходило совершенно стихийно, непроизвольно, без всякой подготовки. Еще вчера город был поделен на враждебные лагеря и люди косо смотрели друг на друга. И вдруг какая-то искра проносилась в воздухе, и город начинал бурлить; отдельные голоса сливались в общем хоре, объединявшем весь Париж, всю Францию. Так было в 1918 году, в день заключения перемирия; так было в 1929 году, в день похорон маршала Фоша; так было в 1938 году, во время визита короля и королевы Англии.

Поначалу парижане встретили гостей сердечно, вежливо, но сдержанно. Постепенно приветливость и обаяние королевы, а также предчувствие надвигающегося на Европу военного смерча сделали свое дело: сердца парижан забились сильнее. В одну прекрасную летнюю ночь полиция сняла заграждения на Кэ д'Орсе, и парижская толпа выразила гостям всю свою любовь. А любовь парижской толпы кое-что значит.

Помню другой вечер, когда на моих глазах толпа слилась в едином порыве. Дело происходило перед собором Парижской богородицы. Двадцать тысяч зрителей смотрели, как в свете прожекторов на паперти разыгрывается мистерия Страстей господних *. Парижане 1937 года, словно на крыльях сновидения, перенеслись в великое прошлое своего города. Собор Парижской богородицы, собор-летописец, служил декорацией; актеры произносили простодушные строки с немудреными рифмами, потрясавшие пять веков назад наших предков; на вершине одной из башен появился ангел света со сверкающим мечом в руке; витражи переливались всеми цветами радуги; пению хора вторил орган. И внезапно людей охватило то общее волнение, которое и превращает толпу в народ. Левые и правые, богатые и бедные, верующие и неверующие, французы вспомнили о тех великих делах, которые они вершили сообща, вспомнили, что у всех у них один бог. Так старый французский поэт привел, как сказал Пеги *, «все стадо одесную Господа».

Такие мгновения редки, но незабываемы. Они сторицей вознаграждают французов за все, что они переживают в периоды раздора. Наступит день, когда последний немец уберется из Парижа, когда союзные войска торжественно пройдут под Триумфальной аркой, и в этот день французы сплотятся, как никогда. Даже сейчас, во время оккупации, парижане втайне, в глубине своих сердец, переживают эти счастливые мгновения, когда драматург или музыкант говорит со сцены своим соотечественникам на им одним понятном языке о прошлом и будущем величии Франции.

Тогда, я уверен, парижане смотрят друг на друга горящими глазами и, хотя уста их немы, в душе их звучит гимн родной страны. И нас, изгнанников, временно живущих вдали от родины, охватил этот порыв — в тот счастливый день, когда мы узнали, что американцы высадились в Северной Африке, что французские генералы видят в них союзников и что трехцветное знамя развевается в Тунисе среди знамен стран антигитлеровской коалиции.

Два года назад американцы пели песню «The last time I saw Paris»¹. Мне хочется сказать друзьям Франции, которые собрались здесь сегодня: «The next time you'll see Paris»². Когда вы в следующий раз посетите Париж, он будет так же прекрасен, как в ваших воспоминаниях. Строгие силуэты памятников, облик площадей останутся неизменны; золотые трофеи на куполе Дома Инвалидов будут по-прежнему сиять своим мягким блеском; два изумительной красоты особняка из розового кирпича будут по-прежнему охранять вход на площадь Дофин. Вы увидите парижан, исхудавших, ослабевших, но не утративших ни остроумия, ни здравомыслия, ни отвага. Конечно, они, словно после тяжелой болезни, станут серьезнее и ранимее, чем прежде. Горькая память о перенесенных страданиях придаст им силы. Они никогда не забудут расстрелянных заложников, замученные жертвы и сохранят на всю жизнь лютую ненависть к захватчикам. Но они не утратят ни вкуса, ни гения, ни свободолюбия. То, что мы знаем о жизни в оккупированном Париже и о жестокостях немцев, увы, более чем трагично; но мы знаем также о поразительном мужестве французов, и к боли за их страдания примешивается восхищение их стойкостью. Мне отраднo слышать, что, когда герой «Авантюристки» поет на сцене «Комеди Франсез»: «Спасем Империю!», весь зал встает. Мне отраднo слышать, что наши композиторы и поэты продолжают работать, что Арагон сочиняет замечательные стихи, Жироду написал прекраснейшую из своих трагедий *, а Пуленк создал балет по мотивам басен Лафонтена *, глубоко французский по духу. Мне отраднo слышать, что французы помогают перейти улице старой женщине с желтой звездой, которую захватчики приказали носить всем евреям. Город большой души, пылкий и мятежный город, оккупированный, но не побежденный, — вот какой Париж предстанет перед вами, когда вы в следующий раз приедете во Францию, дорогие мои американские друзья.

Кончится война, и вы поможете нам врачевать раны, полученные нашей родиной. У вас есть для этого немало возможностей. Вы уже сейчас помогаете нам, собирая посылки нашим изго-

¹ «Когда я в последний раз был в Париже» (англ.).

² «Когда вы в следующий раз будете в Париже» (англ.).

лодавшимися детям. Вы поможете нам, заботясь о наших военнопленных (многие из вас делают это уже сейчас). Вы поможете нам, борясь за то, чтобы народы наши жили не в атмосфере раздоров, обид, подозрений, но в атмосфере доверия, взаимопомощи и любви. Вы поможете нам, напоминая французам о том, чему научила вас история вашей страны, — о том, что Свобода и Единство неразлучны. Вы поможете нам, ни на минуту не забывая, что в течение более чем десяти столетий Франция была аванпостом европейской цивилизации; что в 1914 году она потеряла два миллиона человек, сражаясь за то, за что сегодня сражаешься вы; что в 1939 году она вступила в войну обескровленной; что французская армия в этой войне была малочисленна и плохо вооружена лишь потому, что Франция с самого первого дня не раздумывая бросила в бой всех своих солдат и всю свою военную технику. Вы поможете нам, не забывая о том, что завтра Франция будет играть в жизни планеты такую же важную роль и будет такой же незаменимой, какой была вчера; что она вечно пребудет не маленькой провинцией, но великой державой, равной другим великим державам и ни в чем им не уступающей. Вы поможете нам, относясь к Франции так же, как относились к ней в течение этих трех лет сотрудники вашего института, — пылко и преданно, как истинные друзья, которые хотят любить и понимать и понимают, потому что любят.

Что же можем и должны сделать мы, французы, живущие в вашей стране? Я думаю, мы можем и должны сказать себе следующее: «Все мы в той или иной степени виноваты в том, что произошло за последние двадцать лет... Не нам, непосредственным участникам этих драматических событий, определять меру ответственности каждого из нас — когда стихнет гром орудий, нашими историками и судьями станут наши потомки. Мы часто говорили и поступали по-разному, но чувствовали одинаково. Все мы старались принести пользу Франции, все мы (или почти все) верили, что приносим ей пользу. Быть может, нам многое простится за то, что мы очень сильно любили ее. Теперь не время думать о чем бы то ни было, кроме победы. Враг отступает, наши войска вот-вот соединятся, весь мир живет одной великой надеждой. Французские части вместе с союзниками атакуют противника в Алжире, Чаде и Ливии. Сражаясь бок о бок среди песчаных пустынь, французские солдаты, откуда бы они ни были родом, с Запада, с Востока или с Юга, ощущают себя братьями и товарищами по оружию. Мы, находящиеся вдали от линии фронта, обязаны последовать их примеру. Поклянемся все, как один:

«Оказывать всемерную поддержку всем французским военачальникам, борющимся за освобождение нашей родины.

После того как территория Франции будет полностью освобождена от оккупантов, дать французскому народу возможность свободно избрать правительство своей страны.

Избрать такое правительство, которое обеспечит всем гражданам, независимо от их религиозных убеждений, расовой принадлежности и политических взглядов, равенство перед законом.

Наконец, осуществлять братское сотрудничество со всеми французами, придерживающимися этих принципов».

Повторим вместе с нашими американскими друзьями:

«Liberty and Union, now and for ever, one and indivisible»¹.

И наше отечество будет спасено.

¹ «Свобода и Единство, теперь и навсегда, единые и нераздельные»* (англ.).

Голые факты

Похороны маршала Фоша

(26 марта 1929)

Я ждал, когда появится похоронный кортеж маршала Фоша, стоя у трибун, воздвигнутых напротив Дома Инвалидов и задрапированных траурной тканью. Я оказался в толпе увечных воинов. Многие, желая попасть в первый ряд, явились сюда к семи часам утра. Один из них безжалостно оттолкнул какого-то вновь прибывшего господина, имеющего специальный пропуск и утверждавшего, что он-де имеет право стоять впереди. «Пусть так, — сказал тот, что пришел спозаранку, — но я не позволю вам наступать себе на ногу, тем паче что она у меня всего одна!» Сконфуженный обладатель пары ног испарился в мгновение ока.

Моим соседом оказался слепой в черных очках, с пышными усами, он цеплялся за руку жены. Звали ее Жюльетта. Любопытная, молоденькая, она все время вертелась, нагибалась. Когда она делала слишком резкие движения, слепой терял ее руку, и тотчас же его лицо и пальцы выражали тревогу, даже страх.

— Где ты, Жюльетта? Не бросай же меня... Что ты сейчас видишь, скажи.

— Ничего. Трибуны еще почти пустые. А впереди, неподалеку от нас, генерал.

— Гуро *, — уточнил я.

Слепой обернулся на мой голос.

— Мсье, — сказал он, — объясните мне, пожалуйста, что вы видите. Она не умеет ничего рассказывать. Что с нее взять, она женщина.

— Виден Дом Инвалидов, окутанный серой дымкой; на плацу между старинных пушек много отставных офицеров в военной форме; между нами и решеткой ограды пустое пространство, здесь продефилируют войска. Посредине небольшая черная трибуна, похожая на церковную кафедру, только пониже, оттуда будет говорить Пуанкаре. Все фонари зажжены и затянuty черным крепом. Как раз сейчас перед нами проходит молоденький солдатик в полицейском кепи, в руках у него огромная воронка с жидким мелом, он проводит линию, прямую, белую, чтобы прочертить путь процессии. Он боится отклониться и просит офицеров уйти с дороги.

— Тоже, нашел себе работку, — заметил слепой.

Над площадью, казалось, витали, смешавшись, голоса громкоговорителей, шум деревьев и ветра.

— Идут, — сказал слепой. — Я уже слышу — играет рожок.

Появились полицейские: «Внимание!.. Приближается кортеж».

— А что сейчас видно? — спросил слепой... — Скажите, мсье... Только все скажите...

— Видны два автомобиля и полицейские на мотоциклах, они объезжают трибуну справа и расчищают к ней путь... Ага, вот и солдаты.

— Французские?

— Да, французские: в голубом и в касках. Барабаны обтянуты крепом; вы слышите барабаны?

— Слышу, — ответил слепой. — До чего же грустно. До чего красиво... Да стой ты на месте, Жюльетта... А сейчас что, мсье?

— Знамя перехвачено траурной лентой. Полицейские отдают честь. Все обнажили головы... Пехотинцы... Морская пехота...

— Какие миленькие, — заметила жена.

Фанфары, охотничьи рожки, бодрый марш. Лицо слепого просветлело.

— Вот тут-то я могу обойтись и без вашей помощи, — сказал он. — Солдаты мотопехотной части... Мне ли не узнать их по маршировке... Правда странно, мсье, жить только слухом... Я сам был солдатом в стрелковых частях на Сиди-Брахиме *... Поймите, никакой моей заслуги нет в том, что я их сразу признал... А это кто шагает?.. Слишком медленно... Кто это? Ясно, не французы.

— Да... Это английская гвардия.

— Какие они?

— Огромные черные меховые шапки, красные мундиры; ружья они держат под рукой, дулом вниз. Идут очень медленно, и так размеренно, в такт, поднимают ноги, что кажется, будто шагает один человек.

— Смотри, смотри, Жюльетта, ведь ты все видишь, это, должно быть, очень красиво.

— А вот бельгийцы... Они в хаки, как наши колониальные войска... Итальянцы в серо-зеленом, в шляпах с перьями... Американцы. Несут огромное знамя со звездами... Сербы...

— Слышен грохот артиллерийских орудий, — сказал слепой. — Это маршала везут?

— Да, виден лафет, на котором установлен гроб; он обогнул трибуны и остановился напротив запертых ворот.

— А что еще видно? — нетерпеливо спросил слепой.

— Гроб, накрытый трехцветным флагом; он узенький, по форме человеческого тела... На флаге лежит кепи с золочеными листьями, шинель, сабля...

— Видишь, Жюльетта?

— Не особенно хорошо.

— Нагнись, ты-то должна все хорошенько рассмотреть... А небо, мсье, какое сейчас небо?

— Над Домом Инвалидов великолепное небо. До последней минуты оно было какое-то серое, белесое, затянутое облаками, как будто подернутое завесой, и только что пробилось солнце, лучей нет, однако оно светит.

— Должно быть, очень красиво... Слышу, аэропланы летят... Они видны?

— Почти нет. Так, что-то мелькает в облаках.

Тут Жюльетта захныкала, она, мол, устала; слепой отступил на несколько шагов, чтобы она могла опереться на барьер, и я потерял их из виду. Имени его я так и не узнал.

Лига Наций

(Женева, 1929)

Первый вечер: обедаем вместе с Фернаном Буиссоном *, социалистом, председателем палаты депутатов, Альбером Тома *, руководителем Международного бюро труда (МБТ) *, и Жюльеном Кэном, начальником канцелярии Буиссона. Буиссон человек еще молодой, наделенный политическим чутьем, выдвинут на этот пост Брианом, Бергло * и Леоном Блюмом, причем все трое считают, что их кандидат, еще новичок в ремесле политика, будет нуждаться в опеке, поддержке и направляющей длани.

Сам Буиссон, бородатый гигант, сверх меры упоенный еще совсем новенькой властью, смотрит на все и вся под узким углом зрения своего поста. Обращаясь к Тома, бывшему депутату от социалистической партии, он заявляет:

— Если ты снова попадешь в Бурбонский дворец, сам увидишь: ничего нет общего с тем, что ты раньше наблюдал... Время выступлений теперь ограничено... Я имею право остановить любого оратора, не соблюдающего регламент... Кто ворчит, кто упорствует: «Мне все равно, я буду продолжать...» Что ж, на здоровье, но поди продолжай, лепи фразы, не упусти ход мысли, когда за спиной у тебя председатель твердит: «Закругляйтесь!.. Закругляйтесь же!»

И с хохотом:

— Ты и представления не имеешь, как я научился действовать... Захочу — любого уничтожу. Конечно, все это деликатненько... Шепну ему на ухо: «Громче! Вас же не слышно!.. Не затягивайте! Видите, публика нервничает...» Так любого можно с толку сбить... Поверишь — я это и с Франсуа-Альбером проделывал, даже с самим Пуанкаре... Теперь никто никого не перебивает, короче, только я один могу их перебивать.

И верно, я наблюдал в палате, как он демонстрировал свое искусство, великолепные иллюзионистские номера:

— Вот проект закона... Все видели?.. Раз, два, три... Проголосовано!.. А теперь видите эту резолюцию?.. Видите?.. Ловкость рук и никакого мошенства. Принято!

Кто-то из депутатов вопит:

— Прошу слова!

— Тихо! — отвечает Буиссон. — Пойди-ка лучше прогуляйся.

И дальше все таким же манером: «Сто миллионов?.. Принято!» Какой-то министр возвышает голос: «Я должен все-таки, господа, объяснить вам, почему вы проголосовали за эти кредиты». Афоризм Буиссона: Палата депутатов — это место пересечения умыслов».

Альбер Тома, профессор истории, говорит прекрасно. Даже, пожалуй, слишком безукоризненно с точки зрения грамматики. Он в восторге от своего нового поста в МБТ.

— Ты стал настоящим женецем, — сурово замечает ему Буиссон.

В данное время Альбер Тома занимается вопросами тейлоризма.

— Я вовсе не уверен, — говорит он, — что при механической работе можно думать о чем-нибудь постороннем... И потом, если в жизни думать обо всем, кроме того, чем она заполнена, то уж очень она станет печальной.

Он вспоминает о войне. В 1914 году он был в Бордо как раз в тот момент, когда происходила битва на Марне.

— Члены кабинета, — рассказывает он, — боялись, как бы Думер * с Гальени * не устроили государственного переворота.

— Думер! — восклицает Буиссон... — Где уж ему устраивать государственные перевороты.

— Напрасно ты так думаешь. В ту пору Думер был еще вполне дееспособен... Ну вот они и отрядили Клоца * в Париж. Возвратившись, он доложил: «Я виделся с генералом Гальени и откровенно сказал ему о ваших опасениях. Он подвел меня к карте и заявил: «Смотрите сами! Нынче утром я начинаю наступление... Вот здесь!.. В Нантейль-ле-Одуэн... Я только об этом и думаю... Передайте Пуанкаре, что он может спать спокойно. А Думер будет моим секретарем, вот и все».

Жюльен Кэн завладевает беседой; он любознателен, точен, беспристрастен и на редкость четко комментирует мне подоплеку всех речей и всех позиций.

* * *

На следующий день на сессии ассамблеи речь Макдональда. Не понравилась она мне. Красноречие трогает меня лишь тогда, когда оно рождено душевным порывом. Или когда блестящий актер умело разыгрывает искреннее волнение. А Макдональд актер неважный. Полный разрыв между аудиторией, сплошь состоящей из стреляных воробьев от политики, циничных и ловких, и этой проповедью уличного оратора, взгромоздившегося на ящик из-под апельсинов. Создается впечатление, что Макдональд обращается к английским нонконформистам. А таковых здесь в зале нет. По-моему, он искренен, вернее, умеет убедить самого себя, будто действует в силу наиболее благороднейших мотивов, тогда как в действительности им владеют эгоистические либо националистические побуждения. *Пример:* его подход к вопросу о Палестине.

По окончании его речи в кулуарах французская делегация хулит оратора. У нее иное представление об англичанах:

— У Остина Чемберлена хоть была честь... И даже отчасти реалистический взгляд на вещи... А этот! Разоружение, прежде чем будет обеспечена безопасность, деколонизация...

Альбер Тома вступает за премьера-лейбориста:

— Просто вы жалеете о своих друзьях консерваторах, что вполне понятно, но Макдональд произнес прекрасную речь.

И бросает проходящему мимо Пьеру Коту:

— А что думает новоиспеченный радикализм?

— Новоиспеченный радикализм не думает, он ждет действий. Главная опасность всех этих ораторских выступлений в том, что они создают у народов впечатление, будто ради спасения мира что-то делается. А что сделано на самом-то деле? Ровным счетом ничего.

И верно, Лига Наций не является действенным инструментом *. Мы присутствуем, кто из вежливости, кто из набожности, на некой

религиозной церемонии. Макдональд вещал как *clergyman*¹. Слово «Мир» произносят здесь как слово «Бог» в храме или с амво-на. А сама проповедь — лишь толкование строфы устава. За этими академическими дебатами не последуют никакие санкции. А что было бы нужно? Наличие военных сил у Лиги Наций? Один английский журналист сказал мне:

— Нельзя вести войну против войны с помощью пушек и пуле-метов; это все равно что вести войну против болезни с помощью микробов.

Как раз...

* * *

Возвращаемся в зал заседаний. На трибуне китаец. Держится он с достоинством, но голос у него глухой, ничего не слышно. Тщетно стараясь уловить хоть что-то, я думаю о древней великой китайской цивилизации и о том, как слаб сегодняшний Китай. Вдруг кто-то из технического персонала вручает китайцу мега-фон. И сразу громовой голос оратора заполняет весь зал. Теперь всем начинает казаться, что Китай мощная держава, с которой нельзя не считаться. Для этого было достаточно нажать на кнопку.

* * *

Кулуары. Встречаю адмирала из французской делегации. Он хватает меня за лацкан пиджака.

— Ну как это вам понравится? Англия и Америка намерены навязать нам определенный тип судна только потому, что это их устраивает. Это не пройдет! Каждый имеет право защищаться так, как он считает нужным. Франция отвечает: «Если я полагаю, что нуждаюсь в подводных лодках, я буду строить подводные лодки». Заметьте, лично я не так уж свято верю в будущность подводных лодок. Возможно, они станут совершенно бесполезны-ми, но, если я хочу их строить, я буду их строить! В своем доме строитель сам себе хозяин.

— Меня направили, — продолжает адмирал, — в Комиссию по разоружению. Просто сборище каких-то немислимых типов! Они разработали статистические таблицы, где указывается, какое ко-личество лошадиных сил в пересчете на военный потенциал будет равно километру железнодорожных путей!.. Ну, а если военный потенциал какой-нибудь страны покажется им слишком высоким, то прикажете, что ли, заводы там разрушать? Сплошная чепуха в духе папаши Юбю *. Нам вменили в обязанность разработать

¹ Священнослужитель (англ.).

план возможной военной кампании против сорока семи государств! Мы спрашиваем: «А кто главнокомандующий?» Нам отвечают: «Председатель совета Лиги Наций». Ну а если председателя сменят?.. Надо иметь хоть какое-то представление о том, что такое штаб, главнокомандование. И так во время войны нам это причинило немало зла... А на наши возражения нам говорят: «Военные никогда не откажутся от войны; они ею живут. Предоставьте действовать штатским». А в результате: они удвоили число членов подготовительного комитета. Соответственно, конечно, увеличились и расходы!

Зрелище достаточно грустное. А ведь так хотелось бы надеяться...

Брион и Думерг *

(1927)

Бриан пересказал мне свой разговор с Думергом, президентом республики, на следующий день после того, как в Елисейском дворце исполнялась какая-то пьеса Клоделя, написанная по случаю столетия со дня рождения и двадцатой годовщины со дня смерти Марселена Бертло (1827—1907).

— Ну как? — спрашивает Думерг. — Читал ты эту штучку своего посла, ее вчера вечером здесь исполняли?

— Нет, не читал, — отвечает Бриан, — но Леже уверяет, что это очень хорошо.

— Все может стать, — говорит Думерг, — все может стать... Но лично я не понял ничего... Да и не я один. Сейчас увидишь.

И он зовет:

— Адмирал!

— Да, господин президент? — откликается глава морского министерства.

— Вы поняли хоть что-нибудь из той пьесы, которую исполняли здесь вчера вечером?

— Ни слова не понял, господин президент.

— Вот видишь, — сказал Думерг, — и адмирал тоже ничего не понял.

Назавтра, открывая заседание совета министров:

— Господа, вам известно, что позавчера вечером у меня исполнили небольшую драму господина Поля Клоделя... Очень, очень мило...

Мигель де Унамуно*

(1929)

Унамуно... Сухощавый своеобразный старик с остренькой бородкой, такие носят генералы в отставке; кожа дубленая; повадки помещика, да и манеры деревенские, непринужденные. Похож на старое, корявое, но мощное дерево. По-французски говорит медленно, но как-то особенно смачно и, когда не может найти сразу нужного слова, заменяет его легким прищелкиванием пальцев над правым плечом. Доволен только в том случае, если сам ведет разговор — сказывается привычка к кружку благоговейно внимающих слушателей, — недоволен, если его перебивают.

Нам он рассказывает о своем изгнании и об испанской директории:

— Этот Примо де Ривера?.. П-фе!.. Просто жалкий тип... После того как он совершил государственный переворот, я выступил против него со статьей, с такой статьей... *(Здесь прищелкивание пальцев над правым плечом должно означать, что статья была разгромная.)* И как же он реагирует?.. Ссылает меня на самый восхитительный из всех островов земного шара: пальмы, жара, славные люди... Бедные люди, очень бедные, но добрые, добрые как... *(Прищелкивание пальцами.)*... В конце концов, будь он похрабрее, он велел бы меня прикончить, верно ведь?.. Куда там... Ему, видите ли, хотелось быть этаким тираном эпохи Возрождения, но до конца разыграть эту роль духу не хватило... Жалкий тип, уж поверьте мне, жалкий тип!

Вернувшись в Париж, я не мог отказать себе в удовольствии написать ему следующее: «Генерал, вы, очевидно, решили, что подвергаете меня страшной каре, лишив трех вещей, только и имеющих для вас самого значение: порнографической литературы, покера и гулящих девок; зато мне вы оставили три вещи, которые всего на свете дороже для меня: солнце, книги и досуг для размышлений. Благодаря вам после полугодичного изгнания я стал моложе всех остальных испанцев. Никогда прежде, до ссылки, я не чувствовал себя столь крепким и телом, и духом. Когда я покидал ваш остров, я плакал... Благодарю вас, генерал...»

— Я ведь и впрямь плакал, покидая остров... Такие славные люди... Бедняки, совсем-совсем бедные! Но такие славные!.. Даже сам кюре сказал мне: «Я хочу быть здесь вашим лучшим другом». На что я ему ответил: «Господин кюре, я совершал поступки, которые ваша церковь не одобряет». «Дон Мигель, — сказал он мне, — тот, кто не совершал в своей жизни дурных поступков, редко когда держит в уме хорошие мысли...» Ну скажите сами, разве

можно не любить такого кюре? И это настоящая правда... Ненавижу людей уютных...

(Тут врывается Дежарден *: «Верно, верно, теплых, как говорит Данте».) Но Унамуно не терпит, когда его перебивают. Он яростно щелкает пальцами.

— Нет, нет!.. Не теплых... Я же сказал уютных. Но я ведь читал Данте, часто его перечитываю; он, Данте, хороший поэт... Но самый великий лирик всех времен не Данте; это португалец. Вот вы, французы, считаете, что португальцы — слово звонкое и поэтому они всегда веселятся... Это неверно... Португальцы народ грустный, склонный к меланхолии и бедный, ох, до чего бедный!.. Но зато какие поэты! А грязные! Впрочем, обожаю грязь... Самое лучшее, что есть в Испании, — это то, что она страна благородная и грязная... Сам-то я баск...

Директория породила одного генерала, достойного называться человеком. Жестокая, великолепная личность. Я очень его люблю. Правда, он эпилептик. Синдикалистские вожди, тоже сплошь эпилептики, осудили его на смерть. И тут у него начались ночные кошмары. Он вскакивал ночью, хватал шпагу, протыкал двери, обои... Совсем как в «Гамлете»... Это прекрасно, не правда ли?

Потом Унамуно просит лист бумаги и показывает нам, как можно складывать его на манер быка, грифа, скарабея. Мы все с восхищением следим за ним; он счастлив.

— Видите ли, я показывал все эти штучки членам делегации Института Франции, когда они посетили Испанию... Среди них были господин Бергсон, господин Ружон *, господин... погодите-ка!.. Такой маленький старичок... Господин Этьен Лами*... и еще этот скверный музыкантишка, он тоже в Академии... Как его имя, напомните...

— Там таких много, — замечает Дежарден.

— Неважно. Они глядели, как я складываю фигурки, с интересом, и, должен признаться, я счел это признаком их ума. И подумал: «Пусть мое искусство кубистское, грубое, но эти академики все-таки понимают кое-что... Неплохо...» А когда я кончил, этот маленький старичок... Ох, да как же его зовут? Я же вам сказал.

— Этьен Лами?

— Он самый... Так вот Лами попросил, чтобы я подарил ему скарабея, и спрятал его себе в портфель. Я был польщен. «Значит, — говорю я ему, — по-вашему, он красивый?» «Да нет, — отвечает он, — просто скарабеи приносят счастье»... Нет, он не художник... А вот в Испании все художники: и Гойя, и любой человек с улыбки... А сам-то я баск.

Поль Валери

(1929)

Валери завтракает с Симоной и со мной. Он в ударе и просто неотразим. В ходе разговора он то и дело с легкостью строит блестящие, точно ажурные концепции.

О войне: «Война-это некая акция, благодаря коей люди, которые не знают друг друга, друг друга убивают ради славы и выгоды людей, которые знают друг друга и друг друга не убивают». По-моему, это в ключе суждений Алена: «Все войны затевает элита». Или: «Все войны — религиозные».

Валери о Паскале: «Смерть у него просто навязчивая идея».

«Надо читать мало и никогда не читать ни философов, ни историков. Лишь обращаясь к элементарным представлениям об окружающем мире, включая самого себя, можно обнаружить что-то новое».

«Яблоко Ньютона? В эту самую минуту вокруг нас происходят тысячи феноменов, которые с помощью какого-нибудь наивно-го простака распахнут врата в столь же необозримые области, как, скажем, атомная физика. Бери и открывай».

Отвечаю:

— Всегда найдется то, что надо еще открыть.

— Совершенно верно, — соглашается Валери.

Валери и Мольер

(1951)

Сегодня утром пришел десятый том неизданных «Тетрадей» Поля Валери *; я открыл книгу и наткнулся на запись о Мольере. Я, всегда или почти всегда во всем безраздельно согласный с Валери, был неприятно задет, раздосадован тем, что великий поэт, на мой взгляд, несправедлив по отношению к великому комедиографу.

«Благодаря Мольеру, — пишет Валери, — становится понятным, почему у нас во Франции не было своего Шекспира; потому что в каждом из нас живет Мольер, который готов затоптать к черту Шекспира, пояись он вдруг у нас. Мольер — это богема, «мещанский» гений, подчас достигавший в своем ремесле дивных высот, противник всего аристократического, способный, чего доброго, издать специальный кодекс против женщин, презирающий чернь, антиклерикал...»

А через несколько страниц: «Написать апологию прециозного... Без неустанный поиска образных выражений нет литера-

туры; даже языка и того нет». Вот оно как! Помню, Валери сказал мне, что предпочитает сонет Оронта *: «Прекрасная Филис, коль чувство безнадежно. — Так, значит, все ж питаю я надежду» тому, что он называл плоскими александрийскими стихами Филлинта * или Альцеста *, и в первую очередь песни короля Генриха.

И все тот же Валери упрекает Паскаля за то, что к искренности он примешивает «эффекты». «Мне не по душе, когда на каждом шагу злоупотребляют «бесконечностью», а бесконечность такое же слово, как и все прочие... Мне не по душе, когда с помощью ловких приемов хотят внушить людям отвращение к условиям человеческого существования, ведь человек попадает в этот мир вопреки своей воле и старается как может приспособиться; мне не по душе, когда пытаются сделать человека особенно восприимчивым к самому непереносимому в его положении: к идее небытия, страданий и опасностей».

То же самое мог сказать и мольеровский Дон Жуан. Так признаемся, что если в Валери-поэте и есть какие-то следы прециозности, то в Валери-человеке немало от Мольера. И тем лучше!

Луиджи Пиранделло *

(1930)

Будучи в Париже, он попросил меня заглянуть к нему в отель, так как я в свое время написал большую статью о его пьесе «Шесть персонажей в поисках автора» *. С ним вместе молоденькая итальянская актриса, его переводчица и, кажется, подружка. Передо мной человек какой-то трагической чувствительности. Когда он говорит: «Это ужасно...», понимаешь, что перед ним встает почти осязаемое и мучительное воспоминание.

— Вы прекрасно описали то, что называли пиранделлизмом... — начинает он. — Но если говорить откровенно, у меня никогда не было определенной системы... Хотя еще со школьной скамьи я был буквально одержим идеями, что цельность личности отнюдь не истинный портрет человека... Мы разыгрываем для одних одну роль, для других другую... Ведь не секрет, что подчас мы мучаемся, очутившись в обществе сразу двух друзей; приходится расстаться с одним из них, дабы достичь временного равновесия; не играть же одновременно две противоположные роли... Еще совсем маленьким я вот так же... разрывался... если можно так выразиться, множил на части.

Лгу ли я своим друзьям? Да нет, не лгу. Просто мы не можем высказать *все*, что испытываем в каждую данную минуту. Это было бы безумием... Это *как раз и есть* безумие. До конца искренен только безумец; он вбирает в себя все образы, пропитывается все-

ми возможными страстями. Множество разрывов между супругами происходит именно потому, что невозможно продолжать играть роль, взятую на себя, заметьте, по доброй воле. Мужчина (для какой-нибудь одной женщины) как бы драпируется в лжедобродетель, но не удерживается и бежит прочь... То есть начинает жизнь с другой женщиной, для которой он будет играть другую роль, ту, что в данное время ему больше подходит.

Чистейшая иллюзия считать, что за всеми этими персонажами имеется некое единственное в своем роде Я, которое можно обнаружить... Это все равно что верить, будто какая-нибудь страна может «достичь равновесия»... Равновесие и жизнь — понятия несовместимые. Жизнь — это постоянное изменение. Стоит движению замедлиться — человек стареет. Когда движение вообще прекращается, наступает смерть. И лишь произведения искусства остаются неизменными. Произведения искусства вне течения жизни, и вот почему они отрываются от художника. Каждое из них лишь миг существования творца, миг непреходящий, в то время как сам художник уже далек от своего детища. Искусство — это стремление запечатлеть одну из наших ролей в ее неизменности.

Молчание, потом он тихо продолжает:

— Вселенная — это усилие, совершаемое во имя бытия. Но кем быть? Возможно, богом.

Эжен Даби *

(1930)

Долго прогуливаемся вдоль канала Сен-Мартен, потом по Ля Вилет и по Лиля с Эженом Даби, автором «Отель дю Нор» *, реалистического и жестокого романа, который мне очень и очень по душе. Даби показал мне отель дю Нор, принадлежащий его родителям, — это гостиница для рабочих, номера там сдаются по тридцать-сорок франков в неделю. Из окон видны баржи, возня шлюзовщиков, а на противоположном берегу ночлежка. Основная клиентура отеля — юноши и девушки: типографские рабочие, вязальщицы... Спрашиваю:

— А чем они интересуются в свободное время, после работы?

— Любовью и кинематографом... Для большинства из них жизнь, знаете ли, сложная штука...

— Они что-нибудь читают?

— Да, романы за двадцать су, те, что пишутся специально для них и уносят их в фантастический мир... Жизнь у них бесцветная: от книги и кинофильма они требуют приключений.

— Их деды читали Гюго и Мишле.

— Все может быть, — отвечает Даби, — но в том, что сейчас нет «Отверженных», наша вина.

— Жюль Ромен пытался написать...

— Да, «Люди доброй воли» * сильная вещь. Но Ромен более интеллектуален по сравнению с папашей Гюго.

Наш путь лежит мимо форта Роменвиль, и, пока мы шагаем по цепкой глине, Даби признается мне, что с самых ранних лет им движет одно заветное желание — желание мира для французского народа.

— И вовсе не потому, что французы боятся войны, но у них такая огромная потребность трудиться... Они хотят только одного — чтобы их оставили в покое.

Анатоль Франс

(1923)

Когда в марте 1918 года вышел «Молчаливый полковник Брембл», я послал книгу Анатолю Франсу (с которым не был знаком), снабдив ее таким старомодным посвящением:

Коль музу вы мою не одарите взглядом,
Уснет, покинув круг избранниц ваших милых,
Раба ненужная—забыть, увы, не в силах,
Что Мэтр сам был с нею рядом¹.

Он ответил мне любезным письмом, написанным прекрасным старомодным почерком, и пригласил меня посетить его по окончании войны. Но в ту пору я был что называется новичком, оробел и не осмелился воспользоваться приглашением, пока наконец в один прекрасный день Пьер Миль *, свой человек в доме Франса, не предложил отвести меня на виллу Саид.

Внешний вид прославленного старца поразил меня — лицо перекошенное, глаза разные. Только алая шапочка — неотъемлемая часть привычного образа — успокоила меня. Пьер Миль представил меня.

— Ах да, — сказал Франс, — ведь это вы написали ту книгу об англичанах... Дорогой мой друг, я очень рад вас видеть... Ах, эти англичане, я их знавал; они люди странные и утонченные. Вот тут один пишет мне часто из какой-то там колонии, откуда-то из Африки... Как же она, эта колония, называется?

Он жалобно смотрит на меня. Называю Мыс Доброй Надежды, Родезию, Кению.

¹ Перевод И. Кузнецовой.

— Нет, нет, — говорит Франс при каждом названии, — нет, нет, не то, не то...

Мучительно пытаюсь воскресить в памяти свои географические познания. «Не то, не то...» Не смею назвать Египет *; он вовсе не английская колония, и к тому же просто невероятно, чтобы автор «Таис» *... Наконец, желая прервать гнетущее молчание, все же осмеливаюсь проговорить:

— Может быть, Египет?

— Да, да, именно Египет! — подтверждает Франс.

Он спрашивает, что я сейчас пишу; признаюсь, что работаю над «Диалогами о командовании» *.

— Что за мысль! — говорит он. — Военный гений?.. Вы в это верите?.. Но война, дружок, — это же просто вопрос здравого смысла... Возьмите хотя бы Наполеона, он был вовсе не глуп. В его рассуждениях о литературе было немало дельных замечаний. Зато когда речь шла о войне, он изрекал только пошлости... Вот вам пример: когда он давал свои указания насчет рекрутов «Марии-Луизы» *, он рекомендовал заставлять их маршировать медленнее, чем старых солдат, потому что молодые, мол, быстро выдыхаются... Но ведь так рассуждать может только учитель гимнастики... Да, да, дружок, не более того...

Пуанкаре рассказывает о своих первых шагах

(1927)

Авеню Гош. Пуанкаре приглашен на завтрак к моей теще, и я его расспрашиваю. Отвечает он очень любезно, но в добродушном его тоне чувствуется что-то принужденное, возможно, даже вопреки его желанию.

— Мои первые шаги на политическом поприще?.. Да, да, возможно, они и представляют известный интерес, ибо сделаны они были случайно. Можно сказать так: судьба, мол, взяла меня за руку и возвела до теперешних обязанностей, хотя, поверьте, я об этом никогда и не помышлял. Началось все в 1886 году; я приехал в Париж изучать право; решил написать здесь докторскую диссертацию и записался в адвокатуру. А тут господина Девеля, друга нашей семьи, назначили министром сельского хозяйства, он вызвал меня и предложил мне занять должность начальника его канцелярии. Я долго колебался, но потом дал согласие.

Проработал я в министерстве уже несколько месяцев, как вдруг в один прекрасный день все тот же господин Девель сообщил мне, что в Мёзе (а я родом из этого департамента) скончался генеральный советник, и спросил меня, улыбается ли мне балло-

тироваться и занять освободившееся место. Я ответил, что не рвусь на пост генерального советника, да к тому же не имею никаких шансов на избрание в этом кантоне, где у меня нет недвижимости и где я не плачу налогов.

В следующее воскресенье я поехал в Мёз повидаться с семьей и рассказал домашним всю эту историю. «Вот и неправда, — сказал мой дед, — ты платишь налоги в этом кантоне — франк с четвертью. Более того, платишь их с восьми лет, потому что в 1868 году я купил на твое имя небольшую рощицу». Нас всех позабавило это совпадение, и по настоянию деда я под вечер пошел пройтись и разузнать хоть что-нибудь о будущих выборах. Дело оказалось проще простого. Было два кандидата, но шансы на успех имел только один — местный фермер. «Да он за этот пост не держится, — пояснили мне друзья, — и охотно уступит свое место».

Мне показали его ферму, и я решил туда зайти. Фермер был во дворе и грузил на повозку сено. Я сказал ему, что господин Девель посоветовал мне выставить свою кандидатуру, и спросил, какого он на сей счет мнения.

— Да делайте, черт возьми, все, что вам угодно! Я лично политикой не интересуюсь, ваши друзья чистую правду сказали, я и впрямь охотно откажусь от этого поста. Только первому встречному я его не уступлю. У меня тоже есть свои соображения, и я считаю, что такой кантон, как наш, заслуживает того, чтобы его представлял человек, способный защищать интересы землевладельцев. А вы, вы же парижский адвокат. Что вы знаете о земледелии?

— Как-никак, — ответил я, — я все-таки начальник канцелярии министерства сельского хозяйства и по характеру своей работы должен был изучить множество вопросов, касающихся земледелия. Мой собеседник только плечами пожал.

— Эко дело! — возразил он. — А умеете ли вы хоть сено на повозку грузить?

Вместо ответа я снял пиджак, схватил вилы, благо они лежали рядом, и стал нагружать повозку сеном, думая только об одном — как бы поаккуратнее уложить копешки. Тогда я был молод и достаточно силен. Он молча смотрел, как я управляюсь с работой, и думаю, я с честью справился с заданием, потому что, когда я загрузил повозку, он хлопнул меня по плечу.

— У вас дело пойдет, — сказал он. — Отказываюсь в вашу пользу.

Меня избрали. И это было первым моим шагом. Через несколько месяцев умер депутат округа. А вы, должно быть, знаете, что в провинции политическим деятелям как бы сама собой уготована дальнейшая карьера, некое *cursus honorum*¹...

¹ Почетное продвижение (*лат.*).

— Вы же генеральный советник, — сказали мне, — вам и выставить свою кандидатуру.

И меня снова избрали. Первые мои шаги в палате депутатов были отнюдь не блестящи. Я был робок, мне необходимо было изучить эту совсем новую для меня среду. Когда два года спустя проходили всеобщие выборы и мне пришлось снова выставить свою кандидатуру, в департаменте мне устроили жуткий разнос. Мои противники упрекали меня в том, что я ни разу не брал слова в Бурбонском дворце. Думаю, позднее они пожалели об этих своих упреках.

Однако меня переизбрали, и я постепенно освоился с трибуной. Тут как раз обнаружилось, что я люблю и умею работать, и назначили меня членом Бюджетной комиссии. С тех пор и пошло, и пошло. В парламентском бытии то была беспокойная эпоха, когда панамская авантюра унесла целое поколение*; молодежи представился шанс продвинуться. В 1893 году я был уже главным докладчиком Бюджетной комиссии и в тот же год стал министром народного образования в кабинете Шарля Дюпюи*. Барту* был членом кабинета вместе со мной, и в палате нас называли «два младенчика». Барту было тридцать один год, а мне тридцать три.

С этого дня я уже стоял у кормила власти, за исключением периода в одиннадцать лет, с 1895 по 1906 год, когда я занялся устройством своей собственной адвокатской конторы. Но я по-прежнему представлял в своем департаменте, и мандат генерального советника Мёза — единственный, который мне бы хотелось сохранить до последних лет моей жизни.

Тут он подымает взгляд на госпожу Пуанкаре, и колючий ледок его глаз слегка оттаивает. Вечерами, когда он собственноручно отвечает своим многочисленным корреспондентам, ему необходимо чувствовать за спиной ее присутствие, молчаливое и восхищенное.

Шарль Дю Бо*

(1930)

Я поселился в Трианонском дворце в Версале, рассчитывая спокойно поработать. Пробуждение на заре. Одинокое прогулки по парку. Грезы о счастье. «О, одиночество! Одно лишь ты не унижаешь...» Каждый вечер я встречаю здесь Шарли, и наши беседы подымаются на неслыханные высоты. Мы говорим, говорим, вдыхая прелесть ночи, любуясь звездным небом. Вопреки своему «обращению» (он и всегда-то был католиком, но с некоторых пор стал католиком воинствующим, бескомпромиссным) он, по его

словам, чувствует, что между нами обоими существует некая обширная зона общности.

— Да, конечно, Шарли. Наши этические представления мало чем разнятся друг от друга. Неизменные величины — это Чехов, это князь Андрей, это истинное достоинство. И существует еще Левин и евангельская мораль... Вот это у нас с вами общее, однако в плане философском... Вы ожидаете всего от провидения, а я жду, хоть и не многого, от собственной воли.

— Как же так? Неужели во всей этой красоте, в этой величественной ночи, под этим медлительным хороводом звезд вы не прозреваете некоего возвышенного и не доступного нашему пониманию замысла?

— Я прекрасно вижу, что все вокруг нас лишь набросок некоего порядка. Но также и сумятица некоего беспорядка. К чему сотворены несовершенные создания? Разум натывается на эти преграды.

— Откуда берется зло? Но, Андре, оттого, что не может быть совершенства бесчувственного. Необходимо страдание, и достоинство, и прощение. Вы же сами мне говорили, что, много выстрадав, вы стали лучше. Впрочем, господь бог не покинет нас во зле. Склонившись над своим созданием, он проделает вместе с ним почти весь путь... Но за вас я спокоен. В один прекрасный день вы почувствуете возле себя живого бога... Где нахожу я бога? Да во мне самом, когда я преодолеваю себя. И в вас, когда вы любите, когда вы сливаетесь с поэзией, музыкой. В ваши лучшие минуты вы чувствуете, что в вас проявляется что-то, я бы сказал, сверх того, что обычно есть в вас, что идет не от вас, оно-то и зовет вас к сверхчеловеческим подвигам.

— Да, но то, что в человеке есть сверхчеловеческого, — это тоже человек.

— Нет, нет, всмотритесь получше. Вы просто еще не нашли правильного угла зрения. В один прекрасный день вы ненароком оглянетесь и обнаружите истину, вот тогда-то вы и воскликнете с удивлением: «Но она же все время была рядом... Как же я ее не замечал?» Вот тогда-то на вас и сойдет благодать. Я *знаю*, она сойдет.

Так беседуем мы под созвездиями, пока не забрезжит заря. Странное дело, внешне мы вроде бы так далеки друг от друга, а чувствуем себя такими близкими.

— Так близки, — говорит он, — не были мне никогда ни Андре Жид, ни Поль Валери.

Мы расстаемся, восхищение и нежность переполняют меня. Как чудесно возвращаться домой по пустынным улицам!

Жозеф Кайо *

(1932)

Развязный, верткий, прирожденный ниспровергатель, он клеймит Пуанкаре, наполовину парализованного, угасающего на Юге после апоплексического удара. И ни капли жалости.

— Да, да, — говорит Кайо, — он совсем ослабел, он забывает слова, но злоба-то его вся целиком при нем.

Я замечаю, что Бриан человек не злой.

— Верно, — соглашается Кайо. — Бриан мне как-то сказал: «Не следует вообще питать злобы; надо просто ждать подходящего случая, чтобы отомстить».

Я спрашиваю:

— А Клемансо?

— Клемансо и Мандель * спасли мне жизнь. Пуанкаре хотел меня погубить.

Обращаясь к Манделю, — он тоже завтракает с нами, — Кайо говорит:

— Мандель, я восхищаюсь вами, вы великий журналист, хотя пишете из рук вон плохо... Французская фраза требует существительного, глагола и прямого дополнения... Это проще простого... Если вам случаем понадобится косвенное дополнение, смело обращайтесь ко мне за помощью.

И приводит слова Тьера:

— «Для того чтобы быть хорошим главой государства, достаточно иметь справедливый ум и железную волю». Тьер считал, что обладает и тем и другим.

И Кайо тоже так считает.

Эдуард Эстонье *

(1931)

Завтрак у Эстонье. Он рассказывает о том, как однажды его — инженера ведомства связи, — вызвал к себе министр. После разговора на служебные темы министр задержал Эстонье и сказал ему:

— Вы, господин Эстонье, человек ученый, закончили Политехническую школу, так объясните мне, как действует телефон... Отчего он работает? В жизни не мог этого понять. И про звонки тоже... Я нажимаю здесь у себя кнопку, а звонок раздается в кабинете начальника моей канцелярии... Как же это получается?

Помолчав немного, Эстонье добавил:

— Впрочем, это был превосходный министр.

Анри Бергсон

(1932)

Первый визит к Бергсону. Он страдает от деформирующего ревматизма и почти полностью парализован. Меня он принимает не подымаясь с кресла. Даже мускулы лица и те неподвижны. Только огромный лоб еще свидетельствует о всем великолепии свода, хранителя мысли: из-под лохматых бровей ярко блестят глаза. Но щеки словно одеревенели, и при разговоре чуть подергиваются губы. Удивительное дело — неподвижная маска лица и чистый, отчетливый звук голоса; это производит впечатление чуда. Этот необычный голос с его прекрасной артикуляцией поднимается к концу фразы тоном выше.

— Да, да, я попросил свою дочь, она ведь знакома с вашей дочерью, передать, что хотел бы вас видеть. Из всех писателей вашего поколения вас я читаю с наибольшим удовольствием... В ваших романах мне главным образом нравится смешение социальных мотивов и человеческих характеров... Сделано прекрасно и, уверен, спонтанно.

— Если бы я старался делать это нарочно, вряд ли получилось бы.

— И я того же мнения... Да, вы *видите*, социальное, смешанное с индивидуальным... Так, как оно и есть в жизни.

Потом безо всякого перехода он заговаривает о Французской академии; а я-то ждал разговора о морали и религии и, признаться, несколько разочарован. Но тема разговора его занимает, и он обсуждает ее со всей серьезностью.

— Вам необходимо пройти в Академию, и как можно скорее. Сам я не посещаю заседаний по состоянию здоровья, но могу дать вам несколько полезных советов. Удивительные там установления. Различные группировки действуют совершенно непредвиденно, с бухты-барахты. «Любое собрание — это народ», — говорил Рец *. Помню, как я был удивлен, когда мне посоветовали выставить свою кандидатуру в Академию этических наук. Я был непростительно молод, а соперник — человек в годах. Избрали меня. В ту пору я считал это несправедливым. Теперь нет. Быть членом Академии — большая честь. И нужно, чтобы те, кто ее заслуживает, приобщались к этой чести. Если придавать слишком большое значение возрасту, рискуешь потерять истинные таланты.

Когда мне наконец удастся перевести разговор на другие рельсы, он заговаривает о моем «Оценщике душ» *.

Я с живым интересом, — говорит он, — читаю вот такие фантастические сказки, созданные на научной и философской основе. То, о чем вы рассказываете, вполне возможно, только, пожалуй,

преждевременно. Есть ли у вас что-нибудь в таком же роде? Рассказываю ему о «Машине для чтения мыслей»*.

— И это тоже, — говорит он, — в один прекрасный день перестанет быть фантастикой. Передача мыслей на расстоянии — непреложный факт. Я сам видел тому сотни примеров, видел людей, обладающих даром предчувствия или знающих о событиях, которые произошли далеко от них... Вполне возможно, что каждый человек, как только он начинает размышлять, распространяет или улавливает излучения, окружающие нас со всех сторон, но слабеющие по мере удаления от их источника... Мы лишены детектора для улавливания этих ультракоротких волн. И слава богу, что это так, ибо существование стало бы невыносимым, если бы нами воспринимались мысли всего мира. Но в исключительных случаях, когда речь идет о двух существах, любящих друг друга, настроенных на волны одинаковой длины, вполне возможно мысленно, особенно во время сна, получать такие вот неуловимые сигналы.

— Как-то я наяву или во сне думал о друге, которого не видел десять лет, потому что он жил за границей. На следующий день он приехал.

— Он, так сказать, послал о себе весть.

Франсуа Мориак

(1932)

Завтракал вчера у генерала де Шамбрена-это недалеко от Люксембургского сада — вместе с Франсуа Мориаком. Он только что оправился после тяжелого недуга, и я был счастлив вновь его повидать; конечно, он похудел, голос у него надтреснутый, он немного бледен, но такой живой, такой юный. Как мне показалось, после болезни он стал держаться более непринужденно. Все эти страшные месяцы, когда мы боялись, как бы болезнь не приняла трагического оборота, он мог воочию убедиться, как искренне тревожились и боялись за него друзья. «До чего же все были внимательны ко мне!» — говорит он. И мрачные демоны чуточку посветлели.

Погода стояла прекрасная. Мы вышли в сад. Солнце, зелень листы, где затаился солнечный свет, воркованье напоминающей его родные Ланды голубки вызвали в нем волнение, обычное у выздоравливающего. Медленно шагая с ним рядом, я думал о столь любимых им пышущих зноем пейзажах, где солнце доканывает и без того хилые сосны, где дома гудят сонмами проснувшихся мух. А Париж нынче как-то особенно светел и воздушен; солнце отнюдь не огнедышащий владыка, а по-братски приветливый, снисходительный очаг. Мы присели на каменную

скамью против аллеи Королев, возле бассейна. Юнцы с непокрытой головой и с книгами под мышкой проходят мимо нас, о чем-то страстно споря. А мы с Мориаком затронули тему старости и мук старения.

Мы сравниваем наши юные годы. Оба мы росли, и он и я, во времена Анатоля Франса и Мориса Барреса, жили под оком варваров, возделывали сад Беренисы *. С той лишь разницей, что я, позже Мориака вступивший на литературное поприще, до сих пор сожалею, что не знал лично Барреса, тогда как Мориак, пославший ему свои первые стихотворные опусы, получил от него прелестное письмо.

Он рассказывает мне о романе, над которым сейчас работает и который в силу своеобразной симметрии по отношению к «Клубку змей» будет называться «Голубиное гнездо»¹, ибо, по его словам, после изображения семейных распрей и трагедий он мечтает описать ту почти животную потребность несчастных людей, напуганных и забытых жизнью, прижаться друг к другу, как это делают щенки одного помета, в поисках тепла, покоя и забвения.

Вот о какой книге рассказал мне Мориак в тот день, когда ровное и нежное дыхание парижского лета убаюкивало природу, не знающую лихорадочных вспышек. Мне было приятно, что под липами Люксембургского сада от его рассказов перед моим взором вставал иссушенный, сожженный зноем лес, густо поросший дроком и толокнянкой, а в глазах моего собеседника, таких молодых (напоминающих мне глаза Лакордера с полотна Шассерио *), теплится огонек, еще неистраченный, еще живучий, как отголосок его детства, проведенного в провинции.

(19 сентября 1961)

На этот раз тяжело заболел я. Был при смерти. Когда я наконец смог подняться с постели и стал принимать у себя посетителей, ко мне в Эссандиера приехали из Малягара Жанна и Франсуа Мориак. Они проделали долгую и утомительную поездку ради этой встречи, но их короткое пребывание у меня доставило мне бесконечную радость. Мы с Франсуа одних лет, с разницей в несколько месяцев. Наши жизни тесно связаны одна с другой. Моя дочь Мишель дружит с его сыном Клодом.

— То, что происходит с вами, происходит и со мной, — говорит он.

«Вот к нам и пришли наши преклонные лета». Что же мы совершили в жизни, что совершили мы за эти долгие годы?

¹ Роман впоследствии получил название «Тайна Фронтенака». — *Прим. автора.*

— Что бы мы теперь ни написали, — говорит Мориак, — это уже ничего не изменит... Наши письменные работы уже сданы.

Это правда. Он получил оценку «очень хорошо», а я, возможно, «хорошо». Однако мы оба продолжаем трудиться, и во мне живет смутная надежда, хотя я и понимаю, как она нелепа, — надежда написать все-таки, прежде чем на меня сойдет вечное молчание, чудесную, трогательную книгу, мечта о которой не покидает меня с детских лет.

Убийство Поля Думера

(6 мая 1932)

Ежегодная продажа книг писателей-ветеранов войны, устраиваемая Фондом Ротшильда на улице Беррье. Как и каждый год, президент республики должен обойти все прилавки. Наш председатель Клод Фаррер * ждет господина Думера в центральном салоне. Из-за моего стола я могу через огромное окно видеть то, что происходит у входа. По залу уже бродят первые покупатели. Старая дама перебирает одну за другой мои книги, потом снова ставит их на полки с выражением отвращения и разочарования.

— Я ищу, — наконец заявляет она, — такую книгу, что пришлось бы по вкусу моему другу... Он швед и живет в Буэнос-Айресе... Есть у вас что-нибудь подходящее?

Я предлагаю ей «Climats»¹*

— Это о климате Южной Америки?

— Именно так.

Она называет имя шведа, и я уже готовлюсь подписать книгу, когда в соседнем салоне начинается шум, я поднимаю голову. Прибыл господин Думер и жмет руку Фарреру. Внезапно раздаются два выстрела, и президент грузно опускается на пол. Я бегу к нему и вижу, что вся его манишка залита кровью. Среди нас есть врачи. Один из них склоняется над телом и заявляет:

— Господа, президент скончался.

Минута трагического молчания, потом другой врач нащупывает пульс.

— Нет, нет! Сердце еще бьется... Необходимо срочно доставить его в госпиталь Божон и сделать переливание крови.

Фаррер, пытаясь заслонить собой Думера, был ранен в руку. Полицейские задерживают убийцу, это иностранец с безумными глазами. Префект полиции звонит премьер-министру. Кто-то тро-

¹ Название романа А. Моруа "Climats" (в русском переводе «Превратности любви») может быть переведено как «Климаты», «Атмосфера». — *Примеч. перев.*

гает меня за плечо. Я оборачиваюсь. Оказывается, это моя старая дама-покупательница.

— А посвящение, мсье? — спрашивает она.

У подъезда резко тормозит машина. Вбегает Тардьё.

— Черт побери, вот уж действительно черт побери! — говорит он, увидев президента, распростертого на полу.

И приказывает немедленно перевезти его в госпиталь.

После смерти президента наш комитет Ассоциации писателей — ветеранов войны решает всю ночь бодрствовать около покойного в Елисейском дворце. Мне заступать в два часа ночи и стоять в почетном карауле до восьми утра. Думер во фраке, с широкой красной лентой через плечо лежит на парадно убранном ложе. Мы стоим с четырех сторон помоста. Рядом офицеры с саблями наголо. Рассеянный свет застилает глаза. От сладковатого запаха цветов меня подташнивает. «Только бы не упасть в обморок, — думаю я, — этого еще только недоставало».

Около шести часов приходят двое служащих похоронного бюро, чтобы прибрать покойника, и кладут ему на щеки слой румян. С восьми часов начинают пускать публику, и мы свободны. Я успел заметить первую пару: оба очень пожилые, долго стоят у гроба.

— Это действительно он, — говорит жена.

А кто же это, по ее мнению, мог быть еще?

Обед секвана *

(1934)

Мне приятно каждый месяц встречаться здесь с Полом Нёвё *, старым писателем, который всегда относился ко мне весьма дружески; живописная вольность его речи доставляет мне большое удовольствие. Выходец из среды крупной французской буржуазии, зять Андре Шоме *, он начал свой жизненный путь как человек левых убеждений. Нынче он сам себя характеризует как «твердого, но сомнительного республиканца». Юношей он со знаменем в руках шагал по бульварам во главе мятежных студентов. После дела Дрейфуса его занесло вправо. Сейчас его взгляды — это забавная смесь шовинистического якобинства, антиклерикализма, любви к классической и французской культуре, ненависти к иностранной литературе и культя чревоугодия. Его конек — клясть попов-пацифистов и народную демократию, так как это удовлетворяет его одновременно и как якобинца, и как антиклерикала.

Сегодня вечером на нашем обеде присутствует депутат-радикал из Дижона Гастон Жерар *. Он прекрасно спелся со всеми

этими старцами — академиками националистического толка. Их объединяет общая религия — вино. Старикам приятно слушать, как Жерар рассуждает о шамбертене — оказывается, это вино называется так, потому, что виноград выращен на плантации, именуемой бертен¹. Мэр Дижона Гастон Жерар заявляет о своем намерении учредить литературную премию в десять тысяч франков, которая ежегодно будет выдаваться за книгу, посвященную одному из бургундских вин. Эта смесь гастрономии с литературой восхищает Пола Нёвё. Он в ударе и начинает выкладывать свои истории:

— Был у меня дядя, пожелавший преподать мне в детстве урок гражданского мужества. Было это в те времена, когда свирепствовал буланжизм. Дядя повел меня на Елисейские поля, намереваясь освидетельствовать манифестацию буланжистов. «Вот ты увидишь, — сказал он мне, — вот увидишь, как республиканцы защищают свои убеждения!» Я уже совсем было приготовился крикнуть: «Долой генерала Буланже!» Но сторонников Буланже оказалось видимо-невидимо, и к тому же они были вооружены дубинками. Они схватили дядю и скомандовали: «Кричи: «Да здравствует Буланже!» — или мы тебе башку разобьем». И представьте, дядя повиновался. А потом, когда процессия удалась, дядя сказал мне с печальным вздохом: «Ты стал свидетелем того, как республиканец спас человека, который рано или поздно встанет на защиту республики... Что поделаешь? Кто сумеет сохранить рассудок перед лицом силы?» Таков был мой первый урок гражданского мужества.

За столом смеются. На меня лично это действует скорее угнетающе.

После обеда возвращаюсь домой пешком, размышляя о Поле Нёвё. В сущности, западный мир раздирают две философии: философия иудео-христианская, проповедующая любовь, уважение к справедливости и равенству, и римская философия государства. Возрождение было возвратом к римским концепциям и к беззащитному насилию. Средневековье, проникнутое духом христианства, было рыцарственным. Наше время скорее напоминает возрождение, нежели средневековье. И я мысленно отдаю предпочтение средним векам.

Эдуард Эррио

(1934)

После обеда Эррио опускается в кресло среди слушателей, рассаживающихся вокруг него кружком. Весь нынешний вечер бу-

¹ Шамбертен — от champ (поле) и Vertin (Бертен) — *Прим. ред.*

дет бесконечным монологом, в одно и то же время горьким, юмористическим и блестящим. С тех пор как он ушел из кабинета министров Думерга, он не более как простой свидетель происходящего и страдает от этого. О том, как он впал в немилость, он говорит внешне спокойно, но в его иронии звучит печаль.

— Да, да, меня назначили председателем Федерации музыкальных обществ вместо Барту. Видно, судьба решила меня вознаградить. Надеюсь, что я достаточно популярен среди дирижеров хоровых коллективов... Ба! Все так скоро меняется. Вчера я видел, как Думерг шествовал один впереди всех своих министров, и подумал, что Робеспьер погубил себя именно так, в день праздника Верховного Существа *. Во Франции человек в одиночку долго продержаться не может.

— Однако же Наполеон...

— И он продержался недолго. Конечно, дольше, чем Робеспьер, ведь он был военный, а это не шутка. К тому же военные образуют некую международную корпорацию; они друг друга поддерживают. Даже во время войны они играют в свои, принятые у них игры... Как юристы на судебном процессе... Как пасторы, принадлежащие к различным сектам в вашем «Полковнике Брембле», — добавляет он, обращаясь ко мне.

После чего он рассказывает, как мальчиком прислуживал в церкви:

— Ах, какой отпечаток накладывает католицизм на первые детские впечатления! У Рембо есть стихотворение на эту тему.

Потом, все более погружаясь в свои воспоминания, он заводит разговор о военной службе:

— Окончив Эколь Нормаль, я очутился среди апашей, которые служили раньше в африканских батальонах. Таким образом, я прошел как бы две школы, прямо противоположные, но обе равно накладывают свой отпечаток на человека. Я изредка встречаю своих армейских товарищей. Был там один, которого я потом устроил канализационным рабочим в Лионе. Другой долгое время был гарсоном в «Кафе де ля Пэ». Когда я туда заходил, он кричал мне: «Эй, Эррио! Ну как делишки?» Теперь он, как и я, в отставке...

Мне нравилась военная служба. Стоять постоем в деревне, подыматься в пять утра, да это же сплошная поэзия. Спали мы прямо на траве. Разные букашки и травинки вдруг начинали казаться нам какими-то гигантскими. За полком во время маневров следовали чудища женского пола и ночью вылезали из кустов в надежде соблазнить нас.

В один прекрасный день инспектировать наш полк явился генерал. Я как раз был в наряде в рабочей блузе; уж не знаю, почему генерал спросил меня, что я делал до военной службы.

— Как? Вы преподаватель? Имеете степень агреже *? Кончили Эколь Нормаль?.. Этого юношу надо использовать иначе, он очень занятный, — сказал генерал.

Сразу же, как только окончился смотр, меня вызвал к себе наш капитан.

— Что это за история, Эррио? Вы мне никогда об этом не рассказывали.

— Господин капитан, я пытался было с вами об этом заговорить, но вы мне ответили, чтобы я лучше научился начищать до блеска свои башмаки, ну я и замолчал.

Но если вдуматься по-настоящему, о военной службе у меня остались самые светлые воспоминания: молодость, маневры, миленькие девушки, смешение классов и состояний, настоящие друзья. Франция, в сущности, и стала Францией благодаря военной службе.

Разговор заходит о Леоне Блюме, которого он уважает и побаивается.

— Он долго был театральным критиком, — говорит Алекси Леже *. — Когда он пустился в политику, я спросил его, чем вызвано такое решение... «Тем, что я хочу порвать с критикой». «Вам от нее не уйти», — ответил я... Так оно и вышло.

— Верно, — подтверждает Эррио. — Не знаю, станут ли когда-нибудь социалисты государственными деятелями. В данное время их политика ограничивается участием в избирательной кампании; политика довольно-таки ловкая, но действуют они слишком уж осторожно. Блюм знает так же хорошо, как и я, что военные кредиты необходимы, но он за них не голосует. Он сам мне говорил, что я прав, признавая наши долги американцам, но опять-таки меня не поддержал. Ему надо прийти к власти, только тогда он осознает реальность, но он и этого не хочет.

Морис Метерлинк

(1935)

Первое впечатление — человек он приятный, потому что держится естественно. А ведь мог бы подчеркивать, что он — автор «Пелеаса» * или «Сокровища смиренных» *. А у него, напротив, степенные повадки крестьянина, своей манерой резко и не совсем внятно бросать слова он напоминает Клоделя. Когда он упоминает о своих прежних произведениях, что, впрочем, случается редко, он говорит о них равнодушным тоном: «Да, в ту пору повсюду были лилии да голубки...» В данное время его занимает главным образом вино, кухня и устройство своего жилища. О своей соседке, госпоже Луи Стерн, которая недавно сконча-

лась, он говорит: «Бедная мадам Стерн, я ее очень любил, славная она была женщина... Но вино у нее подавали прескверное».

Поначалу Орламонт поражает. Метерлинк перекупил возле Ниццы виллу, недостроенную каким-то американским миллионером, который свез сюда из Италии сотни мраморных статуй и разместил их в огромнейших залах. Когда вступаешь в галерею длиной в 67 метров, кажется, что все это тебе снится: высота потолков, как в кафедральном соборе, пол выложен разноцветным мрамором, как в церкви в Ля Валет, огромные двери кованого железа открываются не то в греческий, не то в египетский храм. А зимний сад (раньше здесь предполагалось устроить театр), который выходит на неухоженный цветник, сплошь заросший ромашками, отдан во владение белых голубей. Метерлинк бросает птицам горсть зерен, и голуби целыми эскадрильями пикируют с крыш.

— Вначале, — рассказывает Метерлинк, — у меня была только пара голубей, но эти птички блудят с утра до вечера; мало того, мои голубки навещают и сизых голубей, ютящихся в расселинах скал, и таким образом портят породу, зато умножают поголовье...

Перед обедом подходим к бару. Портвейн закусываем специальным брюссельским печеньем, выпеченным в виде деревенских фигурок. В столовой мраморный стол впору лишь рыцарям-великанам. Огромные кожаные кресла, на каждой спинке золотом выведено: «Когда возжелает Господь». Нас с Симоной усаживают лицом к морю по длинной стороне стола, Метерлинк с женой располагаются напротив, на расстоянии пяти-шести метров. Вокруг стола порхает Святой дух в обличье слепой голубки по кличке Виржини.

— Она совсем слепая, — объясняет Метерлинк, — единственный способ накормить или напоить ее — это посадить в корзинку с зерном или окунуть ей ножки в воду... Тогда она начинает клевать что ни попадя направо и налево, пока наконец не наткнется на пищу или воду.

Графиня Метерлинк говорит, что она пыталась было использовать Виржини в «Пелеасе», но пришлось от этого отказаться, так как голубка начинала ворковать в самые неподходящие минуты.

— *Никогда* не следует использовать животных в пьесах, — серьезно заверяет Метерлинк, — иначе публика только ими и будет интересоваться. Особенно это относится к птицам, которые каждые пять минут роняют капельку помета.

Потом он рассказывает о своем путешествии в Америку:

После того как «Синяя птица» * с успехом прошла в театре, один импресарио предложил мне выступить перед публикой с циклом лекций, причем на блестящих условиях чуть ли не миллион за несколько недель. На мое счастье, он забыл оговорить,

что лекции должны быть на английском языке. Читаю-то я по-английски так же легко, как по-французски, но не говорю. Я взял несколько уроков, надеясь приобрести нужное произношение, и один мой друг, профессор, перевел для меня все мои лекции, записав их фонетической транскрипцией. Приезжаю в Нью-Йорк, где меня встречает целая эскадрилья голубых самолетов и голубей, также выкрашенных в голубой цвет... Надо понимать, «Синяя птица»... Одним словом, начало вполне приятное.

Мой менеджер ставит меня в известность, что первое мое выступление состоится послезавтра в Карнеги-холл. Снедаемый беспокойством, я собираю нескольких друзей, людей вполне интеллигентных, и читаю им свою лекцию по-английски. Все как один уверяют, что получается превосходно.

На следующий день лекция. Зал набит битком. Пять тысяч человек. Сбор великолепный. Я начинаю читать и тут же вижу, что в зале какое-то волнение. Публика переглядывается, перешептывается. Кричат: «Громче!» Пытаюсь говорить громче. Снова крики: «Еще громче!» Я уже реву изо всех сил. Даже осип. В это время из рядов поднимается какая-то дама и говорит мне по-французски: «Мсье, кричать бесполезно... Дело не в том, что вы тихо говорите, просто никто не понимает того, что вы говорите». «Ей-ей, — отвечаю я, — в этом нет ничего удивительного... Я не знаю английского... Хотите, я буду продолжать по-французски?» Половина зала кричит «да», другая протестует.

На эстраде сидит какой-то знаменитый американский оратор. Он заявляет, что может прочесть лекцию за меня. Заметьте, весь этот разговор происходит на глазах у публики. У нас меня бы уже закидали гнилыми яблоками, а здесь нет, здесь люди спокойные и любезные. Уславливаемся, что американский оратор прочтет мою лекцию. Я вручаю ему рукопись, и он тупо глядит в нее.

— Но позвольте, — говорит он, — что же это такое? Ведь это не по-английски.

Я совсем забыл, что моя злосчастная рукопись написана фонетической транскрипцией.

— Да ей-богу же, — говорит он, — я этого прочесть не могу... Нет ли у вас английского текста?

— Есть, но он остался в гостинице.

Молодой человек, сын моего менеджера, вызывается съездить за рукописью. А на улице мороз градусов под двадцать. И как на грех он не может найти свое пальто. Тогда моя жена, уже в полном отчаянии, накидывает ему на плечи свое норковое манто. Он направляется к выходу, но тут его задерживают полисмены, которые приняли его за вора, и отводят в участок. А публика тем временем терпеливо ждет. Наконец рукопись доставлена; я читаю

ее по-французски, а американец переводит; на следующий день ко мне является с визитом председатель Ассоциации ветеранов войны, он, видите ли, хочет устроить в мою честь обед.

— Обед? Почему?

— Потому что вчера мы были в Карнеги-холл... Ах, вы вели себя как настоящий спортсмен... Читать лекцию по-английски, не зная английского языка, да это же с вашей стороны отвага, и немалая... Больше того, героизм... Вот почему мы решили вас чествовать.

Я спросил его, читал ли он мои книги, хотя бы одну из них.

— Увы, нет, — ответил он, — но мы будем горды, если вы согласитесь прийти на обед.

Вот это страна!

Подумав немного, Метерлинк добавляет:

— К счастью, в контракте не было оговорено, что лекции должны читаться *по-английски*, и мне не пришлось платить неустойку.

Несторий

(1935)

— Нет, нет, сказала она, — я не буддистка, я несторианка. Конечно, я присутствую на всех наших буддийских церемониях, столь благородных и возвышенных... Но по семейной традиции мы всегда были несторианцами.

Несторианка... У нее красивое лицо монгольского типа, по-французски она говорит блестяще. Наступает молчание. Каждый из нас перебирает в памяти прочитанное, но безмолвные вопросы так и остаются без ответа. Самые образованные смутно припоминают, что был такой патриарх Несторий, была ересь, был не то синод, но то церковный собор в V веке... А может, в VI? Все эти мысли столь туманны, что выразить их словами просто нет возможности... Кто-то из нас, набравшись смелости, робко спрашивает:

— А несторианская церковь существует и до сих пор?

— Конечно, — отвечает она, задетая вопросом... — Между городом Мосулом и Курдистаном живет целый народ несторианцев. У них есть свои священники, своя церковь без икон и своя несторианская Библия... Неужели вы не знаете, что с VIII по XII век несторианство было распространено в Сирии, Армении, Персии да и по всей Азии?.. Именно несторианцы ввели христианство в Татарскую Орду, в Индию, Китай... Марко Поло встречал их священников повсюду от Багдада до Пекина. В истории христианства крестовый поход несторианцев в Азию, пожалуй, наиболее славен своими победами и обращением неверных. В осно-

ву знаменитой легенды о священнике Иоанне * легла, в сущности, история обращения в несторианство вождя монгольского племени...

И снова мы замолкаем. Целый континент покрыт христианскими храмами... Века борьбы, пламенных проповедей, восторженных верований... Столкновения, преследования, мученики, святые... История в чем-то славная, достаточно глубоко врезающаяся в умы народов и превратившаяся в силу этого в легенду, распространившуюся по всему свету... Мы же даже не знаем, что это за учение, ради которого люди целое тысячелетие добровольно шли в изгнание, на муки, на смерть.

Вернувшись домой, открываю энциклопедию. И узнаю, что Несторий, патриарх Константинопольский, с 428 по 431 год проповедовал, что в Иисусе Христе следует различать две ипостаси, божественную и человеческую, и что Дева Мария есть мать человека, а не бога, и поэтому ее положено называть не Богородицей, а Христородицей. Именно вокруг греческого слова *theotokos*¹ и разгорелась борьба, окончившаяся расколом.

Я задумался над раскрытым словарем: «Валери учит, что история — великая наставница заблуждений... А не является ли она одновременно и мудрой наставницей скромности?.. Она раскрывает перед нами жестокость, безумие и страдание людей, которые вместо того, чтобы объединиться в борьбе против нищеты, против существующего беспорядка, попусту карают друг друга... *Theotokos*... Из-за одного этого слова-семьи, раздираемые враждой, замученные старцы, сожженные дома... И все это во имя того, чтобы через полторы тысячи лет несколько образованных людей, нерешительно переглядываясь, пытались вспомнить: «А кто такой, в сущности, Несторий?»

Представляю себе такую театральную постановку. *Пролог*: 1935 год, в гостиную весело болтают кавалеры и дамы. Вроде того, как сегодня вечером. «Что это за Несторий такой?» — спрашивает кто-то. В эту минуту сцену заволакивает туманом, слышно, как меняются декорации. Когда снова вспыхивает свет, действие переносится в Константинополь времен Нестория. Три трагических акта, постепенная гибель семьи, принесшей себя в жертву одному-единственному слову. После заключительной реплики, когда зритель, замороженный колдовской властью театра, наконец-то всей душой проникается этими страстями, вызванными давно забытым спором, сцена вновь погружается во тьму, потом идет эпилог: 1935 год, школа, урок истории. «А кто такой Несторий?» — спрашивает учитель ученика. Тот мнется, роется в памяти и наконец отвечает: «Не знаю».

¹ Богородица (*греч.*).

Кончина Честертона

(1936)

Прошло только полгода после смерти Киплинга, как не стало и Честертона. Я с юных лет с упоением читал его, а познакомился с ним в 1934 году на борту корабля, возвращавшегося с Мальты. «Честертон на борту», — объявил мне адмирал Фишер. Впрочем, представлять его не было необходимости. Такая массивная фигура, такая широкополая фетровая шляпа, такой романтический капюшон могли принадлежать лишь ему одному. Он страдал острым ревматизмом и ходил, опираясь на две палки. Однако жизнерадостность его поражала. Этот мученик любил жизнь и восхвалял вселенную. Все его радовало: и луч солнца, пробежавший по волнам; и чайки, не отстававшие от нашего судна; и детишки, играющие на палубе. Смех его был поистине гомерическим: так, должно быть, смеялись боги Гомера. Его присутствие сделало наше путешествие волшебным и одновременно очень поучительным для меня. Здоровая философия и искренняя вера — вот чем объясняется то удивительное ощущение счастья, в котором жил этот калека.

Целый день не подымаясь с кресла, он читал полицейские романы. Он говорил со мной о двух французских писателях: Гастоне Леру * и Морисе Леблане *. Ему почему-то доставляло удовольствие думать, что эти два столь аналогичных имени — псевдонимы одного и того же писателя, который подписывался *Gaston the Red* (Гастон Рыжий) под романом, где рассказывал о приключениях сыщика Рултабиля, а под романом, героем которого был взломщик-джентльмен Арсен Люпен, ставил подпись *Maurice the White* (Морис Белый).

— Это же ясно, — твердил Честертон... — Вы утверждаете, что эти джентльмены действительно два разных лица? Вы наверняка ошибаетесь. Уверяю вас, такая симметрия вполне достаточна, чтобы дать понять человеку неглупому, что это чистая символика. Поразуйте-ка хорошенько во Франции. И вы убедитесь, что я прав.

И громовой смех сотрясает его необъятные телеса.

В прошлом году я снова встретился с ним во Флоренции, где он должен был прочесть лекцию в дни *Maggio musicale fiorentino*¹. Трогательное и возвышенное зрелище. Прежде Честертон считался превосходным оратором, но у него пропал голос. Я, сидевший прямо под ним, кое-что расслышал, а из тысячной аудитории да-

¹ Большой флорентийский музыкальный фестиваль (*итал.*).

же человек девятьсот вряд ли что-либо разобрали. А что они видели? Груды каких-то черных одеяний, а над ними лицо, по которому ручьями струился пот. Завязший в своих записях, Честертон то и дело вытирал платком лицо, потом окончательно заплутался в своих бумажках, уронил пенсне, усмехнулся про себя какой-то вдруг осенившей его мысли, и, отчаявшись связать концы с концами, замолчал, улыбнулся публике такой очаровательной, такой естественной улыбкой, что флорентийцы, не понявшие из сказанного им ни слова, устроили ему шумную овацию.

Тема его лекции «Романский характер английской цивилизации» была одной из его излюбленных тем.

— Некоторые историки, — говорил он, — считают, что в Англии нет римских монументов. Но мы сами все римские монументы... Понаблюдайте-ка за старым английским полковником, когда он гневается. Какое ругательство для него самое привычное? Помянет ли он, по утверждению господ историков саксонского толка, бога Тора *? *By Thor!* Да ни за что на свете! Он помянет Юпитера. *By Jove!* А это доказывает, что подсознание расы пронизано латынью.

В отеле, где мы оба остановились, он целые дни сидел в холле около двери, загораживая вход, и читал *detective novel* (так он называл полицейские романы).

— Что поддельваете, господин Честертон?

— Что поддельваю? Пытаюсь шокировать английских эстетов, читая на виду у всех «Убийство в аэроплане», а не «Утро во Флоренции».

Но говорилось это все таким веселым тоном, что никого шокировать не могло.

Бернард Шоу и Герберт Уэллс

(1936)

В этом году Герберту Уэллсу исполнилось семьдесят лет. Английские писатели решили отпраздновать этот юбилей роскошным банкетом и пригласили меня выступить на нем от имени французских литераторов. Я охотно дал согласие, потому что считаю Уэллса непревзойденным фантастом, принадлежащим к тому же к редкому числу писателей, которые обладают подлинной научной культурой. Я приготовил дружескую и серьезную речь, где пытался проанализировать творчество и философию Уэллса. Когда я явился в «Савой отель», внутренний карман моего фрака даже вздулся от множества листков. Должен признаться, я был вполне удовлетворен этим критическим эссе и заранее с удовольствием предвкушал успех своего выступления.

Когда я вошел в банкетный зал, секретарь объявил мне, что выступать я буду вторым, а первым выступит наш всеобщий старейшина Бернард Шоу. Я струхнул. Я уже знал красноречие Шоу, неотразимое, ироническое, всесокрушающее. В своих речах он использовал политику выжженной земли, не оставляя за собой буквально ничего. Какой же невыразительной покажется моя чисто профессорская речь после этого адского пламени! Я сел за стол рядом с Шоу и признался ему в своем беспокойстве.

— Вы совершенно правы, — сказал он мне со своей обычной свирепой непринужденностью. — После меня любой оратор покажется бесцветным.

За кофе он поднялся. Распорядитель в красном фраке и с огромным молотком в руке призвал присутствующих к молчанию, и Шоу, воинственно выставив бороду, начал:

— Бедный старина Уэллс! Вот и вам перевалило за седьмой десяток. А мне скоро перевалит за восьмой... Почему все хохочут? Потому что радуются, что скоро отделаются и от меня, и от вас...

Потом он рассказал о том, что сегодня утром встретился со своими австралийскими друзьями, которые спросили, почему это в честь такого юбилея король не пожаловал Уэллса званием лорда.

— Я им ответил: «А на что этому старому бедняге Уэллсу звание лорда? Он ведь даже писать толком не умеет... Впрочем, король не прочел ни строчки Уэллса. Поэтому-то он и хороший король...» Тем не менее мои австралийские друзья наседали на меня: «Нет, нет, — твердили они, — если Уэллса не сделали лордом, значит, что-нибудь говорит не в его пользу». Тут я бросился на его защиту... Я сказал: «Да нет ровно ничего, что говорило бы не в пользу нашего дорогого бедняги Уэллса. Он прекрасный сын... прекрасный отец... прекрасный брат... прекрасный дядя... прекрасный кузен... прекрасный друг...»

И это чудовище Шоу продолжал перечислять все человеческие связи, которым Уэллс был верен, но так и не сказал «прекрасный муж». А ведь все присутствующие знали, что Уэллс был весьма легкомысленным супругом, так что, чем больше родственных связей перечислял Шоу, тем громче становился смех.

А я, слушая его с наслаждением и ужасом, думал: «После этой дьявольской комедии совершенно невозможно произносить мою речь, годную разве что для состязания выпускников лицеев».

И тогда я решил не трогать листков, оттопыривавших мой карман, и сымпровизировать как и что смогу. Но я не переставал восхищаться тем мощным чувством юмора, которое позволило Уэллсу в день его торжественной годовщины спокойно выслушать

похвальное слово Шоу, столь же жестокое, как иные речи при приеме во Французскую академию.

Несколько месяцев спустя, встретившись с Уэллсом в Америке, я напомнил ему о том знаменательном вечере:

— В последний раз мы встретились с вами на праздновании вашего семидесятилетия.

— Ах, да, — ответил Уэллс и даже вздрогнул, так сказать, задним числом, — в тот вечер Шоу произнес воистину непристойную речь. Как это я его тогда не убил!

«Комеди Франсез»

30 декабря 1952. — «Мизантроп». Это всего-навсего Мольер, но в театре мы не одни. Далеко не одни. И шедевр не только дает полные сборы, но каждая реплика обращена именно к сегодняшней публике, развлекающейся на каникулах, — провинциальной и простонародной. Вот уже три века во Франции в каждой новой хорошей комедии есть что-то мольеровское. «Кнок» * трактует по-новому мольеровскую тему о врачах, «Асмодей» * — Тартюфа. А кто переложит на новый лад «Мизантропа»? Нужно ли это? Селимена ничуть не изменилась. Я-то ее знаю. И очень хорошо.

Сегодня вечером в третьем действии (сцена IV) Альцест—Шеврие запоздал с выходом на сцену. Очаровательная Мари Сабуре в отчаянии трижды звала его: «Альцест! Альцест! Альцест!» Так и подмывало шепнуть ей тут же сымпровизированную александрийскую строфу:

Альцест замешкался, то не в его привычке.
Быть может, горечью объяснена отлучка?
Вот, кажется, он промелькнул, потом пропал.
Не думаю, чтоб в Лувр он ненароком побегал.

В антракте убеждаюсь, что зрители ничего не заметили. Удивительная все-таки публика посещает утренние спектакли, когда даются классические пьесы. Как-то, когда играли «Горация» *, позади меня сидели две женщины. Одна, уже в летах, была (как я понял из ее разговора) владелицей обувного магазина, другая служила у нее продавщицей; хозяйка привела ее сюда «для образования». Когда старик Гораций сказал:

Коль ваша слава затмевает всех,
Поверьте, прахом не пойдет успех... —

хозяйка нагнулась к девушке:

— Слышала?.. Вот так и со мной, ты же знаешь, в нашем квартале все в один голос признают, что обувь у меня лучше, чем

у других... Ну так вот, хочу отойти от дел... Чтобы успех не пошел прахом...

После представления «Гофолии» * две дамы в жемчугах недовольно морщились.

— Нет, нехорошо, — говорила одна, горестно покачивая головой.

— Это, должно быть, вставной номер, — утешала ее подруга.

Четверг 5 марта 1953. — «Игра любви и случая» *. Безусловно, только игра, но совершенство ее трогает само по себе. В третьем акте я не мог сдержать слез. И вспомнил по этому поводу слова Бруно Вальтера *, которые я слышал во Флоренции. Он репетировал с итальянским оркестром «Похищение из сераля» Моцарта *.

— Это надо играть весело, очень весело, — говорил Бруно Вальтер музыкантам, — так весело, чтобы все плакали...

Откуда эти слезы? Возможно оттого, что в игре Элен Пердриер чудесно сочетаются чистота, смятение, радость, и это превращает ее в Женщину с большой буквы, в ту, о которой все мы мечтаем. Сам Мариво писал: «Ах, я не знаю, что со мной, переведем дух. Почему я вздыхаю? Из глаз катятся слезы. Меня снедает глубочайшая печаль, а откуда она, непонятно...»

Да разве мы когда-нибудь знаем откуда?

Понедельник 15 июня 1953. — Завтрак с Пьером Декавом и Пьером Бертенем. Последний рассказывает о комитете, в обязанности которого входит прочтение пьес. Лет пятнадцать назад в комитете рассматривали одну пьесу. Потом о ней забыли. Кто-то ее откопал. Пригласили автора. Им оказался мелкий помещик из Турени. Понятно, он успел состариться за это время, но сохранил все изящество заядлого лошадника. Коричневая необычного покроя куртка. Ни дать ни взять герой Поля Эрвье. Один из членов комитета читает вслух пьесу. Автор слушает, не скрывая удивления.

— Неужели это я написал? Невероятно!

Время от времени он прерывает чтение:

— Господи, как же это скверно!.. Просто сумасшествие какое-то!

Когда чтение окончилось, он заявил:

— Надеюсь, господа, вы не примете такую мерзкую пьесу.

Пятница 17 сентября 1954. — Свершилось. Сегодня в комитете «Комеди Франсез» читал театрализованную пословицу «Блаженные да имут» *. Заняв пост администратора театра, Пьер Декав стал просить дать ему пьесу, на что я неизменно отвечал:

«Слишком поздно. Я ведь никогда для театра не писал. Это совсем иное ремесло, я в нем профан». Но так как он наседал на меня, я имел неосторожность согласиться: «Будь по-вашему. Попытаюсь написать что-нибудь одноактное». И написал. Но чтение оказалось для меня тяжелым испытанием. Моим, так сказать, последним экзаменом. А я-то полагал, что моя пора держать экзамены давно миновала.

Впечатляющая мизансцена. Автора вводят в кабинет администратора, увешанный знаменитыми гобеленами. Комитет заседает в соседней комнате.

— Я сейчас присоединюсь к ним, — поясняет Декав. — А когда нужно будет, вас вызовут. Перед вашим местом за столом поставят стакан воды. Вы прочтете пьесу, а когда кончите, выйдете из комнаты. Комитет начнет обсуждение, потом я вернусь в кабинет и сообщу вам решение.

Мучительное ожидание. Чутьочку боязно. Думаю: «Дыхание перехватывает, прочту отвратительно». Когда меня вызывают, как во сне вижу лица прославленных сосьетеров * театра. Читаю не подымая головы, так что не знаю, нравится им пьеса или нет. Закончив чтение, встаю, откланиваюсь и ухожу, не услышав от них ни единого слова. В кабинете Декава сидит премиленькая секретарша, которая скрашивает мне минуты ожидания. Желая подготовиться к провалу, я говорю ей:

— В конце концов, это всего лишь пословица, так что не велика важность.

Наконец отворяется дверь и входит Пьер Декав. Он улыбается, и, прежде чем он заговорил, я понимаю, что все обошлось благополучно. Он меня обнимает.

Суббота 22 января 1955. — Первая репетиция моей пословицы. Мог ли я надеяться, что ее разыграют такие актеры, как Лиз Деламар, Элен Пердриер, Анни Жирардо, Поль Гер. Режиссер — Жак Шарон. Я с огромным удовольствием слежу за ним. Он мгновенно переводит мои не слишком складные фразы в действие, в жест. Как он умеет выпятить смысл каждого слова, подсказать верную интонацию, высветить ту или иную сценку и добивается этого самыми простыми человеческими словами. Учтите, что репетиция идет в артистическом фойе, среди прекрасных портретов. Мадемуазель Марс, Рашель, Мари Дорваль, сам Мольер смотрят на нас со стен из своих роскошных рам. Это какое-то колдовство, сбывшиеся юношеские мечты.

Вторник 1 марта 1955. — Генеральная репетиция моей пьески. Казалось бы, материал крошечный, но, по моему мнению, Жак Шарон поднял его на поистине чудесную высоту. Я по себе знаю,

что такое страх, испытываемый оратором, но я и представления не имел, что такое страх опытейших актеров; их буквально бьет дрожь. Три удара. Лиз Деламар и Элен Пердриер очаровательны. Последние следы страха сошли с лиц. И почти тут же первые взрывы смеха пробегают по залу. Декав, показавший себя в этой моей авантюре самым надежным другом, шепчет мне:

— Успех обеспечен.

Пусть так, и все же неизвестно, как отнесется к пьесе критика, пути коей неисповедимы.

3 марта 1955. — Вчера вечером играли мою пьеску. Успех? Не знаю. Робер Кемп * сказал: «Пьеса острая, есть в ней какое-то утонченное коварство в традиции Мюссе... Вполне в духе фирмы...» А я все-таки сомневаюсь. Другой критик написал: «В ней есть мысль; диалог блестящий». Может быть, может быть, но пьеса так невелика и, откровенно говоря, не совсем в моем духе. Театр Чехова, Бомарше — вот что я люблю. Перед моей пословицей играли «Севильского цирюльника». Сравнение явно не в мою пользу, даже если учесть, что «Женитьба Фигаро» мне нравится куда больше, чем «Севильский цирюльник». Ален говорил: «Монолог в «Женитьбе Фигаро» достигает шекспировской силы» — замечание, на мой взгляд, глубокое и справедливое.

3 апреля 1962. — Генеральная репетиция пьесы «Чесотка». Эту пьесу Одиберти * уже давали в прошлый вторник, по абонементу, и публика устроила скандал, вопила, свистела — словом, подняла такой шум, что актеры вынуждены были прекратить игру. Поэтому нынче вечером атмосфера накалена прямо-таки как на премьере «Эрнани» *, но чувствуется, что на сей раз битва будет выиграна. «Мы докажем, что мы не чета малоинтеллигентной публике, что была здесь во вторник по абонементу», — думают высокомерные зрители в партере и на балконе. А уж пылкая молодежь с галерки из принципа на стороне автора-авангардиста.

Мы сидим между Полем Рейно и Морисом Гарсоном *, оба с женами; за нами — Арагон с Эльзой Триоле. Все настроены благожелательно. Лично я люблю Одиберти, в нем чувствуется культура, вкус. Помню один прелестный завтрак в Сен-Жермен-де-Пре с ним и Фернаном Леже. Оба цветными карандашами изрисовали скатерть прекрасными рисунками. Когда завтрак кончился, им стало жаль оставлять на произвол судьбы свои творения и они изрезали всю скатерть на куски.

Пьеса. Роскошные декорации. Превосходные актеры. Тереза Марнэ прелестна в черном наряде. Первый акт — жеманная, но вполне милая комедия; второй — нагромождение экстравагантностей и нелепостей. Иной раз приходит на ум клоделевский юмор,

иной раз нечто в стиле самых туманных кусков из Жироду, иной раз пахнет Ростаном. В такой трактовке мог быть подан разве что маршал де Тюренн *, возьмишь описать его Бернард Шоу. Публика, полная самых добрых намерений, хватается за каждую реплику. Сегодня вечером актеры разыгрывают на сцене прелестную пьесу Одиберти, а публика в кулуарах — «Смешных жеманниц» *. Так-таки ничто не изменилось со времен Мольера. Да и как, скажите, человек может измениться?

— Я едва не умерла от скуки, — говорит мне мимоходом одна простодушная женщина, но говорит чуть ли не шепотом, боязливо оглядываясь вокруг.

Беседуем с Рене Клером о самом понятии «авангардизм».

— Слово, конечно, новое, — говорит он. — Никогда романтики не заявляли, что они, мол, авангардисты своего времени. Бодлер, Верлен, Рембо были тем, чем были, и шума не поднимали.

Слово-то новое, а само явление нет. Романтики считали себя предвестниками, как и философы XVIII века. С той лишь разницей, что тогда существовала просвещенная публика, доверяющая собственному суждению и не терпящая никаких указаний. Оттого и вреда получалось меньше. Салоны поддерживали своих авторов, но только выбирали их со вкусом. Заметьте, что в пьесах Корнеля встречаются чуть ли не такие же, как в сегодняшней пьесе, экстравагантности.

— Нынешний авангард по естественному ходу вещей станет завтрашним арьергардом.

— Да, в тот самый день, когда змея укусит свой собственный хвост, когда женщины, щеголяющие в туалетах прабабок, будут считаться сверхмодными, когда эвфемизмы и выспренность XVI века станут кумиром двухтысячного года.

— Незачем ждать так долго. И сейчас уже так.

Свадьба, танцы, песни. Актеров вызывали восемь раз. Таков мир.

Разрозненные заметки

(1951—1962)

Жан Кокто

(1954)

Был бесконечно рад увидеть Кокто, перенесшего тяжелую болезнь; сейчас он в прекрасной форме, по-прежнему жонглирует идеями и перебрасывает с руки на руку сверкающие парадоксы.

Я сообщил ему, что Чарли Чаплин сказал нам вчера: «Я родился в Фонтенбло, куда мою мать занесли случайности турне». А мы-то думали, что родился он в Лондоне, в Ист-Энде.

— Чаплин, — говорит Кокто, — это Гомер. Все греческие города похваляются тем, что Гомер родился именно там. Но великие люди такого масштаба нигде не рождаются. Их выплескивает само время.

Накануне я смотрел в «Комеди Франсез» «Блистательных любовников» * и рассказываю Кокто об этой фантастической и чересчур пышной пьесе.

— Мольер не собирался создать шедевр, — говорит Кокто. — Потому-то он ее и написал. Просто он хотел доставить удовольствие королю, причем немедленно. Почти все пьесы Мольера написаны на случай... То что-нибудь приключится при дворе, то в труппе. Шекспир не принимал себя всерьез. Он обновлял уже бывшие в употреблении сюжеты и писал по просьбе друзей драму или комедию. Тексты он почти не хранил. Нам повезло, что они сохранились.

Я соглашаюсь:

— Гёте сказал, что самые великие поэмы — это поэмы, написанные на случай. И это сущая правда. Возьмите Виктора Гюго: он писал для Леопольдины, для Жюльетты, для Леони Биар или для Луи Филиппа. Валери любил работать на заказ. Любое принуждение не дает художнику распускаться.

(1955)

Четверг 3 марта 1955. Выборы во Французскую академию. Меня они особенно глубоко затрагивают, ведь я вел страстную борьбу за Кокто. Мои собратья сошлись в изрядном количестве.

— Они явились, — говорит Дюамель, — только за тем, чтобы породить его на свет и этим себя увековечить.

Президент Эррио * приехал из Лиона, Франсуа-Понсе * — из Бонна. Всего тридцать человек. Большинство — шестнадцать. Обычные клятвы. Баллотировка. Робер д'Аркур * (председатель) и Пьер Бенуа * (секретарь) подсчитывают бюллетени. И не ошибаются, что весьма похвально и бывает не так часто.

Последние два месяца я десятки раз производил предварительные подсчеты, и не ошибся. Я твердил: «Кокто получит шестнадцать-восемнадцать голосов». Он был выбран семнадцатью. Весть об этом тут же распространяется, и моя жена сообщает о ней Кокто по телефону. Я рад, и не только за Кокто, которого я люблю от всей души, но и за нашу Академию, которая обязана собирать под своим куполом писателей, наиболее полно выражающих наше время. Или же по крайней мере тех, кто к этому стремится.

Вереница машин на площади дез Эта-Юни, где нас ждет Кокто. Радость, шампанское, речи. Разговор заходит о будущих

выступлениях. Леон Берар, бывший председателем в момент смерти Жерома Таро, имеет право приветствовать его преемника *; он говорит мне:

— Скажите речь вы. Вы отлично знаете творчество Кокто. Он же *ваш* жеребенок. Так что...

— С великим удовольствием.

20 марта 1955. — Приехал в Мийи-ля-Форе к Жану Кокто, чтобы перед его отъездом на Юг поговорить о наших будущих речах. Настоящее жилище поэта. Древняя постройка, крыло старинного замка. В саду канал, где по желто-зеленой пене медленно скользит прошлогодняя листва; впадает он в огибающий замок ров; фруктовый сад, сплошь грушевые деревья, подстриженные веером; мраморная голова греческой статуи — как ни странно, в профиль она чуточку похожа на тех дикарей, что рисует Кокто.

В доме: картины Ренуара, деревянная скульптура Гогена; декорация к «Адской машине» * (Эдип и Сфинкс) Кристиана Берара *; прекрасная фреска Жана Марэ; удивительная сирена, пегий конь и геральдический лев — остатки какой-нибудь карусели XVIII века. Огромный портрет госпожи Жорж Кокто, здесь она похожа на сына Жана. Две пальмы в ящиках и черные стеганные ширмы. Каждый предмет несет определенную эмоциональную нагрузку, и в этом его очарование. Дом-воспоминание.

Разговор, который перерастает рамки просто разговора. Кокто с непогрешимой точностью дает формулировки. Например:

«Единственная защита невидимой красоты в том, что она невидима...»

«Я верю не во вдохновение, а в выдохновение. Все исходит изнутри наружу. Человек выделяет из себя свои творения».

О мадам де Севинье: «Это пустой, но прилежно упакованный пакет».

Бесконечный обратный путь в Париж. Машины образуют пробки, и мы теряем целый час. Наша планета слишком тесна для автомобилей. В конце концов люди будут жить, не трогаясь с места, как растения. Название для романа в 2000 году: «Укоренившиеся».

Обед у Амбриера *

(1954)

Ежемесячный обед, цель коего — отобрать лучшие книги, вышедшие за последний месяц, и порекомендовать их к изданию за границей. Воистину рай, разговорный конечно. Лиризм Робера

Кемпа, словесное буйство Френсиса Амбриера, эрудиция Эмиля Анрио *, мудрость Андре Бийи * и т. д. и т. п. Нынче мои друзья особенно разошлись. Отлучение от церкви следовало одно за другим. На фоне добродушия и даже симпатии, но все это с одинаковой страстностью. Все-таки после сделок и компромиссов мы пришли к соглашению относительно пяти книг. Совсем как в Национальном собрании в те дни, когда депутаты не намерены свалить министра, но и не желают, чтобы за ним было бесспорное большинство. Всякий раз здесь за обедом мы позволяем себе невинную игру: импровизируем александрийским стихом. Особенно отличается Амбриер. Мне понравилось, как он отозвался об одном коммерческом предприятии, ошеломляюще модерновом: «Сын Дюфайеля и Виолле ле Дюк».

Анрио рассуждает о том, как работали прежде великие писатели:

— Они жили не такой лихорадочной жизнью, как мы с вами. Медленно передвигались с места на место, и именно эта неторопливость давала им благодетельный досуг... Что делает, скажем, Гонкур, если вдруг почувствует себя плохо, выйдя от Альфонса Доде, на улице Бельшас? Берет фиакр и велит везти себя к пристани, там садится на речной пароходик и едет к себе домой... Впереди много времени на размышления! За многие тысячелетия любые транспортные средства стали разве чуть-чуть быстрее, и вдруг нате вам, за последнюю сотню лет средства передвижения все набирают и набирают скорость, а это крупнейший социологический фактор нашей эпохи.

— Да, — говорю я. — Имея возможность быстрого передвижения, мы хотим поспеть всюду. А это нас убивает.

Бийи обращается ко мне:

— Как уживается в вас ваше преклонение перед Прустом и одновременно перед Сент-Бёвом после выхода в свет книги Марсея Пруста «Против Сент-Бёва» *.

Я отвечаю, что позиция Пруста кажется мне ложной. Он утверждает, что человек, написавший шедевр, не может шеголять в шлепанцах или переживать любовное приключение. Да нет же! Это именно так, и весь интерес жизнеописания состоит в том, чтобы показать, как из самых обыденных и привычных вещей рождается гений, как может он родиться из самых обычных элементов. Пруст сам показал это, описывая Бергота, и тем не менее, дабы уничтожить Сент-Бёва, прибегает к фактам, которых не признает. Жизнь *не объясняет* гения, она его вскармливает.

Клод Эдмон Маньи разъясняет нам, что именно его друзья из Эколь Нормаль или из Сорбонны называют «гоголем». Вот, к примеру:

— Вы читали «Братьев Карамазовых»?

— Да, я очень люблю Гоголя.

Короче, «гоголь» — это чепуха, которую изрекают невежды.

— Существуют «топо-гоголи», это когда подробно описывается столкновение автомобилей на перекрестке двух улиц, которые во все не перекрещиваются; существуют «хроно-гоголи»... — продолжает объяснять Клод Эдмон.

Рене Лалу сурово отчитывает меня за то, что я, мол, вместе с десятком других писателей (Франсуа Мориак, Жаном Поланом *, Пьером Бриссоном, Андре Бийи и др.) неправильно выбрал двенадцать лучших иностранных романов XIX века.

— Как? Вы исключили «Моби Дика» * и «Лорда Джима» *? Это же неслыханно!

— Дорогой мой Лалу, у меня в списке были и Мелвилл, и Конрад... Но у нас оказалось тридцать шесть шедевров. Исключив двадцать четыре из них, мы были заранее обречены совершить несправедливость.

— И все-таки, — твердит Лалу, — вы оставили Киплинга, а он писатель второго порядка.

Тут уж встаю я:

— Нет и нет, Киплинг принадлежит к самым великим!

— Я предпочитаю Кита *.

— Нельзя предпочитать ноктюрн Шопена «Марсельезе»! Каждый имеет право наслаждаться и тем и другим. Лично я люблю военную музыку.

— Тогда отправляйтесь 14 июля на парад! — ворчит Лалу.

Завтрак у Амбриера

(1958)

— Вы видели «Капризы Марианны» * в Национальном народном театре?

— Вы, очевидно, хотите сказать, видел ли я «Похороны Марианны»... Как можно растянуть комедию на целый вечер? Она должна быть искрометной, живой.

— В нынешнем году премий удостоены очень плохие романы.

— Тут я с вами не согласен. Бельгийский полковник, получивший Гонкуровскую премию, отнюдь не лишен таланта. Его «Переговоры» — прекрасная сатира на переговаривающиеся страны.

— По мне, «Закон» в сотни раз лучше.

— При всем вашем желании шедевры не рождаются каждый год. Чтобы вырастить одного достойного автора, требуется куча навоза.

— Гонкуровская академия должна была выбрать «Испанскую кровь» Гови *.

— Но это же новеллы. Читатель может запомнить всего две-три, но никак не все.

— Заблуждаетесь! Разве хоть одна новелла из «Необычайных историй» Эдгара По * забыта? Или из «Жестоких рассказов» Вилье де Лиль-Адана *?

— Господа и уважаемые мэтры, — заявляет Амбриер, — не пора ли перейти к серьезным вещам: бордо или шатонёф дю пап?

К спинке зайца идет крепленое вино, — говорит Андре Бийи. — Значит, шатонёф

На том и сошлись. Разговор заходит о писателях, которые не смогли выразить то, что смутно им виделось, ибо не встретили мэтра, который сумел бы помочь им проявить себя.

— Вспомните-ка Рене Буалева *... Он писал изящные романы, правда не слишком значительные, и сам это знал. Вдруг появляется Марсель Пруст, и Буалев понимает, что Прусту удалось сделать то, о чем он только мечтал всю свою жизнь. Трагическая судьба.

— Да... Поэтому-то к старости Буалев и стал таким грустным. Как сейчас помню, сложит руки на груди, как бы защищая больное сердце... Да и сам Пруст, не прочти он Рескина и Джорджа Элиота, возможно, никогда бы не стал Марселем Прустом *.

А мы? Кто те, кем мы никогда не станем?

(1960)

За завтраком у Амбриера разговор заходит о пьесе Жюль Ренара в «Комеди Франсез», о которой один из нас, Андре Бийи, написал справедливо хвалебную и прочувствованную статью.

— Вы были совершенно правы, — говорю я ему, — подчеркнув, что в душе Жюль Ренара навсегда осталась горечь — след его печального детства. Позже он получил все, что только мог пожелать: хорошую жену, детей, успех. Но ничего не помогло. Рыжик остался Рыжиком... Вчера я прочел его посвящение «Жанне Гранье от ее почитателя, ее автора, ее Рыжика».

— Возможно, именно этой неисцелимой печалью объясняется то, что «Рыжик» до сих пор трогает публику, тогда как «Радость разрыва» * или «Хлеб брака» * уже устарели.

— Не меньше, чем Дюма-сын.

— Верно, но больше, чем Бек *, потому что Бек беспощадней, суровой... В наше время сентиментальность не воспринимается. «Шведскому замку», рожденному шестидесятью годами, прису-

ще что-то от улыбки, характерной и для Мариво, и для Мюссе, и для Ренара...

— Для вымученной улыбки Ренара.

— Для зверской улыбки Франсуазы Саган.

Чарли Чаплин

(ноябрь 1955)

Из Веве, где он работает, Чарли Чаплин на несколько дней приехал отдохнуть в Париж. Он рассказывает нам о фильме, который сейчас готовит и которым сам доволен: «Король в Нью-Йорке» *.

— Думаю, получится хорошо, — говорит он, — а для меня как для актера это будет, пожалуй, лучшая роль.

Он едко высмеивает фильмы-биографии, которые пекут американские сценаристы (об Эмиле Золя, Вудро Вильсоне); выкроенные по одному шаблону, герои этих фильмов преодолевают все препятствия и, добившись успеха, выражают сыновью признательность старушке матери.

— А почему бы не старичку папаше? — спрашивает Чаплин. — По-моему, было бы очень забавно сделать биографию с точки зрения не мамы, а папы. «Мой сын герой? — воскликнул бы он. — Быть того не может. Я же его отлично знаю...», и тут он расскажет подлинные факты, объяснив успех своего чада игрой случая, обманом.

О театре Чаплин высказывает мысли, на мой взгляд, вполне справедливые:

— Не нужно стремиться проявить ум, доказать что-то своей игрой, главное — воссоздать драматически насыщенное чувство. Пьеса может начинаться так: поднимается занавес, актеры на сцене молчат целых десять минут, потом открывается окно и с улицы доносится крик. Неважно, будут ли при этом произнесены какие-нибудь слова, важно, что зритель *ждет* и волнуется.

Подобно всем великим художникам, этот маленький умный человек много размышляет о своем искусстве и работает со страстью. Сидящие вокруг нас люди узнают его и подсовывают ему меню, чтобы он оставил на листке свой автограф. От этого он скучнеет. Слава, улы, штука не слишком веселая!

* * *

На следующий день у Поля Луи Вейе с Ингрид Бергман и Чарли Чаплином. Уже в который раз отмечаю про себя, с какой простотой держатся актеры, уверенные в своем таланте. Ингрид Бергман без хвастовства рассказывает Чаплину о своем дебюте

в Голливуде. В Швеции она добилась известного успеха, и один знаменитый американский продюсер ее, что называется, «купил». Когда она прибыла в Голливуд, он устроил в ее честь прием. На нем она встретила всех звезд экрана; она их просто не узнала. Они же мерили ее взглядом с головы до ног как возможную соперницу. Она поняла, что, по их мнению, она слишком высока ростом, и со страхом почувствовала себя ужасно одинокой. Рассказ ее, обаятельно живой, напомнил мне мой собственный дебют в Париже и тот первый ужин у Бернара Грассе, на котором я был приведен в трепет властными манерами и пылкостью Анны де Ноай*, пытавшейся очаровать меня.

«Эти люди никогда не дадут мне возможность вставить хоть слово», — думал я тогда.

И до сих пор я еще окончательно не отделался от первого своего впечатления.

(1957)

Пятница 25 октября 1957. — Ужин с Чарли Чаплином после демонстрации его фильма «Король в Нью-Йорке». Он рассказывает о своем сыне Майкле, который впервые снимался в этом фильме.

— Когда Майкл в первый раз увидел себя на экране, он был разочарован. «Ох каким же молокососом я выгляжу!» — ворчал он. Киношники начали уверять его, что он великолепен, поздравляли его, когда он продублировал себя по-французски; теперь он всем этим очень горд. Тем лучше.

— А вы сами?

— Я? Меня, откровенно говоря, больше не беспокоит, что обо мне скажут. Я сделал так много фильмов, что должен был бы теперь жить как *gentleman farmer*¹, но я люблю свою работу... Люди полагают, что, создавая этот фильм, я хотел послать миру некую «весть»... Да вовсе нет!.. Вначале у меня возникла мысль показать, что такое телевизионная реклама, на примере человека, которого втягивают, но так, что он об этом и не подозревает, в некую «коммерческую» деятельность и с помощью четко направленной беседы заставляют его рекламировать зубную пасту, или дезодорант... А потом я сказал себе: «Чтобы это было действительно смешно, жертвой надо избрать человека, как можно более далекого от рекламы». Так и появился король в изгнании... Ну а мальчугана я придумал гораздо позже... Но кто может знать, каков ход вашей мысли... Вот вам и приписывают великие замыслы, в то время, как вас заботили лишь комические эффекты.

¹ Помещик, живущий на своих землях и сам ведущий хозяйство (англ.).

Фернан Леже

(1955)

Пятница 19 августа 1955. — По радио объявили о кончине Фернана Леже. Удар в самое сердце, горе. Я как бы воочию вижу этого нормандца-краснолицего верзилу, веселого, сердечного. Мы подружились с ним в 1941 году в США. Вместе с Дариусом Мийо * мы возглавляли в Калифорнии «Мэзон Франсез», где Леже обучал студентов живописи, Мийо — музыке, а я — литературе. Просто ради удовольствия я неоднократно посещал занятия Леже. Его красноречие было в буквальном смысле слова «живописным».

— У нас, французов, — говорил он молодым американкам, — здоровый вкус... Мы умеем и сооружать, и упрощать... Время от времени появляется какой-нибудь иностранец, скажем мсье Рафаэль или мсье Ван Дейк, и портит французский вкус... Но к счастью, это не долго продолжается.

Славный и простодушный в общении, в делах Леже проявлял ловкость нормандского крестьянина-пройдохи. Я сам слышал, как он объяснял одному американскому миллиардеру, пожелавшему расписать свою столовую:

— Другой намалует вам на этой стене корову, контуры как контуры, в середине бурые и белые пятна... А я нарисую вам контур коровы на одной стене, а пятна на другой... Таким образом вы получите вместо одной целых две картины и на этом выгадаете.

Заказ ему был обеспечен.

Великолепный кулинар, он, заметив, что мы с женой тоскуем по родине, зазывал нас в свою студию и собственноручно готовил нам настоящий французский обед. Особенно ему удавалось жаркое с овощами, для приготовления которого он использовал крупную соль. Он подарил мне в Америке несколько своих картин, к которым я мало-помалу привязался всей душой. Поначалу резкие тона, большие пространства, закрашенные чистой краской, были для меня непривычными. А теперь я нахожу в них и силу, и веселость, присущие их создателю. Я потерял бесценного друга.

Смерть Клоделя

Клодель скончался так, как полагалось бы уходить в мир иной всякому писателю: в самом разгаре работы, в расцвете духовных сил, на вершине славы. В течение месяца он присутствовал на репетициях «Благовещения» * в «Комеди Франсез». Ему доставляло такую же радость складывать про запас подлинную свою славу,

как какой-нибудь Анне Веркор убирать в ригу снопы пшеницы. Он подсказывал актерам правильные интонации, жесты. Голос его, по-прежнему мощный, был резким, повелительным и в то же время сочным, густым. Он яростно разжевывал слова, выделял каждый слог, шел по фразам, как лемех плуга среди комьев бурой земли. Мне нравилось наблюдать за ним в тот вечер, когда давали «Благовещение»: массивный и крепкий, как утес, сидел он в кресле, обитом красным бархатом.

Нынче утром я видел его на смертном одре. Лицо было неповторимо спокойным. Если кто-либо и засыпал вечным сном без страха перед смертью, то это Поль Клодель. Он ничего не боялся. Он твердо знал, что выполнил свой долг, завершил свое дело и имеет теперь право отдохнуть. Для нас это большая потеря. Нет уже Валери, Пруста, Алена, теперь ушел и Клодель. Минувала эпоха гигантов.

Собор Парижской богородицы. Похороны Поля Клоделя. В насквозь промерзшем помещении у академиков в мантиях зуб на зуб не попадает, но зрелище столь прекрасно, что они забывают о холоде. Прямо перед нами витраж в виде розетки, одновременно и простой и сложный, пропускает внутрь какой-то сверхъестественный свет. В центре с древка, как с мачты, свисает огромное знамя; бело-синее полотнище свивается изящными складками; красным задрапирован катафалк. На хорах переливы фиолетового, пурпурного, зеленого, черного и золотого.

ПЕРВЫЙ АКАДЕМИК (*вполголоса*): Посмотрите-ка вверх, на этих людей, вон там на галереях... Какими крошечными они выглядят по сравнению с громадой собора! Так и кажется, что Квазимодо или архидьякон Клод Фролло, свесившись, смотрят вниз поверх этих каменных кружев.

ВТОРОЙ АКАДЕМИК: «Собор так стар, однако нам еще увидеть суждено, как похоронит он Париж, что видел некогда его рождение». Столице необходимы такие вот священные места для отправления величественных обрядов. Кортёж за гробом Гюго шел от Триумфальной арки до Пантеона, что было вполне справедливо; за гробом Фоша — от собора Парижской богородицы до Дома Инвалидов, что было прекрасно. А то, что сегодня столько министров республики, и верующих и неверующих, отдают в этих стенах последний долг Клоделю, согласитесь, этот символ также не лишен величия.

ПЕРВЫЙ АКАДЕМИК: Как благородна подобная кончина! Столько славы и столько силы! Последняя битва — «Благовещение», и следующее за ней всеобъемлющее и глухое безмолвие смерти.

Начинается зауспокойная месса. Академики замолкают: то ли

задумываются, то ли молятся. Под стрельчатыми сводами собора торжественный перезвон колоколов отдается в толпе мощным эхом; эта толпа, как и любая французская толпа, настроена воинственно, по-боевому. По окончании церемонии в ледящем воздухе слышатся разговоры; этот злой холод придает нашему застывшему почтению к умершему что-то трудно определяемое — некую аскетичность.

Поль Клодель

(1959)

Среда 21 октября 1959. — «Золотая Голова» * в Одеоне. Я люблю этот театр, где каждый тебе знаком, где встречаешься сразу со всем Парижем, с тем Парижем, структура которого хотя и затронута различными социальными переменами, но лишь слегка, как в тех перигорских супах, что круглый год томятся на огне и в которые хозяйка-фермерша добавляет то кусочек мяса, то овощи, то мозговую косточку.

В антракте жаркие споры. Энтузиасты твердят: «Это Шекспир, это Эсхил, это Библия!», а иконоборцы в ответ: «Как? У вас хватает смелости называть этот прекрасным?» Я же задумываюсь об этом старом писателе, которого люблю, об этом человеке, дед и бабка которого были крестьянами: кто-кто, а он умеет говорить и о хлебе, и о супе, потому что видел сам, как пекут хлеб, и сам окунал в суп ломти хлеба. Еще и сейчас слышу его голос — властный, сочный и сердечный, словно бы размалывающий с силой каждое слово, четко отделяющий каждый слог, так что кажется, будто модуляции его врезаются между фразами, как лемех плуга между комьями бурой земли. Помню один вечер в «Комеди Франсез», Клодель сидел в кресле передо мной на спектакле «Атласная туфелька». Когда действие кончилось, я нагнулся к нему и сказал:

— Это прекрасно.

Он обернулся ко мне.

— Прекрасно? — повторил он. — Это возвышенно.

И он был совершенно прав. Тибоде * тоже как-то сказал мне: «Проза Клоделя... похожа на перевод, но на перевод с чего-то очень возвышенного...»

Луи Арман *

(1956)

После генеральной репетиции «Фабиана» мы, то есть Марсель Паньоль *, Поль Рейно и актеры, зашли поужинать к Друану. За моим столиком очутился Луи Арман, беседа с ним всегда доста-

вляет мне удовольствие. Своим ошеломленным соседкам он излагает оригинальные идеи насчет палеолита и неолита.

— Нужно усвоить, что в эпоху палеолита мужчина был полновластным господином. Он не работал. Ему надлежало быть сильным. Он охотился и кормил семью. Поэтому-то его и уважала женщина. На ее же плечи ложились все тяжкие обязанности. И в наши дни в Африке еще сохранилось несколько счастливых племен, где мужчина по-прежнему находится в привилегированном положении и живет в праздности, как какой-нибудь сеньор... Но в эпоху неолита женщины, обронив в землю горстку семян, найденных в лесу, обнаружили, что из них вырастают съедобные растения. Так было положено начало земледелию. С этой самой минуты охотник начинает терять свой престиж. В случае необходимости семья могла прокормиться и без его охотничьих подвигов. И уже недалек был тот час, когда женщина преспокойно сидела дома, а мужчина-земледелец ковырялся в земле.

Милли Матис, марсельская актриса, играющая в пьесе Паньоля роль наложницы, бесконечно преданной своему повелителю и работающей на него, слушает Луи Армана с удивлением и восторгом. Пусть мужчина утратил престиж по части добывания пищи, он сохранил его по части идеологии.

(1957)

Луи Арман, как и всегда своеобразный и парадоксальный, говорит о Сахаре, о блистательном будущем Европы, если она сумеет взять то, что ей дается, и об атлантах, которые, по его мнению, передали свое умение народам, населяющим берега Атлантического океана, и даже далее через Магриб — египтянам.

Потом он выстреливает новой ракетой:

— Недавно открыли, что ядерные частицы имеют голову и ноги, или, если выразаться точнее, направление вращения, как, скажем, винт или пробочник.

Открытие это сделано на грифельной доске умозрительно. Авторы этого открытия — двое китайских ученых, преподающих в Америке, профессор Ли и профессор Ян *. Оставалось только проверить результаты вычислений экспериментально. Удачный опыт профессора Ву * с кобальтом-60 подтвердил правильность новой теории, что, по словам Луи Армана, открывает перед человечеством неведомый прежде мир.

Еще о чем? О гроте Авейрон, где под захоронением доисторических людей обнаружено захоронение медведей. Гипотеза Армана: между людьми и медведями когда-то шла жестокая конкуренция, медведи почти догоняли человека по уровню развития. Между нами и медведями есть ведь много общего: они тоже

умеют ходить на задних лапах, они так же, как и люди, охочи до меда и фруктов. Мериме в «Локисе» * даже утверждает, что медведь способен любить женщину. На свою беду, медведи залегают на зиму в спячку. Только эта слабость и помешала им основать свою Медвежью Империю и дала человеку возможность напасть на них и перебить. Вот он ключ к тайне этого захоронения.

Какие научно-фантастические романы мог бы создать этот изобретательный ум! А он довольствуется тем, что развлекает своими историями нескольких друзей.

(1958)

Мы беседуем с Луи Арманом о моей книге «Александр Флеминг» *, о первооткрывателе пенициллина, и он тут же набрасывает грандиозную картину, достойную размаха его гениальной фантазии.

— Было время, — говорит он, — когда грибы и микробы оспаривали друг у друга нашу планету. Грибы тогда еще не были лишь плесенью, существующей за счет других организмов; микробы не проникали в органы высших животных; они сами были владыками земли. Потом климат изменился и стал менее благоприятен как для грибов, так и для микробов, и те и другие выродились. Тут наступил период рыб, затем рептилий, потом дело дошло и до крупных млекопитающих. Вновь изменившийся климат пагубно сказался на существовании холоднокровных животных. Лучше всех сегодня человеку, обладающему великолепным терморегулирующим аппаратом, позволяющим ему в любых условиях — и при тропической жаре, и при полярных холодах — сохранять присущую ему температуру тела. Микробы же ведут отныне жизнь, полную случайностей, а ваш Флеминг натравил на них к тому же их старинного недруга — грибковую плесень...

Питер Устинов *

(1957)

Мы с Питером Устиновым, автором комедии «Любовь четырех полковников», в Верьере у Вильморенов. Уже не в первый раз я замечаю, что драматурги (те, что рождены для сцены, такие, как Анри Бернштейн *, Марсель Ашар *, Арман Салакру *, Марсель Паньоль *), наделены из ряда вон выходящим даром рассказчика. Они и впрямь становятся драматургами потому, что в жизни сами отчасти актеры. Величайшие драматурги мира — Мольер и Шекспир — были профессиональными актерами. Мюссе,

по утверждению современников, в молодости блестяще подвизался на подмостках салонных театров. Вся жизнь Бомарше — сплошная комедия в сотню совершенно различных актов, где он неизменно выступал в роли Фигаро.

— Драматурги читают текст хорошо, даже слишком хорошо, — жаловался мне один директор театра... — А это весьма опасно... Слушаешь их, и кажется, будто ты попал на шедевр... А на самом деле это самая обычная поделка. Мы принимаем пьесу, автор удаляется, перечитываем во второй раз — пустяк, да и только.

В реальной жизни драматург играет независимо от своего желания и сам того не замечая во всех сценах, которые он, рассказывая что-то, создает. Реплики, подаваемые в разговоре — то задушевные, то искрящиеся, — подогревают чувства привязанности или гнева, которыми он руководствуется. Окончена беседа — окончена и пьеса, и больше он о ней уже не думает. Часто описывают эфемерность театральных ссор. За сценой гнева следует сцена примирения, затем наступает развязка, и актеры скопом идут ужинать. Романисты питают более закаленную ненависть, их любовь патетичней.

Питер Устинов, русский по происхождению, совсем обангличавшийся, не говорит о своих личных чувствах. Он смотрит на жизнь любопытными глазами зрителя, которого развлекают безумные поступки, совершаемые различными нациями. Американский посол, итальянский актер, английский писатель и другие портреты Устинова чуть-чуть карикатурны и необыкновенно уморительны. Потом Луиза де Вильморен рассказывает о своем путешествии в Россию. Волшебный вечер.

Чарлз Лоутон *

(1958)

Марсель Ашар и Морис Шевалье наперебой расхваливают Чарлза Лоутона в фильме «Свидетель обвинения», где он играет старого английского адвоката.

— Никогда еще ни один актер не заходил в своем искусстве так далеко. Он не только воплощает замысел автора, он сам творит образ. Продумана каждая деталь, а все вместе воспринимается на редкость целостно.

Вот что рассказывает Ашар о «сверхсовершенстве» Лоутона. Репетировали фильм Корда. Тот был болен, не явился на съемки и попросил ассистента снять первую сцену. Когда же на четвертый день он пришел в студию, то с удивлением обнаружил, что дело дальше первой сцены так и не двинулось.

— Что вы здесь без меня делали?

— Это все Лоутон... Его не удовлетворяет первая фраза, и он повторяет ее целых три дня с утра до вечера.

— Что же это за фраза?

— Good night, gentlemen¹.

Когда Чарлз Лоутон снимался в роли Сирано, он потребовал, чтобы ему приготовили такой нос, какого просто не могло быть ни у одного Сирано на свете, нос, делающий его неузнаваемым. Нос сделался точь-в-точь по его указаниям. Он нацепил этот нос и зашел в артистическое фойе. Каждый встречный приветствовал его возгласом:

— Добрый вечер, мсье Лоутон.

— Значит, не удался! — сказал Лоутон.

По его требованию было изготовлено десять других носов. И все безуспешно. Да и как было его не узнать? Ведь все *знали*, что он играет Сирано.

Жан Ростан *

(1958)

Встретился у Альбера Делоне с Жаном Ростаном. Прекрасная голова флюберовской лепки. Длинные волосы, огромные усы, словом, похож на того, кем стал бы его отец, не умри он молодым. Ростан говорит о вечном:

— Я убежден, что все в природе подчинено естественному порядку, не меньше я убежден и в том, что мы почти ничего не смыслим в этом естественном порядке природы.

Я отвечаю:

— Да и как мы можем понять? Что мы такое перед лицом природы? Если бы существам, живущим на какой-нибудь песчинке и способным научно мыслить, удалось запустить летательный аппарат на ближайшую к ним песчинку, они сказали бы: «Наши знания безграничны». Однако же...

Но Жан Ростан сомневается и в этой возможности человека.

— Как знать, есть ли во Вселенной хоть одно другое существо, помимо человека, наделенное любопытством? Возможно, и существует где-то в недоступных нам мирах нечто отличное от неживой материи, что нельзя назвать ни жизнью, ни мыслью.

Вернувшись домой, я берусь за чтение превосходного эссе Клода Мориака о Жане Ростане. «Это сама честность ученого, — пишет Клод. — Христианин прочтет эту искреннюю книжечку с чувством уверенности. Она не смутит его, напротив, это исследование бескомпромиссной совести укрепит его в его верованиях». И он цитирует смиренное «кредо» Жана Ростана: «Верю,

¹ Спокойной ночи, господа (англ.).

что человек произошел от животного, но я никогда не утверждал, что твердо знаю, что такое животное... Верю, что жизнь произошла из материи, но я никогда не утверждал, что твердо знаю, что такое материя».

И еще одна очень важная фраза Клода Мориака: «Душа вечна, даже если она живет не дольше тела; вечность не поддается измерению». Совершенно справедливо. *Бессмертную* душу действительно трудно представить, но вечная душа может существовать в каждое данное мгновение. О том же и у Пруста.

Обманщики *

(1958)

Смотрел «Обманщиков», наделавших большой шум в маленьком парижском свете. За исключением затянутого начала и ненужной концовки это хороший фильм. Аморальный? Так, во всяком случае, мне говорили. Но я этого не почувствовал. Сценарист показывает нам людей аморальных, это верно, но очень уж несчастных. Выходишь из кинозала с желанием жить здоровой, чистой жизнью, работать.

Выходя, слышу замечания моих друзей:

— Это же идет непосредственно от Андре Жида. От «Фальшивомонетчиков», «Имморалиста», «Подземелий Ватикана»...

— Возможно, возможно, только с примесью Эмиля Ожье*.

Удивительное дело, как это талантливый писатель не нашел нужной развязки, когда она была у него, что называется, под рукой. Великолепной концовкой был бы момент, когда у мертвой находят фотографию, снятую на Елисейских полях... Как раз в эту минуту понимаешь, что эта отчаянная девица была в душе сентиментальной... Этим все сказано.

Шагая по улицам, я думал об обманщиках, существующих в нашем обществе. Есть два вида обмана. Первый — когда считают: «Что бы мы ни натворили, мы заслуживаем прощения, потому что мы — проклятое поколение; у нас за плечами страшное прошлое, и мы не видим впереди никакого будущего...» Это напоминает мне великолепный разговор, который я слышал однажды в Перигоре. Крупный землевладелец жаловался рабочему, что потерял много денег.

— Ох, мсье, — ответил тот, — только на одних богатых валятся все беды.

Можно было бы сказать обманщикам этого типа: «Только у молодежи и бывает прошлое». Что бы ни произошло, у них впереди куда больше будущего, чем у тех, что стоят на краю могилы.

Вторая форма обмана — отрицание всех общепринятых моральных устоев (не убей, не укради, не предай) под тем предлогом, что это-де все условность и нет оснований для соблюдения этих устоев. Бесспорно, это условность, но на таких вот условностях возведено волшебное здание человеческого общества. Отрицайте условности, провозглашайте свободу лжи, славьте немотивированное и «бескорыстное» преступление — и здание рухнет как на наши, так и на ваши головы. В жизни надо быть хоть чуточку пристойным, ибо, отвергая пристойность, человек впадает в скотство.

А люди созданы не для того, чтобы жить подобно скотам...

На следующий день...

На следующий день ко мне явилось двое студентов-социологов (юноша и девушка, они видели меня на «Обманщиках» и пришли со мной побеседовать). Они боятся, что «взрослые» после этого фильма создадут себе неправильное представление о молодежи 1958 года.

— Никто и не утверждает, что в фильме речь идет о *всей* молодежи. А Карне и подавно.

— Возможно, но за границей... К тому же этот фильм дает слабое представление и об определенной части молодежи. Например, молодежь Сен-Жермен-де-Пре отвергает этот фильм. Молодые актеры, исполнители главных ролей, боятся заходить в кафе... Андре Жид, «бескорыстное действие» — все это давным-давно отмерло. Наше поколение Жида не читает... И сентиментальная концовка не жизненна. Теперешние девушки не сентиментальны, они не ищут «мужчину своей жизни», они подыскивают себе какого-нибудь хорошего парня, технаря, который мог бы содержать их самих и детей... Вся истина в том, мсье, что взрослые абсолютно *ничего* не знают о молодежи. Она живет в замкнутом круге и почти не общается со старшим поколением.

— Даже со своими профессорами?

— А как, по-вашему, профессор Сорбонны может стать нашим духовным наставником? У него пятьсот студентов; он их и в лицо не знает. Если уж говорить правду, взрослые выводят нас на подмостки театров и на экраны из чисто экономических соображений. Продюсеры, директора театров отлично знают, что, покажи они молодых на сцене или на экране, полные сборы обеспечены. Почему? Да отчасти из любопытства, отчасти потому, что зритель в возрасте любит потереться среди молодежи; он надеется, что молодость заразна.

Рене Клер

(1959)

Встретил у художника Карзу * Рене Клера, который только что поставил на сцене Национального народного театра * пьесу «С любовью не шутят» *, или, как называют ее актеры, попросту «Шутка». Мы с Рене Клером страстные поклонники Мюссе. Долгое время вопреки моде, теперь заодно с ней.

Рене Клер дает определение феномену Мюссе, как мне кажется, совершенно верное. По его словам, Мюссе до встречи с Жорж Санд был человеком XVIII века. «Шутка» могла быть и, без сомнения, была написана под влиянием Мариво. Двое молодых людей, любящих друг друга, лукавят с любовью и отказываются в ней признаться. Каждый старается вызвать ревность у другого. Это как бы контрапункт отталкиваний и поцелуев, как в «Любовной досаде» Мольера *.

Но вместе с Жорж Санд в творчество Мюссе входит романтизм, и шутка превращается в трагедию. Отсюда такая значительная сцена между Камиллой и Пердиканом: «Я часто страдал, иной раз обманывал, но я любил. Это я сам жил настоящей жизнью, а не некое искусственное существо, созданное моей радостью и моей печалью...» Прекрасная тирада, взятая, как известно, из письма Жорж Санд к Мюссе. В пьесе ее произносит Пердикан, но не была ли Санд в их отношениях с поэтом носителем мужского начала в большей степени, чем ее «бедный Мюссайон»?

Рене Клер рассказывает, как вечером после генеральной репетиции Сюзанна Флон и Жерар Филип, околдованные воплощаемыми персонажами, продолжали держаться так, как будто они все еще были Камиллой и Пердиканом.

— Но скажи, пожалуйста, почему ты написала письмо, в котором утверждаешь, что я тебя люблю? Что ты за девушка, в конце концов?

— Советую тебе сказать всю правду. Какую игру ты ведешь? Конечно же, ты меня любишь.

О Дидро! *

Конец света

(1962)

В следующее воскресенье будет так называемый парад планет: шесть планет, солнце и луна выстроятся в ряд. Вот уже больше недели маги и астрологи предсказывают конец света. В Бенаресе огромные толпы народа ждут или пытаются оттянуть его, вознося моления на берегу священной реки. Сбравшись у

Андре Жийона, несколько писателей говорят о тысячном годе.

— А что ощущали бы вы, — спрашивают меня, — если бы вам стало известно, что все: ваша планета, ваши друзья — возьмут да и вдруг исчезнут?

— Если все будет кончено, тогда не о чем и говорить. Я был бы весьма рад, что меня нет в мире, где не осталось никого из тех, кого я люблю. А кроме того, слава богу, не пришлось бы заканчивать кое-какие труды, которые мне страшно надоели. В конечном счете я вряд ли опечалился бы. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. По-моему, гораздо лучше переплыть Стикс всем вместе.

— И вы не пожалели бы о жизни?

— Жизнь я люблю. Но как жалеть о ней, когда меня уже не будет?

— И вас ничуть не тревожит то, что станет с миром потом?

— Как я могу тревожиться, если ровно ничего об этом не знаю?

— Но вы же верите, что есть в нас нечто, что можно назвать *духом* или *душой*? Что станет с духом после смерти?

— Представления не имею. Я написал на эту тему «Оценщика душ», это всего лишь фантастическая сказка. Возможно, отдельно взятые духи складываются в одну общую душу... Но только тогда это буду уже не я...

— Те люди в Бенаресе верят в метампсихозу *, — говорит Робер Рей. — А мне вовсе не улыбается возвратиться на землю, воплотившись в чье-нибудь тело, которое, возможно, будут пытаться сажать на кол...

— А какая, в сущности, разница? Тело-то будет уже не ваше, и душа тоже не ваша, раз вы полностью утратите память о прошлом.

Габриель Марсель * рассказывает, что Жуандо *, когда при нем заговорили о метампсихозе, возмутился:

— Нет и нет! Я не желаю быть никем иным, кроме Жуандо.

Да и как можно быть кем-то другим, кроме себя самого?

Письма незнакомке

Вы существуете, и вместе с тем вас нет. Когда один мой друг предложил мне писать вам раз в неделю, я мысленно нарисовал себе ваш образ. Я создал вас прекрасной — и лицом, и разумом. Я знал: вы не замедлите возникнуть живой из грез моих, и станете читать мои послания, и отвечать на них, и говорить мне все, что жаждет услышать автор.

С первого же дня я придал вам определенный облик — облик редкостно красивой и юной женщины, которую я увидал в театре. Нет, не на сцене — в зале. Никто из тех, кто был со мною рядом, не знал ее. С тех пор вы обрели глаза и губы, голос и стать, но, как и подобает, по-прежнему остались Незнакомкой.

В печати появились два-три моих письма, и я, как ожидал, стал получать от вас ответы. Здесь «вы» — лицо собирательное. Вас много разных незнакомок: одна — наивная, другая — вздорная, а третья — шалунья и насмешница. Мне не терпелось затеять с вами переписку, однако я удержался: вам надлежало оставаться всеми, нельзя было, чтоб вы стали одной.

*Вы укоряете меня за сдержанность, за мой неизменный сентиментальный морализм. Но что поделаешь? И самый терпеливый из людей пребудет верным незнакомке лишь при том условии, что однажды она откроется ему. Мериме довольно быстро узнал о том, что его незнакомку зовут Женни Дакен *, и вскоре ему позволили поцеловать ее прелестные ножки. Да, наш кумир должен иметь и ножки, и все остальное, ибо мы устаем от созерцания бестелесной богини.*

Я обещал, что стану продолжать эту игру до той поры, пока буду черпать в ней удовольствие. Прошло больше года, я поставил точку в нашей переписке, возражений не последовало. Воображаемый разрыв совсем не труден. Я сохранию о вас чудесное, незамутненное воспоминание. Прощайте

А. М.

Об одной встрече

В тот вечер я был не один в «Комеди Франсез». «Давали все-го-навсего Мольера», но с большим успехом. Владычица Ирана * от души смеялась; Робер Кемп, казалось, блаженствовал; Поль Леото * притягивал к себе взоры. Сидевшая рядом с нами дама шепнула мужу: «Скажу по телефону тетушке Клемансе, что видела Леото, она обрадуется».

Вы сидели впереди, закутавшись в песцовые меха, и, как во времена Мюссе, покачивалась предо мною подобранная «черная коса на дивной гибкой шее». В антракте вы нагнулись к подруге и оживленно спросили: «Как стать любимой?» Мне в свой черед захотелось нагнуться к вам и ответить словами одного из современников Мольера: «Чтобы понравиться другим, нужно говорить с ними о том, что приятно им и что занимает их, уклоняться от споров о предметах маловажных, редко задавать вопросы и ни в коем случае не дать им заподозрить, что можно быть разумней, чем они» *.

Вот советы человека, знавшего людей! Да, если мы хотим, чтобы нас любили, нужно говорить с другими не о том, что занимает *нас*, а о том, что занимает *их*. А что занимает их? Они же сами. Мы никогда не наскучим женщине, коль станем говорить с нею о ее нраве и красоте, коль будем расспрашивать ее о детстве, о вкусах, о том, что ее печалит. Вы также никогда не наскучите мужчине, если попросите его рассказывать о себе самом. Сколько женщин снискали себе славу искусных слушательниц! Впрочем, и слушать-то нет нужды, достаточно лишь делать вид, будто слушаешь.

«Уклоняться от споров о предметах маловажных». Доводы, излагаемые резким тоном, выводят собеседника из себя. Особенно когда правда на вашей стороне. «Всякое дельное замечание задевает», — говорил Стендаль. Вашему собеседнику, возможно, и придется признать неопровержимость ваших доводов, но он вам этого не простит вовеки. В любви мужчина стремится не к войне, а к миру. Блаженны нежные и кроткие женщины, их будут любить сильнее. Ничто так не выводит мужчину из себя, как агрессивность женщины. Амазонки обожествляют, но не обожают.

Другой, вполне достойный способ понравиться — лестно отзываться о людях. Если им это перескажут, это доставит им удовольствие и они в ответ почувствуют к вам расположение.

— Не по душе мне госпожа де..., — говорил некто.

— Как жаль! А она-то находит вас просто обворожительным и говорит об этом каждому встречному.

— Неужели?.. Выходит, я заблуждался на ее счет.

Верно и обратное. Одна язвительная фраза, к тому же пересказанная недоброжелательно, порождает злейших врагов. «Если бы все мы знали все то, что говорится обо всех нас, никто ни с кем бы не разговаривал». Беда в том, что рано или поздно все узнают то, что все говорят обо всех.

Возвратимся к Ларошфуко: «Ни в коем случае не дать им подозревать, что можно быть разумней, чем они». Разве нельзя одновременно и любить, и восхищаться кем-то? Разумеется, можно, но только если он не выражает свое превосходство с высокомерием и оно уравновешивается небольшими слабостями, позволяющими другим в свой черед как бы покровительствовать ему. Самый умный человек из тех, кого я знал, Поль Валери, весьма непринужденно выказывал свой ум. Он облакал глубокие мысли в шутивную форму; ему были присущи и ребячество, и милые проказы, что делало его необыкновенно обаятельным. Другой умнейший человек и серьезен, и важен, а все же забавляет друзей своей неосознанной кичливостью, рассеянностью или причудами. Ему прощают то, что он талантлив, потому, что он бывает смешон; и вам простят то, что вы красивы, потому, что вы держитесь просто. Женщина никогда не надоест даже великому человеку, если будет помнить, что он тоже человек.

Как же стать любимой? Давая тем, кого хотите пленить, веские основания быть довольными собой. Любовь начинается с радостного ощущения собственной силы, сочетающегося со счастьем другого человека. Нравиться — значит и даровать, и принимать. Вот что, знакомка души моей (как говорят испанцы), хотелось бы мне вам ответить. Присовокуплю еще один — последний — совет, его дал Мериме *своей* знакомке: «Никогда не говорите о себе ничего дурного. Это сделают ваши друзья». Прощайте.

О пределах нежности

Поль Валери превосходно рассуждал о многом, и в частности о любви; ему нравилось толковать о страстях, пользуясь математическими терминами: он вполне резонно считал, что контраст между точностью выражений и неуловимостью чувств порождает волнующее несоответствие. Особенно пришло мне по вкусу од-

на его формула, которую я окрестил теоремой Валери: «Количество нежности, излучаемой и поглощаемой каждодневно, имеет предел».

Иначе говоря, ни один человек не способен жить весь день, а уж тем более недели или годы в атмосфере нежной страсти. Все утомляет, даже то, что тебя любят. Эту истину полезно напоминать, ибо многие молодые люди, равно как и старики, о ней, видимо, и не подозревают. Женщина упивается первыми восторгами любви; ее переполняет радость, когда ей с утра до вечера твердят, как она хороша собой, как остроумна, какое блаженство обладать ею, как чудесны ее речи; она вторит этим славословиям и уверяет своего партнера, что он -самый лучший и умный мужчина на свете, несравненный любовник, замечательный собеседник. И тому и другому это куда как приятно. Но что дальше? Возможности языка не безграничны. «Поначалу влюбленным легко разговаривать друг с другом... — заметил англичанин Стивенсон. — Я — это я, ты — это ты, а все другие не представляют интереса».

Можно на сто ладов повторять: «Я — это я, ты — это ты». Но не на сто тысяч! А впереди — бесконечная вереница дней.

— Как называется такой брачный союз, когда мужчина довольствуется одной женщиной? — спросил у американской студентки некий экзаменатор.

— Монотонный, — ответила она.

Дабы моногамия не обернулась монотонностью, нужно зорко следить за тем, чтобы нежность и формы ее выражения чередовались с чем-то иным. Любовную чету должны освежать «ветры с моря»: общение с другими людьми, общий труд, друзья, зрелища. Похвала трогает, рождаясь как бы невзначай, произвольно — из взаимопонимания, разделенного удовольствия; становясь неперменным обрядом, она приедается.

У Октава Мирбо есть новелла *, написанная в форме диалога двух влюбленных, которые каждый вечер встречаются в парке при свете луны. Чувствительный любовник шепчет голосом, еще более нежным, чем лунная ночь: «Взгляните... вот та скамейка, о любезная скамейка!» Возлюбленная в отчаянии вздыхает: «Опять эта скамейка!» Будем же остерегаться скамеек, превратившихся в места для поклонения. Нежные слова, появившиеся и изливающиеся в самый момент проявления чувства, — прелестны. Нежность в затверженных выражениях раздражает.

Женщина агрессивная и всем недовольная быстро надоедает мужчине; но и женщина невзыскательная, простодушно всем восторгающаяся не надолго сохранит свою власть над ним. Противоречие? Разумеется. Человек соткан из противоречий. То прилив, то отлив. «Он осужден постоянно переходить от судорог тревоги

к оцепенению скуки», — говорит Вольтер. Так уж созданы многие представители рода человеческого, что они легко привыкают быть любимыми и не слишком дорожат чувством, в котором чересчур уверены.

Одна женщина сомневалась в чувствах мужчины и сосредоточила на нем все свои помыслы. Неожиданно она узнает, что он отвечает ей взаимностью. Она счастлива, но, повторяй он сутки напролет, что она — совершенство, ей, пожалуй, и надоеет. Другой мужчина, не столь покладистый, возбуждает ее любопытство. Я знавал молоденькую девицу, которая с удовольствием пела перед гостями; она была очень хороша собой, и потому все превозносили ее до небес. Только один юноша хранил молчание.

— Ну а вы? — не выдержала она наконец. — Вам не нравится, как я пою?

— О, напротив! — ответил он. — Будь у вас еще и голос, это было бы просто замечательно.

Вот за него-то она и вышла замуж. Прощайте.

О неизменности человеческих чувств

Я вновь в театре; на этот раз, увы, вас там нет. Я огорчен за себя и за вас. Мне хочется крикнуть: «Браво, Руссен, вот славная комедия!» * Одна сцена особенно позабавила публику. Некий юноша наградил ребенком секретаршу своего отца. У него ни положения, ни денег, она же умница и сама зарабатывает себе на жизнь. Он делает ей предложение и получает отказ. И тогда мать молодого отца горько жалуется: «Бедный мой мальчик, она его обольстила и бросила... Скомпрометировала и отказывается покрыть грех!»

Классическая ситуация навыворот. Но ведь в наши дни экономические взаимоотношения обоих полов частенько, так сказать, вывернуты наизнанку. Женщины зарабатывают гораздо больше, чем в прошлом. Они меньше зависят от желаний и прихотей мужчин. Во времена Бальзака лучше замужества трудно было что-то придумать, во времена Руссена — это еще вопрос. В «Непорочной» Филиппа Эриа * юная девушка обращается к науке с просьбой помочь ей родить ребенка без помощи мужчины.

В действительности наука еще бессильна исполнить это необычное желание, хотя биологи уже приступили к весьма странным и опасным экспериментам. В своей книге «Прекрасный новый мир» Олдос Хаксли * попробовал нарисовать, как именно будет появляться на свет потомство через сто лет. В этом лучшем из миров естественное зачатие исключается. Хирурги удаляют

женщине яичники, они хранятся в надлежащей среде и по-прежнему вырабатывают яйцеклетки, оплодотворяемые осеменением. Один яичник может дать жизнь шестнадцати тысячам братьев и сестер — группами по девяносто шесть близнецов.

Любовь? Привязанность? Романтика отношений? Правители лучшего из миров испытывают глубокое презрение к этому обветшалому хламу. Им жаль бедняг из XX века, у которых были отцы, матери, мужья, возлюбленные. По их мнению, нечего удивляться, что люди прошлого были безумцами, злыми и ничтожными. Семья, страсти, соперничество приводили к столкновениям, к комплексам. Предки-горемыки волей-неволей все глубоко переживали, а постоянная острота чувств мешала им сохранять душевное равновесие. «Безликость, Похожесть, Невозмутимость» — вот триединый девиз мира, где нет любви.

К счастью, это всего лишь фантазия, и человечество не идет по этому пути. Человечество вообще изменяется куда меньше, чем думают. Оно как море: на поверхности бурлит, волнуется, но стоит погрузиться в пучину людских душ — и налицо неизменность важнейших человеческих чувств.

Что поет наша молодежь? Песню Превера и Косма *: «Когда ты думаешь, когда ты полагаешь, что молодость твоя продлится вечно, о девочка, ты заблуждаешься жестоко!..» Откуда пришла эта тема? Из стихотворения Ронсара, которому уже четыре века:

Вкушайте юности улады!
Не ждите в старости отрады:
Краса поблекнет, как цветок ¹.

Почти все мотивы поэтов Плеяды или, скажем, Мюссе все еще звучат и сегодня; на их основе можно было бы сочинить немало песен на любой вкус для Сен-Жермен-де-Пре. Поиграйте-ка в эту игру: она проста, занята и пойдет вам на пользу. Незнакомка *de mi alma* ², вам следует на что-то решиться. Надменная секретарша из пьесы Руссена в конце концов выходит замуж за свою «жертву», а вы — все еще копия своих сестер из XVI столетия. Прощайте.

О необходимой мере кокетства

«Клевета, сударь! Вы просто не понимаете, чем решили пренебречь», — говорит один из персонажей «Севильского цирюльника» *. Меня частенько так и подмывает сказать слишком доверчи-

¹ П. Ронсар. «К. Кассандре».

² Души моей (*исп.*).

вой и непосредственной в любви женщине: «Кокетство, сударыня! Вы просто не понимаете, к чему относитесь свысока». Кокетство было и есть поразительно мощное и опасное оружие. Этот набор искусных уловок, так внимательно изученный Мари-во, заключается в том, чтобы сначала увлечь, затем оттолкнуть, сделать вид, будто что-то даришь, и тут же отнять. Результаты этой игры поразительны. И даже зная заранее обо всех этих ловушках, все равно попадешься.

Если хорошенько подумать, это вполне естественно. Без легкого кокетства, порождающего первую робкую надежду, у большинства людей любовь не просыпается. «Любить — значит испытывать волнение при мысли о некоей возможности, которая затем перерастает в потребность, настойчивое желание, навязчивую идею». Пока нам кажется совершенно невозможным понравиться такому мужчине (или такой-то женщине), мы и не думаем о нем (или о ней). Не терзаются же вы оттого, что вы не королева Англии. Всякий мужчина находит, что Грета Гарбо и Мишель Морган на редкость красивы, и восторгается ими, но ему и в голову не приходит убиваться от любви к ним. Для своих бесчисленных поклонников они всего лишь образы, живущие на экране. И не сулят никаких возможностей.

Но стоит нам только принять на свой счет чей-либо взор, улыбку, фразу, жест, как воображение помимо нашей воли уже рисует нам скрывающиеся за ними возможности. Эта женщина дала нам повод — пусть небольшой — надеяться? С этой минуты мы уже во власти сомнений. И вопрошаем себя: «Вправду ли она интересуется мною? А ну как она меня полюбит? Невероятно. И все же, ее поведение...» Короче, как говаривал Стендаль, мы «кристаллизуемся» на мысли о ней, другими словами, в мечтах расцветиваем ее всеми красками, подобно тому как кристаллы соли в копиях Зальцбурга заставляют переливаться все предметы, которые туда помещают.

Мало-помалу желание превращается в наваждение, в навязчивую идею. Кокетке, которой хочется продлить это наваждение и «свести мужчину с ума», достаточно прибегнуть к старой как род людской тактике: убежать, дав перед этим понять, что она не имеет ничего против преследования, отказать, оставляя, однако, проблеск надежды: «Возможно, завтра я буду ваша». И уж тогда незадачливые мужчины последуют за нею хоть на край света.

Эти уловки достойны осуждения, если кокетка употребляет их, дабы вывести из равновесия многочисленных воздыхателей. Такое поведение непременно заставит ее быть неверной и обманывать, разве только она чертовски ловка и умудрится, никому не уступая, не задеть самолюбия мужчин. Но и записная кокетка рискует

в конце концов исчерпать терпение своих обожателей. Она, как Селимена у Мольера, погнавшись за несколькими зайцами сразу, в конечном счете не поймаёт ни одного.

Раз вы не можете в счастливой стороне,
Как все нашел я в вас, все обрести во мне, —
Прощайте навсегда! Как тягостную ношу,
С восторгом наконец я ваши цепи сброшу!

Напротив, кокетство совершенно невинно и даже необходимо, если его цель — сохранить привязанность мужчины, которого любят. В этом случае женщина в глубине души не испытывает никакого желания кокетничать. «Величайшее чудо любви в том, что она исцеляет от кокетства». По-настоящему влюбленной женщине приятно отдаваться без оглядки и притворства, часто с возвышенным великодушием. Однако случается, что женщина вынуждена слегка помучить того, кого любит, так как он принадлежит к числу тех мужчин, которые не могут жить, не страдая, и которых удерживает сомнение.

Тогда даже целомудренной, но влюбленной женщине не зазорно притвориться кокеткой, дабы не потерять привязанность мужчины, подобно тому как сестре милосердия приходится иногда в интересах больного быть безжалостной. Укол болезнен, но целителен. Ревность мучительна, но она укрепляет чувство. Если вы, моя незнакомка, когда-либо позволите мне узнать вас, не будьте кокеткой. Не то я непременно попадусь в сети, как и всякий другой. Прощайте.

О даме, которая все знает

— Как! Вы мой сосед, доктор?

— Да, один из двух ваших соседей, сударыня.

— Я в восторге, доктор; мне давно уже не удавалось спокойно поболтать с вами.

— Я тоже очень рад.

— Мне надобно получить у вас уйму советов, доктор... Это не будет вам в тягость?

— Говоря по правде, сударыня...

— Прежде всего, моя бессонница... Помните, какая у меня бессонница? Но что я вижу, доктор? Вы принимаетесь за суп?

— А почему бы нет?

— Да вы с ума сошли! Нет ничего вреднее для здоровья, чем поток жидкости в начале трапезы...

¹ Мольер. Собр. соч. в четырех томах, т. 2, с. 394. М., «Искусство», 1965.

— Помилуйте, сударыня...

— Отставьте подальше этот крепкий бульон, доктор, прошу вас, и давайте-ка вместе изучим меню... Семга годится... в рыбе много белков. Пулярка тоже... Так-так, нужный нам витамин А мы получим с маслом; витамин С—с фруктами... Вот витамина В вовсе нет... Какая досада! Вы не находите, доктор?

— На нет и суда нет.

— Скажите, доктор, сколько нужно ежедневно калорий женщине, которая, как я, ведет деятельный образ жизни?

— Точно не скажу, сударыня... Это не имеет ровно никакого значения.

— Как это не имеет никакого значения? Вы еще, пожалуй, скажете, что уголь не имеет никакого значения для паровоза, а бензин—для автомобиля!.. Я веду такой же образ жизни, как мужчины, и мне необходимы три тысячи калорий, не то я захирею.

— Вы их подсчитываете, сударыня?

— Подсчитываю ли я их!.. Вы, видно, шутите, доктор?.. У меня всегда с собой таблица... *(Открывает сумочку.)* Смотрите, доктор... Ветчина — тысяча семьсот пятьдесят калорий в килограмме... Цыпленок — тысяча пятьсот... Молоко — семьсот...

— Превосходно. Но как узнать, сколько весит вот это крылышко цыпленка?

— Дома я требую взвешивать все порции. Тут, в гостях, я прикидываю на глазок... *(Она издает вопль.)* Ах, доктор!

— Что с вами, сударыня?

— Умоляю вас, остановитесь!.. Это так же непереносимо, как скрежет ножа, как фальшивая нота, как...

— Да что я сделал, сударыня?

— Доктор, вы смешиваете белки с углеводами... Ах, доктор, остановитесь!..

— Эх! Шут меня побери, я ем то, что мне подают...

— Вы! Знаменитый врач!.. Но вы ведь прекрасно знаете, доктор, что обычная трапеза рядового француза—бифштекс с картофелем—это самый опасный яд, какой только можно приготовить?

— И тем не менее рядовой француз благополучно здравствует...

— Доктор, да вы сущий еретик... Я с вами больше не разговариваю... *(Чуть слышно.)* А кто мой другой сосед? Я слышала его фамилию, но он мне незнаком.

— Это важный чиновник из министерства финансов, сударыня.

— Правда? Как интересно! *(Энергично поворачивается направо.)* Как там наш бюджет, сударь? Вы уже свели концы с концами?

— Ах, сударыня, смилуйтесь... Я сегодня битых восемь часов говорил о бюджете... И надеялся, что хоть за обедом получу передышку.

— Передышку!.. Мы вам дадим ее тогда, когда вы утрясете наши дела... И ведь это так просто.

— Так просто, сударыня?

— Проще простого... Наш бюджет составляет четыре триллиона?

— Да, приблизительно так...

— Превосходно... Урежьте все расходы на двадцать процентов...

(Врач и финансист, точно сообщники, обмениваются за спиной дамы всезнайки взглядом, полным отчаяния.)

У вас, моя драгоценная, хватает здравого смысла ничего не знать. Вот почему вы все угадываете. Прощайте.

Об одной молоденькой девушке

— Покорить мужчину... — говорит она. — Но женщине не дано покорять. Она — существо пассивное. Она ждет нежных признаний... или обидных слов. Не ей же проявлять инициативу.

— Вы описываете видимость, а не реальность, — возражаю я. — Бернард Шоу уже давно написал, что если женщина и ждет нежных признаний, то так же, как паук ждет муху.

— Паук тклет паутину, — отвечает она, — а что, по-вашему, делать бедной девушке? Она или нравится, или нет. Коли она не нравится, ее жалкие старания не способны преобразить чувства мужчины. Думаю, она скорее добьется обратного: ничто так не раздражает юношу, как притязания девушки, к которой он равнодушен. Женщина, которая сама себя навязывает и делает первый шаг, добьется презрения мужчины, но не его любви.

— Это было бы верно, — говорю я, — если бы женщина действовала неумело и было бы очевидно, что инициатива исходит от нее; но искусство как раз в том и заключается, чтобы сделать первые шаги незаметно. «Она бежит под сень плакучих ив, но хочет, чтобы ее увидели...» Отступая, заманить противника — вот старая, проверенная военная хитрость, она немало послужила и девицам, и солдатам.

— Это и в самом деле испытанная хитрость, — соглашается она, — но, если у неприятеля нет ни малейшего желания преследовать меня, мое бегство ни к чему не приведет, я так и останусь в одиночестве под сенью плакучих ив.

— Вот тут-то вы, женщины, и должны постараться пробудить в мужчине желание преследовать вас. Для этого разработана целая тактика, и вам она знакома лучше, нежели мне. Надо ему кое-что позволить, притвориться, будто он вас сильно занимает,

потом неожиданно «все поломать» и решительно запретить ему то, что еще вчера он считал прочно завоеванным. Контрастный душ—встряска суровая, но под ним и любовь, и желание растут как на дрожжах.

— Вам-то легко говорить, — возражает она, — но такая тактика предполагает, во-первых, хладнокровие у той, что приводит замысел в исполнение (а как подвергнуть испытанию человека, чей голос заставляет вас трепетать?); во-вторых, необходимо, чтобы испытуемый мужчина уже начал обращать на нас внимание. В противном случае катайте, сколько хотите, клубок ниток, котенок отказывается играть.

— Ни за что не поверю, — говорю я, — что молоденькая и хорошенькая девушка не в силах заставить мужчину обратить на нее внимание; для начала достаточно завести речь о нем самом. Большинство представителей сильного пола кичатся своей специальностью. Терпеливо выслушивайте их разглагольствования о профессии и о них самих—этого вполне достаточно, чтобы они сочли вас умницей и почувствовали желание снова увидеться с вами.

— Стало быть, надо уметь и поскучать?

— А как же, — подтверждаю я. — Это уж само собой разумеется. Касается ли дело мужчин или женщин, любви или политики, в этом мире преуспеет тот, кто умеет и поскучать.

— Ну, тогда я предпочитаю не преуспевать, — замечает моя собеседница.

— Я тоже, — соглашаюсь я, — и, бог свидетель, уж в этом-то мы с вами преуспеем.

Вот такой разговор, *querida*¹, произошел у меня вчера с одной молоденькой девушкой. Ничего не поделаешь! Вас ведь рядом не было, а жить-то все-таки нужно. Прощайте.

О мужской половине рода человеческого

На днях я прочел в одной американской газете статью, которая бы вас позабавила. В ней одна американка обращается к своим сестрам, женщинам. «Вы сетуете на то, — пишет она, — что не можете найти себе мужа? Вы не обладаете той неотразимой красотой, к какой Голливуд, увы, приохотил наших мужчин? Вы ведете замкнутый образ жизни, редко бываете в обществе? Словом, у вас почти нет знакомых мужчин, а те, среди которых мог бы оказаться ваш избранник, не обращают на вас внимания?

¹ Дорогая (исп.).

Позвольте же дать вам несколько советов, которые мне самой очень пригодились. Я полагаю, что вы, как и многие из нас, живете в небольшом коттедже; вокруг — лужайка, неподалеку — другие такие же дома. По соседству с вами, без сомнения, обитает несколько холостяков.

— Ну конечно! — скажете вы мне. — Да только им и дела до меня нет.

— Так-так! Тут-то как раз и подойдет первый мой совет. Приставьте к стене своего домика лестницу; влезьте на крышу и принимайтесь за установку телевизионной антенны. Этого довольно. Тотчас же к вам устремятся, точно шершни, привлеченные горшочком меда, все мужчины, живущие окрест. Почему? Потому что они обожают технику, любят что-нибудь мастерить, потому что все они считают себя умелыми и искусными... а главное, потому, что им доставляет огромное удовольствие показать женщине свое превосходство.

— Да нет же! — скажут они вам. — Вы не знаете, как за это взяться. Позвольте-ка сделаю я...

Вы, разумеется, соглашаетесь и с восторгом взираете на то, как они работают. Вот вам и новые друзья, которые к тому же признательны вам за то, что вы дали им случай блеснуть.

Для стрижки газона, — продолжает американка, — у меня имеется каток с электрическим мотором; я без труда управляюсь с ним, двигаясь вдоль лужайки. До тех пор пока все в порядке, ни один мужчина не появляется на горизонте. Стоит же мне захотеть, чтобы соседи мною заинтересовались, нет ничего проще — я вывожу мотор из строя и делаю вид, будто озабоченно ищу причину поломки. Тут же справа от меня появляется один мужчина, вооруженный клещами, а слева другой, с ящиком инструментов в руках. Вот наши механики и в западне.

Та же самая игра на автостраде. Остановитесь, поднимите капот машины и наклонитесь с растерянным видом над свечами. Другие шершни, охочие до похвал, в свой черед остановятся и предложат вам свои неоценимые услуги. Имейте, однако, в виду, что замена колеса или накачивание шины для них занятие мало привлекательное. Эта работа хоть и нехитрая, но зато трудоемкая и почта не сулит. А для мужчины, владыки мира, самое главное — выказать свое всемогущество перед смиренными женщинами. Сколько подходящих женихов в одиночестве катят по дорогам и, сами того не подозревая, желают только одного — найти себе спутницу жизни вроде вас — простодушную, несведущую и готовую восхищаться ими! Дорога к сердцу мужчины, как вехами, отмечена автомашинами».

Я полагаю, что эти советы и впрямь полезны, когда речь идет

об американцах. Будут ли они столь же действенны применительно к французам? Пожалуй, нет; но у нас есть *свои* уязвимые места. Нам нравится восхищаться речами и звонкими фразами. Попросить профессионального совета у финансиста, политического деятеля, ученого — один из способов покорить мужчину, и он также рассчитан на неистребимое тщеславие мужской половины рода человеческого. Уроки ходьбы на лыжах, уроки плавания — превосходные силки для мужчин-спортсменов.

Гёте в свое время заметил, что нет ничего привлекательнее, чем занятия молодого человека с девушкой: ей нравится узнавать, а ему обучать. Это верно и по сей день. Сколько романов завязывается за переводами из латыни или за решением задачи по физике, когда пушистые волосы молоденькой ученицы касаются щеки ее юного наставника! Попросить, чтобы вам разъяснили сложную философскую проблему, слушать объяснение с задумчивым видом, повернув головку так, как вам особенно идет, затем проникновенно сказать, что вы все поняли, — кто способен устоять перед этим! Во Франции путь к сердцу мужчины проходит через его ум. Отыщу ли я путь к вашему сердцу? Прощайте.

О любви и браке во Франции

Чтобы лучше понять, каковы взгляды французов и француженок на любовь и брак, следует прежде вспомнить историю нежных чувств в нашей стране. В ней легко обнаружить два течения.

Первое, мощное течение — любовь возвышенная. Именно во Франции в средние века родилась куртуазная любовь. Поклонение женщине, желание ей понравиться, слагая песни и стихи (трубадуры) или совершая подвиги (рыцари), — неотъемлемые черты элиты французского общества той поры. Ни одна литература не придавала такого значения любви и страсти.

Однако наряду с этим течением существовало второе, весьма распространенное. Его описывает Рабле. Любовь плотская, чувственная выступает тут крупным планом. Брак при этом скорее вопрос не чувства, а лишь удобная форма совместной жизни, позволяющая растить детей и блюсти обоюдные интересы. У Мольера, например, муж — немного смешной персонаж, которого жена, если может, обманывает и который сам ищет любовных похождения на стороне.

В XIX веке господство зажиточной буржуазии, придававшей огромное значение деньгам и передаче их по наследству, привело к тому, что брак превратился в сделку, как это видно из книг Бальзака. В таком браке любовь могла родиться позднее — в ходе совместной жизни — из взаимных обязанностей супругов, вслед-

ствие сходства темпераментов, но это не считалось необходимым. Встречались и удачные браки, возникшие на основе трезвого расчета. Родители и нотариусы договаривались о приданом и об условиях брачного контракта прежде, чем молодые люди знакомились друг с другом.

Сегодня мы все это переменяли. Состояние теперь уже играет определяющей роли при выборе спутника жизни, так как образованная жена, которая служит, или муж с хорошей специальностью ценятся несравненно больше, чем приданое, чья стоимость может резко упасть. Возвышенные чувства, тяга к романтической любви — наследие прошлых веков — также утратили былое могущество. Почему? Во-первых, потому, что женщина, добившись равноправия, перестала быть для мужчины недостижимым, таинственным божеством, а стала товарищем; во-вторых, потому, что молоденькие девушки теперь немало знают о физической стороне любви и более верно и здраво смотрят на любовь и на брак.

Нельзя сказать, что юноши и девушки совсем не стремятся к любви; но они ищут ее в прочном браке. Они с опаской относятся к браку до страстной любви, так как знают — страсть не долговечна. Во времена Мольера брак знаменовал собою конец любви. Сегодня он — лишь ее начало. Удачный союз двоих сегодня более тесен, чем когда-либо, ибо это одновременно союз плоти, души и интеллекта. Во времена Бальзака мужа, влюбленного в свою жену, находили смешным. Сегодня развращенности больше на страницах романов, чем в жизни. Нынешний мир не прост, жизнь требует полной отдачи и от мужчин, и от женщин, а потому все больше и больше брак, скрепленный дружбой, взаимным тяготением и душевной привязанностью, представляется французкам лучшим решением проблемы любви. Прощайте.

Об относительности несчастий

Женщина, к которой я очень привязан, порвала вчера свое бархатное платье. Целый вечер длилась мучительная драма. Прежде всего, она не могла понять, каким образом возникла эта широкая поперечная прореха. Она допускала, что юбка была слишком узкой и при ходьбе... И все же до чего жестока судьба! Ведь то был ее самый очаровательный наряд, последний из тех, что она решила заказать знаменитому портному. Беда была непоправима.

— А почему бы не заштопать его?

— Ох уж эти мужчины! Ничего-то они не смыслят. Ведь шов сразу бросится в глаза.

— Купите немного черного бархата и замените полосу по всей ширине.

— Ну что вы говорите! Два куса бархата одного цвета всегда хоть немного да отличаются по оттенку. Черный бархат, который побывал в носке, приобретает зеленоватый отблеск. Это будет ужасно. Все мои приятельницы тут же все заметят, и пересудам не будет конца.

— Микеланджело умел извлекать пользу из прожилок и трещин в глыбе мрамора, которую получал для ваения. Он обращал эти изъяны материала в дополнительный источник красоты. Пусть же и вас вдохновит эта дыра. Проявите изобретательность, пустите сюда кусок совсем другой ткани. Подумают, что вы сделали это намеренно, и это вызовет восхищение.

— Какая наивность! Деталь, противоречащая целому, не оскорбит взора лишь в том случае, если какая-нибудь отделка того же тона и стиля будет напоминать о ней в другом месте—на отворотах жакета, на воротнике или на поясе. Но эта одинокая полоса... Нелепость! И разве могу я носить заштопанное платье?

Словом, мне пришлось согласиться с тем, что беда непоправима. И тогда утешитель уступил место моралисту.

— Пусть так! — воскликнул я. — И впрямь случилось несчастье. Но согласитесь по крайней мере, что это не худшая из бед. У вас порвалось платье? Примите заверения в моем глубоком сочувствии, но подумайте о том, что у вас мог быть пропорот живот или искромсано лицо во время автомобильной аварии; подумайте о том, что вы могли подхватить воспаление легких или отравиться, а ведь здоровье для вас важнее, чем одежда; подумайте о том, что вы могли лишиться не бархатного платья, а сразу нескольких друзей; подумайте, наконец, и о том, что мы живем в грозное время, что может разразиться война и тогда вас могут задержать, бросить в тюрьму, выслать, убить, разорвать на части, испепелить. Вспомните о том, что в тысяча девятьсот сороковом году вы потеряли не какое-то там тряпье, а все, что у вас было, причем встретили эту беду с мужеством, которым я до сих пор восхищаюсь...

— К чему вы клоните?

— Всего-навсего к тому, что человеческая жизнь трудна, бархат рвется, а люди умирают, что это весьма печально, но надо понимать, что несчастья бывают разного рода. «Я охотно возьму в свои руки защиту их нужд, — говорил Монтень, — но не хочу, чтобы эти нужды сидели у меня в печенках или стояли поперек горла». Он подразумевал: «Я, мэр города Бордо, охотно возьмусь исправить ущерб, причиненный вашей казне. Но я не хочу губить свое здоровье, убиваясь по этому поводу». Эти слова вполне применимы и к вашему случаю. Я охотно оплачу новое платье, но от-

казываюсь рассматривать утрату прежнего как национальную или вселенскую катастрофу.

Не переворачивайте же вверх дном, о моя незнакомая подруга, пирамиду горестей и не ставьте на одну доску подгоревший пирог, прохуdivшиеся чулки, гонения на ни в чем не повинных людей и цивилизацию, оказавшуюся под угрозой. Прощайте.

О детской впечатлительности

Взрослые слишком часто живут рядом с миром детей, не пытаясь понять его. А ребенок между тем пристально наблюдает за миром своих родителей; он старается постичь и оценить его; фразы, неосторожно произнесенные в присутствии малыша, подхватываются им, по-своему истолковываются и создают определенную картину мира, которая надолго сохранится в его воображении. Одна женщина говорит при своем восьмилетнем сыне: «Я скорее жена, нежели мать». Этим, сама того на желая, она, быть может, наносит ему рану, которая будет кровоточить чуть ли не всю его жизнь.

Преувеличение? Не думаю. Пессимистическое представление о мире, сложившееся у ребенка в детстве, возможно, в дальнейшем изменится к лучшему. Но процесс этот будет протекать мучительно и медленно. Напротив, если родителям удалось в ту пору, когда у ребенка еще только пробуждается сознание, внушить ему веру в незлобивость и отзывчивость людей, они тем самым помогли своим сыновьям или дочерям вырасти счастливыми. Различные события могут затем разочаровать тех, у кого было счастливое детство, раньше или позже они столкнутся с трагическими сторонами бытия и жестокими сторонами человеческой природы. Но против ожидания лучше перенесет всевозможные невзгоды как раз тот, чье детство было безмятежным и прошло в атмосфере любви и доверия к окружающим.

Мы произносим при детях фразы, которым не придаем значения, но им-то они представляются полными скрытого смысла. Одна учительница как-то поведала мне такую историю. Она попросила свою маленькую ученицу: «Раздвинь шторы, дай-ка появиться свету в нашей комнате». Та застыла в нерешительности.

— Я боюсь...

— Боишься? А почему?

— Но видите ли... я прочла в Священном писании, что едва Рахиль дала появиться на свет Вениамину, как тут же и умерла *.

Один мальчик постоянно слышал, как у них в доме называли каминные часы «Мария-Антуанетта», а мебель в гостиной — «Лю-

довик Шестнадцатый», и решил, что эти часы зовут Мария-Антуанетта подобно тому, как его самого зовут Франсуа. Можно себе представить, какие причудливые образы возникнут в его воображении, когда на первых же уроках французской истории имена, обозначающие для него предметы домашнего обихода, смешаются с кровавыми и печальными событиями.

Сколько невысказанных опасений, сколько невообразимых понятий роятся в детских головках! Я вспоминаю, что, когда мне было лет пять или шесть, в наш городок приехала на гастроли театральная труппа и повсюду были расклеены афиши с названием спектакля «Сюрпризы развода». Я не знал тогда, что значит слово «развод», но смутное предчувствие подсказывало мне, что это одно из тех запретных, притягательных и опасных слов, что приоткрывают завесу над тайнами взрослых. И вот в тот самый день, когда приехала эта труппа, городской парикмахер в приступе ревности несколько раз выстрелил из револьвера в свою жену. Об этом случае рассказали при мне. Каким образом возникла тогда в моем детском сознании связь между этими двумя столь далекими друг от друга фактами? Точно уж не помню. Но еще очень долго я думал, что развод — это такое преступление, когда муж убивает свою виновную жену, и что совершается оно прямо на глазах у зрителей на сцене театра в Пон-де-л'Эр.

Разумеется, и самые чуткие родители не в силах помешать зарождению сверхъестественных представлений и наивных догадок в головах их детей. Известно, что жизненный опыт так просто не передается, каждый самостоятельно усваивает уроки жизни, но остерегайтесь по крайней мере давать ребенку опасную пищу для воображения. Мы избавим своих детей от тяжелых переживаний, если будем все время помнить о том, что они обладают обостренным любопытством и гораздо впечатлительнее нас. Это — урок для матерей. Прощайте.

О правилах игры

Не знаю, слушаете ли вы иногда по радио передачу «Субботняя беседа». В ней участвуют Арман Салакру*, Ролан Манюэль*, Андре Шамсон*, Клод Мориак* и ваш покорный слуга. Мы говорим обо всем: о театре, о книжных новинках, полотнах художников, концертах и о самих себе. Словом, это настоящая беседа, заранее не отрепетированная, такая, какую могли бы вести пятеро Друзей за чашкой кофе. Сам я получаю от нее истинное наслаждение и всякий раз с радостью встречаюсь перед микрофоном с моими собеседниками. Ален говаривал, что дружба часто возникает в силу обстоятельств: в лицее, в полку; эти неизменные встречи тоже сдружили нас.

На днях Клод Мориак выдвинул тезис, на мой взгляд, верный. «Куртуазная любовь, описанная в рыцарских романах, — говорил он, — это своеобразная игра, правила которой ничуть не изменились со времен средневековых трактатов о любви. Они те же и в произведениях XVII века — в «Астрее» *, и в «Принцессе Клевской» *, и в произведениях романтиков, хотя и выражены там с большим пафосом; они же определяют поступки и речи Свана у Марселя Пруста. Традиция эта требует, чтобы любящие ревниво относились не только к телу, но и к помыслам друг друга; чтобы малейшее облачко на челе возлюбленной будило тревогу; чтобы всякая фраза любимого существа тщательно обдумывалась, а всякий поступок истолковывался; чтобы при одной мысли об измене человек бледнел. Мольер потешался над подобным выражением чувств; Пруст жалел страдальцев; однако несколько веков и писатели, и читающая публика не подвергали сомнению сами правила. В наши дни появилось новое веяние: молодые авторы уже не приемлют старых правил игры; это не значит, что они утратили интерес к этой теме, просто они изменили свод правил. О какой ревности может идти речь, когда женское тело доступно всеобщему обозрению на пляжах...»

Тут я прервал Мориака, чтобы процитировать одно из писем Виктора Гюго к невесте, которое и впрямь не могло бы быть написано в наши дни. В этом письме он сурово упрекает ее за то, что, боясь запачкать на улице платье, она слегка приподняла его и невольно приоткрыла свою лодыжку; это привело Гюго в такую ярость, что он был способен убить случайного прохожего, бросившего взгляд на ее белоснежный чулок, или наложить на себя руки. Правила игры для молодых писателей, кажется, таковы, что полностью исключают какую-либо ревность и позволяют цинично рассуждать об амурных похождениях той, которую любят. Все это никак не совместимо с требованиями куртуазной любви. Ибо это неповторимое чувство, возможное лишь «между двумя абонентами», как выражаются телефонисты, — удел только двоих.

На деле во второй половине современного романа влюбленные, как правило, открывают для себя любовь. Они как бы нехотя признают прелесть верности, сладость привязанности и даже терзания ревности. Но более сдержанные, чем герои у романтиков и даже у Пруста, они говорят о своих чувствах с деланным равнодушием и некоторой долей иронии, во всяком случае, так это выглядит на словах. Они относятся к Амуру с юмором. Это причудливое сочетание не лишено своей прелести.

Внове ли это? Я в этом не слишком уверен. Правила игры начиная с госпожи де Лафайет и до Луизы Вильморен никогда не были такими уж строгими. Англосаксы давным-давно отказались от открытого выражения своих самых пылких чувств. Наря-

ду с традицией куртуазной любви можно обнаружить и другую, идущую от эпохи Возрождения. Любовные истории в произведениях Бенвенуто Челлини и даже Ронсара выглядят не слишком-то романтически. Иные герои Стендаля или (в наши дни) Монтерлана следуют правилам любовной игры эпохи Возрождения, а не средневековых трактатов о любви. Эти правила нередко менялись, они будут меняться и в дальнейшем. Я жду от нынешнего молодого писателя нового «Адольфа» и нового «Свана». И предрекаю ему большой успех.

Ибо если правила игры и меняются, то ставка остается прежней. Ставка эта — вы, моя драгоценная. Прощайте.

Умение использовать смешные черты

Замечали ли вы, незнакомка души моей, что наши недостатки могут нравиться не меньше, чем достоинства? А порою даже и больше? Ведь достоинства, возвышая вас, унижают другого, между тем как недостатки, позволяя другим беззлобно посмеяться над вами, поднимают их в собственных глазах. Женщине прощают болтливость — ей не прощают ее правоту. Байрон оставил свою жену, которую он именовал «принцессой параллелограммов», ибо она была слишком пронизательна и умна. Греки недолюбливали Аристиду именно за то, что все называли его Справедливым*.

В своем произведении «Увиденные факты» Виктор Гюго рассказывает о некоем господине де Сальванди, чья политическая карьера была блистательна. Он сделался министром, академиком, посланником, был награжден большим крестом ордена Почетного легиона. Вы скажете: все это не бог весть что; но он ко всему еще пользовался успехом у женщин, а это уже многого стоит. Так вот, когда этот Сальванди впервые появился в свете, куда его ввела госпожа Гайль, знаменитая Софи Гэ воскликнула: «Но, дорогая, в вашем милом юноше так много смешного. Нужно заняться его манерами». «Боже упаси! — вскричала госпожа Гайль. — Не лишайте его своеобразия! Что же у него тогда останется? Ведь именно оно-то и приведет его к успеху...» Будущее подтвердило правоту госпожи Гайль.

Анри де Жувенель* когда-то рассказывал мне, что в молодости, когда он был журналистом, его поразили первые шаги в парламенте депутата от Кальвадоса, некоего Анри Шерона. У этого Шерона был большой живот, борода, и он носил старомодный сюртук; влезая на стол, он громко распевал «Марсельезу» и произносил высокопарные речи. Клемансо назначил его помощником военного министра, Шерон немедленно начал объезжать казармы и пробовать солдатскую пищу. Журналисты поте-

шались над ним; Жувенель подумал, что будет занятно написать о нем статью, и решил повидать Шерона. Тот встретил его с вызывающим видом.

— *Знаю, молодой человек!* — воскликнул он. — *Вы пожаловали, чтобы удостовериться в том, что я смешон... Ну как? Удостоверились?.. Да, я смешон... Но смешон-то я намеренно, ибо — запомните, молодой человек, — в этой завистливой стране казаться смешным — единственный безопасный способ прославиться.*

Эти слова восхитили бы Стендаля. Но не обязательно казаться смешным; вы, верно, и сами замечали, что некоторые причуды, оригинальная манера одеваться приносят мужчине или женщине больше славы, нежели талант. Тысячам людей, в жизни не читавшим Андре Жида, были знакомы его мексиканские фетровые шляпы и короткий плащ. Уинстон Черчилль — великий оратор, но он хорошо знал людей и весьма умело обыгрывал свою диковинную шляпу, непомерно толстые сигары, галстуки бабочкой и пальцы, раздвинутые буквой „V". Я знал некоего французского посла в Лондоне, который не мог произнести ни слова по-английски, но зато носил галстук в горошек, завязанный пышным бантом, что необыкновенно умиляло англичан. И он долго сохранял свой пост.

Последите за людьми, обедающими в ресторане. Кого лучше всего обслужат, кого будут усердно обхаживать метрдотели? Человека положительного, всем довольного? Вовсе нет. Клиента с причудами. Быть требовательным — значит заинтересовывать людей. *Мораль:* держите себя естественно и, если вам это присуще, чуть картинно. Вам будут за это признательны. Прощайте.

О сценах

Делаете ли вы сцены своему мужу и друзьям, сударыня? Хотя у вас вид Минервы, я крайне удивлюсь, если вы к ним не прибегаете. Сцена — излюбленное оружие женщин. Она позволяет им разом, путем короткой эмоциональной вспышки, полной негодования, добиться того, о чем бы они в спокойном состоянии тщетно просили целые месяцы и годы. Тем не менее они должны приноравливаться к мужчине, с которым имеют дело.

Встречаются такие легковозбудимые мужчины, которые получают от ссор удовольствие и могут своим поведением перещеголять даже женщину. Та же запальчивость сквозит в их ответах. Такие ссоры не обходятся без взаимных грубостей. После скандала накал слабеет, на душе у обоих становится легче и примирение бывает довольно нежным. Я знаю немало женщин, которые, устраивая сцены, не страшатся и побоев. Они даже

втайне жаждают их, но ни за что в том не признаются. «Ну, а если мне нравится, чтобы меня поколотили?» — вот ключ к этой непостижимой загадке. У женщин, ценящих в мужчине прежде всего силу — духовную и телесную, — оплеуха, которую им закатили, только подогревает чувство.

— *Какая мерзость!* — воскликнете вы. — *Мужчина, поднявший на меня руку, перестал бы для меня существовать.*

Вы искренне так думаете, но для полной уверенности вам нужно бы испытать себя. Если ваше омерзение подтвердится, это означает, что гордость в вас сильнее, чем чувственность.

Нормальный мужчина терпеть не может сцен. Они ставят его в унижительное положение, ибо он при этом, как правило, теряет инициативу. Да и может ли уравновешенный супруг успешно противостоять разъяренной пифии, которая со своего треножника обрушивает на него поток брани? Многие мужчины, стоит только разразиться буре, предпочитают удалиться или, развернув газету, перестают обращать внимание на происходящее.

Следует помнить, что бездарно разыгранная сцена быстро надоедает.

Уже само слово *сцена* нам многое объясняет. Оно позаимствовано у актеров. Для того чтобы произвести эффект, она должна быть мастерски разыграна. Начавшись с пустяков, только потому, что накопившееся раздражение требовало выхода, сцена должна постепенно набирать силу, питаясь всеми тягостными воспоминаниями, пополняясь давнишними обидами, наполняя все вокруг рыданиями. Затем — в подходящий момент — должен произойти перелом: стенания пошли на убыль, им на смену пришли задумчивость и тихая грусть, вот уже появилась первая улыбка и венец всему — взрыв сладострастия.

— Но чтобы так разыграть сцену, женщина должна действовать по заранее обдуманному плану и все время владеть собой...

Вы правы, сударыня. Ничего не поделаешь — театр! Талантливая актриса постоянно отдает себе отчет в том, что говорит и делает. Лучшие сцены — те, которые устраивают намеренно и тонко разыгрывают. Не только женщины владеют этим искусством. Выдающиеся полководцы — Наполеон, Лиоте — редко впадали в гнев, лишь тогда, когда полагали это необходимым. Но уж тогда их ярость сокрушала все преграды! Лиоте в приступе гнева швырял наземь свое маршальское кепи и топтал его. В подобные дни он еще утром говорил своему ординарцу:

— *Поддай-ка мне мое старое кепи.*

Берите с него пример. Берегите свое возмущение для важных обстоятельств: будьте пастырем ваших слез. Сцены только тогда эффективны, когда редки. В странах, где грозы гремят чуть ли не каждый день, на них никто не обращает внимания.

Не стану приводить в пример самого себя. По натуре я мало раздражителен, однако и я раз или два в году выхожу из себя, когда слишком уж возмутительная несправедливость или нелепость лишает меня обычного спокойствия. В такие дни мне все вокруг уступают. Неожиданность—один из залогов победы. Меньше сцен, сударыня, но с большим блеском! Прощайте.

О золотом гвозде

Наконец-то вы мне ответили! О, разумеется, не назвав себя. Незнакомка по-прежнему остается для меня знакомкой. Но мне теперь знаком по крайней мере ваш почерк, и он мне нравится. Прямые, четкие, разборчивые буквы—почерк порядочного человека. И порядочной женщины? Возможно! Но в своем письме вы задаете мне необычный вопрос.

«Уже пять лет, — пишете вы, — у меня есть нежный и умный друг. Он бывает у меня почти каждый день, советует, какие книги читать, что смотреть в театре, словом, заполняет мой досуг самым приятным образом. Мы никогда не переходили границ дружбы; у меня нет желания стать его любовницей, однако он добивается этого, настаивает, просто терзает меня; он утверждает, что во мне больше гордыни, чем страсти, что он невыносимо страдает, что так дольше продолжаться не может и он в конце концов перестанет видеться со мною. Следует ли уступить этому шантажу? Слово гадкое, но точное, ибо он прекрасно знает, что его дружба мне необходима. Видимо, он недостаточно ценит мою дружбу, раз добивается чего-то другого?..»

— Не знаю, сударыня, читали ли вы повесть «Золотой гвоздь» Сент-Бёва *. Он написал ее, чтобы покорить женщину, по отношению к которой находился в том же положении, в каком находится ваш друг по отношению к вам. Прелестная молодая женщина, слегка походившая на Диану-охотницу, не имевшая детей, выглядевшая моложе своих лет, обрекала его на муку, отказывая в последнем даре любви; он искусными доводами стремился добиться столь возжеленной милости. «Обладать к тридцати пяти — сорока годам — пусть всего лишь раз — женщиной, которую ты давно знаешь и любишь, — это то, что я называю вбить вместе золотой гвоздь дружбы».

Сент-Бёв считал, что нежность, скрепленная этим «золотым гвоздем», сохраняется затем на протяжении всей жизни надежнее, чем чувство, основанное просто на признательности, дружеской привязанности или общности интересов. В подтверждение своего мнения он приводил слова одного превосходного писателя XVIII века: «После интимной близости, длившейся какие-нибудь чет-

верть часа, между двумя людьми, питающими даже не любовь, а хотя бы тяготение друг к другу, возникает такое доверие, такая легкость общения, такое нежное внимание друг к другу, какие не появятся и после десятилетней прочной дружбы».

Эта проблема «золотого гвоздя» стоит теперь и перед вами, сударыня. Насколько я понимаю, ваш друг ставит вопрос так же, как ставил его Сент-Бёв во времена Софи Луаре д'Арбувиль; мужчина и впрямь испытывает танталовы муки, сталкиваясь с кокеткой (быть может, даже не отдающей себе в том отчета), которая непрестанно сулит ему блаженство, но оставляет алчущим. И все же я не верю в «золотой гвоздь». Первый опыт редко бывает самым удачным. Так что потребуется целая доска, утыканная подобными гвоздями.

По правде сказать, если бы ваш друг страдал так сильно, как утверждает, он бы уже давным-давно преодолел ваше сопротивление. Женщины интуитивно угадывают чувствительных мужчин, с которыми можно остаться на дружеской ноге. И хотя это их самих несколько и удивляет (одна англичанка так объясняла мне суть платонической любви: «Она пытается понять, чего же он хочет, а он ничего не хочет»), все же они вполне довольны и даже злоупотребляют созданным положением. Стоит, однако, появиться настоящему любовнику, и прощайте «дружеские призраки». С того самого дня, когда Шатобриан добился своего, Жюльетта Рекамье * принадлежала лишь ему одному. Долгое время она пыталась сохранить цветы любви нетронутыми, но позднее убедилась, что и плоды хороши. Если можете, извлеките из этого полезный урок. Самые лучшие оракулы извяснялись загадками. Прощайте.

О прибытии лектора

— Думаешь, это он?

— Уверен.

— С виду он, однако, не похож на писателя.

— У него вид озабоченного человека... Он ищет нас... Здравствуйте, дорогой мэтр.

— А! Здравствуйте... Вы — господин Бернар?

— Он самый. А это моя супруга... Она все никак не хотела поверить в то, что вы — это вы... Вы кажетесь старше, чем на фотографиях... Поездка вас не слишком утомила?

— Устал как собака... Целый день в дороге... Сомнительный обед... Словом... Но у меня еще целых два часа до начала лекции, так что успею отдохнуть.

— Положим, двух часов у вас нет... Перед тем как проводить вас в гостиницу, я хотел бы показать вам зал... Вам будет приятно увидеть его.

— Право же, нет... Ведь он от этого лучше не станет...

— Крайне огорчен, дорогой мэтр, но нам необходимо туда взглянуть. Я условился о встрече с господином Блавским, владельцем кинотеатра; он ждет нас... А господин Блавский человек необыкновенно обидчивый... К тому же, дорогой мэтр, лучше, чтобы я на месте вам кое-что разъяснил... Зал у нас большой, но акустика в нем неважная... Говорить следует очень громко и все время держаться возле стола, чуть повернувшись влево...

— Надеюсь по крайней мере, что сцена у вас отапливается, я недавно переболел гриппом, и мой доктор...

— Увы, нет. Центральное отопление, конечно, есть, но оно не действует... Впрочем, когда зал полон, он быстро нагревается... На беду, нынче вечером нас будет не слишком много.

— Что, мало продали билетов?

— Очень мало, дорогой мэтр... Всего двадцать пять или тридцать... Но не тревожьтесь; когда я узнал об этой задаче, я велел разослать бесплатные входные билеты по школам и казармам, чтобы зал не казался таким уж пустым.

— У вас всегда так?

— О нет, уважаемый мэтр, случилось, лекции проходили с большим успехом... Однако нынче вечером в концертном зале мэрии играет Жак Тибо *, а в Муниципальном театре дают «Трудные времена» * в исполнении Гастролирующей здесь труппы Баре... Так что лекция, естественно...

— А вы не могли предварительно сговориться с организаторами концертов и с директором театра?

— Тут в некотором роде вопрос политики, уважаемый мэтр... Вы ведь сами знаете, что такое местные распри... Так или иначе, мы все равно не собрали бы много публики... Тема лекции — «Романы Стендаля» — мало кого привлекает... Не хотел бы вас расстраивать, дорогой мэтр, но согласитесь... Нет, в наших местах нравятся лекции на другие темы, например «Песня в 1900 году» с прослушиванием пластинок или, скажем, «Любовь в Турции»... Впрочем, я не сомневаюсь, что все будет прекрасно и те, кто придет, не пожалеют... Вот только для нашего общества это несколько накладно, оно ведь не богато.

— Я крайне огорчен... По правде говоря, прочитав на бланке вашего приглашения, что вы именуете себя Литературно-художественным обществом, я решил, что Стендаль...

— Сейчас я вам все объясню... Литературное общество — это группа друзей, которой я руковожу; каждая лекция дает нам приятную возможность ближе познакомиться с человеком знаменитым... или хотя бы известным... Например, нынче вечером, даже если лекция не будет иметь особого успеха, мы будем просто счастливы поужинать с вами...

— Как? Будет еще и ужин?

— Да, дорогой мэтр, в половине восьмого.

— Но я никогда не ем перед лекцией.

— А это уж как вам будет угодно, дорогой мэтр... Мы станем есть, а вы — говорить.

— Ужин в половине восьмого?.. Но ведь скоро уже семь! Могли бы по крайней мере остаться в дорожном платье?

— Члены общества будут в костюмах, но лектор облачается в смокинг... Так уж здесь заведено... Впрочем, времени у вас достаточно... Лекция назначена на половину девятого, но публика у нас весьма непунктуальная... Если мы начнем в четверть десятого, большая часть ваших слушателей все равно явится позднее.

— Стало быть, я буду свободен в четверть одиннадцатого?

— Да, но после лекции многие наверняка обратятся к вам с просьбой надписать им книги... А затем в одиннадцать часов господин Перш собирается предложить вам бокал-другой шампанского.

— Кто он, этот господин Перш?

— Как, дорогой мэтр?.. Вы не знакомы с господином Першем?.. А он сказал нам, что вы с ним друзья детства. Вы, мол, вместе учились в шестом классе.

— Раз он так сказал, стало быть, так оно и есть... Но умоляю вас, упростите господина Перша отказаться во имя нашей старой дружбы от столь великодушного намерения... Я нуждаюсь в отдыхе.

— Невозможно, дорогой мэтр... Господин Перш — один из наших меценатов... А вот и зал... Нет, это афиша кинофильма...

Нужно вам признаться, *querida*, что на этой неделе я ездил читать лекции и возвратился в полном изнеможении. Прощайте.

О холостяках

В свое время я знавал старика министра, который охотно повторял, что человек действия ни в коем случае не должен жениться. «Проанализируйте факты, — говорил он мне. — Почему я в ходе трудной политической карьеры сохранил спокойствие и ясность духа? Потому что вечером после целого дня борьбы у меня была возможность раскрыть книгу и забыться; потому что возле меня не было честолюбивой и завистливой жены, готовой постоянно напоминать мне об успехах моих коллег или пересказывать те гадости, что говорили обо мне в светских гостиных... Блажен одинокий мужчина».

Он меня так и не убедил. Я отлично понимаю, что плечи холостяка не обременены дополнительной ношей. Он избавлен от

домашних забот, от семейных дразг. Ему не угрожает опасность, что в решительный для него день он будет внезапно выбит из колеи болезнью ребенка или семейной ссорой. Но так ли уж свободен холостяк от женских капризов? Если только он не святой, в его жизни непременно будет какая-нибудь женщина, а любовница куда более опасна, чем законная супруга.

У жены по крайней мере общие с мужем интересы. Она составила с ним и научилась его понимать. Любовница же, выбранная за молодость и красоту, будет вызывать тревогу у человека в летах. Разумеется, нет правил без исключений. Выдающаяся американская актриса Рут Дрейпер в очень тонкой комедии показала, как складывается жизнь делового мужчины, разрывающегося между постылой женой, деятельной секретаршей и любовницей, которая покоит и нежит его. В жизни все бывает, и законная жена иногда — постоянный раздражитель. Но в действительности это бывает довольно редко. Обратитесь к истории. В Англии почти все выдающиеся государственные деятели были женаты. Леди Пиль, леди Биконсфилд, миссис Гладстон были превосходными женами. Во Франции Гизо, Тьер, Пуанкаре, словом, все наиболее «важные» государственные деятели также были женаты. Правда, Гамбетта и Бриан в браке не состояли. Но как знать, будь Гамбетта и Бриан женаты, не сыграли ли бы они еще более важной роли?

Холостяку всегда будет присуща некая неполноценность: его взгляд на целую половину рода человеческого останется либо романтическим, либо критическим. Прибавьте к этому, что у него никогда не будет случая наблюдать вблизи детей, следить за их воспитанием, понять их. Так можно ли считать его вполне полноценным? Монтерлан в своем прекрасном романе «Холостяки» * с необычайной силой описал свойственное почти каждому холостяку незнание реальной жизни: его мир искусственно сузен и напоминает мячик на резинке, который, отскакивая, всегда возвращается на одно и то же место. На это можно возразить, что Бальзак большую часть своей жизни был холост, а между тем никто лучше его не описал сцен семейной жизни. Это верно, но ведь то Бальзак, ему было достаточно десяти фраз, чтобы воссоздать атмосферу жизни супружеской четы. Обыкновенному человеку пятидесяти лет едва хватает на то, чтобы понять одну-единственную женщину — свою собственную жену. Прощайте.

О романах

Вы спрашиваете меня, как пишутся романы? Если бы я знал это, сударыня, я бы их не писал. Это вовсе не шутка. Я подразу-

меваю, что всякий романист, чересчур хорошо разбирающийся в технике своего ремесла, — грешник.

Существуют романы, так сказать, сработанные. Писатель стремится утвердить определенный тезис. Такой-то персонаж воплотит Зло (вероломный негодяй в мелодраме, «мерзавец» в экзистенциалистском романе); другие — Добродетель, Свободу, Веру или Революцию (характер героев меняется вместе с эпохой). В конце концов Добро так или иначе одержит победу, а романист потерпит поражение.

Другой писатель пользуется только своим «фирменным» рецептом: «Возьмите юную девицу попрелестней. После величайших невзгод дайте ей возможность встретить своего суженого. Изберите ей в соперницы роковую женщину. Длительная борьба. Многочисленные перипетии. В последнюю минуту торжествует целомудрие. Сдаб्रивайте все это чувственностью в различных дозах, помня о вкусах читающей публики. Употребляйте рецепт всю свою жизнь. На двадцатом варианте ваше благосостояние упрочено».

Третий автор избирает историческую тему, как правило, эпоху, отмеченную трагизмом и свободой нравов. (Темницы времен Французской революции — особенно подходящий фон для действия: любовные истории соседствуют здесь с гильотиной; войны наполеоновской империи также годятся — тут победы над врагами чередуются с победами над женщинами; неплохой материал представляют и другие эпохи: Реставрация в Англии сопровождалась распущенностью, царствование Людовика XV или времена регентства знамениты Оленьим парком и ужинами в узком кругу, Вторая империя прославилась куртизанками.) Определив время действия, автор поселяет в книге столь же циничную и жестокую, сколь и неотразимую героиню и через каждые тридцать страниц укладывает эту обольстительную особу в постель с очередным любовником. Тираж в сто тысяч экземпляров обеспечен! Меняйте век каждые три тома.

По этим рецептам создают состояния, но не шедевры. Источники красоты бьют из глубины, они окутаны тайной. Настоящий роман отвечает внутренней потребности его создателя. Стендалю, Бальзаку нравилось сочинять произведения, позволявшие им как бы прожить свою жизнь сызнова, под другой личиной. Фабрицио в «Пармской обители» — это Стендаль, будь он юным красавцем, итальянским аристократом; Люсьен Левен — это Стендаль — красавец-лейтенант, отпрыск богатого банкира. «Писатель по мере возможности вознаграждает себя за несправедливость судьбы». Иногда бывает трудно заглянуть под маску. «Госпожа Бовари — это я», — говорил Флобер. Именно поэтому «Госпожа Бовари» — шедевр.

Как романист узнает, что нужный ему сюжет найден? А вот как: если обдумывая его, он испытывает волнение. Если тема за-

трагивает чувствительные струны его души, вызывает мучительное или опьяняющее воспоминание, есть шанс, что будущая книга получится превосходной. И если будут соблюдены еще два непременных условия. Нужно немного отойти от событий, или, как говорил Бальзак, нужно, чтобы все хорошенько отстоялось. «Поэзия — это такое переживание, о котором вспоминают, уже успокоившись». Если вы только что потеряли возлюбленную, не садитесь сразу за роман. Рана еще кровоточит, ее нужно перевязать, а не бередить. Когда она затянется, вы испытаете горькое удовольствие, прикоснувшись к ней. Боль будет не настолько сильна, чтобы исторгнуть у вас стон, но рана будет еще достаточно ныть, чтобы побудить вас запеть. Слово «запеть» применимо не только к поэту, но и к романисту.

Второе условие: события романа должны иметь косвенное отношение к вашей собственной жизни. Если вам, прелестная незнакомка, захочется написать роман, не излагайте в нем историю вашей жизни без изменений. Известная степень стыдливости предостережет вас от этого, по крайней мере я уповаю на это. Поведайте о судьбе, близкой вашей, — это позволит вам высказать свои чувства и одновременно сохранить иллюзию, будто вас прикрывает маска. А если вы преуспеете, не присылайте мне свою рукопись. Я наверняка ее потеряю. Прощайте.

О минуте, определяющей судьбу

Неправда, прекрасная незнакомка, будто жизнь каждого из нас уже с самого нашего появления на свет или даже от века целиком и полностью предопределена силой, которую нельзя ни понять, ни сломить. В какой-то мере это несомненно так. Родись вы дурнушкой, жизнь ваша была бы иной, а ваша красота — результат сочетания хромосом ваших родителей, повлиять на который не в ваших силах. К этому надо добавить, что лицо в наши дни может изменить к лучшему хирург, что обаяние и ум красят людей и что душевный покой читается в чертах. Кому принадлежат слова о том, что после сорока лет всякий человек ответственен за свое лицо? Человеческая способность «подправлять судьбу» коренится прежде всего в том, как мы реагируем на события.

События эти идут своим чередом. Кто-то любит вас и вам в этом признается. Но война похищает его у вас; экономический кризис разоряет его; в его жизнь вторгается другая женщина. Таковы факты. Но не в этих голых фактах причина ваших невзгод или вашего счастья. Каково будет ваше поведение перед лицом этих событий? Вот вопрос вопросов. Во многих ситуациях бывает

такая минута — единственная, — когда от принятого вами решения будет зависеть весь ход вашей жизни. Я именую ее *минутой, определяющей судьбу*. Почему речь идет всего лишь об одной минуте? Так уж устроен мир. Благоприятный случай редко представляется дважды.

На войне бывает именно так. Сражение на Марне было единственным шансом изменить ход войны, и реализовать его нужно было мгновенно. Фон Клок продвигался вперед слишком быстро. Жоффри и Гальени сумели этим воспользоваться. В тот день, хотя об этом еще никто не подозревал, Германия проиграла войну. То же самое происходит и в «войне» полов. Однажды наступает такой миг, когда мужчина, который уже давно ухаживает за женщиной, внезапно замечает в ее глазах что-то кроткое и беспомощное: это — предвестие его победы. Множество причин сыграли тут свою роль: благоприятный случай, отсутствие посторонних, тон беседы, предгрозы, прочитанная книга, какой-нибудь жест. Словом, она — в его власти.

Но если в этот единственный, благословенный вечер мы упустим случай, подумав, что он не раз еще повторится и при более благоприятных обстоятельствах, мы потеряем выпавший на нашу долю шанс, причем навсегда. Женщина или спохватится, или вспомнит о возможных опасностях, или начнет презирать нас за нерешительность. А главное — она выйдет из-под влияния необычайного стечения обстоятельств, склонившего ее к капитуляции. Сегодня победа не требовала усилий, не вызвала сомнений; завтра она будет недостижима.

Я размышлял о такой минуте, определяющей судьбу, перечитывая вчера превосходный роман Мередита «Трагические комедианты». Это — жизнеописание Фердинанда Лассалья *, немецкого социалиста и трибуна, полюбившего юную девушку благородного происхождения и сумевшего покорить ее своею красотой и талантом, несмотря на то что она уже была невестой другого. Однажды она сказала ему: «В моей семье относятся к вам с неприязнью; убежим вместе!» Он медлил: «Зачем омрачать вашу жизнь скандалом? Потерпим несколько месяцев, и мы поженемся с согласия ваших родителей». Он так никогда и не получил ни согласия, ни жены; он был убит на дуэли женихом девушки, О, причудливая игра гордости и страсти! Злосчастный Лассаль погиб нелепо, защищая свою честь; возлюбленная оплакала его, но было уже слишком поздно, затем она вышла замуж за убийцу.

Слишком поздно. Остерегайтесь, сударыня, стать жертвой этих ужасных слов. Мне знаком и другой подобный случай: во время последней войны одна женщина получила от любившего ее офицера предложение выйти за него замуж. Она попросила всего од-

ну ночь на размышление и на следующий день написала ему, что согласна. Однако в тот день, 10 мая 1940 года, началось немецкое наступление. Офицер был послан на фронт, ее письмо затерялось. Придя в отчаяние из-за двойного краха — своей страны и своего чувства, — он принялся ухаживать за Смертью. Эта податливая особа, как правило, не оставляет без внимания своих кавалеров... Горькие раскаяния, сожаления стали уделом той женщины. Ибо она всегда желала этого брака и попросила отсрочки лишь из чувства приличия и самолюбия. Не лучше ли было тотчас же ответить «да»?

Мораль: Ответьте мне без промедления. Прощайте.

Одеть тех, кто гол

Известный английский писатель Джордж Мур * рассказал мне однажды, что, обнаружив в книге американского романиста Генри Джеймса фразу: «Я увидел на пляже совершенно раздетую женщину», он спросил: «Почему «раздетую», Генри? Здесь больше подходит слово «голую». От природы человек гол, одежда появляется потом». Высокопарный и важный Джеймс ненадолго задумался, а затем ответил: «Вы ошибаетесь, Мур. Для жителя цивилизованной страны естественное состояние — быть одетым. Нагота аномальна».

То же самое мнение встретил я и в одном, вероятно уже забытом эссе Ален-Фурнье. Привожу его рассуждение: «Ныне женское тело — уже не тот языческий кумир, не та нагая гетера, которую Пьер Луи откопал в далекой Древней Греции *». Платье, юбка, корсаж сделались для христианского мальчугана, о котором говорится в эссе, сутью женского тела. «Мы не узнаем лучше это тело, лишив его всех покровов; вот уже много веков под влиянием климатических условий нашей страны его укутывали в одежды; с раннего детства мы привыкли видеть женскую фигуру в одежде».

И даже нагое женское тело, по мнению Ален-Фурнье, не воспринимается отдельно от одежды со всеми ее атрибутами. «Целомудренные и строгие покровы на средневековых витражах придали женскому телу свою форму; оно выглядит в них скованным, тонченным, почти бесплотным».

Это было написано в начале века. С тех пор многое изменилось: пляжи усеялись голыми телами, киноэкран приоткрыл для многих тысяч зрителей кулисы конкурсов красоты, и скульптурная нагота греческих нимф перестала быть для нашего современника абстракцией. Впрочем, вольность — это понятие относительное. Один народ терпимо относится к обнаженному телу,

а другой нет. Андре Бийи опубликовал небольшую книжку, озаглавленную «Стыдливость», в которой собрал различные высказывания, показывающие, как менялось это понятие. Естественна ли стыдливость? Нет, животным она не свойственна. Многие из них прячутся, предаваясь любви, как прячутся хищные птицы, утоляя жажду, но поступают так потому, что в это время уязвимы для врагов. Стыд за свое тело им чужд.

Почему же стыдлив человек? Отчасти потому, что для него не существует определенной поры любви, и, будь все нагими, человеческое общество оказалось бы в затруднительном положении. А какие ужасные отношения царили бы в семьях, не обладай люди чувством стыдливости. Нагота будит неуправляемые эмоции. Целомудренные одежды их умеряют.

— Не думаете ли вы, что привычка уничтожит соблазн? — спросят меня. — Кто, находясь на пляже, обращает внимание на женские бедра и плечи, многие из которых совершенны по форме?

— Пляж — это место, где можно отдохнуть и почувствовать себя раскованно, там нельзя ни трудиться, ни мыслить.

Андре Бийи внушает нам, что причина того, что женщины одеваются, в другом: это — их стремление отстоять свой престиж. «Запрет подстегивает желание; именно он придает соусу остроту» — считает Монтень. А вот мнение Стендаля: «Стыдливость льстит любовнику. Он говорит себе: «Как она любит! Какую стыдливость преодолевает ради меня!» Бийи заключает: «Женщина, в которой я угадываю стыдливость, пробуждает во мне интерес, ибо я угадываю, что стыдливость эта — верный признак натуры романтической и меланхоличной... Женщина, дорожащая тайнами своего тела, не станет размениваться и в чувствах». Мне по душе эта точка зрения; гораздо приятнее быть любимым такой дикаркой, как госпожа де Реналь, преодолевающей сильное внутреннее сопротивление, нежели графиней де Кастильоне, которая охотно показывает свое тело друзьям, точно демонстрирует произведение искусства.

Другая гипотеза: стыдливость проистекает из боязни обнаружить изъяны фигуры. Верно ли это? Замечали ли вы, сударыня, что хорошо сложенные женщины менее стыдливы? Мне такая точка зрения кажется узкой и несправедливой. Женщина, остающаяся целомудренной в силу воспитания или из религиозных убеждений, пребудет такой, несмотря на совершенство своих форм. Да, действительно, наготу нельзя признать естественным состоянием человека. «Невозможно представить себе, — говорил грозный Свифт, — парламент, где заседают голые депутаты». Не желаю вам лицезреть подобное зрелище. Прощайте.

Мрачный рубеж

Все в мире движется, в том числе и время; наступает пора, когда человек замечает впереди мрачный рубеж, предупреждающий его о том, что первая молодость безвозвратно ушла. Конрад, которому принадлежит эта фраза, приурочивает мрачный рубеж к сорокалетнему возрасту. Эмиль Анрио в своем превосходном романе «Все вот-вот кончится» * относит его ближе к пятидесяти годам, и я полагаю, что прав именно он. Его герой описывает «то мучительное ощущение, когда тебе кажется, будто ты скользишь вниз по откосу, все усилия остановиться тщетны и ты неумолимо катишься к смерти»...

— Вы, верно, скажете, что я страдаю неврастенией, — говорит он своему врачу. — Нет, это другое. Всю жизнь, доктор, я был неисправимым оптимистом. Я терпеть не могу жаловаться, не выношу, когда меня утешают. Но, по правде говоря, со мной что-то неладно.

— Сколько вам лет? — спрашивает врач.

— Сорок восемь, скоро сорок девять...

— Да, это начинается приблизительно в таком возрасте...

Думаю, что большая часть людей, и даже те, что производят впечатление победителей, испытывают приступ отчаяния в ту пору, когда им приходится пересекать этот мрачный рубеж. Какой бы состоявшейся ни была чья-нибудь жизнь, непременно существует огромная разница между тем, о чем мечталось в юности, и тем, что получилось. Ни один из нас не шествует по избранному пути, не отклоняясь и не сворачивая. Как молекулы газа под воздействием бесчисленных толчков вынуждены каждый миг менять свою траекторию, так и люди постоянно испытывают влияние случайностей.

«Что бы ни произошло, — заявляет юноша, — я никогда не совершу такой-то поступок...» Повидайтесь-ка с ним лет этак через тридцать. Как раз этот-то поступок он и совершил. «Я ни за что не соглашусь быть обманутой женой и мириться с этим», — тридцать лет тому назад объявила красивая молодая девушка. Теперь она — отяжелевшая, седеющая матрона, которую совсем забросил муж и которая постепенно перестала обращать на это внимание.

«Мне скоро исполнится пятьдесят», — с грустью написал Стендаль и вслед за тем стал перечислять женщин, которых любил. Хотя он и пытался строить иллюзии, все эти женщины были ничем не примечательны. В двадцать лет он грезил о большой любви, о встречах с женщинами незаурядными. Он заслужил это своей нежностью, своим редким пониманием любви, своим гордым нравом. Но героини, о которых он мечтал, не появились, и, не имея случая пережить свои романы, Стендаль удовольство-

вался тем, что описал их. И только оставив позади мрачный рубеж, он оплакал большую любовь, так и не встретившуюся на его пути.

«Мне недавно стукнуло пятьдесят», — думает писатель. А что он успел создать? Что сумел выразить? Ему чудится, что все еще предстоит высказать и что лишь теперь он начинает провидеть книги, которые нужно было бы написать. Но сколько лет для работы ему отпущено? Сердце бьется слабее, отказывают глаза. Десять лет? Пятнадцать? «Искусство бесконечно, жизнь коротка». Эта фраза, которая когда-то казалась ему банальной, неожиданно обретает глубокий смысл. Достанет ли сил, чтобы вслед за Прустом отправиться на поиски утраченного времени?

Молодые люди, с такой легкостью расточающие часы и минуты, должны хотя бы изредка задумываться над существованием этого мрачного рубежа, который им, как и нам, предстоит когда-нибудь пересечь. А что до вас, *querida*...

Впрочем, женщины, кажется, и не задумываются над этим. Прощайте.

О несовместимости в браке

Несовместимость — это противоположность характеров и темпераментов, которая приводит к тому, что два человека не могут прийти к согласию и уж тем более жить вместе. Для того чтобы несовместимость действительно возникла, эта противоположность должна быть непримиримой; если бы она не была таковой, ее не назвали бы несовместимостью. Бывают случаи, когда в первую пору супружества взаимное привыкание не то чтобы невозможно, но очень затруднительно. Иногда это происходит потому, что между супругами нет любви. Мужчина и женщина заключили брак по рассудку; каждый привык к одиночеству и самостоятельности; оба плохо переносят внезапно возникшую необходимость считаться с желаниями и капризами другого. Любовь сделала бы эту жертву легкой, и новые привычки не замедлили бы явиться. Если же любви нет с самого начала, взаимное сопротивление супругов проявляется сильнее. И все-таки, если в ходе совместной жизни рождается взаимное влечение или же благоразумие играет роль миротворца, все улаживается. Но если после нескольких месяцев или даже нескольких лет брака обнаруживается, что время ничего не меняет к лучшему, ибо противоположность супругов пустила слишком глубокие корни, вот тогда-то несовместимость можно назвать полной.

Причины тут могут быть самые разные. Прежде *всего* — *противоположность вкусов*. Для того чтобы муж и жена приноровились к совместной жизни, нужно, чтобы между ними существовало хотя бы минимальное сходство. Поразмышляйте над замужеством

Жорж Санд. Совсем еще юной — в восемнадцать лет — она выходит замуж за барона Казимира Дюдевана. Он славный малый и хочет сделать ее счастливой, она со своей стороны вступает в брак с самыми лучшими намерениями. Однако она — женщина образованная, страстная любительница литературы и музыки. А Казимир, раскрыв книгу, тотчас же засыпает. Но он восхищается женой и потому изо всех сил старается ей понравиться. Она советует ему прочесть Паскаля? Ну что ж, он попробует. Увы! Книга выпадает у него из рук, а жена проникается к нему презрением.

Кроме того, она прочла множество романов и полагает, что жизнь должна походить на них; она жаждет страстной любви и ждет, чтобы любовь эта выражалась самым возвышенным образом. Бедному Казимиру язык нежной страсти не знаком. Для него любовь в браке — это естественное право супруга. Муж заключает жену в объятия, и этим все сказано. Несовместимость? Да. Нетрудно предсказать, что, хотя с обеих сторон проявлено достаточно доброй воли, этот брачный корабль потерпит крушение, налетев на первый же риф, а таким рифом станет какой-нибудь романтический молодой человек.

В некоторых случаях противоположность между супругами коенится не в разнице их интеллектуального или эмоционального уровня. В ее основе лежит *различие привычек*. Муж был воспитан бережливыми и осмотрительными родителями, жена — матерью безрассудной и ведущей довольно беспорядочный образ жизни. Молодая жена не приучена вести домашнее хозяйство, необходимость подсчитывать расходы нагоняет на нее тоску, понятие «семейного бюджета» для нее звук пустой. Конфликтов в доме не избежать — они будут возникать беспрестанно и вскоре станут весьма неприятными. Муж будет настаивать на том, чтобы все доходы и расходы записывались и приводились в соответствие, жена сочтет это за проявление мелочной тирании и жадности. Если ни один из них не изменит своих привычек, эти ссоры могут породить несовместимость. То же самое произойдет, если *жизненный ритм* у обоих супругов слишком различен. Вообразите себе мужа деятельного, энергичного, у которого все в руках горит, который стремится заполнить жизнь всевозможными занятиями, различными интересами, любит путешествовать, веселиться, — и впрягите его в одну упряжку с флегматичной, вялой, медлительной женой, постоянно жалующейся на усталость и жаждущей покоя. Он всегда точен, вплоть до минуты, она же вечно опаздывает, не ценит времени. Как избежать столкновений, которые возникнут из-за подобного несходства жизненного ритма? Быть может, путем взаимной терпимости, но без страданий все равно не обойтись. Если не установится общий — взаимоприемлемый — образ

жизни, если близость не цементирует чету столь непохожих людей, несовместимость налицо.

Большая опасность для брака возникает и тогда, когда супруги, у которых более или менее схожие характеры и вкусы, приносят в совместную жизнь совершенно противоположные *политические взгляды или религиозные убеждения*. Бывают эпохи, когда этому не придают большого значения, но такие периоды редки и длятся недолго. Наше время требует, чтобы каждый человек занял в жизни определенную позицию. Разумеется, можно допустить, что набожная жена будет снисходительна к неверующему мужу или что муж-социалист будет терпим к консервативно настроенной жене. Но будет ли эта снисходительность долговечна? Убеждения одного из супругов повлекут за собой и определенные поступки, которые вызовут осуждение другого. Определенная политическая ориентация приводит к появлению целого круга друзей из числа единомышленников. Друзья одного из супругов станут врагами другого. Сильная любовь и в этом случае может со временем послужить сближению взглядов мужа и жены. При отсутствии этого «нежного» арбитра лучше не отваживаться на риск. Вступайте в брак с мужчиной (или женщиной), взгляды которого на важнейшие проблемы жизни пусть и не до конца, но совпадают с вашими. В противном случае вас подстерегает несовместимость. Прощайте.

Театральные истории

Любите ли вы актеров, сударыня? Сам я от них без ума и предпочитаю беседу с ними любой другой. Мне кажется, что тесное переплетение вымышленных персонажей с их собственной человеческой сутью производит самый неожиданный и поэтический эффект. Странные узы связывают героиню Расина и живую, вполне земную женщину, которая до самого выхода на сцену ведет весьма смелые разговоры. Особое удовольствие доставляют мне различные театральные истории, в которых действительность причудливо сплетается с вымыслом, как в какой-нибудь драме Пиранделло.

Недавно я ездил в Руан читать лекцию; после спектакля два актера — старый и молодой — пригласили меня «пропустить стаканчик» и поведали мне несколько забавных случаев из театральной жизни. Молодой актер играл в недавно появившейся пьесе (кажется, то была «Великовозрастная и простодушная девица») роль юноши, который, разочаровавшись в любви, вознамерился покончить с собой и с этой целью стащил револьвер у приятеля. Это во время обнаруживается, безутешного любовника отчитывают, и под конец владелец револьвера строго говорит ему:

— А ну-ка верни мне оружие.

Юноша в полном изнеможении протягивает револьвер.

— Это была замечательная сцена, — продолжал рассказчик, — но в тот миг, когда мне следовало вернуть оружие, я, ошупав карманы, с ужасом понял, что забыл взять его с собой... Револьвер остался за кулисами...

— Драматическое положение! Как же вы поступили?

— Сперва я задрожал от страха... Потом меня точно озарило, и я с достоинством проговорил: «Нет! Нет, я хочу сохранить этот револьвер как напоминание... Но клянусь тебе, что никогда не пущу его в ход».

Удивительное присутствие духа!.. Этот случай напоминает мне другой, тот, что произошел с госпожой Дорваль во время представления романтической драмы Дюма-отца «Антони»*. Припоминаете? В самом конце любовник Адели д'Эрве закалывает ее кинжалом. Входит муж, полковник д'Эрве, и убийца говорит ему: «Она мне противилась — я ее убил!» На одном спектакле в Руане Бокаж *, игравший в этой пьесе и выведенный из себя (я уже забыл почему) то ли директором театра, то ли зрителями, выбежал со сцены, не произнеся своей коронной фразы... Мари Дорваль, по ходу пьесы уже убитая, видит, что Бокаж исчезает и на сцену выходит полковник. Понимая, что катастрофа неотвратима, она хладнокровно приподнимается и говорит мужу: «Я ему противилась, ОН меня убил...» Взрыв аплодисментов. Занавес. Публика нашла это естественным.

— Публика ВСЕ находит естественным... — вмешался старик. — Знакомо ли вам утверждение Симоны, великой Симоны *? «Публика не слушает, а если слушает, то не слышит, если же слышит, то не понимает».

— Бесспорно одно: самое удивительное и неправдоподобное в театре принимается как должное, — замечаю я. — Иоланда Лаффон рассказала мне, что на сцене «Театр дез'Ар» она когда-то играла в пьесе «Помрачение» роль некоей Жюдит; по ходу действия героиня выбегает на сцену вне себя от волнения и бросается в дом, охваченный пламенем. После чего, чуть позже, на сцену выходит другой актер и объявляет: «Жюдит умерла». На одном из вечерних представлений возникла путаница, этот актер появился на сцене слишком рано и сказал самой Жюдит: «Жюдит умерла...» Иоланда Лаффон сочла, что все пропало. Однако в зале — никакой реакции. Представление продолжалось... Никто ничего не заметил, и в антракте ни один зритель даже не вспомнил об этом происшествии. Вот в чем прелесть театра...

Театральные истории нанизывались одна на другую. Им нет конца. Прощайте.

Тайная суть супружества

Вот оно, сударыня, одно из тех свободных воскресений, которые приносят мне такое блаженство. На каштанах под моими окнами распускаются почки, самый скороспелый из них — тот, что каждую весну первым подает знак к обновлению, — уже нежно зеленеет. Семьи прогуливаются с той воскресной неспешностью, темп которой задают детские коляски. Молчит телефон. А я, я знаю, что впереди у меня двенадцать часов покоя и тишины. Как чудесно!

Я раскрываю книгу, готовясь насладиться ею; в свое время я знал ее автора — красивую, мягкую и печальную женщину. Она судила обо всем необыкновенно тонко. Я знаю, что они с мужем жили в полном, настоящем уединении. Так что меня несколько не удивляет, что томик называется «Отзвуки тишины». Как это верно сказано: тишина, точно незримая стена, возвращает нам отзвуки наших тайных помыслов.

Камилла Бельгиз мыслит подобно Жуберу, Шардону, а иногда и Сент-Бёву (когда он бывает нежен и утончен). Она высказывает замечательные суждения о природе и о любви: «Тот, кто любит, отбрасывает на другого свет своего внутреннего «я» и надеется увидеть отблеск этого света. Подлинная любовь связует двоих, и надо уметь ставить другого превыше себя». Да, не только принимать другого, но и ставить его превыше себя. «Грустно, когда любовь ослабевает, ибо разве любить не означает все больше дорожить тем, что мало-помалу утрачивает ценность?»

Она приводит слова Эмерсона: «Любовь преходяща и кончается с браком. В браке от любви остается лишь привкус незрелого плода». Камилла Бельгиз не приемлет (и я с нею согласен) такое разъединение любви и супружества. И далее: «Но мы именуем любовью ту таинственную суть супружества, которая взыскует ни на миг не слабеющего чувства и так настойчиво стремится к высочайшей его ступени, что каждая неудача обрекает нас на муку и унижение».

И тут (как приятно на досуге так вот свободно перебрать несколько книг) я раскрываю книгу Мориса Тэска «Симона, или Супружеское счастье»*, на обложке которой превосходно воспроизведен «Поцелуй» Родена. Роман? Скорее поэма в прозе, гимн гармоничному союзу двоих. «Именем той, которую люблю, я говорю вам, друзья мои, что нет драмы в любви. И лишь в отсутствии любви таится драма. Разделенное чувство не может не быть счастьем».

Заметили ли вы, сударыня, что манера выражать свои чувства так же принадлежит той или иной эпохе, как мебель или живопись? Во времена Мопассана, а затем Пруста романист показы-

вал, что любовь — всего лишь иллюзия, источник разочарования, ревности и душевных мук. Что до брака, то уже несколько веков он неизменно служит темой для комедий. В наши дни, после нескольких лет засилья «черной» любви, наметился перелом. В этом сыграло свою роль и усиление религиозных верований, и тот серьезный подход к чувствам, который присущ нашему столько пострадавшему поколению. Во время бури человек ощущает потребность найти точку опоры. А что может быть надежнее прочной любви, полного слияния двух существ? И не является ли брак, по словам Алена, «единственными узами, которые с годами становятся крепче»?

Вот что открывает для себя герой Тэска, а вместе с ним и многие его сверстники.

Ныне пошла мода на счастливый брак, сударыня. Вы, пожалуй, скажете: «Романистам придется нелегко... *«Белая симфония в мажорных тонах»* *... » Чудесное название, но книгу с таким названием написать нелегко». Как знать? Ведь в белизне уйма оттенков. Счастье, как и весна, каждый день меняет свой облик. Мое сегодняшнее воскресенье, мирно проведенное у семейного очага, было восхитительно... Прощайте.

О другой женщине

Другая была еще невидима, а вы уже догадывались о ее существовании. Порою под травяным покровом лужайки незаметно струится ручей; гуляя, вы замечаете, что трава тут гуще и выше, а почва чуть пористая и немного оседает под ногами. Это всего лишь приметы, но они не обманывают: вода где-то здесь. Или же иногда перед болезнью, когда явных ее признаков еще нет, вы ведете привычный образ жизни, но тем не менее какое-то недомогание, беспричинная тревога уже предупреждают вас о скрытой опасности.

— Что это со мною? — говорите вы. — Мне нездоровится.

Так было и тогда, когда у вашего мужа появилась Другая. «Что это с ним такое? — думали вы. — Он не тот, что прежде». До сих пор он по вечерам рассказывал вам, как провел день; ему нравилось приводить множество подробностей (мужчины любят порассказать о себе); он сообщал вам о своих планах на завтрашний день. Мало-помалу его ежевечерние отчеты сделались несколько туманными. Вы начали замечать в его времяпрепровождении непонятные перерывы. Впрочем, он и сам сознавал уязвимость своих объяснений. Он только вскользь упоминал о тех или иных часах, путался. Вы ломали себе голову: «Что же он хочет скрыть?»

Вы полагали, что после десяти лет замужества хорошо его изучили. Вы знали, чем он интересуется: службой, политикой, спортом, немного живописью и нисколько литературой и музыкой. Теперь же он охотно обсуждал книжные новинки. Вдруг небрежно спрашивал: «Есть ли у нас романы Стендаля? Я бы с удовольствием перечитал их». Но вы-то знали, что он их ни разу не читал. Прежде столь равнодушный к вашим туалетам, он вдруг стал спрашивать: «Почему ты не носишь платья из набивной материи? Они так нарядны». Или же говорил: «Постригись короче. Эти конские хвосты уже вышли из моды». Даже его политические взгляды переменялись, он начал терпимее относиться к передовым воззрениям. О любви он заговорил теперь как-то странно и необычайно пылко, о браке же отзывался довольно цинично. Словом, вы перестали узнавать его.

Вскоре последние сомнения рассеялись. Под некогда твердой почвой ныне струился поток. Другая была тут. Но кто она? Вы старались представить ее себе, мысленно воссоздать ее облик, используя те сведения, какие ваш муж, сам того не желая, сообщал вам каждый день. Она, должно быть, молода, хороша собой, прекрасно одевается; она образованна или умело прикидывается такой; ездит верхом (ибо ваш муж, который уже давно отказался от конного спорта, стал говорить: «Доктор советует мне увеличить физическую нагрузку, и мне опять захотелось поездить верхом»). Она, как видно, живет возле Люксембургского дворца: то и дело обнаруживалось, что какие-то самые неправдоподобные дела *вынуждали* вашего супруга попадать именно в этот квартал.

А затем однажды, на обеде у ваших друзей, вы ее увидели. О! Вам не понадобилось ни особых усилий, ни проницательности, чтобы узнать ее. Увы! Довольно было понаблюдать за выражением лица вашего мужа. Он ласкал ее взором. Он старался разговаривать с нею как можно меньше, но они будто невзначай обменивались то едва заметным кивком, то едва уловимой улыбкой, думая, что никто этого не видит, вы же с болью замечали все это. Хозяйка дома сообщила вам, что Другая сама захотела с вами встретиться.

— С чего бы это?

— Не знаю... она много слышала о вас... И ей до смерти хотелось познакомиться с вами.

По деланно равнодушному тону вашей собеседницы вы поняли, что она *тоже* знает. Вы были одновременно поражены, огорчены и озадачены, и прежде всего потому, что эта женщина позволила себе покуситься на *вашего* собственного мужа. Не отдавая себе в том отчета, вы уже давно считали, что он принадлежит вам одной, что он стал частью вас самой. В ваших глазах он уже больше не был свободным человеком, как другие, нет, он сделался

как бы вашей плотью. И потому Другая имела не больше права отобрать его у вас, чем отрубить вам руку или похитить у вас обручальное кольцо.

Вас озадачило также то, что Другая одновременно и походила на образ, мысленно созданный вами, и оказалась иной. И впрямь, довольно было послушать ее, чтобы сразу распознать источник новых мыслей, новых устремлений и даже новых словечек вашего мужа. Она говорила о лошадях, о скачках, цитировала авторов книг, к которым у вашего супруга с недавних пор пробудился столь необычный для него интерес. Но вы нашли, что она не более молода и, говоря откровенно, не более хороша собой, чем вы. Пожалуй, у нее был красивый лоб, выразительные глаза. И только. Рот ее показался вам чувственным и вульгарным. Речь ее была оживленной, но не яркой и скоро вам наскучила. «Да что он в ней такого нашёл?» — в недоумении спрашивали вы себя.

Возвратившись к себе, вы сразу же накинулись на мужа:

— Что это за супружеская пара? Откуда ты их знаешь?

— Деловые отношения, — промямлил он и постарался переменить тему разговора.

Но вы твердо решили донять его.

— Я не нахожу эту женщину слишком приятной. Судя по всему, она донельзя довольна собой, но, говоря по правде, без особых на то оснований.

Он попробовал было сдержаться, но его увлечение было так сильно, что он стал вам перечить.

— Я держусь иного мнения, чем ты, — ответил он, стараясь принять безразличный вид, — она красива, и в ней много очарования.

— Красива! Ты, видно, не разглядел, какой у нее рот!

В ярости он пожал плечами и ответил с некоторым самодовольством:

— Напротив, я *очень хорошо* разглядел, какой у нее рот!

В отчаянии вы продолжали сокрушать (так вы думали) Соперницу. И муж и вы заснули только в два часа ночи после изнурительной и тягостной сцены. На следующее утро он был подчеркнута холоден с вами и сказал:

— Я не буду обедать дома.

— Почему?

— Потому что я не буду обедать дома. И дело с концом. Хозяин я еще самому себе или нет?

Тогда вы поняли, что допустили накануне ужасную ошибку. Влюбленного мужчину не оторвать от его избранницы, плохо о ней отзываясь. Она кажется ему очаровательной; если вы скажете ему, что это не так, он решит, что не он обманывается, а вы не

умеете смотреть правде в глаза, а главное — не хотите этого делать, ибо чертовски ревнивы. Мы еще об этом потолкуем. Прощайте.

О другой женщине

Письмо второе

Вы женщина умная и вполне оценили опасность. О! Вашим первым побуждением было сделать их жизнь невыносимой. Самой ли начать слежку за мужем или предоставить это кому-то другому? У нее тоже есть супруг, который, вероятно, ничего не подозревает. Чего проще: надо поселить в нем тревогу и заставить его следить за нею? Но, оставшись в одиночестве, вы надолго погрузились в горестные размышления.

«Да, у меня есть все основания для ревности, и я могу отравить им жизнь. Но чего я этим добьюсь? В глазах мужа я окажусь тем, чем уже была для него накануне вечером: досадной помехой, докукой, пожалуй, даже мегерой. До сих пор вопреки всему его связывали со мной воспоминания, привычки и — думаю — неподдельное чувство. Он ощущал свою вину передо мной, сам страдал от того, что страдаю я, и пытался ласковым обращением частично вознаградить меня за то, что собирался лишиться меня любви.

Собирался?.. Только *собирался*? Ничто еще не доказывает, что он не устоял. Женщина эта, как видно, не слишком свободна; он и того меньше. Быть может, они ограничиваются пока прогулками, беседами в баре... Если я рассержу его, дам ему почувствовать, что он мой пленник, он, чего доброго, решится уйти от меня. Если и она ступит на ту же стезю, кто знает, как далеко они зайдут. Может быть, у нас и не дойдет до разрыва, а действуя неосторожно, я сама же разрушу нашу семью, в то время как, проявив немного терпения...»

Но тут от нового приступа ярости у вас заколотилось сердце.

«И все же до чего это несправедливо! Я безоглядно отдала ему всю жизнь. После свадьбы я ни разу не взглянула на других мужчин. Все они казались мне какими-то ненастоящими. Они интересовали меня постольку, поскольку могли быть полезны моему мужу... Была ли я права? Не внушила ли я ему тем самым чувство слишком уж полного спокойствия на мой счет?.. Приятельницы часто предупреждали меня: «Остерегайся... Мужчины должны испытывать волнение и любопытство. Если ты перестанешь быть для мужа тайной, он начнет искать ее в другом месте...» А меж тем мне было просто, мне и сейчас еще так просто пробудить в нем ревность... Не совершая ничего дурного... Просто с меньшим равнодушием относиться к нежным признаниям других мужчин. Некоторые его друзья искали и все еще ищут случая

поухаживать за мной. «Можно зайти к вам вечером?» — спрашивают они. — «Могу ли я сводить вас в театр, пока Жак в деловой поездке?» Я всегда отказывалась, раз и навсегда решив неукоснительно соблюдать мужу верность. А если бы я принимала их ухаживания, если бы он в свой черед слегка помучился, разве это не напомнило бы ему, что и его жена вызывает интерес у других мужчин, что и она может нравиться?»

У вас достало благоразумия отбросить этот план. Он был нелеп и опасен. Нелеп, ибо нельзя неволить собственную натуру. Как бы ни был он виноват, вы любили мужа, а его друзья, стоило позволить им больше свободы, быстро вызвали бы у вас омерзение. Опасен, так как нельзя предугадать реакцию вашего супруга. Огорчится ли он, будет ли раскаиваться, если у него появятся основания опасаться вашего увлечения? Как знать? Не получится ли наоборот? Будучи без ума от Другой, он подумает: «Тем хуже для моей жены! До сих пор я ее щадил. Но коль скоро она сама не старается спасти нашу семью, незачем церемониться. Освободим друг друга».

Кокетство — оружие обоюдоострое. Оно ранит ту, которая, взявшись за него, совершит неловкое движение. Вы поняли это. «Но как же поступить?» — ломали вы себе голову, обедая в одиночестве и по-прежнему предаваясь горестным раздумьям.

«Обедают ли они сейчас вместе? О чем они говорят? Рассказывает ли он ей о той сцене, что я ему вчера закатала, и — по контрасту со мной, с теми воплями, которые я, не помня себя, испускала, — не кажется ли она ему прибежищем, где царят покой, нежность, счастье?.. Я наговорила о ней столько дурного, все, что думала; наедине же с самой собой надо признать, что в моих словах не было ни объективности, ни справедливости. Я судила о ней как соперница, а не как здравомыслящая женщина. Постараюсь разобраться... Если бы я не считала эту женщину врагом, способным погубить мое счастье, что бы я о ней думала?»

И тогда вы совершили героическое усилие, чтобы взять себя в руки и взглянуть фактам в лицо; вечером, вернувшись домой, ваш муж с изумлением — и облегчением — нашел вас совершенно спокойной. Вы не задали ему ни одного вопроса. Он сам, по собственной воле, с трогательной неловкостью признался, что совершенно случайно встретил Другую на выставке картин. Вы не стали спрашивать, каким чудом он, всегда столь далекий от изящных искусств, оказался на выставке. Напротив, вы сказали, что, коль скоро эта супружеская пара ему так мила, было бы очень славно пригласить и мужа и жену к обеду или к ужину. Он был поражен и даже стал возражать.

— Ты так считаешь? — усомнился он. — Но ее муж такой скучный! Она, конечно, женщина приятная, однако совсем друго-

го склада, чем ты. Ведь она тебе не понравилась. Мне не хотелось бы навязывать тебе ее общество.

Вы начали убеждать его, что он ошибается: накануне вечером усталость вызвала у вас раздражение, но, в сущности, вы ничего не имеете против Другой, наоборот; после упорной борьбы вы одержали верх, настояв на приглашении. То был вдвойне ловкий шаг. Вводя эту супружескую чету к себе в дом, вы резонно полагали, что лишите Соперницу притягательности тайны, прелести запретного плода. А главное, вы хотели вновь увидеть ее, присмотреться к ней и попытаться понять, чем же именно она привлекает вашего мужа.

О другой женщине

Письмо третье

Итак, Другая пришла к вам в гости; вы приняли ее весьма любезно, как следует рассмотрели, внимательно выслушали, стараясь оценить ее так, как оценил бы посторонний или влюбленный в нее человек. Испытание было мучительным, но полезным. Вы подметили множество черточек, которые ускользнули от вас при первой встрече. После ее ухода, в ночной тишине, когда ваш муж уже спал, вы подвели итог вечеру.

«Она не более хороша собой, чем я, но умело пользуется своей красотой. У нее прекрасный вкус. Ее бежевое шерстяное платье, красный пояс, берет — все тщательно изучено, искусно подогнано, безупречно... Может быть, дело в деньгах? Нет, и платье и берет не из дорогого магазина. Просто они выбраны с любовью. Сразу видно, что она стремится превратить себя в произведение искусства. Будем откровенны: в большой мере она в этом преуспела.

И вот еще что: я начинаю понимать, чем же она так привлекает Жака. Сама я застенчива и молчалива. Кроме тех минут, когда я испытываю сильный гнев или огромное счастье — тогда я сама на себя не похожа, — я редко выражаю свои чувства. Это не моя вина. Так уж меня воспитали родители, люди суровые. Вид у меня всегда чопорный, да так оно и есть. Другая же — сама естественность. Мой муж привел при ней слова Стендаля (Жак цитирует Стендаля! Это меня пугает... хотя и выглядит смешно!): «Я так люблю все естественное, что останавливаюсь на улице поглядеть, как собака гложет кость». Она проговорила: «Метко сказано!» Сама она ест и пьет с нескрываемым удовольствием. Очень красочно говорит о цветах и фруктах. Чувственность можно, оказывается, выражать с большим изяществом. Я это поняла, гля-

да на Другую. Она прекрасная рассказчица, никогда не даст угаснуть беседе, я же, напротив, все время думаю, что бы такое сказать».

Когда вы вновь остались в одиночестве, вы долго плакали. Теперь уже не от ненависти и даже не от ревности. А от сознания собственного ничтожества. Вам вдруг пришло в голову, что вы совсем недостойны вашего мужа: «Он увлекся более яркой и привлекательной женщиной; разве это преступление?» Вы так устроены, что слезы обычно знаменуют происходящий в вашей душе перелом к лучшему. Вы справились с собой и вытерли глаза. У вас созрело решение сразиться с Другой ее собственным оружием. Она весела? Вы тоже станете веселой. Она пленяет своей речью? Вы попытаетесь сделать вашу более содержательной, читая, чаще видясь с интересными людьми. Она водила вашего супруга на выставки картин и кинофильмы? Разве это не по силам любой женщине, и особенно вам?

Вы надолго сохраните ужасное воспоминание о том периоде, который последовал за принятием этого решения. Поскольку Другая восторжествовала, вы решили стать такой, как она. О! Вы старались целых три месяца и причинили себе столько хлопот! Вкладывая в свои старания всю душу, вы были достойны успеха! Но каким это кончилось провалом! Вы отважно сыграли героическую комедию. Прикидывались беззаботной, когда сердце разрывалось от отчаяния. Без устали придумывали развлечения на субботние и воскресные дни, чтобы угодить мужу. Сначала он лишь взирал на вас с удивлением. «Что это на тебя нашло? — говорил он. — Ты с ума сошла! Я так рад, что хотя бы в воскресенье могу спокойно отдохнуть, а ты заставляешь меня бегать по музеям!.. Нет уж, спасибо!» В другой раз он сказал: «Ты превратилась в настоящую трещотку. Тебя невозможно остановить, болтаешь, болтаешь без умолку. Право, ты утомляешь меня».

А сколько было пролито слез в тот день, когда, старательно выбрав английский костюм, который, как вы полагали, одобрила бы Другая, вы с гордостью показали в нем мужу. Сперва он ничего не заметил. Наконец вы спросили:

— Жак, ты ничего не говоришь... Как тебе мой костюм?

— Ну, костюм хоть куда! — ответил он.

В эту минуту вы решили, что все потеряно. Оставалось прекратить борьбу и признать победу Другой. Пример одной из ваших подруг, назовем ее Третьей, принес вам спасение, раскрыв глаза на собственные ошибки.

Вы были знакомы с Анабеллой с детства. Уже в те давние годы она удивляла полным отсутствием характера. В общем, неплохая девочка, пожалуй, слишком добрая, она легко поддавалась влиянию окружающих. И в частности, вашему. Было время,

когда Анабелла старалась походить на вас, подражая вашим прическам и списывая у вас домашние задания. Позднее вы встретились вновь — она по-прежнему была готова плясать под дудку первого встречного. Видела ли она, что ее друзья в восторге от какой-нибудь блондинки, она тут же шла краситься. Замечала ли, что у модной кинозвезды короткий, мастерски изваянный резцом божественного зодчего нос, ее тут же охватывало желание иметь в точности такой же, и она мчалась к хирургу-косметологу. Случай вновь столкнул ее с вами в самую трудную для вас минуту. Вы увидели, до какой степени и точеный нос, и серебристая прядь, и наигранная веселость портили эту горемыку. Вы точно прозрели.

«Надо быть не *просто* естественной, а естественной на *свой* лад», — сказали вы себе.

С этого дня вы отказались от намерения уподобляться Другой. Вы попробовали сделать ее своей приятельницей. И без труда добились этого. Не подозревая о том, вы обладали в ее глазах большим авторитетом. Ваш муж, оказывается, говорил ей о вас много хорошего; он ценил вас больше, чем вы полагали. И потому стоило вам поманить Другую, как она пришла. Это привело к курьезным переменам.

Возвращаясь со службы и заставая Другую у себя дома, ваш муж привыкал видеть в ней уже не героиню романа, но что-то вроде предмета домашнего обихода. Сперва эта неожиданная дружба забавляла его. Ему казалось, что он царит над вами обеими. Но очень скоро близость между вами и Другой стала более тесной, чем между ним и ею. Две женщины гораздо быстрее найдут общий язык. Другая была болтлива и потому совершила оплошность. Она не удержалась и рассказала вам, что именно порицает в вашем супруге, прибавив, что придает гораздо большее значение дружбе с вами, нежели его мимолетной прихоти. У вас достало благоразумия не пересказывать вашему Жаку ее слова — они причинили бы ему боль и задели бы самолюбие. Это было бы уже не только предосудительным поступком, но и тактической ошибкой. Он бы вам не поверил, поплакался бы Другой, а она бы с пеной у рта ото всего отперлась.

Вы терпеливо дожидались, пока созреют новые отношения. Лишь в одном вы послушались советов Другой и воспользовались ее опытом. Она дала вам нужные адреса, сказала, у кого одеваться и причесываться. И тут уж вы постарались не подражать ей, а найти свой собственный стиль. Вами, как и ею, руководило стремление к совершенству. И вы обрели *свое* совершенство. С неопишуемым счастьем вы заметили, что глаза вашего мужа с удовольствием останавливаются на вас и что он на людях гордится вами.

С героическим упорством вы продолжали приглашать и удерживать подле себя Другую. Следовало окончательно подорвать ее престиж. Это не заняло много времени. Она исчерпала свои рассказы, начала повторяться. Продолжала ли она встречаться наедине с вашим мужем? Маловероятно, ибо он больше не лгал, рассказывая о том, как провел день. Ваш триумф оказался блистательным, хотя и тайным: однажды, когда вы предложили мужу втроем совершить туристическую поездку в автомобиле, ваша борьба завершилась окончательной победой. Вы втайне ликовали. Муж с раздражением воскликнул:

— Ну нет!.. Снова эта женщина!.. Не понимаю, что ты так с ней носишься!

— Разве ты сам не находил ее приятной?

— Приятной, — пробурчал он, — приятной... Можно любить хорошее вино, но зачем постоянно прополаскивать им рот... А потом, по правде говоря, мне гораздо больше по душе быть с тобой вдвоем.

После этого Другая постепенно исчезла из вашей жизни. Встречи стали реже. Промежутки между ними удлинились. Другая сделалась всего лишь тенью. А потом и вовсе перестала существовать.

Ваш семейный очаг был спасен. Прощайте.

О выборе книг

Вы спрашиваете меня, незнакомка души моей, что вам надлежит читать. Мои советы вас, наверно, удивят. И все же следуйте им. Мой учитель Ален говорил, что каждому из нас нужно прочесть не так уж много книг, и собственным примером подтверждал бесспорные преимущества этого принципа. Его библиотека состояла главным образом из сочинений нескольких выдающихся авторов: Гомера, Горация, Тацита, Сен-Симона, Реца, Руссо, Наполеона (его беседы с Лас Казом *), Стендаля, Бальзака, Жорж Санд, Виктора Гюго и, разумеется, философов: Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля, Огюста Конта. На протяжении своей жизни он прибавил к ним Ромена Роллана, Валери, Клоделя, Пруста, а также Кипплинга.

Выбор предельно строгий, но уж эти великие произведения он знал превосходно. Постоянно перечитывая их, он всякий раз открывал в них новые красоты. Он полагал, что тот, кто не способен сразу же отыскать нужную страницу, не знает автора. В каком романе Бальзака описана первая встреча Вотрена и Рюампре? В каком романе читатель вновь встречается с Феликсом де Ванденесом, когда тот уже женат? В каком томе Пру-

ста в первый раз упоминается септет Вентейля? Того, кто не может ответить на эти и подобные вопросы, истинным читателем не назовешь. «Важно не найти, а сделать найденное своим достоянием», — говорил Валери. Та женщина, что прочла и усвоила несколько бессмертных произведений, может считать себя более образованной, чем та, что рассеянно и бегло просматривает в день по три новинки.

Следует ли из этого, что не надо уделять внимания современным авторам? Разумеется, нет; к тому же не забывайте, что некоторые из них завтра станут знаменитыми. Но ни к чему и слишком разбрасываться. Как же поступать? Прежде всего надо дать отстояться литературному урожаю года. Сколько книг, провозглашенных издателем или литературным кружком шедеврами, через шесть месяцев уже забыты! Не станем напрасно перегружать память. Обождем. Внимательно наблюдая за происходящим в мире книг, выберем себе друзей. У любого из нас среди современных авторов есть свои любимцы. Пусть же каждый следит за их творчеством! Я прочитываю все, что публикуют несколько молодых писателей, в которых я верю. Я не прочь открыть для себя и других, но не хочу, чтобы их было слишком много. Еще захлебнись.

Как только мы убедились в духовной или художественной ценности книги, следует ее приобрести. Близко и всесторонне можно познакомиться только с теми произведениями, которые у нас всегда под рукой. Для первой же встречи с автором вполне уместно и даже разумно одолжить книгу на время. Коль скоро мы решили «усыновить» ее, нужно даровать ей права гражданства. Жениться следует на той и книги те купить, с которыми тебе всю жизнь хотелось бы прожить.

А как следует читать? Если книга нас захватывает, то в первый раз мы читаем ее быстро и увлеченно. Мы просто глотаем страницы. Но в дальнейшем (а хорошую книгу читают и перечитывают много раз) нужно читать с карандашом или пером в руке. Ничто так не формирует вкус и верность суждений, как привычка выписывать понравившийся отрывок или отмечать глубокую мысль. Нужно дать себе слово ничего не пропускать при чтении писателей, которых по-настоящему ценишь. Тот, кто в книгах Бальзака пропускает длинные описания улиц или домов, не может считаться его истинным ценителем.

Весьма эффективный метод чтения — «звездообразный»: читатель расширяет круг интересов, двигаясь в разных направлениях — как бы по лучам звезды — от основной книги или сюжета. Пример: я читаю Пруста и восторгаюсь им. Углубляясь в его книги, я узнаю, что сам Пруст восторгался Рескиным, Жорж Санд. Приступаю к Рескину и Санд: то, что такой читатель, как Пруст, нахо-

дил хорошим, не может оставить равнодушным и меня. Благодаря Шатобриану я познакомился с Жубером. А Шарль Дю Бо натолкнул меня на «Дважды потерянную Эвридику». Морис Баринг в свое время приобщил меня к Чехову, к Гоголю. Таким образом и возникают узы духовной дружбы. Пора и вам определить свое место. Прощайте.

Советы молодой женщине, которая страдает бессонницей

Я пишу вам, пристроив бумагу на коленях, в поезде Марсель — Ницца. Небо — ярко-синее, без единого облачка. Когда-то, ища защиты от сарацин, люди возвели на вершинах холмов небольшие укрепленные города, плитами вымостили улицы. Позолоченные солнцем скалистые гребни холмов отличаются строгими геометрическими линиями, которые встретишь только в Провансе и в Греции. Взору открывается чудесное зрелище, но двое мужчин в моем купе ни разу не удостоили его взглядом. С карандашами в руках они сосредоточенно решают кроссворд.

— То, чего, быть может, не произойдет... — бормочет один.

— Возможное, — отвечает другой.

— Подходит! — радостно восклицает первый.

Я наблюдаю за ними, слегка удивляясь их суетному упорству. Хотя скорее не прав я. Газеты по мудрости своей предлагают читателям решать кроссворды, подобно тому как церковь по своей бесконечной предусмотрительности предписывала верующим перебирать четки. И то и другое — превосходное лекарство, с помощью которого человек избавляется от навязчивых мыслей, тяжелых дум и рефлексии — худшей из пыток.

Вам, прекрасная незнакомка, как и мне, как и всем нам, знакомы эти мучительные неотвязные раздумья, которые буравят наш мозг и уничтожают всякую иную мысль. О чем они? Вариантов бесконечно много. Муж устроил вам сцену ревности и был, как видно, очень рассержен; вы неосмотрительно поддались соблазну и теперь не знаете, как покрыть расходы, вызванные неожиданной покупкой; вам передали враждебные и жестокие слова, сказанные по вашему поводу женщиной, которую вы считали своей приятельницей. Все это не столь уж трагично, месяц спустя эти переживания покажутся вам смешными. Но сейчас вы не в силах избавиться от них. Вас гложут навязчивые идеи, вы буквально заболеваете. Лекарство необходимо.

Где искать его? Наши думы, увы, полностью не подвластны нашей воле. Вы гоните от себя непрощеную мысль, но тщетно. Она возвращается, как надоедливый комар. И все же, если изба-

виться от нее вы не в силах, попробуйте усыпить ее, заняв свой ум другими мыслями или углубившись в механические, всецело поглощающие вас занятия. Кроссворд, вязанье, бридж, канаста, любая игра, любой труд, требующие напряженного внимания, — все это служит лекарством. Попав во власть навязчивой идеи, обманите ваш собственный ум. Беспреданно занимайте его чем-нибудь. Мало-помалу невыносимая вибрация в мозгу ослабеет, отдастся, замрет. Ни одна мысль, если ее не питать, не устоит перед временем. Немного терпения, немного настойчивости — и отвлекающие средства возьмут верх. Спасибо тебе, кроссворд!

Остается одна опасность — ночь. Я вижу, как вы судорожно поворачиваетесь с боку на бок в постели, точно рыба, вытасченная из воды, и напрасно призываете к себе сон. В темноте навязчивая мысль превращается в неотступный призрак. В такие минуты наше лекарство менее действенно. Читать? Надо еще суметь следить за ходом повествования... Закрыть глаза и считать воображаемых баранов? Это помогает лишь англичанам, да еще, быть может, пастухам.

У меня самого есть три рецепта против бессонницы. Первый: воспоминания о различных эпизодах моего детства или отрочества. Они прогоняют навязчивую идею, ибо события, породившие ее, произошли позднее, чем те, которые я воскрешаю в памяти, и не вписываются в рамки прошлого. Но чтобы приковать все внимание к этим эпизодам, нужно большое упорство.

Второй способ — сосредоточенно наблюдать за световыми пятнами, которые всегда возникают перед глазами, если смежить веки, и стараться узнавать в их очертаниях людей или предметы. Через какое-то время эти образы навевают сон. Вот вы и сдвинулись с мертвой точки.

Третий способ — самый простой — попросить у вашего врача что-нибудь усыпляющее. Таблетка снотворного куда менее опасна, чем бессонница. Словом, никогда не позволяйте навязчивой идее овладевать вами. Она сведет вас с ума.

А это было бы досадно! Прощайте.

Об оптимизме

Вы порицаете меня, *querida*, за мой оптимизм. Да, я оптимист. Я склонен думать, что все уладится. «Если бы ты летел в пропасть, — говорил мне на войне один из моих товарищей, — то, наверное, считал бы, что дно ее устлано стегаными одеялами, и был бы относительно спокоен до тех пор, пока не ударился».

Преувеличение! Я не считаю, как Панглос у Вольтера *, что все к лучшему в нашем лучшем из миров. Мне ведомы страшные стороны и тяготы жизни, я не был ими обделен.

Однако, во-первых, я не думаю, что жизнь совершенно дурна. Это далеко не так. Я отказываюсь считать условия человеческого существования «ужасными». Правда, они весьма необычны; правда, что мы вращаемся на комочке грязи в бесконечном пространстве, не слишком понимая для чего; правда, что мы непременно умрем. Таково действительное положение вещей, и его нужно принимать с мужеством. Да, мы вращаемся на комочке грязи. Проблема в ином: что мы можем и что должны сделать, обретаясь на нем?

Во-вторых, я оптимист, ибо считаю возможным что-то совершить на земле, улучшить свою собственную жизнь и — в более широком смысле — жизнь рода людского. Я считаю, что огромный прогресс уже достигнут. Человек в большой мере покорил природу. Его власть над миром вещей несравненно возросла. Пессимист возразит: «Да, но все эти замечательные открытия используются исключительно для военных целей, и человечество находится на грани самоуничтожения». Не думаю, что это неизбежно. В какой-то степени это зависит от нас самих, и в конечном счете мой оптимизм покоится на вере в человеческую природу. Я знаю, что человеку присуще величие, что можно взывать к тому лучшему, что есть в каждом из нас. Словом, лучше говорить с человеком о его свободе, чем о его рабстве.

В-третьих, я признаю, что мое первое побуждение перед лицом какого-либо события — это стремление понять то хорошее, что оно несет с собой, а не плохое. *Пример:* по воле обстоятельств я поссорился с влиятельным человеком. Пессимист подумал бы: «Какая незадача! Это повредит моей карьере». Я же говорю себе: «Какая удача! Я избавился от этого болвана». Такова суть моего относительного оптимизма. Мы оба — Ален, а вслед за ним и я — поклялись оставаться оптимистами, ибо, если не поставить себе за правило во что бы то ни стало быть оптимистом, тотчас же будет оправдан самый мрачный пессимизм. Ибо если человек впадает в отчаяние или предается плохому настроению, то это неминуемо ведет его к невзгодам и неудачам. Если я боюсь упасть, то непременно упаду; это именуется головокружением, и оно присуще как целым народам, так и отдельным людям. Если я считаю, что ничего не могу изменить в делах моей страны, я и впрямь ничего не смогу. *Порядок вещей таков, что я сам создаю и ясную погоду, и грозу — прежде всего в себе самом, но и вокруг себя тоже.* Пессимизм заразен. Если я полагаю, что мой сосед непорядочен, и отношусь к нему с недоверием, он и будет таким по моей вине. Вселять в людей надежду, а не страх — вот в чем секрет античных мудрецов. Наши нынешние мудрецы, напротив, вселяют в людей отчаяние, но я не думаю, что они так уж мудры.

— Вот как! — возражает пессимист. — Вы считаете, что вера

в людей, в жизнь и есть мудрость? А не стала ли она для вас причиной ужасных разочарований? Не сделалась ли она для вас источником слабости в непрекращающейся битве, чье имя — жизнь? Не становились ли вы жертвой людей злых, так долго отказываясь считать их злыми?

Да, признаю, я испытал немало жестоких разочарований. В особенности за последние десять лет, отмеченных ужасами нацизма, кровавой пропастью, разделившей надвое мою страну, изгнанием, арестом близких, разграблением моего дома, предательством — в тяжелые минуты — со стороны некоторых друзей; все это дало мне немало веских оснований для того, чтобы усомниться в совершенстве этого мира.

Но ведь я никогда и не верил в его совершенство. Я всегда знал, что есть скверные люди (кстати, как правило, это глупцы или неудачники); я всегда знал, что в минуту бедствий толпа может сделаться свирепой и тупой. Мой оптимизм заключался и поныне заключается только вот в чем: я верю, что мы способны в известной мере влиять на события и что, если даже, несмотря на все наши усилия, нам придется пережить беду, мы можем восторжествовать над нею, если достойно ее перенесем. Декарт сказал об этом лучше, нежели я: «Я взял себе за правило стараться одолевая не столько судьбу, сколько самого себя, и изменять не столько мировой порядок, сколько свои собственные устремления». Любить окружающих меня хороших людей, избегать дурных, радоваться добру, достойно сносить зло, уметь забывать — вот в чем мой оптимизм. Он помог мне в жизни. Да поможет он также и вам. Прощайте.

О положении женщины в обществе

Более века тому назад одна высокоодаренная женщина, та самая, которую вы не жалуете, сударыня, — Жорж Санд — мужественно вела борьбу за эмансипацию женщин. Внесем ясность: требования Жорж Санд ни в коей мере не удовлетворили бы женщин нашего времени. Ее не интересовало политическое равенство полов, поскольку она не считала его ни возможным, ни желательным. Она требовала прежде всего равенства в области чувств.

Что она под этим понимала? Что женщина не должна быть вынуждаема отдаваться без любви. Вынужденное соединение людей казалось Жорж Санд преступным и кощунственным, даже если оно освящалось браком: «Женщина должна иметь право отказа. Я утверждаю, я верю, что надо или любить всем своим существом, или жить, сохраняя целомудрие...» По ее мнению, грех заключается не в уходе женщины от нелюбимого человека

к любимому, а в жизни с тем, кого она не любит, даже если это ее муж. Мужчины не признавали равенства в сфере чувств. «В любви с женщинами обращаются, как с куртизанками, — писала Санд, — в супружеской жизни — как со служанками. Их не любят, лишь пользуются их услугами и тем не менее надеются подчинить их требованию неукоснительной верности...»

Во имя какой справедливости, вопрошала она, мужчины требуют от женщин хранить верность, хотя сами, когда речь заходит о них, считают ее ненужной и смехотворной? Почему женщина должна оставаться целомудренной, а мужчина может себе позволить быть безнравственным волокитой и развратником? На это можно было бы ответить, что многие женщины той поры не были ни целомудренными, ни верными. Но несправедливость заключалась в другом: эти женщины считались преступными; уличив в супружеской измене, их могли подвергнуть тюремному заключению; изменив мужу, они теряли честь даже в глазах своих собственных детей, между тем как на мужей, заводивших любовные интрижки, все смотрели так, как смотрят на пьяниц или, скажем, гурманов, то есть со снисходительной веселостью, весьма близкой к сообщничеству. Такое неравенство в области чувств, считала Санд, делало трудным для женщины умной и деликатной достижение счастья — как в свободной любви, так и в браке.

Жорж Санд требовала также экономического равенства для обоих полов. В те времена замужняя женщина не могла свободно распоряжаться ни своим заработком, ни своим имуществом. До выхода замуж сама Жорж Санд (вернее, Аврора Дюпен) была полновластной владелицей поместья Ноан, унаследованного ею от бабушки. Выйдя замуж, она должна была передать управление поместьем супругу, который чуть было не разорил ее. Муж в те времена бесконтрольно распоряжался общим достоянием супругов. Замужество как бы пожизненно обрекало женщину на зависимость от мужчины, даже если по своему рождению или положению она была выше. Права на развод практически не существовало, так что женщине было очень трудно избавиться от такого порабощения. Жорж Санд требовала для женщины, как и для мужчины, права свободного расторжения брачного союза и права свободно распоряжаться своими доходами. Таковы были границы ее феминизма. Он не затрагивал вопросов гражданского равенства. Не то что бы она сама не имела политических воззрений: она была пылкой республиканкой и социалисткой; но она не требовала для женщин ни права голосовать, ни права быть избранными. И тут она — нам это сегодня очевидно — ошибалась, ибо именно благодаря гражданскому равенству женщина мало-помалу приблизилась к равенству и в экономической области. С тех пор как женщины начали принимать участие в голосовании, депу-

таты, заинтересованные в их голосах, начали с большим уважением относиться к их устремлениям и правам.

Однако в области нравов мало что изменилось. И сегодня половина всего человечества живет как бы в рабстве: огромное число женщин продолжают считать, что для того, чтобы выжить, им нужно продавать свое тело, причем эта необходимость всячески вуалируется различными мифами и обрядами. Против этого морального рабства законодатель почти бессилён. Освобождение женщин — дело рук самих женщин. Оно будет медленным, ибо женщинам надо освободиться не только от тирании мужчин, но и от тех представлений о мужчинах и о самих себе, которые все еще в них живут.

«Оба пола, быть может, гораздо ближе друг другу, чем принято считать, — сказал Рильке. — И великое обновление мира будет, без сомнения, состоять вот в чем: мужчина и женщина, освободившись от заблуждений, перестанут смотреть друг на друга как на противников. Они объединят свою человеческую сущность, чтобы вместе — серьезно и терпеливо — нести тяжкий груз плоти, которым они наделены от века... В один прекрасный день слова «девушка» и «женщина» будут обозначать не просто пол, отличный от мужского, но нечто присущее только им. Они перестанут быть просто дополнением и обретут законченную форму бытия — возникнет женщина в ее истинной человечности». Когда этот день придет, освобождение женщины станет также и освобождением мужчины. Ибо тиран — одновременно и раб. Прощайте.

Не готовьте для себя ненужных сожалений

Сейчас, под солнцем Монако, я читаю, *querida*, «Письма некоторым людям» Поля Валери *, недавно опубликованные его родными. Любите ли вы Валери? Надеюсь, да. В противном случае у нас появился бы серьезный повод для разногласий. Я считаю Валери одним из двух самых умных людей, которых я знал; другим был философ Ален. Предвижу, что многим придется не по нраву это мое признание!

В одном из своих писем Валери пишет: «Историю человека щепетильного можно резюмировать так: чем дольше он живет, тем сильнее сожалеет о том, мимо чего когда-то прошел, испытав чувство неприятия. В юности он почувствовал отвращение к женщине. Любовь представлялась ему тогда чем-то отталкивающим... Повзрослев, он начал неприязненно относиться ко всему, что связано с деньгами. Некоторое время успех — даже слава — казались ему чем-то зазорным... Но то, что теперь ему осталось — выжимки, очищенные ото всех «побочных продуктов», — оказалось столь мел-

ким, невесомым, малозначительным и до такой степени лишены цены, что и жизнь-то нечем было украсить. Отсюда и невеселые воспоминания о прошлом, и сожаления, и жалкий вид человека, непонятого другими, и горечь, неизбежная горечь».

Есть много верного в этих рассуждениях, относящихся к 1915 году, то есть к тому времени, когда Валери сам еще не познал славу со всеми ее «побочными продуктами». Отказываться от того, что тебе предлагает жизнь, если ты можешь принять это без ущерба для собственной чести, просто безрассудно. Да, в юности нужно познать любовь, чтобы не испытывать трагических мук и злости на самого себя в возрасте, когда любовь нам уже больше не дается. Да, нужно заслужить к старости почет, чтобы не влачить под конец жизни горестные и жалкие дни. Сам по себе успех не свидетельствует о таланте, но человека талантливого он избавляет от соблазна гнаться за успехом на склоне лет. *Мораль*: не следует пренебрегать ничем из того, что можно обрести в жизни, не совершая ничего недостойного.

Поэтому, когда у вас будет взрослый сын, сударыня, предостерегите его от абстрактных и крайних представлений, которые в старости обернутся горькими сожалениями. Внушите ему, что от любви остаются чудесные воспоминания. Жерар Бауэр *, который находится здесь вместе со мной, пишет предисловие к «Мемуарам Казановы». Он рассказывал мне вчера о своем герое. Этот необыкновенный искатель приключений не мог пропустить ни одной юбки, ни одного ломберного стола и обладал удивительным даром рассказчика, заставлявшим окружающих искать с ним знакомства. К чему все это привело? К тому, что в зрелом возрасте он написал историю своей бурной жизни и шагнул прямо в бессмертие. Это не значит, что ваш дорогой отпрыск должен взять Казанову за образец. Только необычайно одаренный человек может сыграть в жизни столь дерзостную роль; к тому же мы живем не в восемнадцатом столетии. Я только советую ему следовать мудрым советам Горация: «Лови же день — красоту — и фортуна — коль скоро боги тебе удачу ниспошлют».

Я прекрасно понимаю, что ясность духа, отсутствие зависти, женолюбия и честолюбия приличествуют старости, кроме того, я знаком с людьми, которые умудрялись чувствовать себя счастливыми, не имея ничего из того, что другие полагают необходимым для счастья. Я и сам стараюсь принимать свою жизнь такой, какова она есть, и не сравнивать ее с жизнью других; мне это удается, но я отдаю себе отчет в том, что подобная мудрость давалась бы мне с большим трудом, будь мое существование совсем лишено радостей. Словом, не станем гнаться за благами мира сего с неприличной горячностью, но, повстречав их на своем пути, примем их с благодарностью. Редки те, кому ни разу в жиз-

ни не выпало счастья, но еще более редки те, кто сумел его сохранить. Обретя вас, дорогая, я не хочу вас терять и удерживаю подле себя. Прощайте.

После спектакля «Царь Эдип» *

На днях я издали видел вас, *querida*, в «Комеди Франсез». Ваше одеяние — белое плиссированное платье, перехваченное золотым пояском, — делало вас похожей на злосчастного царя Фив. В Доме Софокла * играли «Царя Эдипа». Я с волнением вспомнил, что впервые увидел вас именно здесь — в зале Ришелье. Вы были так хороши!

Спектакль не нарушил вашей обычной безмятежности. Так оно и должно быть. Возвышенная драма не будоражит зрителя. Страсти в ней упорядочены поэзией и умерены всемогуществом рока. Заранее известные нам события не могут нас волновать. Придя в театр, вы уже знали, что Эдип выколет себе глаза золотой застежкой, а Иокаста повесится. Вот почему вы спокойно поправляли прическу и улыбались своему соседу.

Вокруг меня раздавались поразительные речи:

— Какая прекрасная мелодрама!

— Какой великолепный детектив!

— Совсем как у Сименона! Помните «Грязь на снегу» *?

Какая-то уже немолодая дама («И зачем только существуют перезрелые женщины?») — удивлялся Байрон) спрашивала:

— И чего этот болван добивается? В первые же десять минут все уже понял то, что ему предстоит обнаружить... Иокаста, она-то отлично видит, что не следовало бы все это ворошить. У женщин есть чутье: они умеют не замечать того, что неприятно... Но этому занятому лишь самим собой мужлану непременно нужно дойти до конца. Тем хуже для него!

Истина состоит в том, сударыня, что Эдип, такой, каким его создал Софокл, не может поступать по-иному; Судьба предопределила все его слова и поступки. «Это Рок!» — поет хор в «Прекрасной Елене» *. Именно в этом и кроется громадная разница между древними греками и нами. Я полагаю, что человек может сам *определять* свою судьбу вопреки воле богов. Софокл так не считал. Отсюда — величайшие драматические красоты его пьес и трагические судьбы его героев. Ибо Эдип, всего лишь покорно выполняющий предсказание оракула, чувствует себя виновным и достойным самой жестокой кары. «Мне было предначертано убить своего отца и стать любовником собственной матери, и тем не менее я должен понести наказание...» Та же суровая мораль характерна для учений янсенистов и кальвинистов.

Но в одном отношении мы с вами все же походим на древних

греков: кровосмешительство по-прежнему кажется нам чудовищным. Из всех строжайших запретов, возникших еще на заре человеческой истории, этот запрет—самый непреложный, по крайней мере когда речь идет о родстве по прямой линии. Другое дело—родство по боковой линии: египетские фараоны даже поощряли брак между братом и сестрой. Байрон находил в таких отношениях непонятное, мрачное удовольствие, видя в них вызов общественной морали. Когда я писал книгу о его жизни, мне пришлось заниматься довольно щекотливыми разысканиями по этому поводу. Многие английские ученые отрицали, что Байрон и Августа Лей вступили в преступную связь. В конце концов его родственница (в то время ей было восемьдесят пять лет) допустила меня к тайным семейным архивам. Я провел волнующую ночь, расшифровывая при свете двух канделябров интимные дневники и письма. К утру я уже все знал и с некоторым смущением отправился к почтенной хозяйке дома.

— Увы, леди Ловлас, — сказал я ей, — отпали все сомнения... Я обнаружил доказательства кровосмешения. Как добросовестный историк, я буду вынужден рассказать обо всем этом в полном согласии с документами... Заранее прошу меня извинить.

Она с изумлением воззрилась на меня.

— А собственно, в чем вы извиняетесь?.. — спросила она. — Байрон и Августа? Ну конечно! Неужели вы в самом деле сомневались?.. Как же иначе? Два юных существа разного пола оказались вдвоем в занесенном снегом мрачном замке и провели взаперти много времени... Как же, по-вашему, они должны были вести себя?

Из этого разговора я понял, что пресловутый запрет соблюдался в Англии XIX века не столь неукоснительно, как в древней Греции. И все же я считаю, что он необходим для поддержания спокойствия и в семьях, и в душах. Убедитесь в том сами, посмотрев «Иокасту», «Федру», «Землю в огне». Ищите любовь за пределами своего рода. Прощайте.

О пределах терпения

Для некоторых людей большое искушение—доходить в своей доброте до слабости. Живое воображение позволяет им угадывать, какую радость вызовет у ближнего уступка и как огорчит отказ с их стороны; они угадывают скрытые, глубокие причины, объясняющие прихоть или вспышку гнева, которые другой бы на их месте строго осудил. «Все понять — значит все простить». Эти прекраснодушные люди только и делают, что прощают и приносят одну жертву за другой.

В их поведении была бы святость, когда бы они приносили в жертву только самих себя. Однако люди не созданы для жизни со святыми, и снисходительность становится непростительной, ибо она наносит непоправимый вред тем, к кому ее проявляют. Чересчур нежный муж, недостаточно строгий отец, сами того не желая и не подозревая об этом, формируют нрав своей жены или детей. Они приучают их ни в чем не знать ограничений, не встречать отпора. Однако человеческое общество предъявляет к людям свои требования. Когда эти жертвы нежного обращения встретятся с суровой правдой жизни (а это неизбежно), им будет трудно, гораздо труднее, чем тем, кого воспитывали без излишней мягкости. Они попробуют прибегнуть к тому оружию, которое до сих пор им помогало, к сетованиям и слезам, ссылкам на плохое настроение и недуги, — но столкнутся с равнодушием или насмешкой и впадут в отчаяние. Причина многих неудачных судеб — неправильное воспитание.

В каждом доме, в каждой семье все ее члены должны знать, что их любят, что родные готовы пойти ради них на многое, но что есть предел всякому терпению и если они его переступят, то им придется пенять на себя. Поступать по-другому — значит потакать порокам, которые для них же губительны, и, кроме того, ставить себя в такое положение, которое нельзя долго вынести. Уплатившая долги игрока или транжира, благодетель разорится, но не поможет и не излечит тех, кого хотел спасти. Женившись из жалости и без любви, человек обрекает на несчастье и самого себя, и свою спутницу жизни. «Братья мои, будем суровы», — говорит Ницше. Поправим его: «Братья мои, сумеем быть суровыми»; фраза станет не такой красивой, но более человеческой.

То, что я говорю здесь о людях, приложимо, разумеется, и к нациям. В семье наций существуют чересчур добрые народы. В международной политике, как и в «семейной политике», изречение: «Все понять — значит все простить» — вещь опасная. Сносить и оставлять без ответа действия, которые угрожают человечеству войной, не значит служить миру. Тут также должны быть четко установлены пределы. Народы, как и отдельные люди, заходят в своих требованиях слишком далеко и посягают на что-либо до тех пор, пока не встречают отпора. Система сил пребывает в равновесии, пока действие равно противодействию. Когда противодействия нет, равновесие невозможно.

Теперь вы знаете, что вас ожидает. Я с вами мягок и снисходителен. Если понадобится, я смогу быть суровым. Оставайтесь же и впредь мудрой и загадочной незнакомкой, существующей только в моем воображении. Прощайте.

Нос Клеопатры

«Будь нос у Клеопатры короче, весь мир был бы иным». Когда мы изучаем нашу собственную жизнь или историю своей страны, нас часто охватывает искушение прибегнуть к этой фразе Паскаля. События, приведшие к самым ужасным последствиям, были столь незначительны, а их переплетения столь удивительны, что мы простодушно изумляемся непоследовательности рока.

Если бы Арлетта Ставиская меньше любила драгоценности, история Третьей республики сложилась бы по-иному.* Если бы солдаты, вовремя доставившие в вандемьере пушки Бонапарту, задержались в пути хоть на десять минут, ну, скажем, чтобы промочить горло, в наших книгах не упоминались бы ни Аустерлиц, ни Ваграм.* Пришли президент Вильсон в свое время в Париж какого-нибудь сенатора-республиканца, Америка на пятьдесят лет, а быть может, и навсегда была бы вовлечена в политическую жизнь Европы.*

В раздумьях о прошлом неизбежно присутствуют подобные предположения. «Не надумай я в этом году провести пасхальные каникулы в Сен-Тропезе, я никогда бы не повстречался с женщиной, сделавшей меня несчастным». Ничто не доказывает верность этого рассуждения. Без сомнения, незначительные и непредвиденные случайности каждый миг изменяют привычное течение событий. Но только целая цепь необычных совпадений может придать этому течению диаметрально противоположный характер.

Ну, не попали бы вы в Сен-Тропез, попали бы в Сен-Рафаэль, там встретили бы другую женщину такого же склада, она понравилась бы вам, как и первая, по тем же самым причинам, ибо, сами того не ведая, вы в ту пору искали душевных мук. Те или иные обстоятельства вашей жизни могли бы оказаться совсем другими, но ее общие контуры остались бы примерно такими же.

Лорд Дансени написал на эту тему весьма любопытную пьесу. В первом действии перед нами человек, опоздавший на поезд: в ту минуту, когда он приближается к выходу на перрон, поезд уходит. Вследствие этого опоздания дальнейшая его жизнь складывается неудачно, и он то и дело твердит: «Подумать только, что секундой раньше...» И вот в один прекрасный день какой-то восточный торговец предлагает ему купить волшебный кристалл, позволяющий его владельцу видоизменить по своему желанию *одно* из минувших событий. Герой пьесы, разумеется, желает оказаться на том же перроне, только секундой раньше. На сей раз он садится в поезд, и жизнь его начинается сызнова. Однако, хотя внешне все складывается по-другому, герой терпит столь же полное фиаско, как и в первый раз, так как коренные

причины неудачи были заключены в его характере, а не в обстоятельствах.

То же мы наблюдаем и в истории народов. Они не могут избежать уготованной им судьбы. Если бы в вандемере артиллеристы прибыли с опозданием, на время изменилась бы судьба Бонапарта, но не история Франции — по крайней мере в главных своих чертах она осталась бы той же. Появился бы другой Бонапарт. Всякое поколение несет в себе определенное количество героев и деятелей. Но в мирное время они остаются не у дел. Бонапарты 1895 года доживали свой век в каком-нибудь провинциальном гарнизоне квартирмейстерами или интендантами батальона. Будь нос у Клеопатры короче, история Рима шла бы своим чередом — на смену величию пришел бы упадок.

А будь у вас, сударыня, нос подлиннее, я все равно писал бы сейчас послание незнакомке. Только эта незнакомка была бы иной. Прощайте.

Хронофаги

Хронофаг. Словечко это, если не ошибаюсь, придумано Монтерланом. Оно обозначает опасную разновидность людского рода: пожирателей времени.

Хронофаг — это чаще всего человек, у которого нет настоящего дела и который, не зная, на что убить свое время, решает заполнить свой досуг, пожирая ваше. Наглость этой твари невероятна. Он пишет авторам, с которыми не знаком, требуя немедленного ответа; при этом он доходит в своем бессердечии до того, что прилагает к письму почтовую марку, повергая этим благовоспитанного адресата в замешательство; он домогается заведомо ненужной встречи и, если человек, на свою беду, соглашается принять его, докучает ему до тех пор, пока крайнее раздражение хозяина не возьмет верх над учтивостью. Он поведает вам о своей жизни и расспросит о вашей. Счастье, если он ко всему прочему не ведет дневника, куда позднее запишет, что вы, мол, уже не тот, что прежде, куда только делась былая живость, что вы кажетесь угасшим, разговаривать с вами малоинтересно, словом, он сильно разочарован. А будущие биографы, не подозревая, что ваша молчаливость проистекала из вашего негодования, не преминут представить вас в своих описаниях жалким стариком.

Не надейтесь умаслить хронофага, бросив ему поглотить частицу вашего времени. Он ненасытен. Подобно тому как пес, которому один из сотрапезников неосмотрительно кинул крылышко цыпленка, непременно возвращается к накормившей его руке и, умильно глядя, протягивает лапу за новой порцией, так и хронофаг, обнаружив, что перед ним человек мягкий и слабыхарак-

терный, будет безжалостно злоупотреблять этим открытием. Ваша терпимость побудит его явиться снова, писать вам и всячески надоедать.

— У меня много работы, — неуверенно скажете вы.

— В самом деле? — спросит хронофаг. — Как интересно. И над чем же вы трудитесь?

— Над романом.

— Над романом? Но вся моя жизнь — роман...

И вот его точно прищипорили. Полночь застанет вас на том же месте. Если же он умудрится заманить вас к себе, вы погибли. Вы — кость, которую он затащил в свою конуру, и, уж будьте уверены, он обгложет вас дочиста. А если он натравит на вас своих приятелей, вас станет пожирать целая свора хронофагов. Эти твари группируются в сообщества и охотно делятся друг с другом добычей.

Отсюда мораль: держитесь с хронофагами твердо и беспощадно истребляйте их. Мягкостью и щепетильностью ничего не добьетесь. Напротив, эти-то качества и создают микроклимат, в котором хронофаг благоденствует. Он необычайно живуч, и его нужно уничтожать. Мне претит насилие, но в данном случае оно необходимо. Ведь не позволите же вы хищному зверю рвать вас на части, не пытаетесь защищаться. А хронофаг подобен хищнику, он отнимает у вас жизнь. Ибо что наша жизнь, как не время. «Где тот человек, который хоть сколько-нибудь ценит время, умеет дорожить каждым днем и понимает, что миг за мигом приближает его к смерти?.. Пока мы откладываем жизнь на завтра, она проходит. Ничто не принадлежит нам в такой степени, как время; оно — наше. И этим-то единственным и быстротечным достоянием мы позволяем завладеть первому встречному...»

Вот, моя дорогая, что писал Сенека своему другу Луцилию две тысячи лет назад, и это доказывает, что хронофаги существуют так же давно, как само человеческое общество. Но главное, да не послужит приступ дурного настроения, в котором вы меня застали, поводом для того, чтобы лишить меня вашего присутствия или скупом отмерять те мгновения, которые вы мне дарите. Женщина, которая нам нравится, никогда не станет хронофагом, она заполняет наше время самым приятным для нас образом. Прощайте.

Против учтивости

Дорогая, остерегайтесь чрезмерной учтивости. Это свойство заставляет и мужчин и женщин совершать больше глупостей, чем худшие из недостатков.

Об этой истине две притчи говорят,
И много поразительных примеров...

У одной парижской четы был близкий друг — профессор Б., хирург, прекрасный человек, олицетворение порядочности, мастер своего дела. Но все мы стареем, и наступил день, когда скальпель начал дрожать в его руке, утратившей прежнюю крепость. Не без участия его коллег по городу распространился слух, что во время операций у Б. случаются досадные неудачи. И вот именно в это время в семье, связанной узами дружбы с Б., заболел муж. Врач после осмотра и назначения режима объявил, что необходима операция.

— *Кто ваш хирург?* — спросил он.

Больной назвал имя профессора Б., врач состроил гримасу:

— *Он был мастером своего дела, он все еще может дать дельный совет, но...*

Супруги посоветовались. Можно ли было обидеть бедного Б., пригласив кого-либо из его собратьев? Оба сочли подобное поведение жестоким.

— *И крайне неучтивым!* — добавила жена. — *Подумай сам, ведь только на прошлой неделе мы обедали у них.*

Этот неопровержимый довод все решил. Пригласили Б., он был рад оказать услугу приятелю и согласился.

— *Операция пустяковая,* — заметил он.

Операция и впрямь была неопасная, однако больной умер. Зато учтивость была соблюдена.

А вот другая притча. Некого юношу частенько приглашали к себе друзья его семьи, у которых в Нормандии имелся просторный загородный дом. Дочь хозяев питала к нему явную склонность, и ее родители хотели их брака. Но, испытывая к этой юной особе дружескую привязанность, он находил ее не слишком красивой и не имел никакого намерения связать себя с нею на всю жизнь.

Однажды весенним вечером, когда стояла прекрасная погода, все небо было в звездах, а яблони — в цвету, он совершил неосторожность и после ужина выказал желание прогуляться при свете луны.

— *Превосходная мысль,* — заметила хозяйка, — *Мари-Жанна составит вам компанию.*

Молодые люди вышли в сад. Бледная дымка окутывала фруктовые деревья. Под ногами с трудом различалась росистая трава. Мари-Жанна безо всякого умысла ступила ногой в рытвину и упала. Естественным и произвольным порывом юноши было поддержать ее. Она очутилась в его объятиях, их губы оказались близки.

— *Ах! Я всегда знала, что вы любите меня...* — прошептала она в упоении.

Чтобы вывести ее из заблуждения, требовались твердость и присутствие духа. Юноша не обладал ни тем, ни другим. Он смирился с непоправимым. Губы совершили путь к роковому поцелую. С прогулки молодые люди возвратились женихом и невестой. Он прожил всю жизнь с женщиной, которая, как говаривал Сван, «была не в его вкусе».

Querida, если сочтете нужным, будьте чертовски неучливой. Прощайте.

Кто вы — вещь или личность?

Вы знаете, что женщина может быть вещью или личностью. Она — личность, если сохраняет независимость от мужчины, которого любит, самостоятельна в своих взглядах и планах, госпожа своего тела и мыслей. Она — вещь, если позволяет обращаться с собою как с вещью, пусть прекрасной и драгоценной, но все же лишенной собственной воли, покорной желаниям и прихотям своего хозяина, похожей на лакомое блюдо, которым угощаются, когда придет охота.

Очень долго женщина была только вещью. В древние времена она составляла часть военной добычи. Победитель имел право на захваченное оружие, золотые или серебряные сосуды и на пленниц. Все это считалось трофеями. Невольничий рынок, где можно было купить женщину, как покупают фрукты на Центральном рынке Парижа, существовал в нашей столице еще совсем недавно. Женщине нужно было завоевать экономическую независимость, чтобы сделаться личностью и успешно отстаивать свои права.

Заметьте, многие мужчины жалеют, что женщина перестала быть вещью. Это было так удобно! Она была источником наслаждения, рожала детей, воспитывала их, вела домашнее хозяйство. Взамен она требовала лишь пищу, кров и немного внимания. Да и требовала ли она его? Через некоторое время после женитьбы муж начинал заглядываться на других женщин: муж-любовник без особых церемоний удалялся из дома.

В ту пору женщина, желавшая стать личностью, раздражала мужчин. В этом-то и состояла беда Жорж Санд. Она была прежде всего человеком и требовала, чтобы с нею соответственно обращались. Будучи умнее большинства окружающих ее мужчин, она ни в чем им не уступала. У нее были свои взгляды. Устав от любовной связи, она обрывала ее, как это делают мужчины. Она сама зарабатывала себе на жизнь и хотела сама распоряжаться

своим состоянием. Ее злополучный муж, недоумевающий, сбитый с толку, жаловался.

— Я женился не на женщине, — говорил он, — скорее на мужчине.

Не только муж, но и все общество упрекало госпожу Санд за мужской характер. Она же напротив, была очень женственной — и внешне, и в своем поведении, и в выражении чувств, и по складу ума. Но она была женщина-личность, а не женщина-вещь. В этом все дело.

Недавно я читал в одном большом французском городе лекцию на эту тему и заявил, что мне самому больше по душе женщина-личность. При этом я признался, что в молодости мне нравилось, когда меня окружали, точно породистые собаки, красивые женщины из разряда вещей; однако я согласился, что это был всего лишь кощунственный пережиток. В заключение я сказал, что уважаю человеческое достоинство в моих сестрах женщинах точно так же, как в моих братьях мужчинах.

После лекции состоялся очень приятный ужин, во время которого красавицы, присутствовавшие на нем, затеяли со своими мужьями спор по поводу своего собственного положения. Многие из них жаловались на то, что даже в наше время с ними обращаются как с вещами. А одна была этим очень довольна.

— Мне нравится быть роскошной вещью, — заявила она.

— Это ты-то вещь?! — воскликнул ее муж. — Ты самая властная личность из всех, кого я встречал.

А вы, *querida*? Кто вы, личность или вещь? Скажите мне без утайки. Прощайте.

Женщина и профессия

Еще не так давно большинство женщин не знали, да и не хотели знать иного труда, кроме домашнего, иных забот, кроме забот о детях и семейном очаге. Некоторые, правда, выполняли те или иные виды работ, при этом зачастую трудились в тяжелых и несправедливых условиях, ибо тогда за равный труд женщине платили меньше, чем мужчине. Но даже те, что хотели быть просто домашними хозяйками, не могли остаться в стороне от занятий мужа. Их уделом было подбадривать супруга, помогать ему либо, напротив, мешать.

Сегодня вопрос о профессии приобрел в семейной жизни особую важность, так как большая часть женщин работает. Жизнь дорожает; состояния, доставшиеся по наследству, редки и невелики; потребности растут. Чтоб жить безбедно, семье не помешает второе жалованье. Новый порядок вещей порождает и новые проблемы. Желательно ли, чтобы у мужа и жены была одна и та же

специальность? Если да, то есть ли возможность и стоит ли им трудиться вместе? Если нет, то как согласовать их разный жизненный уклад?

Обсудим самое старое положение дел, которое в последнее время встретишь не часто: в семье работает только муж. Какую помощь в состоянии оказать ему жена? Во многих случаях трудно провести рубеж между ее собственными обязанностями и занятием супруга. Жена земледельца трудится рука об руку с мужем. Фермерша играет важную роль в организации и ведении работ на ферме. В лавке мелкого торговца жена- и продавец, и оформитель витрин, и счетовод. Если лавка, кафе или отель соединены с квартирой, хозяйка, разумеется, все время сует туда и обратно, разрываясь между детьми и клиентами мужа. В его отсутствие она распоряжается и управляет порой лучше, чем он.

Даже если контора или мастерская мужа не связаны с домом, влияние жены может быть громадным. Если она обходительна и приветлива, она в высшей степени способствует установлению добрых отношений мужа с начальниками и коллегами. Избавляя его от забот по дому, она тем самым позволяет ему уделять все внимание продвижению по служебной лестнице. Напротив, если нрав у нее угрюмый, если она склонна к опрометчивости и нескромности, она рискует свести на нет самые благоприятные возможности своего супруга. Жена с веселым нравом — прибежище для мужа в трудный для него час; вечно недовольная жена — как «кровля, которая постоянно протекает». Раздражать-то она раздражает, но не защищает.

Очень важно, особенно во Франции, чтобы жена, кроме случаев, чреватых серьезной опасностью, не играла роль узды. Француз в отличие от представителей других народов не испытывает особой склонности к риску. Если он вынашивает дерзкий замысел, который сулит достаточно шансов на успех, жена его послужит одновременно и семье и стране, оказывая мужу поддержку и побуждая его к смелости и упорству. Ее советы будут более действенными и убедительными, если она разбирается в стоящих перед ним проблемах. В наше время девушки овладевают основами различных наук. Они нуждаются в этом, с одной стороны, для того, чтобы разбираться во все более разнообразной домашней технике, а с другой стороны, для того, чтобы лучше понимать, чем живет их муж — ядерный физик, нейрохирург или инженер на атомной электростанции. Осведомленность жены в подобных вопросах укрепляет узы брака.

Желательно ли, чтобы у мужа и жены была одинаковая профессия? Выше мы говорили, что, когда речь идет о фермерском хозяйстве, мелкой торговле, содержании гостиниц, это почти неизбежно. Но есть ведь и более сложные профессии. Захочет ли

писатель, врач, государственный служащий, инженер, кинорежиссер или журналист, чтобы его жена была к тому же его сослуживицей или помощницей? Не думаю. Разумеется, можно представить себе, что муж и жена трудятся в одной области и работают, так сказать, параллельно. Если оба они люди достойные, их деловое соперничество не вступит в противоречие с супружеской привязанностью. Но если один из них склонен к зависти, тщеславию или попросту быстро падает духом, тогда одинаковая специальность может стать причиной серьезных затруднений в личной жизни.

В том случае, если жена более талантлива или искусна, муж очень часто испытывает, может быть сам того не желая, чувство зависти. Это несправедливо и нелепо, но мужчина столько веков главенствовал в семье, что его достоинство страдает, когда его опережают в его собственной сфере деятельности. Я знал чету актеров, вступивших в брак по взаимной любви и поначалу совершенно счастливых. Со временем жена превратилась в прекрасную актрису, директора театров и драматурги поручали ей главные роли, между тем как муж, заурядный актер, никак не мог выдвинуться и чувствовал себя глубоко несчастным. Жена старалась всячески щадить его самолюбие, но факты, увы, говорили достаточно красноречиво. В конце концов их брак распался. Таковы мужчины, моя милая. Прощайте.

Женщина и профессия

Письмо второе

Трудности, о которых мы толковали, не безвыходные, от них есть лекарства. Первое: жена работает *вместе* с мужем и является для него самой лучшей и надежной помощницей. Если медицинская сестра или женщина-врач вышла замуж за доктора и сделалась его правой рукой, она тем самым обеспечивает прочность брака, пусть ее роль как специалиста и не столь приметна. То же можно сказать и о женщине, изучившей стенографию и машинопись и ставшей секретарем своего мужа-журналиста, писателя или сценариста. Ничто так не цементирует брак, как совместный труд. Союз сердец дополняется тогда профессиональным сотрудничеством. У таких супругов всегда найдутся темы для разговоров. Интересы их тесно переплетены, и вопрос о разделе сфер влияния не возникает между ними. Брак от этого становится и гармоничнее, и прочнее.

Такое разделение обязанностей зачастую требует от женщины самоотверженности. Это похвально. В свое время я был знаком с супругами-медиками: оба они прекрасно учились, оба успешно

стажировались в клинике, обоим ожидало блестящее будущее. Однако жена решила остаться лишь ассистенткой своего мужа. Все важные открытия, которые в действительности принадлежали им обоим, публиковались только за его подписью. Когда я однажды похвалил ее за скромность, она мне ответила: «С моей стороны тут нет никакой заслуги, и я не испытываю никаких сожалений. Напротив, я убеждена, что в дружной семье нет заслуг кого-то одного — мужа или жены, как не существует отдельно имени мужа и имени жены. Союз двоих един и неразделим во всем. Успехи моего мужа — это и мои успехи, я тоже испытываю связанную с ними радость». Жизнь подтвердила ее правоту, ибо с годами их брачный союз все больше укреплялся.

Совсем иные проблемы возникают, когда супруги работают в разных областях. Если женщина — директор фирмы, кинозвезда или политический деятель — добилась больших успехов, тогда как успехи мужа незначительны или их вовсе нет, от нее потребуются величайший такт и бесконечная деликатность, чтобы муж принял подобное положение дел, которое при современном состоянии наших нравов все еще представляется мужчинам аномальным. В этом случае лучшее решение — приобщить мужа к деятельности жены, которая столь преуспела, но в такой форме, чтобы его гордость не пострадала. Он может взять на себя ведение дел жены. Предположим, она модельерша и создает необыкновенные образцы одежды. Он займется финансами фирмы. Она кинозвезда и завоевывает экраны всей планеты? Он будет ее продюсером. Немного скромности, побольше обоюдных похвал и подлинного чувства — и брак уцелеет.

Когда замужняя женщина работает бок о бок с другими мужчинами или под началом хозяина, встает проблема ревности. Повседневное общение мужчины и женщины, занимающихся одним делом, может привести к возникновению в их отношениях некоторой интимности или фамильярности. Женщина, чего доброго, почувствует, что коллеги, с которыми она делит повседневные заботы и которые помогают ей справиться с работой, ей ближе, чем муж, которого она видит лишь вечером, устав после трудового дня.

При таких обстоятельствах для сохранения семьи женщине необходима особая осмотрительность в отношениях с начальниками и сослуживцами и полная откровенность с мужем. Весьма опасен также случай, когда из-за своей профессии супруги вступают в конфликт. Время года, удобное для отпуска одному из них, не подходит другому. Или один из супругов вынужден по делам службы много ездить, между тем как другой — по необходимости или по складу характера — предпочитает покой и домашний уют. Все это — конфликты, присущие нашему времени, когда легче

обрести душевное равновесие в работе, чем в семье. Долг женщины — примирить работу и личную жизнь.

Положение молодой девушки в современном обществе стало несравненно лучше, чем прежде. Обладать специальностью для нее чрезвычайно выгодно. Мало того, что она теперь сама зарабатывает себе на жизнь, жизнь ее стала содержательнее и интереснее, выйдя за рамки семейного круга. Юной героине Балзака приходилось выходить замуж за человека, выбранного родителями, так как ей негде было встретить другого; в наше время молодая девушка сталкивается на работе со множеством мужчин и совместный труд позволяет ей лучше разобраться в них. В прошлом жених, с которым она встречалась в торжественной обстановке, никак не раскрывался перед нею. Повседневная жизнь завода, лаборатории или больницы непременно выявляет все достоинства и недостатки мужчин. Кроме того, девушка, способная сама себя прокормить, вступает в брак не в силу необходимости, а по свободному выбору. Профессия защищает ее и служит ей добрым советчиком.

Все хорошенько взвесив, я пришел к выводу, что девушка, выбравшая себе в мужа человека, чьи профессиональные интересы ей не чужды, закладывает надежные основы своего будущего счастья. Нет ничего прекраснее на свете, чем брак, в котором все общее: любовь, духовные интересы, победы и поражения — словом, и дела, и чувства. Прощайте.

Нежная, как воспоминание *

«Нежная, как воспоминание»... Так озаглавлен томик писем Гийома Аполлинера, который вам надлежит прочесть. Любовные письма ныне редки и кратки. Письма Аполлинера вас восхитят. К тому же они как нельзя более подходят вам, ибо также адресованы незнакомке.

Это произошло 1 января 1915 года. Артиллерийский капрал Костровицкий (в литературу он вошел как Гийом Аполлинер, по двум своим именам) сел в Ницце в марсельский поезд и увидел в купе прелестную девушку Мадлену П. Он был нежен и поэтичен и заговорил с незнакомкой о любви, стал читать ей стихи. Бодлер, Верлен, Вийон... Аполлинер и незнакомка знали наизусть одних и тех же поэтов. «Однако он читал или, вернее, негромко проговаривал стихи, — пишет она, — с такой простотой, что я не могла с ним сравниться; изумленная, я покорно уступала ему, едва начав какое-нибудь стихотворение...» До чего изящно сказано.

Он уезжал на фронт, она направлялась в Алжир; они обмена-

лись адресами, и завязалась чуть ли не ежедневная переписка. Сидя на мешке с овсом, положив бумагу на ствол упавшего дерева, капрал писал, воскрешая в памяти образ словоохотливой молоденькой пассажирки с, длинными ресницами. Будучи поэтом и рыцарем, он играючи сочинял дивные письма, усеянные стихотворными строфами:

Галопом мчат воспоминанья
К ее сиреневым глазам.
И беззаботные мечтанья
Меня уносят к небесам.

Вам кажется странным, *querida*, что эта переписка с незнакомкой, которую он видел всего три часа и даже ни разу не поцеловал, породила большую любовь? Я же полагаю, что нет ничего более естественного. После Стендаля и Пруста мысль о том, что источник любви скорее в нас, нежели в любимом существе, превратилась в общее место. Сердце солдата, балансирующего между жизнью и смертью, переполнено любовью. Появляется незнакомка — и его чувство, переливаясь через край, сосредоточивается на ней и кристаллизуется. История подсказывает нам, что больше всего любили тех женщин, которых редко видели. Данте ничего толком не знал о Беатриче; самым пламенным своим страстям Стендаль предавался главным образом в мыслях, а «прелестная девушка» из цикла романов «В поисках утраченного времени» только однажды промелькнула на перроне вокзала. Так и письма Аполлинера, становясь все более страстными и под влиянием разлуки пропитываясь неистовой чувственностью, стали гораздо более спокойными, стоило ему во время отпуска повидаться со своей любимой. «Великая сила женщин — в их отсутствии». Так что вы очень сильны, сударыня.

Если вам придутся по вкусу эти сокровенные признания поэта, прочтите затем и другие его любовные послания; вы обнаружите, что он нередко писал в один и тот же день сразу трем разным женщинам, посвящал им одинаковые, лишь с незначительными изменениями, стихи. Вас это коробит? Вы не правы, моя прелесть. Все влюбленные, блиставшие в эпистолярном жанре, поступали таким же образом. Шатобриан мог не задумываясь скопировать для госпожи де Каstellан письмо, прежде написанное им госпоже Рекамье. А уж стихи и подавно! Как отказаться от такого замечательного оружия и не употребить его еще раз? Вас приводит в ужас эта неискренность? Но поэты как нельзя более искренни, *querida*. Для Аполлинера или Шатобриана все три женщины сливаются в один образ сильфиды, созданный их воображением. Поэтам нужны такие перевоплощения. Без них нет поэзии.

«Неужели вы думаете, что, будь Лаура женой Петрарки, он бы всю жизнь писал сонеты?» — спрашивал великий Байрон.

Так что оставайтесь незнакомкой. Прощайте.

Принимать то, что дано

Она говорит: «Мужской характер столь отличен от женского, что самый обыкновенный мужчина кажется неопытной женщине чудищем, упавшим с другой планеты. Для всякой женщины тот, кого она любит, представляет трудноразрешимую задачу. Женщина смысленная или хотя бы рассудительная стремится справиться с ней, принимая в расчет то, что дано. Она говорит себе: «Он таков, каков есть, этим он мне и интересен, но, если уж я люблю его, надо как-то приноровиться к нему». Женщина требовательная и пылкая отказывается принимать исходные данные, иначе говоря, черты физического и нравственного облика ее мужа или любовника; она наивно думает, что ей удастся его переделать.

Вместо того чтобы решить раз и навсегда: «Он таков от природы; как сделать его счастливым?», эта властная особа думает: «Как переделать его, чтобы он сделал счастливой меня?» Раз уж она его любит, ей хочется, чтобы он был безукоризненным, похожим на тот идеал, что наваян ей чтением книг и грезами. Она его донимает, порицает, изводит, ставит ему в укор слова и поступки, которые с улыбкой снесла бы от всякого иного.

Недоумевающим она ответит, что такое поведение с ее стороны уже само по себе доказывает силу ее чувств, что если она и впрямь более терпима к другим, то это скорее от безразличия, чем от снисходительности. Ей кажется естественным, что, решив быть верной одному мужчине, она хочет, чтобы он по крайней мере отвечал ее вкусам. В конечном счете она, по ее мнению, перевоспитывает его для его же блага, и с тех пор, как она за него принялась, он уже во многом изменился к лучшему... Все это так, но, на беду, люди, как правило, вовсе не желают «меняться к лучшему», да и нельзя лепить человеческие характеры, как лепят бюсты из глины.

Мужчина — и даже юноша — сформировался под влиянием наследственности, семьи, воспитания, у него уже есть за плечами определенный опыт. Сложился его физический облик; укоренились привычки; определились вкусы. Пожалуй, еще возможно — и то не сразу — исправить известные его слабости, если делать это с величайшей осмотрительностью, мягкостью и осторожностью, умасливая его комплиментами, подобно тому как ваятель увлажняет затвердевающую под его пальцами глину. Но прямая и за-

пальчивая критика вынуждает мужчину защищаться. Любовь, которая должна служить надежным пристанищем, оказывается усеянной шипами угроз и наказов. Сначала, если он очень влюблен, мужчина смирится с принуждением, попытается стать лучше; однако потом его подлинная натура возьмет верх, и он проклянет ту, которая ломает его; любовь ослабевает и умрет; быть может, он даже станет всем сердцем ненавидеть ту, что похитила у него самое дорогое сокровище — былую веру в самого себя. Так по вине слишком разборчивых женщин между супругами рождается скрытая злоба...»

Тут я прервал ее:

— Не слишком ли вы строги к женщинам? Вы говорите только об их заблуждениях. Неужели вы думаете, что мужчина охотнее принимает исходные данные и признает в той, кого любит, натуру законченную и достойную уважения?

— Милый друг, — говорит она, — если и существуют еще на свете безрассудные женщины, требующие, чтобы мужчина не был ни эгоистом, ни увальнем, ни слепцом, ни педантом, согласимся, что их дело безнадежно.

Прощайте.

Принимать то, что дано

Письмо второе

«Недостаточно *принимать* людей такими, каковы они есть; надо *желать* их такими — вот суть подлинной любви». Высказывание это принадлежит Алену; он преподает нам весьма поучительный урок. Есть много смиренных и безрадостных женщин. Они принимают мужа и детей такими, «какие они есть», но при этом не обходятся без жалоб на них. «Не везет мне, — говорят они, — я могла бы выйти замуж за более удачливого или умного человека, который добился бы большего. У меня бы могли быть более способные и ласковые дети. Я знаю, что не в моих силах переделать их; я принимаю то, что мне даровано судьбой, но, когда я вижу со своей подругой, чей муж преуспевает, а дети блестяще сдают экзамены, я испытываю легкую зависть и сожаление. И это вполне естественно».

Нет, сударыня, это отнюдь не естественно. Во всяком случае, если вы любите своих близких. В человеке, который нам по-настоящему дорог, нам дорого все — даже его недостатки. Без них он не был бы самим собой, а значит, не имел бы тех качеств, которые привязывают вас к нему. Ваши дети учатся не так успешно, как другие? Может быть, но разве они не милее и не живее других? Ваш муж не пользуется достаточным авторитетом? Но зато

он так обаятелен. Ведь с характером происходит то же, что и с лицом. Когда любишь по-настоящему, в любимом существе не замечаешь ни причуд, ни морщин. Я знаю, что человек, который мне дорог, мало смыслит в искусстве и, если при нем затронут эту тему, он наговорит немало чепухи. Что мне до того! Я не краснею за него; в нем есть множество иных превосходных качеств. Ведь человек — нечто целое, и я не хочу ничего в нем менять. Иначе это будет уже не мой муж и не мой ребенок.

Подлинная любовь все делает прекрасным. Ваш супруг слишком часто употребляет одни и те же словечки? Пусть другие находят это смешным, вы к ним уже привыкли, и они не режут вам слух. У него страсть к политике? Сперва это вас забавляет, а потом вы начнете ее разделять. «А если его недостатки убивают во мне любовь к нему?» — спросите вы. Стало быть, вы его недостаточно любите или у вас не хватает терпения. Должно пройти время, прежде чем научишься жить с кем бы то ни было, даже со своими детьми, когда они вырастают. Я вот что хочу сказать: существует два разных подхода к людям. Первый состоит в том, чтобы взирать на них критическим оком — возможно, это справедливо, но сурово, это подход равнодушных. Другой соткан из нежности и юмора; при этом можно видеть все изъяны и недостатки, но смотреть на них с улыбкой, а исправлять мягко и с шуткой на устах. Это подход любящих.

И где доказательства тому, что вы были бы счастливее, будь ваши близкие иными? Разве честолюбивый муж сделал бы вашу жизнь более приятной? Кто знает? Важные посты связаны с большими неприятностями и тяжелой ответственностью. Рискуешь их потерять, а падение болезненно. Но даже если все сложится удачно, разве в этом источник радости? Едва добившись одного, человек тут же тянется за другим. А вообще же никто не способен съесть больше того, что позволяет желудок. А привязанность, дружба легче расцветают в простой, непритязательной обстановке, чем в пустыне власти. Ваша единственная беда заключается в том, что вы считаете себя несчастной и мечтаете о том, чего у вас нет, вместо того, чтобы получать удовольствие от того, чем вы обладаете. Скажите же самой себе: «Мой муж застенчив, зато он мне мил. Мои дети не так уж талантливы, но они добрые и хорошие дети».

И тогда вы почувствуете себя счастливой. Ибо счастье именно в том и состоит, чтобы не желать перемен в тех, кого любишь. Вот и я принимаю вас такой, какая вы есть, — незнакомой и непознаваемой. Прощайте.

Витамин «ПР»

Вы, как и все, знаете, *querida*, что великого Гюго, которого недавно так пышно прославляли, целых пятьдесят лет боготворила Жюльетта Друэ*; вы знаете, что она написала ему более двадцати тысяч писем и повторяла в них на двадцать тысяч ладов (умудряясь при этом избежать однообразия): «Ты самый великий, самый прекрасный... Любимый, прости мне мою безмерную любовь к тебе... Видеть тебя — значит жить; слышать тебя — значит мыслить; целовать тебя — значит возноситься к небесам... Здравствуй, мой возлюбленный, здравствуй... Как ты себя чувствуешь нынче утром? Я же могу только одно — благословлять тебя, восторгаться тобой и любить тебя всей душою...»

Я уже отсюда слышу, как вы — амазонка, вы — жестокосердная, вы — задира восклицаете: «Пятьдесят лет преклонения? Ах, до чего она ему, должно быть, надоела!» А вот и нет, дорогая, не думайте так. Помнится, я и сам частенько напоминал вам о необходимой мере кокетства; известно, что многие мужчины и женщины пренебрегают тем, что дается им легко, и добиваются того, что от них ускользает; я знаю, что Гюго много раз обманывал бедняжку Жюльетту, даже в ту пору, когда она была еще хороша собой, и что она ужасно страдала из-за этого. Но зато другие проходили «как ветер, как волна», а она оставалась с ним всю жизнь.

Она оставалась с ним потому, что люди определенного типа, рожденные для борьбы и нуждающиеся в доверии близких как в необходимом оружии — художники, политики, выдающиеся деятели, — испытывают потребность в ежедневной дозе преданности и поклонения. Предпочтение, превознесение, преклонение — все эти близкие друг другу понятия содержат особый витамин — «ПР», без него воля у них слабеет. Наше тело нуждается в кальции, фосфоре; наш дух — в ободрении и почете. Тело расцветает на солнце, дух — в лучах любви.

Однообразие? Да, оно, без сомнения, порою утомляет. Я более чем уверен, что Гюго не прочел все двадцать тысяч писем Жюльетты. Можно с легкостью вообразить один из «триумфальных дней» поэта, когда, охваченный вдохновением, торопясь поскорее засесть за работу, он с утра распечатывал нехитрое письмецо своей возлюбленной, быстро пробежал его, убеждался, что это не более чем обычный набор излияний, прочитывал заключительные строки: «Увы! Я люблю тебя больше, чем когда-либо, люблю, как в первый вечер» — и равнодушно складывал послание в ларец, в стопку ему подобных. Бывало и так, что, влюбленный в другую, Гюго искал среди писем конверт, надписанный отнюдь не рукою Жюльетты, а ее письма оставались нераспечатанными.

Но наступали и такие дни, когда попавший в опалу поэт находился в опасности, когда его переполняло отвращение ко всему на свете, когда против его произведений строились козни, а он сам подвергался преследованиям. Тогда тщеславные «охотницы на львов» искали себе другую добычу и только одна Жюльетта неизменно оказывалась в пустыне или в изгнании рядом со своим поэтом; тогда ее ежедневные письма и нежные признания помогали израненному и затравленному льву вновь обрести силу. В такие минуты именно для Жюльетты писал Виктор Гюго стихи, в которых после стольких лет старался определить, чем сделалась их любовь:

Два сердца любящих теперь слились в одно.
Воспоминания сплотили нас давно,
Отныне нам не жить отдельно друг от друга.
(Ведь так, Жюльетта, так?) О, милая подруга,
И вечера покой, и луч веселый дня,
И дружба, и любовь — ты все, все для меня!

Не кажется ли вам, что для того, чтобы в старости получать подобные стихи, стоило поклоняться поэту в молодости? Дорогая, тотчас же напишите мне трогательное послание, полное поклонения, а я обещаю сочинить сонет к вашему юбилею. Прощайте.

В манере Лабрюйера

Любите ли вы пародии, сударыня? Сам я всегда считал, что пародия — весьма изощренная форма критики. Так вот, на этой неделе мне представился случай самому сочинить одну пародию или скорее подражание. Соискателям на степень бакалавра предложили такую тему: «Напишите в манере Лабрюйера портрет делового человека наших дней». Одна газета обратилась к нескольким писателям с просьбой также попробовать свои силы. Вот моя письменная работа.

Характер

Для *Пейратеса*¹ не существует ничего, кроме дел; он буквально лопается от богатства, его предприятия заполнили всю планету. «Пейратес, вам принадлежат все сахарные заводы королевства. Не пора ли остановиться?» — «Вы просто бредите, — отвечает он, — могу ли я перенести, чтобы кто-то другой поставлял мне са-

¹ Пират (*греч.*).

харный тростник и таким способом обогащался? Мне нужна собственная плантация на островах». — «Она у вас уже есть, Пейратес, удовлетворены ли вы теперь?» — «А эти хлопковые поля?» — возражает он. — «Вы и их только что приобрели; теперь-то вы остановитесь?» — «Как? — спрашивает он. — Должен же я построить ткацкие фабрики для переработки всего этого хлопка». — «Есть и фабрики. Наступило ли для вас наконец время отдыха?» — «Обождите, — отвечает Пейратес, — такой-то финансист снимает с моих доходов сливки. Это возмутительно». — «Станьте сами банкиром». — «Один завод продает мне грузовики, другой — нужные мне станки; это меня бесит». — «Производите их сами». — «Мои грузовики потребляют много бензина». — «Бурите нефтяные скважины, Пейратес... Ну, вот вы и владеете целой сетью промышленных и сельскохозяйственных предприятий, они прекрасно дополняют друг друга. Вы больше ни от кого не зависите. Начнете ли вы наконец наслаждаться жизнью?»

Он об этом и не помышляет. Ему незнакомы ни простые человеческие желания, ни радости. Каждое утро он встает на заре, склоняется над тщательно составленными ведомостями и видит, как растут его миллионные доходы, но счастье вкушают другие. «В чем же ваша отрада, Пейратес? Свою жену вы принесли в жертву делам, и она уже давно превратилась в забитую старуху, опутанную жемчужными ожерельями; ваши дети не интересуются теми хлопотливыми начинаниями, которые им предстоит продолжить после вас, а ростовщики между тем уже начеку; сумасбродства ваших отпрысков привели бы вас в отчаяние, если бы ваше безразличие к ним не было сильнее вашей ярости; у вас нет ни одного свободного вечера, чтобы побыть с любовницей, которая вам так дорого стоит; и какие могут быть у вас друзья, если вы выносите одних только льстецов и прихлебателей?»

Расслабиться? Отдохнуть? Вы отказываете себе, Пейратес, в том, что имеют последние бедняки. *"Non otium sed negotium"*¹ — для вас это не просто изречение, а закон. В каждой комнате вашего загородного дома стоят телефонные аппараты, вплоть до закраины бассейна, в который домашний врач велит вам погружать время от времени ваше изнуренное тело. У вас столько денег, что вы постоянно в тревоге из-за возможного падения денежного курса или обесценивания валюты. Когда-то вы любили чтение и музыке; вы и к ним утратили вкус. У вас теперь лучший в мире повар, а вы с грустью вспоминаете о супе из капусты, который варила в деревне ваша бедная матушка. Продолжайте же, Пейратес, свое дело, получайте от него удовольствие. Сооружайте порты, финансируйте новые авиационные линии, стройте радиостан-

¹ Здесь: «Никакого безделья — только дело» (лат.).

ции и атомные реакторы. Успехи науки, по счастью, дают вам новые возможности убивать себя столь суетными занятиями. А если вам случайно недостаточно собственных забот, к вашим услугам дела государственные. Вы изрядно поднаторели в искусстве управления и охотно утверждаете, что дела в стране пошли бы гораздо лучше, если бы у кормила власти стояли такие люди, как вы. Видимо, под этим надо понимать, Пейратес, что странюю следует управлять таким образом, чтобы это увеличило ваши богатства?»

И все же Пейратес стареет, и я впервые вижу его почти довольным. Дело в том, что ему пришла в голову гениальная мысль. Для того чтобы частично избавить своих детей, которых он, кстати, терпеть не может, от издержек, связанных с вводом в наследство, он приобрел на имя одного из своих служащих нотариальную контору, а тот обязался возвращать полученные гонорары семье Пейратеса. Вот одна из самых блестящих махинаций нашего героя, и он радуется тому, что успел ее завершить, ибо он подписывал необходимые бумаги уже расставаясь с жизнью. Нынче утром я узнал, что он умер.

Но жил ли Пейратес вообще? Он делал дела. А это совсем другое.

Сочинение это было прочитано преподавателем, не знавшим имен соискателей. Мне выставили балл «18», *querida*, и гордости моей нет границ. Прощайте.

Существуют ли еще эгерии?

Американские социологи обожают статистику и верят в различные опросы. Это, видимо, связано с тем, что в их стране к этому относятся серьезно. Каждый из всех сил старается правдиво ответить на поставленные вопросы. Вот почему таким социологам трудно понять, что во Франции люди большей частью не любят (несмотря на все гарантии того, что их ответы останутся анонимными) говорить о своих личных проблемах, так что в нашей стране ответы на такого рода анкеты являются уклончивыми или даже неверными.

Один молодой американец, ревностный поклонник подобных опросов, пришел вчера повидать меня и заявил:

— Я занят научными изысканиями о влиянии, которым пользуются женщины во Франции. В своих книгах вы часто говорили о важной роли, которую играли в истории вашей страны различные салоны. Я прочел работы о госпоже Дюдеффан *, о госпоже Рекамье *, о госпоже де Луан * и о госпоже Арман де Кайаве *. Полагаете ли вы, что и до сих пор существуют столь

могущественные женщины, способные повлиять, к примеру, на исход выборов во Французскую академию или выдвинуть человека на пост премьер-министра?

— Вы затронули две совершенно разные проблемы, — ответил я. — Нет, ни одна женщина в наше время не могла бы повлиять на исход выборов во Французскую академию. Прежде всего, я не вижу ни одной женщины, у которой были бы друзья во всех группировках, из которых состоит Академия. На набережной Канти заседает определенное число независимых академиков, предпочитающих уединение: они никогда не посещают салонов, не обедают в гостях, сами никого у себя не принимают и, таким образом, действительно недоступны. Как же может кто-либо повлиять на их мнение перед выборами в Академию?

— Стало быть, ныне нет уже больше таких женщин, как госпожа Рекамье?

— Госпожа Рекамье могла заполучить один голос, быть может, два или три, да и то не наверняка. Разумеется, женщина может заручиться обещанием, но не повлиять на исход голосования!.. Что касается поста премьер-министра, то кандидату на эту должность нужно получить триста двенадцать голосов! Что же тут, черт побери, может сделать одна женщина? Самое большее, на что она способна, если она ловка и смыслена, — это взять на себя роль катализатора: устроить встречу руководителей противоборствующих группировок депутатов, устранить недоразумения. Однако это будет скорее подготовка успеха, но не сам успех. Она, пожалуй, создаст благоприятную атмосферу, ну а дальнейшее от нее не зависит.

— И тем не менее, — возразил он, — во Франции все еще говорят об эгериях.

— Эгерией звали нимфу, вдохновлявшую Нуму Помпилия *, — сказал я. — Он утверждал, будто встречается с нею в священном лесу и она дает ему советы о том, какую ему проводить политику. Мудрая тактика, способная снискать доверие суеверного народа; однако эгерия не более чем миф... Как была мифом, так и осталась. Заметьте, однако, разницу: я не думаю, что женщина может проложить мужчине путь к власти, но допускаю, что она порою делает его достойным этой власти. Во Франции многие из наших будущих государственных деятелей приезжают в столицу из своего захолустья неотесанными. Они умны, красноречивы, но лишены изящных манер, искусства вести беседу, а ведь это необходимо для того, чтобы завоевать Париж. И прекрасно, если над ними возьмет опеку женщина, которая то ли из любви, то ли из честолюбия захочет их образовать. Актриса, светская дама или просто просвещенная женщина отшлифует эти необработанные алмазы. Она откроет провинциалу тайны Парижа и скрытые

пружины различных слоев общества. Это не ново. Перечитайте Бальзака и обратите внимание на восхитительную жизненную программу, которую набрасывает в романе «Лилия долины» * госпожа де Морсоф для своего юного любовника.

— Значит, вы допускаете, что эгерия в бальзаковском смысле все еще существует?

— Она будет существовать до тех пор, пока на свете не переведутся женщины, мужчины и правительства.

Не так ли, *querida*? Вы знаете это лучше кого бы то ни было. Прощайте.

Первая любовь

Первая любовь на всю жизнь оставляет след в душе мужчины. Если это была счастливая пора, если женщина или девушка, которая впервые пробудила чувства юноши, ответила ему взаимностью и ни разу не дала ему повода усомниться в ее чувствах, атмосфера доверия и душевного покоя всегда будет сопутствовать ему. Если же в тот первый раз, когда он желал безоглядно довериться, его оттолкнули и предали, рана так никогда и не затянется полностью, а нравственное здоровье, пошатнувшись, долго не восстановится.

Нельзя сказать, что последствия таких разочарований всегда одинаковы. Любовь — это недуг, симптомы которого каждый раз проявляются по-разному. Байрон, которого Мэри-Энн Човорт презирала за его увечье, превратился в донжуана и заставлял всех остальных женщин расплачиваться за жестокосердие первой. Диккенс, отвергнутый за бедность Марией Биднелл, сделался властным, ворчливым, вечно недовольным мужем. И тому и другому первая неудача помешала найти свое счастье.

Очень часто мужчина, несчастливый в первой любви, всю свою жизнь грезит о женщине поэтической и нежной, по-девически чистой и по-матерински доброй, дружелюбной и чувственной, все понимающей и послушной. В постоянной погоне за сифидой он идет от увлечения к увлечению. Вместо того чтобы иметь дело с земными женщинами — пусть несовершенными и непростыми, но женщинами во плоти, он, как выражались романтические поэты, ищет ангела, а сам уподобляется зверю.

Бывает, что молодой человек, разочаровавшись в своих сверстницах, сблизается с сорокалетней женщиной. Неуловимая доля материнской нежности, окрашивающая ее чувство, вселяет в него уверенность в ее неизменной нежности к нему. К тому же, сознавая, что она старше и что старость уже не за горами, она приложит все силы, чтобы удержать своего юного возлюбленного. Баль-

зак, вступивший в молодости в любовную связь с женщиной, которая была гораздо старше его, на всю жизнь сохранил веру в себя и несколько наивное бахвальство — качества, сослужившие ему службу в трудных жизненных битвах. Прибавьте к этому, что женщина лет тридцати пяти или сорока будет более надежным проводником в жизни, чем молоденькая девушка, ничего не знающая о трудностях, возникающих на жизненном пути. Но в таких союзах чем дальше, тем труднее сохранять и поддерживать равновесие.

Наиболее же благоприятным для счастья является союз мужчины и женщины приблизительно одного возраста (мужчина может быть немного старше), безоглядно преданных друг другу, относящихся к своей любви предельно честно, стремящихся во что бы то ни стало сблечь взаимопонимание. Пронести первую любовь через всю жизнь — что может быть прекрасней! Для этого девушки должны отказаться от удовольствия заигрывать с другими мужчинами, что, разумеется, нелегко. Быть может, рассказ о злоключениях Байрона объяснит им, какие опасности таятся в легкомысленном и на первый взгляд безобидном кокетстве. Какая страшная ответственность, сударыня, быть первой любовью талантливому человеку. Да и любого человека вообще. Прощайте.

Дивная музыка

Как мне мила деревня! Ее покой. И эта тишина. Уверенность, что долгий летний день не будет безжалостно искромсан ни телефоном, ни посетителями. Вот оно, Вновь Обретенное время. В городах мы без сожаления расточаем свои немногие — бесценные и неповторимые — дни; мы упускаем из виду, что наша жизнь — всего лишь миг и этот краткий миг необходимо сделать как можно более прекрасным и совершенным. Под этим кедром, под вековыми липами, перед картиной непрестанной жатвы, по вечерам под звездным небом минуты наконец обретают значение.

Наши друзья? Пластинки и книги. Они удивительно дополняют друг друга. Вчера, прежде чем приступить к заказанному мне предисловию, я перечитал «Крейцерову сонату» Толстого. Это необыкновенная, огнедышащая повесть, написанная под влиянием конфликта между темпераментом фавна, постоянной жаждой обладания женским телом и суровой моралью, требующей воздержания. Эпиграф — слова из Евангелия от Матфея: «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Да, подтверждает Толстой, даже если женщина эта — его собственная же-

на: «самый худший разврат — это разврат супружеский». Мы прикрываем, прибавляет он, флером поэзии животную сторону плотской любви; мы свиньи, а не поэты; и хорошо, чтобы мы это знали. В особенности он обрушивается на эротическое влияние, которое оказывает на нас музыка.

«Музыка... — говорит герой книги, — только раздражение, а того, что надо делать в этом раздражении, — нет... Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату, — Бетховен, — ведь он знал, почему он находился в таком состоянии, — это состояние привело его к известным поступкам, и потому для него это состояние имело смысл, для меня же никакого...

А то страшное средство в руках кого попало. Например, хоть бы эту Крейцерову сонату... разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам?.. А то несоответственное ни месту, ни времени вызывание энергии, чувства... не может не действовать губительно...»¹ Вечный муж, произносящий эти слова, предчувствует, что его жена раньше или позже окажется в объятиях скрипача, пробуждающего в ней такие ощущения. Это и в самом деле случается, и свирепый муж, точно разъяренный зверь, убивает жену.

«Великолепная книга, — подумал я, заканчивая чтение. — Скорее, крик души, а не повествование. Поэма, неистовая, как «Гнев Самсона». * Но верно ли все это? Так ли уж виновата музыка? Я горячо люблю Бетховена (наперекор всем тем, кто ныне, следуя моде, упрекает его в том, будто он повторяется), но я никогда не находил его музыку чувственной. Скорее нежной, умиротворяющей, вселяющей мужество; порою могучей и величественной, как в «Оде радости» *, порою соболезнующей и дружелюбной, как в анданте из Симфонии до минор...» *

В нашем загородном доме имеются пластинки с Крейцеровой сонатой в исполнении Иегуди Менухина и его сестры *. «Убедимся сами», — решил я, и мы отдали вечер Бетховену.

Толстой ошибался. Соната эта не сладострастная и губительная, но величественная и божественная. Иногда она будит во мне воспоминание о неземном, ангельском хоре, который властно звучит в «Реквиеме» Форе *. Спускалась ночь. Мы слушали в темноте прозрачные звуки, внимая дуэту брата и сестры. Это был дивный вечер. Такой вечер может подарить только деревня. Прощайте.

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Т. 12. М., Гослитиздат, 1953, с. 61—62.

Кинуться в воду

Необычайная тишина объемлет бескрайний простор — опаленные солнцем дуга и уснувшее посреди долины, окутанное туманом селение. Этим утром я приступаю к новой книге. Вы скажете, что вам до этого дела нет и что напрасно я полагаю, будто о столь незначительном событии следует возвещать *urbi et orbi*¹. Признаю, что оно не имеет мирового значения, и я говорю вам об этом только для того, чтобы извлечь урок, полезный для вас, для меня, для каждого из нас.

Писать книги нелегко, но, пожалуй, еще труднее выбрать тему. Перед автором романов или биографий маячит множество сюжетов. «Жизнь Жорж Санд» *? Заманчивая тема. Но кто только за нее ни брался. Какой-нибудь малоизвестный герой? «Есть очень немного людей, — написал мне американский издатель, — чья жизнь занимает наших читателей. Это жизнь Христа, Наполеона, Линкольна, Марии Антуанетты и еще двух или трех исторических фигур...» Разумеется, любую тему можно осветить по-новому, оригинально трактуя ее или привлекая доселе неизвестные материалы. Но если до вас тема эта уже вызывала интерес у сотни исследователей, вы будете погребены под грудой статей и книг; если же, напротив, тема никем еще не разработана, вы утонете в океане неопубликованных и трудно объяснимых документов.

Словом, когда писатель только-только приступает к работе над книгой, ему кажется, что написать ее невозможно. Это одинаково верно и для романа, и для биографии. «Описать эту историю? Да, но она чересчур напоминает мою собственную жизнь... Тогда ту? Но огорчатся друзья, которые узнают в ней себя... Может, эту? Нет, слишком незначительна... А может, ту? Уж очень запутанная...» Тут есть только одно средство: *начать*. Ален говорил: «Нельзя просто хотеть, надо делать. Как только человека бросают в житейское море — а это неизбежно, — он начинает там плавать». Руль может действовать лишь тогда, когда лодка спущена на воду. Не научишься писать, пока не возьмешься за перо. В этом деле, как и во всяком ином, нужно по кратком размышлении кинуться в воду. Не то просомневаешься всю свою жизнь. Я знал немало людей несомненно талантливых — они до самой смерти оставались на берегу и все вопрошали себя: «Хватит ли у меня сил?»

Силы непременно найдутся, если неустанно к чему-то стремиться. Ибо следующий шаг — это упорство. Нужно дать себе клятву завершить начатое. Решение написать книгу в тысячу страниц поначалу кажется неодолимым. А ведь достаточно пи-

¹ Городу и миру (*лат.*).

сать ежедневно по три страницы в течение года, и вы ее закончите. Задумав книгу «Жизнь Виктора Гюго» *, я дал себе слово прочесть все его произведения и все труды о его творчестве. Это долгий труд, но это будет сделано. Недопустимым промахом было бы остановиться на полпути и сказать себе: «Нет, это уж чересчур! Поищу-ка тему полегче». Может ли альпинист, достигший, вырубая ступени во льду, середины отвесной стены, вдруг повернуть вспять? Спасение для него только в мужестве. Это применимо ко всякому деянию, в частности к писательскому ремеслу.

— Но у меня, — скажете вы мне, — нет никакого желания писать.

Допустим, но ведь в чем-то вам хочется добиться успеха: в спорте, садоводстве, живописи, секретарской работе, кройке и шитье — уж не знаю, в чем еще? Рецепт всегда один: приступайте к делу, какой бы неуклюжей вы себя ни чувствовали, проявляйте настойчивость. Вы с изумлением убедитесь, что опыт, точно по волшебству, пришел к вам. Еще шесть месяцев тому назад вы с трудом управляли машиной на шоссе, сегодня вы искусно лавируете между грузовиками и такси на парижских улицах. Я вновь обращаюсь к великому Алену: «Лень заключается в беспрепятственном взвешивании всех за и против, ибо, пока раздумываешь, все возможности представляются равноценными... Нужно уметь ошибаться, падать и не удивляться при этом».

Не удивлюсь и я, увидев, что «Гюго» окажется для меня скалистей кручей. Я падаю, но все же продолжаю восхождение. Прощайте.

О пожилых супружеских парах

Есть, сударыня, три разновидности пожилых супружеских пар. Начнем с худшей — с четы супругов, уставших друг от друга. Сорок лет супружеской жизни не сблизили их. У них было немного общего, когда они поженились, теперь же им буквально не о чем говорить. Таких супругов нетрудно узнать, видя как они молча сидят за столиком в ресторане и даже ни разу не улыбнутся друг другу. Каждый игнорирует другого, хорошо еще, если между ними нет открытой вражды. Почему же они вместе? По привычке, из уважения к правилам приличия, из некоего семейного конформизма, из невозможности подыскать отдельные квартиры, из неумения жить самостоятельно. Это жалкие супружеские пары.

Вторая разновидность несколько лучше. Ее образуют мужья и жены, которые не питают (или больше не питают) друг к другу настоящей любви, но остаются верными друзьями. Долгие годы мирного сосуществования убедили каждого из них, что, хотя партнера и не назовешь ни нежным, ни обаятельным, он обладает

другими важными качествами. На него можно положиться, у него покладистый характер, все эти годы он прощал чужие грехи и умел сделать так, чтобы прощали его собственные. Пары такого рода иногда объединяют совместно достигнутые успехи, любовь к детям и внукам. Присутствие близкого человека спасает таких супругов от одиночества, прочные узы связывают их с окружающим миром.

Третья, достойная восхищения разновидность — это счастливые пожилые супруги. Самое трудное в браке — уметь перейти от любви к дружбе, не жертвуя при этом любовью. Тут нет ничего невозможного. Жаркое пламя желания иногда долго не угасает, но у супругов, по-настоящему любящих друг друга, «эта чудесная шелковая ткань с роскошными цветными узорами подбита другою, более простой, но такого чистого и редкостного тона, что хочется предпочесть изнанку лицевой стороне». В таком супружестве царит взаимное доверие, тем более полное, что оно зиждется на доскональном знании спутника жизни и такой прочной привязанности, что она позволяет заранее угадывать все душевные движения любимого существа.

Таким супругам скука не страшна. Муж предпочитает общество жены обществу более молодой и красивой женщины; и это обоюдно. Почему? Потому что каждый из них настолько хорошо знает, что именно может заинтересовать другого, потому что у обоих вкусы настолько совпадают, что беседа между ними никогда не замирает. Прогулка вдвоем ныне для них так же дорога, как в свое время им были дороги часы любовных свиданий, этих прелюдий к их свадебному маршу. Каждый знает, что другой не только поймет его, но заранее обо всем догадается. В одно и то же время оба думают об одних и тех же вещах. Каждый просто физически страдает из-за нравственных переживаний другого.

Какое чудо встретить мужчину (или женщину), который ни разу в жизни не разочаровал и не обманул вас!

Когда пожилая супружеская пара преодолевает, не потерпев при этом крушения, море, вспененное демоном полудня, она вступает в тихую гавань, где царит блаженный покой. Нет ничего чудеснее безмятежности этих брачных союзов. И лишь мысль о смерти омрачает гармонию любви. В страстной привязанности друг к другу заложен высокий смысл, но она чревата опасностью, ибо, когда речь идет о жизни дорогого нам существа, все ставится на карту. А ведь человек так хрупок! Но даже смерть бессильна перед большой любовью. Сладостным утешением наполняются часы скорби и одиночества, когда в памяти встают ничем не замутненные воспоминания. Более того, пожилые супружеские пары, которые счастливо прожили свой век, еще долго живут в памяти тех, кто их знал, любил и восхищался ими.

Вы, пожалуй, скажете: «Бог мой, зачем вы рассказываете о пожилых супружеских парах мне, молодой женщине?» Затем, что не грех готовить себя к будущему, пусть даже очень отдаленному. А также потому, что это воскресенье было таким печальным. Легкий парижский туман, прозрачный, синеватый и зыбкий, окутывал под нашими окнами деревья Булонского леса, уже облаченные в покровы осеннего увядания. Прощайте.

Так где же счастье?

Вы написали мне, дорогая, резкое и даже чуть жестокое письмо. «Я была немного раздражена, — пишете вы мне, — вашим письмом об оптимизме. Может ли здравомыслящий человек быть оптимистом в этом шатком мире? Возможно, вы и считаете себя счастливым, но на самом деле, говорю я вам, вы так же несчастны, как и все. Подумайте только, сначала вас ни с того ни с сего швырнули на шар, состоящий из суши и воды, который вертится во тьме, и после определенного, точно рассчитанного числа оборотов на земной орбите вы должны умереть. Можно ли, зная это, оставаться невозмутимым и довольным? Вы утверждаете, будто достаточно преуспели в жизни и все ваши скромные чаяния исполнились. Мой бедный друг, вам хочется этому верить, но вы не хуже меня знаете, что юношеские мечты возносили вас гораздо выше. Вы уверяете, что ваша жена нравится вам больше других женщин и что вы обрели счастье в браке? Полноте! Немного откровенности! Слишком зелен этот виноград. Сознаться, что порою вы жалеете о тех увлечениях, которых лишены, сохраняя супружескую верность. Пойдите-ка, у столь милого вам Виктора Гюго есть превосходное стихотворение, озаглавленное: «Так где же счастье?» Из него явствует, что ваше мнимое счастье — всего лишь длинная вереница невзгод:

Мы по земной стезе проходим все мрачнее:
Как колыбель светла! Могила — мглы чернее!..
Едва мы родились, пред нами — скорбный путь.
Взрослеем, и нам жаль, что детства не вернуть,
На старости грустим, что молодость проходит,
Встречаем смерть, скорбя, что жизнь навек уходит!..
Так где же счастье, где? — я вопрошал. — Слепец!
Тебе ведь дал его небесный наш отец!

Да, вам его даровали, это счастье, но оно всего лишь грандиозный обман, ложь, которая продолжается до тех пор, пока мы совершаем свой короткий и бесплодный путь по земле...»

Сегодня вы очень мрачно настроены, *querida*; должно быть, вы начитались зловещих книг. В чем вы меня укоряете? В том, будто я закрываю глаза на мое, как вы выражаетесь, жалкое существование? В том, что я сам себя обманываю? Что вы хотите этим сказать? Забывать о тяготах человеческого существования, стараться не сосредоточивать на них все свои помыслы, выдвигать на первый план самое отрадное в скромных радостях повседневной жизни — первые ласки, первые проявления нежности, обручение, медовый месяц, радостное сознание, что дети взрослеют на твоих глазах, безмятежную старость — не значит обманывать себя. Это значит совершать мужественное усилие над самим собой и принимать жизнь такой, какая она есть. Я согласен с тем, что жизнь не может быть абсолютно счастливой, но в большой мере она может быть такой, и это зависит только от нас самих. Счастье не во внешних событиях. Оно в сердцах тех, кого они затрагивают. Верить в счастье так, как верю я, значит сделать его истинным, ибо счастье — это вера в него. «Так где же счастье?» Оно рядом с каждым из нас. Оно совсем простое, совсем обычное и не может быть ложью, потому что оно — состояние души.

Если мне тепло, стало быть, мне тепло, это — факт. Сколько бы вы мне ни говорили: «Вы сами себя обманываете, вы ошибаетесь, думая, что вам тепло» — мне это совершенно безразлично. «Я доволен не оттого, что мне стало тепло, — говорил Спиноза, — а мне стало тепло, оттого что я доволен». Если я люблю свою жену и чувствую себя очень счастливым с нею, я действительно счастлив. Вы мне скажете: «Это не может длиться долго. Всякая любовь приедается, разбивается, забывается. Есть много женщин моложе и красивее вашей жены». Какое мне до того дело. Я не испытываю тяги к молодым. Что вы можете на это возразить? Счастье и ложь не могут сосуществовать, ибо в тот день, когда счастье будет признано ложью, оно перестанет быть счастьем. Что и требовалось доказать, *querida*. Читайте «Разговор о счастье» Алена, берегитесь чересчур мрачных романов и наслаждайтесь этим чудесным летом. Прощайте.

О воспитании детей

Каникулы вот-вот закончатся, и вы просите у меня, дорогая, советов относительно воспитания детей. Они у вас еще совсем малыши, но я полагаю, что с самого раннего возраста в школе их будут воспитывать лучше, нежели в семье. Любящие отец и мать чересчур хорошо все «понимают» и потому прощают детям слабости, извиняют лень. Они стремятся скорее утешать, чем исправлять. Школа беспристрастна и строга, как сама жизнь. Там царит равенство, и, если очаровательная девчужка, боготворимая

родными, провалится на экзамене при переходе в следующий класс, она должна будет остаться на второй год или уйти из этой школы. Таков закон коллежа, и он разумен. Не нужно от избытка любви создавать у детей впечатление, что слезы и поцелуи без следа изглаживают проступки, что жизнь легка и что всеильная семья все уладит. Жизнь — это борьба, и готовиться к ней нужно с детства. Товарищи воспитывают гораздо лучше, чем родители, ибо им не свойственна жалость.

Не стремитесь свести воспитание к веренице удовольствий. Лишь усилие закаляет ум. Нужно, чтобы ваш сын давал себе труд вникать в прочитанное, в противном случае его внимание будет рассеиваться и постоянно отвлекаться на посторонние предметы. Сразу же приобщайте его к великим писателям. Мать Пруста побуждала его читать романы Жорж Санд и Диккенса; в итоге появился Марсель Пруст. Побуждайте своих детей заучивать наизусть прекрасные стихи: Корнеля, Лафонтена, Гюго. Сперва смысл многих слов от них ускользнет, но уже очень скоро их собственный запас слов увеличится. Чудесная музыка этих стихов воспитает в них тягу к возвышенному. Вдумайтесь в глубокий смысл слова *воспитывать*¹. Воспитывать ребенка — значит делать его ум и нрав возвышеннее, значит вести его к нравственным вершинам. Для этого нужны проводники, привыкшие к большим высотам, иначе говоря, поэты. А как признательны вам будут позднее дети за то, что вы так хорошо оснастили их память! Помните, каким утешением служили для меня «внутренние вечера поэзии» в пору величайших бедствий 1940 года.

Обучите ваших детей одному или даже нескольким ремеслам. Никто не знает, каким станет мир завтра, но всегда будут нужны люди, умеющие работать руками. Ваши дети будут жить в окружении техники — нужно, чтобы они понимали в ней толк, были с ней на короткой ноге. Машины очень дурно обходятся с теми, кто их не любит. Ныне каждый мальчишка должен быть электриком, столяром, должен уметь отремонтировать радиоприемник. В противном случае он будет вечно зависеть от всякого мастера-вого.

Чудесное свойство отрочества состоит в том, что гибкий ум подростка легко овладевает и техническими навыками, и иностранными языками. Следует извлечь пользу из этого недолговечного качества. Позднее усвоить то же самое станет гораздо труднее. Но все-таки возможно. Когда-то давно я был знаком с англичанкой, мисс Гаррисон, которая до семидесяти лет преподавала греческий язык. Уйдя на покой, она решила изучить рус-

¹ Французское слово *élever* имеет два значения: 1) возвышать, возносить; 2) растить, воспитывать. — *Прим. ред.*

ский язык и преуспела в этом. Но это потребовало от нее немало-го труда, в то время как ребенок овладевает языками играючи. Кроме того, он учит слова на слух, а потому усваивает безупречное произношение, тогда как взрослый, изучая язык «глазами», придает иностранным словам звучание своего собственного языка. Обучите своих сыновей по крайней мере английскому и испанскому — эти языки откроют им доступ к половине мира, затем добавьте латынь — она откроет им доступ к знанию.

Что еще пожелать вам? Всегда поступайте так, чтобы ваши дети достаточно уважали вас, но не боялись. Не навязывайте им тех добродетелей, которыми не обладаете сами. Ведь дети наблюдают за нами и делают выводы. Если они восторгаются вами так же, как я, все пойдет на лад. Вот, сударыня, мои наставления в связи с началом школьных занятий. А пустые забавы придется пока отложить. Прощайте.

Об отпусках и о любви

Любовь — а под этим я подразумеваю настоящее чувство, а не просто мимолетное увлечение, — возвышенная любовь требует досуга. В богатых и праздных слоях общества, скажем при Версальском дворе или ближе к нам — в светском мирке из романов Пруста, — не было недостатка в досуге, и любовь цвела там круглый год. Но в мире, пережившем две мировые войны, где только для того, чтобы поддержать существование — свое и своих близких, — человеку приходится работать с утра до ночи, нет времени для неторопливых и волнующих романов.

Как вы думаете, многие ли семейные люди в наше время — в Париже или в других городах, — возвращаясь домой после трудного дня, расположены к любовной беседе? Многие ли мужчины располагают собой настолько, чтобы позволить себе, подобно герою Бурже* или Мопассана, отправляться на свидание к возлюбленной между пятью и семью часами вечера?.. Пока я об этом раздумывал, в моем воображении возник образ плафона, украшенного аллегорическими картинами, как это делали художники прошлого: «Амур в ожидании поры отпусков». Толпа мужчин и женщин — все они рабы какого-нибудь дела — носится туда-сюда: кто на завод, кто в банк, кто в метро, кто в поезд, а в самом углу картины — Амур, печально опираясь на бесполезный колчан со стрелами, со вздохом перелистывает календарь: «Ах! Скорей бы июль, август!..»

В следующем зале можно увидеть другой плафон: «Амур в пору отпусков». На нем изображены сплошь влюбленные парочки: одни, раздевшись, лежат на залитом солнцем пляже, другие нежатся в траве или отдыхают в лесу, в тени деревьев, третьи, об-

нявшись, поднимаются по горной тропинке. А над всеми этими людьми, томящимися от страсти, парит довольный Эрот—стрелы у него уже на исходе, и потому череда маленьких купидонов следует за ним и не покладая рук обеспечивает его боеприпасами. И действительно, что делать во время отпуска, как не ухаживать за женщинами? Какое время более благоприятствует любви, чем то, когда у мужчин и у женщин нет более неотложных дел, а путешествия и курортная жизнь вовлекают их в праздничный водоворот, делающий возможным любые встречи.

Одиннадцать месяцев в году молодой человек, живущий, скажем, в Беллаке, видится только с девушками из Беллака. Он знает их с детства; быть может, и отыщется среди них женщина его мечты. Тогда все к лучшему в этом лучшем из городов. Но чаще этого не происходит. А вот отпуск позволяет ему завести знакомство хоть со всеми девушками из тридцати шести тысяч коммун Франции, и это при самых благоприятных для романтической любви обстоятельствах, когда к его услугам неограниченный досуг для неспешных признаний и возможность сладостного уединения в часы прогулок вдвоем. Для Дон Жуана отпуск — это начало «охоты»: донна Анна одна загорает на песчаном пляже, в то время как Командор ловит креветок или разоряется, играя в баккара. Для молодожена, влюбленного в свою жену, отпуск — это долгожданная пора, когда можно по-настоящему узнать *ее*.

Ибо у супругов есть две возможности провести отпуск: вместе и врозь. Провести отпуск вместе для счастливой пары — предел мечтаний. Наконец-то можно вдоволь наглядеться друг на друга, открыть истинный облик близкого человека, прежде скрытый заботами и усталостью. А главное — это новое обрамление, которое окружает любовь ореолом экзотики. Счастлив тот, кто может предложить своей жене провести две чудесные недели на фестивале музыки и поэзии: он обратит себе на пользу приятные эмоции, вызванные к жизни Моцартом или Мюссе. Но довольно и одной лишь природы. Океан — лучший из наперсников. А безмятежный покой и красота лугов и полей превратят супружескую любовь в идиллию. «На сене парочка лежит, за нею солнышко следит»... На природе горожане вновь приобщаются к молодости земли — и к своей собственной.

Проводить отпуск врозь следует только в том случае, если это необходимо в интересах детей либо для здоровья одного из супругов. Без сомнения, существуют дружные, любящие пары, которые не страшатся разлуки. В этом случае сердце во время вакаций — отнюдь не вакантное сердце. Оба слишком любят друг друга, чтобы поддаться преходящим соблазнам. И все же не следует забывать, что соблазны неизбежны и опасны. Красивой женщине, проводящей отпуск в одиночестве и ставшей предметом до-

могательства холостяков или браконьерства женатых мужчин, гораздо труднее уберечься в курортном местечке где-нибудь у моря, чем у себя дома в небольшом городке, где за каждым ее шагом следят члены семьи и кумушки, сидящие в засаде за прикрытыми ставнями. На отдыхе кумушек тоже хватает, и они также не дремлют: любой скандал — их утешение в старости. Но ведь это — незнакомые кумушки. И пересуды их мало кого трогают. Таким образом, тормоз общественного мнения на курорте не столь эффективен. К тому же одиночество — состояние неестественное, и скука начинает играть роль сводника. «Разве что любовная интрижка, — говорит Гёте, — может примирить нас с невыносимой скукой курортного городка». Ну, а любовная интрижка быстро становится любовью, если люди видятся с утра до вечера.

Так что короткая разлука, в которой есть своя прелесть, чревата опасностями. Если еще до отпуска брак был изрядно расшатан, эта опасность не имеет особой важности. Если же брак был счастливым, летний эпизод будет весьма досадной помехой в отношениях супругов. Стоимость первой аварии в любви не измерить деньгами — она стоит счастья. Одно из средств не разлучаться и в разлуке — поддерживать общение длинными и нежными письмами, посылая их каждый день. Мне скажут, что ныне вообще стали писать гораздо реже, а главное, уменьшилось число любовных посланий. Я в этом не уверен. Если же это так, то мне весьма прискорбно. В письме можно излить столько чудесных и нежных чувств, которые стыдливость мешает выразить, когда предмет любви находится рядом. Письма позволяют также объясниться без ссоры. «Но зато и без примирения», — говорит мне молодая женщина, которая читает эти строки, склонившись над моим плечом. Но почему? Примирение состоится при встрече. «Очарование переписки — это выдумка писателя», — настаивает она. Я так не думаю. Все любовные письма прекрасны в глазах тех мужчин или женщин, к которым они обращены. Их стиль — это тот человек (мужчина или женщина), которого любишь, *querida*. Прощайте.

Две различные манеры любить

Однажды Виктор Гюго, когда в его присутствии заговорили о жизни и о том, что в ней по-настоящему важно, сказал, что, по его мнению, поистине дорога не слава, не состояние, не талант, но возможность любить и быть любимым. И он был прав. Ничто не имеет для нас цены, если этого нельзя разделить с тем, кто любит нас, любит от всего сердца; однако и эта любовь принесет нам мало радости, если мы не отвечаем на нее взаимностью. Нет необходимости, чтобы любящих нас людей было очень много.

Я всегда полагал, что можно чувствовать себя счастливым в самом маленьком городке, даже в каком-нибудь оазисе в Сахаре, если там с тобой будут два или три преданных друга. И наоборот, глава государства или прославленный артист вряд ли могут познать счастье, если возле них нет хотя бы одного живого существа, в присутствии которого можно сбросить маску. Потому-то так огромна роль, которую играли в жизни выдающихся людей наперсники, жены, возлюбленные. «Я так одинок», — жаловался мне один известный всему миру человек, окруженный целой свитой. Любовь — сыновья, супружеская или рожденная дружбой — разбивает оковы одиночества.

Однако существуют две различные манеры любить. Первая — когда любят для себя, иначе говоря, испытывают привязанность к другим людям за то, что вам дает их любовь. Встречаются женщины, которые весьма искренне любят мужа, ибо он создает вокруг них атмосферу надежности, окружает их заботой и приносит им радость, но любят они его только потому, что не представляют себе, как бы они обходились без него. Он им необходим; он печется об их счастье и о счастье их детей; он — средоточие их жизни. Но его собственная жизнь занимает их очень мало; они не задаются вопросом о том, есть ли у него иные желания, иные нужды; они находят естественным, что он тратит свой короткий век, устраивая их счастье.

Мужей и любовников такого рода также хватает; они любят женщину за то, что она им дает, и никогда даже не пытаются заглянуть ей в душу. Дети почти всегда любят своих родителей именно так. Отец для них — это тот, на кого всегда можно положиться; мать — неизменно снисходительная советчица. Но многие ли дети всерьез озабочены тем, как облегчить бремя родительских забот? Вот что я именую любовью для себя.

Любить другого ради него самого — значит думать не о том, что от него получаешь, но о том, что ему даешь. Для этого надо так тесно связать свою жизнь с его жизнью, так полно разделять его чувства, чтобы его счастье стало и вашим. Не думайте, что такая любовь редка. Многие родители больше радуются успехам детей, нежели своим собственным. Я знал множество супружеских пар, где муж и жена жили друг для друга. Есть много примеров самой возвышенной дружбы. Бальзак описал подобную дружбу в «Кузене Понсе» * и в «Обедне безбожника» *. В подлинной дружбе куда больше заботливости, нежели требовательности. Вот что я именую любовью ради других.

Важное свойство бескорыстной любви в том, что она приносит больше счастья, нежели любовь или привязанность для себя. Отчего? Оттого что человек так создан: забывая о себе, он скорее обретает счастье. До тех пор пока думаешь только о себе, живешь

во власти сомнений и неудовлетворенности, постоянно размышляешь: «Достиг ли я в жизни всего, чего мог? Какая оплошность привела меня к тому положению, в каком я нахожусь? Что обо мне думают? Любят ли меня?» Как только другой (или другая) сделался средоточием твоей жизни, все становится на свои места. В чем наш долг? Составить счастье того, кого любишь. С этой минуты жизнь наполняется смыслом, и этот смысл отныне становится ее сердцевинной. Невыразимое блаженство, даруемое верой, увы, доступно не всем. Но и земные привязанности сладостны и драгоценны. Прощайте.

О бесплодном раскаянии

На днях я посмотрел фильм, который меня взволновал. Это незамысловатая история пожилой супружеской пары, которая разорилась и оказалась на иждивении у своих детей. Герои фильма, судя по всему, очень славные люди, их дети — ничуть не хуже других детей. Но все складывается прескверно. Старшее поколение осложняет жизнь молодых. Добрые отношения со временем портятся. У родителей не хватает такта, у детей — терпения. Зятья и невестки отказываются дольше выносить присутствие стариков, с которыми они не связаны кровными узами. Наконец мать отправляют в дом для престарелых. Там она и умрет.

Выходя из кинотеатра, я думал об угрызениях совести, которые непременно, можете не сомневаться, будут мучить детей после того, как родители умрут. Пока близкие нам люди живы, мы обращаемся с ними неровно — то со вниманием, то с невольным раздражением. Мы любим их, но их недостатки нам надоедают и нередко затрудняют жизнь. У нас есть свои прихоти и желания, и, если нам становится очевидно, что они идут вразрез с желаниями тех, кто нас любит, мы вступаем в сделку со своей совестью. «Разумеется, — говорим мы себе, — он (или она) будет страдать, но не могу же я постоянно приносить себя в жертву. К тому же я заглажу эту пустяковую обиду, выказав в другой раз побольше нежности».

Строя подобные расчеты, мы упускаем из виду смерть. Но она является в свой срок, и уже ничего не исправит. Тогда-то и наступает время раскаяния. Смерть заставляет нас забыть слабости тех, кто ушел навсегда, оставив нам только запоздалые сожаления. Теперь, когда мы навсегда лишены возможности видеть своих близких, те их поступки и речи, которые прежде казались нам надоедливими или нелепыми, приобретают особую трогательность и навевают грусть. Мы начинаем думать о том, что могло бы растрогать и успокоить ушедших навеки и не потребовало бы от нас почти никаких усилий. «Ободрить ласковым сло-

вом, забежать на несколько минут, позвонить, черкнуть пару строк — и отец целый день светился бы радостью, — думает облаченный в траурное платье сын. — Я же лишал его этого, чтобы побыть несколько лишних мгновений с женщиной, которой мое присутствие осточертело. На все хватало времени: и начальникам писать, и приятелям, но я не мог выкроить время, чтобы написать своему отцу. А между тем я любил его всей душой...»

Я несколько не удивляюсь, когда читаю о том, что дикари, как и первобытные люди, боясь мертвецов и, стремясь их умиротворить, приносят им жертвы. Это правда, что покойники возвращаются в снах и терзают живых, если те в свое время сделали их жизнь несчастной. Перечитайте в связи с этим «Театральную историю» * — один из самых превосходных романов Анатоля Франса — или признание, сделанное Шатобрианом после кончины госпожи де Дюра, на преданную дружбу которой он нередко отвечал холодностью и едва скрытым раздражением: «С той поры, как я потерял эту великодушную особу... я не перестаю, оплакивая ее, укорять себя в непостоянстве, которое нередко удручало преданное мне сердце. Будем же хорошенько следить за собой! Не станем забывать, что, испытывая глубокую привязанность к нашим близким, за которых мы готовы отдать свою жизнь, мы тем не менее способны отравлять их существование. Когда наши друзья уже сошли в могилу, как можем мы искупить свою вину перед ними? Могут ли наши бесплодные сожаления, наше запоздалое раскаяние стать лекарством против тех горестей, которые мы им принесли? Они предпочли бы при жизни увидеть нашу улыбку, чем потоки наших слез после их смерти».

Не будем же отказывать живым в той нежности, которую, терзаясь угрызениями совести, тщетно предложим их тени. Помните об этом, *querida*, и если нам суждена встреча, то не уготовляйте себе бесплодного раскаяния, огорчая такого старика, как я. Прощайте.

Человек, который захотел стать королем

Киплинг написал превосходный рассказ под названием «Человек, который захотел стать королем». Это история ирландского авантюриста, бравого и чертовски храброго солдата, который задался целью стать королем в какой-нибудь мало кому известной стране, которую Киплинг назвал Кафиристаном. Заметьте, что мысль эта не так уж безрассудна, если вспомнить о существовании полудиких народов и о том, что английский путешественник Брук * не так давно сделался раджей Саравака.

Сначала все происходит так, как того хотел герой. Меткостью своей стрельбы он поражает, устрашает и подчиняет себе горцев,

которые никогда в жизни не видали ружья. Едва став властелином одного поселения, он подбивает его обитателей развязать войну и, будучи опытным унтер-офицером, создает непобедимое войско. Мало-помалу власть его растет, местные жители считают его богом, подчиняются и поклоняются ему. Вскоре он уже, как и мечтал, король, владеющий обширной территорией.

Он бы и остался королем, если бы его не ввели в искушение местные женщины. А почему бы королю, думает он, не жениться? Он уведомляет о своем желании жрецов. Они только покачивают головами: «Может ли бог сочетаться браком с дочерью человеческой?» Но выбор короля уже сделан, местная красавица станет его женой. После брачной церемонии он пытается обнять и поцеловать ее. Насмерть перепуганная девица кусает его, брызжет кровью. Это повод к восстанию. «Ты не бог, ты всего лишь человек!» И подданные сбрасывают его в пропасть.

Это старая история, старая, как род людской; первый ее набросок мы находим в притче о Самсоне и Далиле. Нет ничего удивительного в том, что этот древний миф так долговечен, ибо он в высшей степени правдив. Человек, стремящийся повелевать другими, должен отказаться от простых радостей жизни. Вождь, как бы это ни казалось ему трудным, нуждается в целомудрии и аскетизме. Людям нравится тот, кто разделяет их забавы, но они редко уважают такого человека.

Всем нам знакомы многие молодые люди, которые были царьками у себя в департаменте и продвигались там от одной должности к другой, потому что они были осторожными деловыми людьми, благоразумными судьями. Попав в Париж в качестве депутатов парламента, они поддались соблазнам новой жизни. Недостатка в Далилах, подстерегающих таких Самсонов, у нас нет. Довольно быстро у скромного доселе деятеля появляется пристрастие к званым обедам, к ночным развлечениям. Если он от природы щедр и великодушен, он будет отвечать учтивостью на учтивость; все это обходится недешево. Вскоре он уже тратит в одну ночь столько, сколько ему прежде хватало на целый месяц. А так как в его распоряжении имеются выгодные должности, находится богатый пират, готовый их у него купить. Далила уговаривает новоявленного Самсона принять выгодное предложение. Завтра его подданные обнаружат, что он всего-навсего человек, да к тому же весьма нестойкий. Ну а за пропастью дело не станет.

Вам понятно, кого я имею в виду, незнакомка души моей. Прощайте.

Пора праздничных подарков

Вот и настало время делать друг другу подарки. Признаюсь, я встречаю его с радостью. Не столько из-за тех даров, что мне предстоит получить (на свете мало предметов, способных доставить мне удовольствие), сколько из-за тех чувств, какие побуждают людей делать подарки. Любовно выбранный дар без труда узнаешь среди прочих по стремлению дарителя угодить тем, кому он предназначен, по неповторимости выбора и по тому, как вручается подарок. Вот почему в праздничные дни неизменным успехом пользуются всевозможные символы и аллегории. Многим духам дают столь выразительные названия, связанные с определенными воспоминаниями или трогательными надеждами, именно потому, что, принося их в дар, можно выразить пожелания, которые нельзя высказать прямо. Это применимо также к некоторым романам и стихотворениям: влюбленный, пользуясь приближением Нового года, предлагает прочесть любимой женщине вымышленную историю, которую он хотел бы воплотить в жизнь. Сент-Бёв даже сам написал повесть, чтение которой сделало бы понятными его устремления. Шарфик, носовой платок с напечатанными на них изречениями или стихотворными строками выражают то, что не дерзнет написать рука. И алмазные стрелы, точно управляемые снаряды, находят кратчайшую дорогу к сердцам.

Но больше, чем получать подарки, я люблю их дарить. Какое это удовольствие видеть, как радость озаряет лицо дорогого нам человека, когда неожиданно исполняется его давнее и самое заветное желание. Пытливо разглядывать витрины с игрушками — сущее блаженство, пока наши дети еще достаточно малы и в нашей власти их осчастливить. Позднее, увы, уже не в наших силах доставить им радость подарком. А вот женщины, к великому счастью, когда дело касается подарков, ведут себя как дети, и так приятно выступать для них в роли Деда Мороза. Тут самое трудное — успешно справиться с этой ролью. Мужчины по большей части склонны считать, что женщине доставит удовольствие то, что нравится им самим. Что может быть ошибочнее этого представления! Я восхищаюсь таким-то философом и готов подарить полное собрание его сочинений той, которой больше пришелся бы по душе самый дешевый мех, самое скромное украшение, пусть даже просто цветы. Подарки нужно выбирать для того, кому они предназначены, а не для того, кто их преподносит.

Еще одно: подарок должен быть *настоящим* подарком, то есть дарить его надо навсегда, в полное владение и безо всяких условий. В иных семьях делают подарки «Н. В.» (на время). «Давать и отбирать негоже». Родители дарят своему мальчугану электри-

ческую железную дорогу. Потом отец, ссылаясь на то, что он больше смыслит в технике, забавляется ею сам, а обманутый ребенок задумчиво за ним наблюдает. Другие родители неусыпно следят за врученными детям игрушками, как будто это не игрушки, а ценные и хрупкие произведения искусства, которые, как в музеях, надо держать за предохранительными шнурами.

— Не колоти свою куклу, ты ее сломаешь.

— Но, мама, она дурно себя вела.

— Не притворяйся дурочкой! Это всего лишь кукла... и твоему папе она страшно дорого обошлась.

Смерть еще одной иллюзии омрачает праздничный день.

— Они сперва делают подарки, — жалуются дети, — а потом *сами же* запрещают к ним прикасаться, а если заиграешься, так и вовсе запирают их в шкаф.

Новогодний праздник часто заканчивается слезами. Не будем забывать, что щедрость — неотъемлемая часть праздничного настроения. Дарить, проявляя при этом осмотрительность и бережливость, — не значит дарить. Самый скромный дар может привести в восторг того, кому его преподносят, при том условии, что возможности дарителя невелики. «Когда букет с любовью вам вручили, считайте: вам всю землю подарили». Но человек богатый обязан дарить несколько больше, чем ему подсказывает здравый смысл. Тот, кто не дарит слишком много, дарит недостаточно.

Если дарить — своего рода искусство, то и принимать подарок — тоже искусство, и не менее трудное. Тут необходимо воображение. Кто не способен, принимая заботливо выбранный подарок, оценить долгие раздумья, усердные хлопоты дарителя, не сумеет как следует выразить свою признательность. Подумайте о том, что ваш приятель заранее предвкушал вашу радость, подумайте о том, что он давно ждет от вас восторженных возгласов, изумления. Он уповает на то, что о его подарке будут «долго говорить под вашей кровлей». Он хочет услышать, как вы станете во всех подробностях обсуждать достоинства полученного дара; он ждет, что вы будете превозносить его щедрость и вкус. Небрежно принятый подарок становится причиной пусть пустячных, но весьма тягостных драм. Женщина, у которой мало карманных денег, покупает для мужа три галстука. Он разворачивает сверток.

— Это для меня? — спрашивает он. — Тебе следовало бы знать, что я не ношу галстуков с таким ярким рисунком. Сделай одолжение, позволь мне впредь самому выбирать себе такие вещи.

Поток слез. И это легко понять.

Пожалуй, можно повести с собой к меховщику, ювелиру, торговцу кожаной галантереей или книгами ту (или того), кому делают подарок, но только в том случае, если отношения достаточ-

но близкие, в противном случае денежный вопрос бросит тень на безупречность дара. Нужно ли выказывать притворную радость, если испытываешь разочарование при получении подарка? Тут двух мнений быть не может. Нужно доставить удовольствие тому, кто заботился о вас. Лучше маленькая ложь, нежели большое горе. В особенности это относится к подаркам, сделанным малышами, — их надо всегда принимать восторженно. Еще и сейчас у меня сжимается сердце, когда я вспоминаю об одном ужасном дне моего детства. На свои крошечные сбережения я купил для одной из моих сестер детскую гладильную доску и утюжок. Они были ей ни к чему, и она запустила ими мне в голову. С тех пор минуло шестьдесят лет, а я все еще не утешился. Это было чересчур несправедливо!

«Жалкие люди, — говорил некогда аббат Мюнье. — За две тысячи лет они даже не сумели измыслить восьмой смертный грех». Они не сумели также придумать новых игрушек. Для девочек — куклы и кухонная утварь, для мальчиков — война и средства передвижения; вот извечные темы. Разумеется, характер войны меняется. И вместо вооружения индейца племени сиу — лука и стрел — теперь в витринах можно увидеть «игрушечный бомбардировщик в комплекте с бомбой, которая автоматически сбрасывается на макет городка». Это не назовешь прогрессом. Зато куклы — к их чести — не меняются. Ведь именно женщина, как говорил Ален, сохраняет то, что следует сохранить, дабы мужчина оставался человеком. Так пусть она поможет нам даровать миру мир. Вот мое пожелание в пору праздничных подарков. С Новым годом, моя дорогая. Прощайте.

Искусство беседы

АФОРИЗМЫ И МАКСИМЫ

О беседе сентиментальной

То, что зовется обаянием, представляет собой смесь естественности и кокетства, которая нас тревожит и одновременно успокаивает. Обаяние — непринужденность чувств, так же как грация — непринужденность движений.

Неверно, будто мы любим женщину за то, что она говорит; мы любим то, что она говорит, потому что любим ее.

Случается так, что дружба или любовь с самого начала берут слишком высокую ноту. Это плохой признак. Счастье только там, где естественность.

Беседа счастливых супругов проста, безыскусна и приятна; так блюда, приготовленные из обычных продуктов, порою нравятся нам больше самых изысканных кушаний.

Супругам нужен большой запас снисходительности, чтобы выдерживать друг друга на людях. Каждый подмечает в другом деланность и притворство, усматривает в историях, которые рассказывает другой, в чувствах, которые тот выражает, желание нравиться, боязнь кого-то задеть. Родное, близкое тебе существо вдруг оказывается непохожим на себя. Нетерпеливая страсть от этой перемены раздражается и требует объяснений. Истинная любовь такое несовпадение образов тоже, разумеется, видит, но все понимает, снисходительно улыбается и любит еще больше.

Есть женщины, по природе своей прелестные и живые, которые за несколько месяцев замужества тускнеют и гаснут. Их мысли и взгляды муж так высокомерно третирует, что они теряют уверенность в себе, превращаются в существа пугливые, унылые и держатся с видом побитой собаки. Их первому любовнику понадобится много чуткости, чтобы вернуть им доверие к жизни.

Мужчина может обожать свою возлюбленную и при этом бояться, как бы она не сказала на людях какой-нибудь глупости. Он понимает, что только он один ее понимает.

Мужчине и женщине, которые любят друг друга и долго не виделись, после разлуки бывает трудно войти в колею своих прежних бесед. Требуется определенная температура, чтобы произошла необходимая реакция чувств, и возобновившийся разговор должен за считанные минуты пройти все предыдущие стадии любви — так эмбрион за несколько суток повторяет историю развития жизни на Земле.

У иных мужчин, особенно у мужей, выработалась привычка надменно отмахиваться от женских суждений. Женщины это переносят болезненно, и они правы в своей обиде. Бывает, конечно, что из-за неловкости выражения самые глубокие мысли кажутся глупыми или банальными. Но нужно дать себе труд перевести их на нормальный язык.

Мы зачастую получаем удовольствие окольным путем, не от реальных вещей, а от их знаков. У мадам де Севинье начинало взволнованно биться сердце, стоило упомянуть при ней город Экс, где воспитывалась ее дочь. А мы сами...

Мужчины лгут ненатурально. Женщины, которые сами делают это с поразительным мастерством, мгновенно обнаруживают у тех, кого они любят, малейший оттенок лжи. В тоне, каким говорит виноватый мужчина, есть нарочитая непринужденность, и нотки чрезмерной естественности предательски выдают недостаток естественности.

Самая поразительная память — память влюбленной женщины.

По словарю женщины можно легко догадаться, кто были ее любовники, — так Кювье * по нескольким обломкам костей воспроизводил облик вымерших животных.

Самые заурядные мысли своей любовницы, принадлежащие ей самой, мужчина всегда предпочтет мыслям глубоким и верным, которые она могла слышать от другого мужчины.

Существо самое ничтожное и пустое может внушить к себе любовь, стоит ему создать вокруг себя таинственный ореол непостоянства.

Зачастую в беседе мужчины и женщины шутовская легкость тона нужна лишь для того, чтобы прикрыть нетерпеливость желания. Сознывая силу, которая их толкает друг к другу, и опасность, которая им угрожает, они словно пытаются защитить свой покой деланным безразличием разговора. Тогда каждое слово — намек, каждая фраза — разведка, каждый комплимент — ласка. Тогда речи и чувства текут двумя параллельными потоками, один над другим, и верхний поток, где струятся слова, — это лишь знаки, лишь символы потока глубинного, где мечутся смутные образы.

При зарождении любви влюбленные говорят о будущем, при ее закате — о прошлом.

Как чудесна беседа, озаренная лучами любви! Самые обыкновенные слова внезапно вспыхивают ярким блеском. Фрукты и овощи под небом Венеции...

Мне нравятся слова Стивенсона: «У всякой беседы есть только три темы: я — это я, вы — это вы, все прочие — это чужие».

Каждый человек окутан покровами таинственной дымки. Большая радость интимных отношений — видеть, как один за другим развеиваются эти туманы, и угадывать за ними истинные контуры духа. Любовь нуждается в том, чтобы тайна рассеялась. Но она не меньше нуждается в том, чтобы тайна осталась. Слишком яркое солнце утомляет, клонит в сон.

Уверенность в том, что их любят, для робких душ благотворна: она придает им естественность.

Когда люди любят долго и счастливо, они становятся настолько близки друг другу, что каждый из них знает, о чем думает в это мгновенье другой. Б. бродит вдоль мыслей любимой женщины с такой же приятной уверенностью, с какой он каждый вечер отправляется на прогулку по своему саду.

О доверительности

Желание рождается из неожиданного соприкосновения двух тел, доверительность — из неожиданного соприкосновения двух восприимчивых натур; и так же, как первого недостаточно, чтобы возникла любовь, так недостаточно и второго, чтобы возникла задушевность.

Пока собеседники не добрались до водоносного слоя воспоминаний, разговор хиреет и чахнет. Стоит им только коснуться этого глубинного слоя — и доверительность начинает бить ключом.

Нет ничего приятнее, чем вдруг ощутить, как к беседе, до той поры сухой и бесплодной, подкатывает из артезианских глубин невидимая еще волна свежести и прохлады.

Люди даже самые скрытные тоже испытывают потребность поверить свои секреты, но они делают это в форме общих идей. И считают себя в безопасности под такую личиной. Впрочем, я и сам, когда пишу эти строки...

Совет — это всегда исповедь.

Система водонепроницаемых переборок бывает необходима в дружбе. Если секреты, доверенные тебе всеми твоими друзьями, размещены в одном общем трюме, тогда крушение дружбы даже с одним из них потянет ко дну все твое существование.

Чтобы не выбалтывать тайн, необходим твердый характер. Скука создает ощущение пустоты и, порождая подобие мощной воздушной тяги, вздымает из глубин души секреты, которые ты предпочел бы там оставить.

Когда откровенность взаимна, это, казалось бы, гарантирует от нескромности. Куда там! Собственные дела в глазах каждого человека настолько несхожи с делами других, что для него вполне естественно выдать чужой секрет и при этом надеяться, что его-то секрет будет сохранен.

Доверительность вынуждает человека любить или ненавидеть тех, с кем он был откровенен. Ибо в конце концов выясняется, достоин ли собеседник такой откровенности, во благо ли он ее употребил.

Овидий не прав. Именно в несчастье * человек обретает множество друзей. Быть наперсником счастья — удел и добродетель немногих.

Тот, перед кем вы изливаете душу, непременно переводит разговор на ваши беды и горести: ему нужно пополнять свой альбом. У коллекционеров признаний, так же как у коллекционеров почтовых марок, всегда остаются в альбомах незаполненные места.

В умении хранить секреты есть свои радости, которые должны были бы сделать из этого качества ходячую добродетель.

«Одно из пренеприятнейших свойств наших болезней, — говорила мадам Дюдеффан, — заключается в том, что, заболев, мы становимся добычею дураков, которые, не ведая, как нам помочь, тащат нам свою скуку и называют это милосердием».

Великий знак доброты — умение забывать воспоминания других.

Иные женщины, чистые и невинные, приписывают себе несуществующие грехи, чтобы было в чем каяться на исповеди; иные души, тихие и безропотные, под воздействием неуравновешенного наперсника впадают в отчаяние. Не в том ли и состоит опасность откровенных признаний?

Доверительность может легко привести к несчастью. Она выявляет родство душ, о котором мы до тех пор не догадывались.

Когда иные женщины просят своих приятельниц не разглашать доверенную им тайну, они делают это лишь для того, чтобы новость как можно скорее распространилась.

Пожалуй, только романисту не составляет труда быть скромным: его признания выходят на люди в маскарадных костюмах.

Большое удовольствие — быть хранителем признаний разных лиц на одну и ту же тему. К тебе сходятся перекрестные мнения и высвечивают различные грани людей и поступков. Особенно приятно, когда острое одного признания плотно входит в зазор другого, полностью завершая картину.

В беседах друг с другом женщины охотно имитируют дух товарищеской солидарности и той доверительной откровенности,

какой они не позволяют себе с мужчинами. Но за этой видимостью дружбы — сколько бдительного недоверия, и как оно, признаться, оправданно!

В голосе, которым человек читает вслух, отражается не его подлинная сущность, а то, каким ему бы хотелось быть. Это голос персонажа, каким он себе его представляет.

О злословии

Опасаясь казаться скучными, мы редко позволяем себе доброжелательство к людям; но мы напрасно боимся: это было бы так оригинально.

Каждый убежден, что другие ошибаются, когда судят о нем, и что он не ошибается, когда судит о других.

Если б мы знали других, как знаем себя, тогда даже самые предосудительные поступки показались бы нам достойными снисхождения.

Когда я, провинциал, к тому же воспитанный в семье очень строгих правил, приехал в Париж, первые же услышанные мной разговоры привели меня в ужас. На званом обеде гости с наслаждением перемывали косточки ближним, рассказывая о них смешные и скабрзные истории. Все эти обвинения показались мне злыми и бездоказательными. Стать когда-нибудь предметом подобных сплетен представлялось мне верхом несчастья.

Но с годами я начал замечать, что сама всеобщность злословия во многом подрывает его силу. Если обвинения ложны, они быстро забудутся и человек с характером сумеет должным образом себя поставить. Если они верны, это тоже ничего не изменит: его будут принимать с прежним радушием, и даже друзья от него не отвернутся. Общество наказывает только такие пороки, которые опасны для его устоев. Свет держится на светских сплетнях — и не станет преследовать тех, кто дает этим сплетням пищу.

Генри Джеймс, большой психолог и человек серьезный, превыше всего ценил *gossip*, сплетни. «Только благодаря им, — говорил он, — можно что-то узнать о человеке».

Нужно вменить себе в правило никогда не распространять чужого злословия, пока не проверишь, насколько оно справедливо. Правда, тогда придется навсегда замолчать.

Любое ваше слово будет подхвачено и повторено. Мужчина, в беседе с которым вы сегодня худо отозвались о женщине, завтра женится на ней и захлопнет перед вами двери своего дома.

А. производит впечатление человека доброжелательного и терпимого, но почему-то с поразительной легкостью относится к сплетням в адрес Б. Дело в том, что оба добиваются одного места.

Есть люди, которые берут друзей напрокат — так же как мебель, жену, — из тщеславия. «Сердечность, — говорил Пруст, — набивает всему цену с таким же удовольствием, с каким недоброжелательство все умаляет и хулит».

Люди труднее всего прощают нам то плохое, что они о нас сказали.

Мы почти всегда сами распространяем о себе злобную клевету, когда стремимся опровергнуть ее перед теми, кто о ней и слыхом не слыхивал.

Женщина не хочет, чтобы говорили об ее амурных делах, но хочет, чтобы все знали, что она любима.

У некоторых женщин гордость настолько преобладает над стыдливостью, что они охотно признаются в проступках, которых не совершали.

Если как следует покопаться, всегда можно обнаружить низкие побуждения, лежащие в основе даже самых похвальных поступков; так, даже в самом чистом воздухе химик находит следы непригодного для дыхания газа. Все дело — в пропорциях.

О друзьях, у которых вы только что отобедали, не стоит говорить гадости в радиусе ста метров от их дома.

Свести знакомство с людьми, которым свет приписывает дурные поступки, почти всегда бывает удивительно интересно; как правило, люди оказываются много лучше, чем о них говорят. Происходит это, может быть, потому, что свет ошибается и с поразительной легкостью обращает недоброжелательные домыслы в непреложные истины, но также еще и потому, что не следует ставить знак равенства между плохим поступком и характером человека, который его совершил. Поступок совершен; виновник и сам уже не одобряет его, он даже не понимает, как он мог на

такое пойти; поступок представляется ему теперь столь же странным, как и тем, кто наблюдал все это со стороны. Возможно и еще одно объяснение: он так ясно видит фатальное сцепление обстоятельств, которое привело его к поразившему всех поступку, что уже начинает считать поступок естественным, и его убежденность в этом невольно передается другим. Так, встреча с живым человеком нередко излечивает от предубеждения к вымышленному персонажу.

Пересказывать друзьям злые слова, которые говорят о них другие... Зависть, прикидывающаяся мнимым доброжелательством.

Усилия, которые вы прилагаете, чтобы загладить допущенную вами в отношении собеседника бестактность, гораздо мучительнее для него, чем сама ваша бестактность.

Люди так любят слушать, когда о них говорят, что даже пересуды по поводу их недостатков приводят их нередко в восторг.

Людей, которые боятся услышать оскорбительный намек в свой адрес, легко узнать по судорожной говорливости. Стоит беседе приблизиться к запретной теме — и неестественное оживление сразу же выдает снедающую их тревогу; их фразы подобны пустым железнодорожным составам, которые командование пускает на самые уязвимые участки, чтобы сбить противника с толку и сорвать его наступление.

У каждого есть в душе болевые точки, порой даже неведомые ему самому. Всякий, кто ненароком заденет одну из них, превращается в его злейшего врага.

Нередко эти болезненные области бывают связаны с какими-то другими центрами. Нас удивляет, почему вдруг в такое волнение привела человека совершенно невинная фраза; это произошло, наверное, потому, что скрытыми от нас путями она добралась до одного из больных участков этой души.

Об искренности

Величественность окружающей нас природы очень способствует искренности. Самые поразительные мысли кажутся на этом фоне столь ничтожными, что нам легко в них признаться.

Если человек станет вдруг говорить все, что он думает, ему не поверят. И будут правы. Что это за человек, который говорит все, что думает?

Есть люди, в чьих глазах мы по чистой случайности начинаем играть какую-то роль; заметив это, мы из любезности, которая нам ничего не стоит, соглашаемся на эту роль в их присутствии, и не их в том вина, если они принимают нас не за тех, кто мы есть.

Цинизм опасен прежде всего потому, что он возводит злобу в добродетель.

Искренность заключается не столько в том, чтобы говорить все, что ты думаешь, сколько в том, чтобы никогда не говорить того, чего ты не думаешь в ту минуту, когда говоришь.

Даниель Алеви* как-то сказал о юношеских исповедях Марселя Пруста: «Это слишком искренне, чтобы быть правдой».

Всякая исповедь стремится быть стройной и связной, и это ее портит. Человек сложнее, чем логика его мышления.

В разговоре, как в хирургии, нужно действовать с величайшей осторожностью. Профессионалы на поприще искренности вторгаются скальпелем в дружбу и любовь, которые были до этой операции совершенно здоровы, а от их вмешательства умирают.

Опасность чистосердечия состоит в том, что оно в конце концов создает в человеке те самые свойства, в которых он признается. Сказав: «Я честолюбив и завистлив», ты уже чувствуешь, что имеешь право быть таковым, и, увенчанный нимбом откровенности, твой порок превращается в добродетель.

В искренности нужно соблюдать меру — даже с самыми близкими людьми. Говорить все — это значит превращать в окончательный приговор то, что могло быть всего лишь минутным капризом. Это значит из-за пережаренного куска мяса, из-за мигрени или из-за грозы рисковать дружбой.

Для доброй беседы нет ничего более важного, чем уверенность во взаимном уважении. Каждый хочет соответствовать впечатлению, которое составилось о нем у собеседника, и старается прыгнуть выше головы.

Однако тут нужна мера: постоянно прыгать выше головы — утомительная акробатика.

Мы любим чистосердечие тех, кто нас любит. Чистосердечие прочих называется дерзостью.

Есть люди, от одного лишь присутствия которых мы теряем чувство меры и перестаем здраво мыслить. Ощущая их враждебность, мы будто торопимся обогнать собственную мысль. Из этого испытания мы выходим в ярости на самих себя, и воспоминание об этом становится при очередной встрече с этими людьми причиной новых мучений. Нужно избегать таких встреч — или серьезно себя к ним готовить, обдумывая заранее свою линию поведения.

Мы бываем естественны только с теми, кого мы любим.

Откровенно говорить о наших недостатках мы можем лишь с теми, кто признает наши достоинства.

К нам довольно поздно приходит умение признаваться в том, что мы не знаем чего-то, или в том, что мы не прочли каких-то книг. А стоит только пойти на это, и с души свалится камень!

Почитание почти всегда кончается оскорблением того, кого почитают.

Есть особое искусство противоречить собеседнику так, что это оборачивается самой ловкой лезть.

Признание в собственной робости само по себе уже означает преодоление ее.

Человеку следует отвечать за то, что он пишет, а не за то, что говорит. Оратор, упиваясь красотами собственной речи, увлекается и незаметно переходит грань, за которой слова перестают выражать мысль.

Страсти бегут за словами, как зеваки за уличным шествием.

Раскрывая перед собеседником душу, мы вдруг обнаруживаем, что ровным счетом ничего о себе не знаем. И вот приходится возводить здание этаж за этажом, по мере того как мы ведем по ним посетителя.

Ложь чаще проистекает от безразличия, чем от притворства.

Сцены салонной жизни

Иностранец сидит в углу, почти в одиночестве. Это в его честь устроен прием, это ради него собралось здесь столько выдающихся личностей; но, едва бросив на него взгляд, они разбредаются по гостиной. Они предпочитают привычную посредственность нелегкому для общения величию, и человек, который у себя на родине всегда окружен почтительно внимающей ему толпой, грустно беседует о чем-то с ребенком.

Беседа завязалась совсем не так, как хотелось обоим. Но они уже не в силах ее остановить. Цепляясь одна за другую, с грохотом летят мимо них фразы. И словно оплошавшие стрелочники, оба глядят, как поезд их слов катится по неверному пути, к неминуемой катастрофе.

Он очень боится, что, кроме него, вдруг заговорит кто-то еще, и, когда ему на мгновение приходится замолкать, он жестом уличного регулировщика протягивает властно руку, в корне пресекая фразы, готовые вырваться из других уст.

Он пришел в надежде встретиться с ней наедине и застал двух теток и трех кузин. Собрав все свое мужество, он пытается быть веселым и непринужденным, но она видит, как ему трудно, и глядит на него с сочувствием и насмешкой.

Сидя рядом со знаменитым человеком, чьи книги она все до единой прочла, она тщетно пытается выжать из него хотя бы словечко. И не замечает слева от себя юного незнакомца, который мог бы рассказать ей множество прелестных историй.

Вся эта длительная беседа понадобилась ему лишь для того, чтобы изложить свою просьбу; однако ему бы хотелось, чтобы все выглядело так, будто он ввернул ее между прочим, совершенно случайно и будто весь разговор доставляет ему живейшее удовольствие. Но его выдал тон, он сразу это почувствовал; за опасной фразой наступила пауза, и хозяин, человек несколько сдержанный, наверняка теперь знает, что перед ним — лишь заурядный проситель.

«О Спиноза! — говорит М. — Мне никогда не наскучит перечитывать его». И он цитирует фразу, в самом деле прекрасную. Все восхищаются его памятью, эрудицией. Но остерегайтесь

встречаться с М. часто. Вы обнаружите, что он кормится этой фразой, так же как несколькими изречениями Конфуция и пассажем из святого Августина. Людей поразить нетрудно.

Есть люди, чей разговор занимателен или уныл в зависимости от того, кто их в данный момент окружает; так некоторые химические реакции протекают лишь в присутствии определенных веществ. П. интересен только в присутствии жены — она его слушает, не спуская с него глаз. Б. очарователен только тогда, когда его жена далеко: он ревнив.

Просить или отказывать гораздо легче по телефону. Когда ты не видишь лица собеседника, воображение лишается своей опоры.

Телефонный разговор находится на полпути между искусством и жизнью. Это разговор не с человеком, а с образом, который складывается у тебя, когда ты его слушаешь.

Из гостиной уйти легко. Намерение угадывается по мимике, жесту. Но, завершая разговор по телефону, человек застенчивый боится, что его голос может прозвучать слишком сухо. Нужно выработать в себе умение говорить в трубку «До свиданья» легко и чуточку нараспев.

Советы молодому человеку

Я весь вечер за тобой наблюдал. Ты был грустен и недоволен собой. Ты сидел рядом с женщиной, которая тебе нравится, и упорно молчал. Она пыталась ободрить тебя, потом в удивлении встала, пробормотав, что ей пора уходить. Спустя час ты снова увидел ее: оживленная и веселая, она сидела рядом с другим.

Ты направился к группе мужчин, с увлечением беседовавших о политике. Темы, которые они обсуждали, были тебе хорошо знакомы: война, налоги, экономический спад. В том, что они говорили, не было ничего, кроме самых общих мест, которые каждое утро можно увидеть в газетах, тем не менее их беседа казалась живой и остроумной. Ты попытался в нее вступить. Они Уставились на тебя с удивлением; так многоопытные оркестранты смотрят на скрипача-новичка, когда тот берет неверную ноту. Ты начал было что-то рассказывать, но не успел произнести и двух Фраз, как мужчина с громким голосом тебя прервал, и никто не поинтересовался, каков же конец твоей истории.

Ты не решился уйти первым, но покинул гостиную вслед за

первым ушедшим гостем. Ты шел медленно, с опущенной головой, и мне хотелось подойти к тебе и сказать: «Не огорчайся... Тебя преследовали неудачи?.. Это бывает со всеми. Не думай, что кто-то обратил внимание на твою молчаливость. Люди слишком заняты собою, чтобы долго размышлять о тебе.

Ты завидуешь их уверенности? Ты ее тоже приобретешь. Она — результат высокой должности и отсутствия критического духа. Должность с годами будет и у тебя. Ты научишься утверждать прописные истины. Наденешь на себя броню той или иной доктрины. Защищенный ею, ты почувствуешь себя более уверенно. А пока что запомни несколько правил осторожности. Не раскрывай рта, если ты попал в новое для тебя общество. Прислушайся, старайся постичь, на что способен ты сам. В парижских салонах беседа вертится вокруг трех сюжетов одновременно. Изучи все эти сюжеты, словно зубришь билеты к экзамену по истории. И жди своего часа. Когда речь заходит о фактах, доскональное знание предмета дает право вступить в разговор. Будь теологом, психологом, юристом. Цитируй формулы отлучения от церкви и статьи гражданского кодекса. Свет ценит специалистов.

С женщинами будь прост и решителен. Они любят естественность, а также чтобы с ними говорили о них самих. Смело рассказывай о своей работе. В деятельности мужчин есть что-то вроде грубой ласки, которая им льстит. Не бойся быть непонятым. Женщины будут говорить: «Это тот молодой человек, у которого красивые глаза и который рассказывал мне про Эйнштейна».

В многолюдном собрании женщина может одним только взглядом оказать поддержку и помощь своему другу, если он встревожен и оробел. Улыбка, которая вспыхивает у нее в глазах, взлетает, как жаворонок, и садится на успокоенную душу.

Банкет

Застольная беседа протекала у греков, надо думать, гораздо более торжественно, чем у нас. В «Пире» Платона* гости, прежде чем приступить к беседе, едят. Затем врач Эриксимах предлагает сюжет для разговора: «Каждый произносит речь, прославляющую Любовь. Все говорят поочередно, слева направо».

Когда запели первые петухи, Сократ все еще говорил, требуя от своих соседей признать, что одному и тому же человеку свойственно быть поэтом трагическим и поэтом комическим. И только когда уже совсем рассвело и оба соседа уснули, он отправился в Лицей и принял там ванну. В этих долгих ночных играх блистал ли бы кто-нибудь ныне?

Обед

«Не меньше, чем граций, не больше, чем муз» *, — говорил Дизраэли. Я не согласен с ним. Обед вдвоем — самый очаровательный из всех вариантов. Нет посторонних ушей — нет хвастовства, нет тщеславия. В Париже обед на шесть или восемь персон больше всего благоприятствует остроумной беседе. В этом случае гости сидят еще довольно близко друг к другу и, чтобы быть услышанным, не надо напрягать голос. После восьми персон следует сразу же перескочить на четырнадцать. Десять, двенадцать человек — сборище уже слишком шумное, чтобы ты или иную историю услышал весь стол, но еще недостаточно шумное, чтобы шепнуть соседке секрет на ушко. Когда за столом собирается от четырнадцати до тридцати персон, парочки вновь оказываются одиночками в толпе.

Не забывай, что наименее красивая из твоих двух соседок может обладать чуткой и прелестной душой.

Передавать за столом реплики от соседей справа соседям слева — задача весьма трудная, особенно если пытаться решать ее на большой скорости; нужно, едва уловимо сбавляя тон, в конце концов на миг замолчать и, выключив сцепление, тут же произнести в разговоре нужный тебе вираж.

*Dinner*¹

За обедом англичане, как правило, не ведут общей беседы. Каждый разговаривает со своим соседом, редко обращаясь к другим сотрапезникам. Так было не всегда. Во времена доктора Джонсона * застольная беседа являла собою борьбу, из которой ты выходил победителем или побежденным. «Помилуйте, сударь, — говорил Босуэлл *, — ведь добрая беседа возможна и без борьбы за призовое место!» «Но оживленная невозможна», — отвечал Джонсон. Оскар Уайльд еще мог заставить замолчать стол на двадцать персон, чтобы рассказать какую-нибудь историю. Но в Англии больше нет человека, которому был бы дозволен такой талант. Изящно построенная фраза покажется там смешной, цитата — скандальной. Такое положение связано с эстетикой небрежности, которая формирует в настоящее время литературу и красноречие этой страны. Весьма полезная реакция на напыщенные условности викторианской эпохи. Новая условность, которая, будем надеяться, тоже вызовет в недалеком будущем реакцию.

¹ Обед (англ.).

Шведский обед

Хозяин дома двумя легкими постукиваниями по бокалу просит внимания. «Дорогие друзья...»

Его короткая речь торжественна, полна юмора, прелестна. Затем начинается серия *skol*. Предложить *skol* — это значит назвать одного из гостей по имени (Нильс... Эльза... Густав... Карл...), взглянуть на него с настойчивым нежным вниманием, поднять бокал до уровня третьей пуговицы френча и выпить, все так же преданно глядя в глаза, после чего поставить бокал на место и в последний раз взглянуть на партнера, вложив в этот взгляд максимум чувства. Предложить *skol* — это все равно что сказать: «Нильс, я думаю о тебе... Наше с тобою общение сейчас полнее и глубже, чем если бы мы произносили слова... Мы понимаем друг друга... Нильс, как это славно — выпить вместе с тобой...» Это — тост, но он гораздо лучше, чем обычный тост. И намного сложнее. Нужно, чтобы оба «сколёра» пили одно и то же вино. Начальник должен первым предложить *skol* подчиненному. Никто не предлагает *skol* хозяйке дома, которая, напротив, предлагает его всем гостям. Да, это нечто совсем иное, чем тост, это психологический тост, когда чокаются две души, когда два сердца омываются одной влагой.

— Не правда ли, это так ведь и есть? — говорю я соседу. — Я правильно передаю то, о чем вы, шведы, думаете, когда предлагаете *skol*?

— Да нет же, — отвечает цинично сосед, — что касается меня, я думаю обычно о том, как бы поскорей выпить.

О беседе-игре

Наслаждение, которое мы получаем от беседы, проистекает не из высказываемых в ней идей, которые, как правило, менее интересны, чем в хорошо написанной книге, а, пожалуй, из той стремительности, с какой мы выражаем себя и понимаем других, из умственного и душевного равенства собеседников, когда находчивость партнера радует тебя не меньше, чем твоя собственная, наконец, из нашего общего вкуса к отбору точных оттенков мысли, заставляющего нас искать и находить самые тонкие и удачные из них.

Беседа-игра — произведение искусства. Она требует порой жертвовать мыслью. Страстный человек обычно портит беседу-игру. Он с полной серьезностью опровергает легковерные доводы; он цепляется за темы, которые уже исчерпаны. Правила игры требуют брать любой мяч и без сожаления перебрасывать его дальше.

Однако страсти бывают порою даже забавны, но лишь в том случае, если их ярость притворна. Они раздражаются на высшей точке мелодии, подобно удару большого барабана или кимвал. Произведя этот ужасающий грохот, хороший музыкант как ни в чем не бывало опять утыкается в партитуру.

Есть прирожденные спорщики, которые вечно стараются отыскать ошибку в том, что высказали другие. Это невыносимо. Разговор—это здание, возводимое сообща. Выстраивая фразы, собеседники не должны терять из виду общую конфигурацию здания; так опытный каменщик ведет свою кладку. Умам, склонным к придирчивой методичности, лучше держаться от строительства в стороне, если они не в состоянии украсить фасад парадоксом.

В беседе-игре лучшие свойства ума—взвешенность суждений, умеренность, скромность—оказываются помехой. Здесь нужны безоглядная дерзость и точно выбранное амплуа.

Беседа требует от человека смелого погружения на полную ее глубину, большинство же людей держится на поверхности своего собственного «я».

Мысли женщин подчиняются тем же законам, что молекулы газа; они движутся с невероятной стремительностью, пока не натолкнутся на преграду, которая отклоняет их от изначально заданного направления, вторая преграда—еще одно отклонение, и так до бесконечности. Беседуя с женщинами, ни к чему выбирать тему для разговора. Надо лишь мчаться вместе с кавалькадой этих охотниц и не раздумывая перескакивать через все препятствия.

Первая беседа всегда только разведка. Прежде чем пуститься в путь по дорогам нового для тебя ума, нужно ознакомиться с планом местности.

Всякий, кто, дожив до сорока лет, не утратил пристрастия к спорам, никогда по-настоящему не любил истины.

Подобно великану из басни, беседа должна время от времени возвращаться на землю. После фраз отвлеченных требуются примеры. Вот почему приятный диалог возможен лишь между теми, кто имеет общих знакомых, читает одни и те же книги. Чем чаще члены какого-то кружка встречаются друг с другом, тем больше их радуют встречи. В этом и состоит прелесть школы, казармы, салона г-жи Вердюрен*.

Пошлите самого блистательного парижского красноречивого в Лодэв — он там всех уморит от скуки.

«Настоящий мастер своего дела, — говорит Стивенсон, — следит за ходом беседы, как рыбак за течением реки, и не задерживается там, где нельзя ожидать улова».

В обществе, для тебя чужом и чьи тайные пружины тебе неизвестны, уводи разговор в метафизические сферы. Там, за облаками, хорошо владеющий ледорубом проводник становится повелителем гордых чужеземцев, которым самолюбие никогда не позволит попросить его спуститься обратно в долину.

В Париже произносить речь нужно предельно кратко. Только глава государства, министры, адмиралы, генералы, посланники, выдающиеся литераторы да двое-трое самых знаменитых адвокатов имеют право на регламент дольше пяти минут. В провинции — замените «министров и генералов» на «префектов и полковников». За границей — вообще никакого лимита времени.

Буалев пишет в своем «Дневнике»: «Тот, кто принимает в расчет собеседника, уже не может выразить точно свою мысль; высказываясь, он приравнивается к понятиям собеседника; он изменяет самому себе, пользуясь языком, который ему в какой-то мере чужд». Вот почему разговор истинного мастера красноречия — почти всегда монолог. Мадам де Ноай беседует со звездами; Кокто — с тенями; Валери обращается к тому, кем суждено стать самому Валери.

Подлинный красноречивый мыслит вслух, в тесном контакте с самим собой. Склонившись над бездной своей души, он живописует то, что в ней происходит.

У политических деятелей и у лекторов привычка к красноречию проявляется и в повседневной жизни.

Воспитанный человек никогда не затрагивает в светской беседе своих религиозных убеждений.

Стиль мебели тоже по-своему влияет на характер беседы. Глубокие английские кресла располагают к полунемой дремоте; стулья с жесткими спинками побуждают к остроумию; диваны, на которых можно удобно развалиться, способствуют сердечным признаниям. Взоры собеседников, расположившихся на таком ди-

ване, не встречаются, что действует благотворно на застенчивые натуры, а близость расслабившихся тел навеивает чувственные воспоминания.

«В своей гостиной, — говорит С., — я всегда расставляю кресла так, чтобы люди садились по трое. По двое — это опасно. Если случай сведет вас с надоедливой соседкой, вам уже никакими силами не прервать с ней беседы, зато парочка, желающая уединиться, всегда найдет способ отделаться от третьего лишнего».

Я долго верил, что, подобно тому как разговоры со специалистами просветили меня в вопросах биржи, политики, химии, так несколько слов, которыми в один прекрасный день удостоит меня философ, раскроют наконец передо мною смысл жизни.

Салон должен быть достаточно просторным для того, чтобы две группы гостей могли непринужденно сплетничать одна о другой, не опасаясь быть услышанными.

Мне нравится беседа, которую мадам де Севинье называла «бесконечной», когда говорят о себе, о других, о каждодневных событиях, о пустяках, без шпилек, без шума, не боясь пауз, со взаимным доверием, с полной непринужденностью.

Моя склонность к серьезности приводит к тому, что наибольшее удовольствие я получаю от беседы с детьми.

О беседе серьезной

Не следует думать, будто в делах можно все решить однозначно и четко, как в математике. Человек недалекий, но волевой заставит подписать опасную бумагу человека умного, но слабохарактерного, который понимает, что губит себя, а все же подписывает.

В беседе, как на войне, бывает достаточно продержаться всего на каких-нибудь четверть часа дольше противника. Упорство одерживает верх над разумом, красноречием, эрудицией, вынуждая собеседника замолчать, потому что ему стало скучно.

Верная мысль, если ее слишком часто повторять, теряет силу. Должно быть, разум, как и кровь, вырабатывает антитоксины, дающие ему иммунитет даже против того, что ясно как божий день.

В беседе, цель которой — принять какое-то решение, важны не столько аргументы, сколько порядок, в каком они вводятся в дело. Внезапность здесь так же необходима для победы, как в бою.

У большинства людей вялость и лень сильнее даже их честолюбия. Отсюда — успех дураков.

Самое трудное в споре — не столько защищать свою точку зрения, сколько иметь о ней четкое представление.

«Случается, — говорит Полан, — что самые глубокие мысли «не прививаются», остаются незамеченными. Мало сказать, что к ним не прислушиваются. Их будто бы и не слышат. Причина в том, что тот, кто эти суждения высказывает, обладает какими-то недостатками, например застенчивостью. Мальгашская пословица гласит, что сироту никто не поймет, сколь бы умные вещи он ни высказывал. Ибо у него нет той уверенности в себе, которую мы впитываем с любовью родителей». Очень верно подмечено. И обратная теорема тоже верна: порой совершенно плоские, даже нелепые мысли воспринимаются с восхищением, если их изрекает человек, имеющий репутацию знатока. Будь господин де ля Палис * экономистом, его суждения не сходили бы с первых полос наших газет. Впрочем, так оно и есть.

В свете, как и в театре, полезно иметь устойчивое амплуа: публика хочет знать, как ей реагировать — хохотать или млеть от восторга.

Общие места, если их высказывает специалист, обладают особой притягательной силой; мы терпеливо выслушиваем изречаемые им прописные истины, на которые никто не обратил бы ни малейшего внимания, начни их излагать мы с вами.

Голос должен быть тем спокойнее, чем непреклонней решимость; доброжелательная улыбка смягчает твердость позиций.

Начав беседу с обстоятельного изложения точки зрения вашего оппонента, вы тем самым выбиваете почву у него из-под ног.

Жизненный опыт дает нам радость только тогда, когда мы можем передать его другим.

В дипломатической беседе важно уметь прикрыться принципами противника — это сделает вас неуязвимым для его софизмов.

В беседе, как в фехтовании, существуют ложные выпады, и человек хладнокровный может без всякого опасения на секунду раскрыться, чтобы заставить противника выдать свои намерения.

Я знаю, что меня легко убедить в чем угодно, и поэтому никакие доводы меня не убеждают.

Есть люди, у которых явно отсутствует связь между их рассуждениями и конечными выводами. Они уступают по всем пунктам, соглашаются с вами абсолютно во всем: «Вы совершенно правы», и дело уже представляется вам улаженным и решенным, но в последний момент вы вдруг замечаете, что они ни на миллиметр не сдвинулись со своей позиции, и надо все начинать сначала.

Авторитет в разговоре на стороне того, кто обладает или неторопливой, значительной манерой высказывать свои мысли, или спокойной властью, то есть на стороне того, кто уверен в том, что его слушают. Слова одно за другим отделяются от него и всей своей тяжестью падают на слушателей. Человек же, веса не имеющий, выглядит так, будто он все время пытается удержать собственные слова и вернуть их обратно; он стесняется своей фразы еще до того, как успел ее завершить.

Можно вывести следующее уравнение: возраст человека + диапазон его голоса = постоянная величина. Дети в пеленках и молодые проповедники криком кричат, чтобы заставить слушать себя; стариков же, голоса у которых уже нет, слушают и так.

Некоторая затрудненность речи, даже косноязычие свидетельствуют о скромности характера, что весьма ценится в английской аудитории. «Научитесь заикаться», — посоветовал один старый министр новоиспеченному члену палаты общин.

Об остроумии

Мало быть остроумным. Надо еще быть достаточно остроумным для того, чтобы не быть излишне остроумным.

В остроумии, как и в игре, нужно уметь вовремя остановиться. Нельзя долго выигрывать. Талейран бывал остроумен не чаще одного раза в день.

Поскольку комическое рождается из контраста, легко стать смешным, если ты слынешь человеком серьезным. Священнику, министру, ученому остроумие обходится и вовсе дешево: в глазах аудитории они изначально наделены таким запасом чопорной скованности, что им остается лишь поэкономней ее расходовать.

Подлинное остроумие никогда не станет объяснять, в чем его соль. «Мари-Жозеф? — спросил Ривароль. — Это брат Авеля Шенье» *.

Ничто так не поражает и одновременно не восхищает молодого человека, как юношеская живость остроумия у старика.

До шести лет и после семидесяти человек имеет право на естественность; цинизм старика так же прелестен, как искренность ребенка.

Очень легко смеяться над собой в мелочах, если ты восхищаешься собою в крупном. Отсюда — безукоризненный юмор англичан.

Благодаря Уайльдзу англичане знают способ превращать парадоксы в банальности.

Направлять свое остроумие против самого себя — излюбленный прием обольстителей. Но так ли уж он честен? Самый скромный человек из всех, кого я знал, был также и самым тщеславным человеком.

«Он постоянно лжет, — говорил о ком-то Ф., — но меня это не смущает: он смешит за столом моих гостей».

Уолпол говорил о маршале де Ришелье *: «Люди смеются, еще не зная, что он скажет, и правильно делают, ибо потом они наверняка уже смеяться не будут». Острота, применимая к большинству профессиональных остряков.

Хорошие анекдоты настолько редки, что столетия передают их из рук в руки как эстафету. «Только не говорите заранее, чем там кончается!» — анекдот, который рассказывали в 1880 году про читательницу «Жизни Иисуса» *: в 1925 году тот же анекдот рассказывался про зрительницу, пришедшую посмотреть «Святую Иоанну» *.

«Ничто так не говорит о скудости ума, как пристрастие к анекдотам». Изречение человека, плохо запоминающего анекдоты.

Анекдот хорош лишь тогда, когда он иллюстрирует только что прозвучавшую в разговоре мысль. Анекдот, рассказанный непонятно по какому поводу, оскорбителен.

Ривароль заготавливал экспромты на вечер еще утром в постели. Он записывал свои эпиграммы на карточках, вставлял в рамки зеркал и выучивал наизусть, пока брился.

«На свете было лишь трое импровизаторов, — говорил Эмиль Оливье *, — Ламартин, Тьер и ваш покорный слуга. Ни один из троих не импровизировал».

Утверждают, будто среди хорошеньких женщин редко встретишь женщину остроумную. Отчего бы это? Ведь в их распоряжении всегда есть самые выдающиеся мужчины, готовые развить и отточить их ум.

Проявлять остроумие некстати — очень неостроумно.

Грубость — остроумие дураков, привычка все оспаривать — их утонченность.

В рассказе, изложенном на бумаге, чересчур пышная концовка бывает не по вкусу утонченным натурам, а вот в беседе, ибо она сродни театру, занавес нужен всегда.

Трудно придумывать идеи и легко придумывать фразы; этим объясняется успех философов.

Не надо стремиться во чтобы то ни стало досказать анекдот или какую-либо историю, прерванные чьим-то появлением или уходом. Подбирать оброненные мысли — это уже не остроумие, а скупость.

О молчании

Нередко одна и та же мысль, затаившаяся и опасная, приходит в голову обоим собеседникам сразу. Каждый знает, что другой подумал о том же, но вслух об этом не говорится, и непрощенная гостья медленно отступает. Так, мелодия, взявшаяся неведомо откуда, то приблизится, то удалится, то вовсе затихнет, а музы-

кантов ты так и не увидел. Молчание бывает красноречивее слов.

Беседа без пауз неспособна ничего родить. Для созревания плода требуется время.

Опытную хозяйку не смущает наступающее посреди разговора молчание. Она и не думает бить тревогу. Она принимает паузу как должное и старается сделать ее приятной.

Женщина, которая страшится объяснения в любви или сцены ревности, должна любой ценой не допускать в разговоре пауз. Пока люди молчат, у них есть время принять решение; кроме того, затянувшаяся пауза позволяет резко изменить тон беседы, и это не звучит диссонансом.

То, что мужчины называют женской «болтовней», зачастую не что иное, как стыдливость.

Люди боятся молчания в той же мере, что и одиночества: и в том, и в другом им чудится призрак небытия.

Когда ее салон пустеет, ей внезапно мерещится смерть (Лакретель *).

Шуман, пригласивший женщину совершить с ним прогулку на лодке и за два часа не вымолвивший ни слова, сказал ей, прощаясь: «Как славно мы сегодня понимали друг друга!»

Молодой человек может, не опасаясь показаться смешным, промолчать весь вечер при том условии, что единственная произнесенная им фраза будет неподражаема и изящна.

Баррес говорил: «Когда на каком-либо вечере я чувствую себя не в состоянии проявить свой ум, я делаю вид, что мне скучно».

Любовная дерзость должна проявляться в поступках, а не в словах. Жесты не так пугают, как речи, а молчание гарантирует чистоту отношений в интеллектуальном плане.

Есть особая прелесть в том, как два молчания, долго шагавшие в темноте параллельными тропками, вдруг одновременно выходят на свет — бок о бок друг с другом и с одной и той же фразой на устах. Так порой в концерте мощный ритм отмеряет совершенно беззвучно долгую паузу в восприятии слушателя, и он получает наслаждение оттого, что музыка опять начинает звучать у него в голове в ту же самую долю секунды, что и в оркестре.

Открытое письмо молодому человеку о науке жить

Мне восемьдесят лет, вам двадцать. От всех, кто вас знает, я слышал о вас много хорошего. И вот вы спрашиваете у меня совета, как строить свою жизнь, иначе говоря, просите написать вам «воспитательное письмо», как в бальзаковской «Лилии долины» или «Вильгельме Мейстере» Гёте. Не скрою, просьба ваша доставила мне удовольствие. Я не ищущу популярности, мне претит модный псевдофилософический жаргон нынешних интеллектуалов. Я опасался, что у меня нет шансов найти общий язык с молодым поколением, — ведь в юности людей ослепляет словесная мишура. Ваша просьба растрогала меня и придала мне силы. Попытаемся же вместе разобраться в том, что представляет собой окружающий нас мир.

Но прежде всего я прошу вас раз и навсегда выкинуть из головы надуманный неоромантический пессимизм, отравивший целое поколение. Вам внушили, что мир абсурден. Что это значит? Высказывание абсурдно, если оно противоречит доводам рассудка. Закон абсурден, если он оскорбляет здравый смысл. Но утверждение, что все кругом абсурдно, — абсурд. Мир таков, каков он есть. Он не подчиняется ни доводам рассудка, ни здравому смыслу. Мир-исходная точка, некая данность. А как же иначе? Трудно предположить, чтобы мир был создан единственно для

удовлетворения наших потребностей. Это было бы чудом из чудес. Мир нейтрален. Он не дружелюбен и не враждебен человеку. Вам внушили, что человек рождается для того, чтобы умереть, и что вы должны всю жизнь терзаться этой мыслью. Чего ради? Смерть — не факт сознания. «Смысл раздумий о смерти в том, что они лишены смысла», — писал Монтерлан. Смерть близких людей потрясает нас. А наша собственная? Бояться ее — значит представлять себе и мир, где мы есть, и мир, где нас нет. Эти два образа несовместимы.

Вам внушили, что мы живем на краю пропасти и что сознание смертельной опасности отнимает у нас последние крохи разума. Но люди всегда жили на краю пропасти, и это не мешало им любить, трудиться, созидать. Почему бы вам не последовать их примеру? Мне возражат: «Все изменилось. Людей прошлого поддерживала вера. К тому же им в отличие от нас не грозила опасность погибнуть вместе с планетой, на которой они живут». А кто мешает верить и вам? Боги умерли? Думаю, они просто стали иными. Не забывайте, что в вас есть нечто более великое, чем вы сами; не забывайте, что это величие заложено в каждом человеке: недаром подлеца терзают угрызания совести; не забывайте, что общими усилиями можно предотвратить катастрофу и не дать земному шару погибнуть от рук его обитателей; не забывайте и о том, что даже если мы идем по краю пропасти, ничто не толкает нас вниз.

Вам внушили, что старые моральные ценности канули в прошлое. Это ложь. Если вы присмотритесь к современному человеку, то под словесной шелухой обнаружите человека, каким он был во все времена. Писатели трубят о конце классической культуры. «Факты неумолимы — говорят они. — Не подлежит сомнению, что XX век завершает пятитысячелетний период развития человечества — эру великих классических культур — и мы стоим на пороге новой эры... Она не будет иметь ни малейшего сходства с прошлой; прежде обновленная душа вселялась в исторически обусловленную оболочку; теперь новая душа оживит новое тело». Новая душа в новом теле? Ничего подобного. Я не верю ни в какое новое тело. Разве у нас не такие же сердце, печень, артерии, нервы, как у кроманьонцев? А что касается души, то моральные ценности — не бессмысленное изобретение дряхлых моралистов. Они потому и называются ценностями, что без них невозможны ни дальнейшее развитие общества, ни счастливая жизнь. Я напому вам для начала несколько древних как мир истин, отменить которые не может ни технический прогресс, ни нигилистическая философия.

Во-первых, *нельзя жить для себя*. Думая только о себе, человек всегда найдет тысячу причин чувствовать себя несчастным. Ни-

когда он не делал всего того, что хотел и должен был делать, никогда не получал всего того, чего, по его мнению, заслуживал, редко был любим так, как мечтал быть любимым. Без конца пережевывая свое прошлое, он будет испытывать одни сожаления да угрызения совести, меж тем и то и другое бессмысленно. «Наши ошибки обречены на забвение, ничего иного они не заслуживают». Зачеркнуть прошлое все равно невозможно, попытайтесь лучше создать настоящее, которым вы впоследствии сможете гордиться. Разлад с самим собой — худшее из зол. Всякий, кто живет ради других — ради своей страны, ради женщины, ради творчества, ради голодающих или гонимых, — словно по волшебству забывает свою тоску и мелкие житейские неурядицы. «Подлинный внешний мир — это подлинный внутренний мир».

Второе правило — *надо действовать*. Вместо того чтобы жаловаться на абсурдность мира, постараемся преобразить тот уголок, куда забросила нас судьба. Мы не в силах изменить вселенную, да и не стремимся к этому. Наши цели ближе и проще: заниматься своим делом — правильно выбрать его, глубоко изучить и достичь в нем мастерства. У каждого свое поле деятельности: я пишу книги, столяр сколачивает мне книжный шкаф, постовой регулирует уличное движение, инженер делает расчеты, мэр управляет коммуной. Если человек в совершенстве овладел каким-нибудь ремеслом, работа приносит ему счастье. Даже в свободное время люди не сидят сложа руки — они занимаются такой, казалось бы, бесполезной деятельностью, как игры и спорт. Регбист счастлив, даже когда противник валит его в грязь. Что же касается полезных дел, то мы радуемся их результатам: деятельный мэр следит за порядком в городе, деятельный священник пестует прихожан — и оба получают удовольствие от плодов своего труда.

Третье правило — *надо верить в силу воли*. Неверно, что будущее целиком и полностью предопределено. Великий человек может изменить ход истории. Тот, у кого достанет смелости захотеть, может изменить свое будущее. Безусловно, никто из нас не всемогущ; человеческая свобода имеет свои пределы. Она живет на границе возможностей и желания. Не в моей власти помешать войне, но мои устные и письменные призывы, помноженные на призывы миллионов других людей, ослабят угрозу войны. В моей власти не повторять моим соотечественникам по всякому поводу и без повода, что им было нанесено оскорбление и честь повелевает отомстить ценой собственной жизни и жизни своей страны. Я не в силах выиграть битву, но я в силах быть храбрым солдатом и исполнить свой долг. И поскольку «возможности наши зависят от того, на что мы дерзнем», нужно, не задумываясь об их ограниченности, быть всегда в форме. Давая себе поблажки, человек ленится и трусит; усилием воли он заставляет себя трудиться

на совесть и совершать героические поступки. Быть может, воля и есть царица добродетелей.

Не менее важно и четвертое правило — *надо хранить верность*. Верность слову, обязательствам, другим, себе самому. *Надо быть из тех людей, которые никогда не подводят*. Верность — добродетель не из легких. Человека ждет тысяча искушений. Вы скажете: «Как? Если я женился на кокетливой, лживой и глупой женщине, я не могу ее оставить? Если я избрал профессию, а потом разочаровался в ней, я не могу ее сменить? Если я вступил в организацию и вижу, что она состоит сплошь из ничтожеств и алчных проходимцев, я не могу перейти в другую, удостоверившись, что она состоит из более достойных людей?» Нет. Верность не должна быть слепой. Однако не забывайте, что часто в основе неверности лежит не столько неудачный выбор, сколько обыкновенная привередливость. Ален пишет: «Всякий выбор плох, если человек сидит сложа руки, но всякий выбор может стать удачным, стоит только захотеть. Профессию всегда выбирают вслепую — ведь изучить ее можно лишь после того, как выбор сделан. То же и в любви». Тем не менее всегда (или почти всегда) можно перевоспитать женщину, плодотворно работать в избранной области и изменить дух организации. Верность сама создает для себя почву.

Наверно, эти жизненные правила покажутся вам и слишком строгими, и слишком общими. Я прекрасно это понимаю, но других предложить не могу. Я не требую от вас, чтобы вы прожили жизнь суровым стоиком. Развивайте в себе чувство юмора. Будьте способны улыбнуться своим — и моим — словам и поступкам. Если вы не можете побороть свои слабости, смиритесь с ними, но не забывайте, в чем ваша сила. Всякое общество, где граждане думают только о почестях и удовольствиях, всякое общество, которое допускает насилие и несправедливость, всякое общество, где люди не испытывают ни малейшего доверия друг к другу, всякое общество, члены которого ни к чему не стремятся, — обречено. Пока Рим был Римом героев, он процветал; стоило ему перестать чтить ценности, которые его породили, и он погиб. Технический прогресс изменяет виды деятельности, но значимость деяния и потребность в нем остаются неизменными. Так было прежде и так будет всегда.

Возражения

Начав читать мое письмо, вы убедились, что я не обманул вас, и меня действительно мало волнуют модные течения современной мысли. Найдутся люди, которые предложат вам совсем иные правила. Они скажут: «Выкинь из головы традиционные ценности; они отжили свой век. Оглядысь вокруг. Что ты видишь? Обще-

ство хапуг и мошенников. Тебе советуют хранить верность? Да кто соблюдает эту заповедь? Люди делают карьеру на беспринципности. Самые преуспевающие писатели, самые кассовые фильмы пропитаны цинизмом и проповедуют его. Злоба окупается — она питает газетную хроника. Садизм окупается — в нем черпают вдохновение авторы самых нашумевших романов. Эротика окупается — она привлекает толпы зрителей в темные кинозалы. Педантизм, невежество, жаргон окупаются — они слышат признаками глубины мысли. Ты любишь Бальзака? Послушай, что говорится в его книге: «Есть две истории: одна — официальная, лживая с начала до конца, где все поступки совершаются из благородных побуждений; и другая — тайная, единственно подлинная, где цель оправдывает средства. Люди в большинстве своем фаталисты; они обожают сенсации; они становятся на сторону победителя. Итак, добейтесь успеха — и вы будете оправданы. Ваши поступки сами по себе ничто; важно лишь мнение окружающих. Имейте привлекательную наружность, скрывайте изнанку вашей жизни и показывайте товар лицом. Главное — форма». Так говорит Вотрен*.

Да, Бальзак вкладывает эти слова в уста Вотрена, и в самом Бальзаке, как во всяком тщеславном человеке, было что-то от Вотрена. Но Вотрен бандит. Он говорит эти слова Люсьену де Рюбампре. И чем же кончил Рюбампре, послушавшийся этих советов? Самоубийством в тюремной камере. Учения такого рода не выдерживают проверки жизнью. Гитлер, этот Вотрен в масштабе целой нации, дорвавшийся до власти бандит, проповедовал беспощадную жестокость, попрание всех моральных устоев, коварство и насилие. Для Гитлера поступать «как истинный национал-социалист» значило убивать детей, сжигать женщин в печах крематориев, нарушать самые священные обязательства, окружать себя палачами. И чем же кончил Гитлер? Самоубийством в рейхсканцелярии. Конечно, и праведникам случалось потерпеть поражение; некоторые из них вынуждены были даже покончить с собой, лишь бы не выдать тайну. Уважение к истинным ценностям далеко не всегда залог спокойной жизни, но оно по крайней мере залог душевного покоя.

Я не требую, чтобы все люди были добрыми. Только безумец может надеяться на это. Вчера я видел по телевизору, как коршун подстерегает заблудившегося крольчонка. Хищник не спускал своих страшных глаз с добычи, буквально пожирая ее взглядом. Внезапно он камнем упал на зверька. Страшное зрелище — клочья шерсти, брызги крови — мелькнуло перед моими глазами. Во всех областях человеческих джунглей есть свои коршуны. Авантюристы отправляются в погоню за золотом. Так называемые доверенные лица обкрадывают своих патронов. Торговцы челове-

ским телом охотятся за девушками. Садисты высматривают себе жертвы. Каждую секунду в десятке мест на земле солдаты с автоматами бродят по лесам и болотам и убивают, как кроликов, других солдат. Таково человечество, и именно из этого мы должны исходить, создавая новое общество. «Ведь человек считается украшением мира; а если это не так, остается пойти и утопиться» (Ален).

Но человек — в *самом деле* украшение мира. Несмотря на свою животную грубость, он уже несколько тысячелетий борется за то, чтобы построить общество лучшее, чем то, где коршун пожирает крольчонка, и осуждает тех, кому на все наплевать. В человеческом лесу есть и здоровые деревья. Вы в этом убедитесь. Конечно, вам придется сталкиваться с подлецами; вас будут предавать лучшие друзья; вас будут мучить никчемные кокетки, не стоящие ни единого вздоха; вы станете жертвой такой глупой клеветы, что у вас перехватит дыхание и вы не будете знать, что ответить. "Mit der Dummheit Kampfen die Götter selbst vergebens" (Шиллер). Против глупости бессильны даже боги.

«Надо каждое утро говорить себе: сегодня меня ждет встреча с глупцом, наглецом, грубияном, мошенником» (Марк Аврелий). И это чистая правда. Все эти пороки не что иное, как плоды невежества; зато, попав в беду, вы совершенно неожиданно встретите в людях, которых вы считали равнодушными или легкомысленными, и беззаветную преданность, и нежную любовь, и постоянство. Благородства вы встретите не меньше, чем низости. Вы убедитесь, что даже злые люди способны на милосердие, ростовщики — на щедрость, а кокетки — на ласку.

Если Фортуна добра и тебе улыбается ясно,
Все устремляются с ней за колесницей твоей,
Но разразится гроза—и бегут, узнавать не желая,
Прочь от того, вслед за кем сонмом теснились вчера¹.

Так сказал Овидий; но он не прав: именно в горе вы обретете настоящих друзей.

Если вам постоянно будет сопутствовать удача, то, сколь бы заслуженной она ни была, у вас появятся враги. Это закон природы. Почему? Потому что найдутся люди, которых вы будете раздражать самим фактом своего существования. Невозможно нравиться всем. Успех восстановит против вас людей, которые мечтали о той же должности, добивались аплодисментов той же публики. Кроме того, успех развяжет вам язык, и вы неизбежно наговорите много лишнего; вы будете искренне высказывать свое

¹ Овидий. «Скорбные элегии» (кн. I, стих 9).

мнение о людях, которые терпеть не могут искренности; ваши суждения будут переходить из уст в уста. Одно ироническое или суровое слово — и вы приобретете себе врага на всю жизнь. Люди очень чувствительны к тому, как к ним относятся; малейшая критика ранит их, особенно если попадает по больному месту. Они недоверчивы, как норовистые лошади, к которым надо приближаться с осторожностью, поглаживая их по боку. Многие ходят на больного, чья рана зарубцевалась, но при малейшем прикосновении причиняет боль. Из пустяковой сплетни может родиться смертельная ненависть. Множество людей получают величайшее наслаждение, принося другим огорчения и ссоря их. Если вы сами еще не нажили себе врагов, эти люди вам помогут. Найдутся и такие, которые будут испытывать к вам инстинктивную неприязнь.

«Неприязнь, — писал Спиноза, — это бунт души против какого-либо предмета, который, как мы знаем или предполагаем, вреден или враждебен нам *по своей природе*». Неприязнь — не ненависть. У нее нет определенной причины. Я могу не испытывать ни малейшей неприязни к человеку, чьи убеждения противоположны моим. Мы сознаем, что придерживаемся различных взглядов, и уважаем мнение друг друга. Напротив, я знал людей, с которыми все, казалось бы, должно было меня роднить, но к которым я тем не менее испытывал неприязнь, и они платили мне взаимностью. Бывает, не идеи, а темпераменты и натуры сталкиваются между собой. Человек агрессивный, вспыльчивый, сварливый, неговорчивый шокирует человека спокойного, беспристрастного, доброжелательного и мирного. Тот, кто презирает всех людей, больше всего презирает того, кто старается их любить. Человек умеренный приводит в бешенство фанатика. Вы всю жизнь будете встречать людей, о которых с удивлением скажете: «За что он меня невзлюбил? Я же ему ничего не сделал». Ошибаетесь! Вы нанесли ему самое тяжкое оскорбление: вы — живое отрицание его натуры.

Как вести себя с недругами? *Не отвечайте ненавистью на ненависть*. Ненависть — тягостное чувство, нагоняющее тоску, а подчас приводящее в ярость. Если человек сгоряча поверил гадостям, которые ему о вас наговорили, и позволил себе судить о вас по слухам, следует ли вам быть таким же легковверным и поспешным в выводах? Если вы решите отомстить, это вызовет ярость вашего врага, и так без конца; вражда отравит вам жизнь. Перед вами два пути. Если вас оболгали, сделайте хоть одну попытку рассеять недоразумение. Пусть на помощь придут общие друзья. Не будьте злопамятны: кто прошлое помянет... В этом случае не стоит прибегать к прямому объяснению, чтобы не поссориться снова. Пожмите друг другу руки (рукопожатие — древний символ

мира) и забудьте о том, что было. Я знаю прочные дружбы, построенные на обломках былых обид. *Прощать надо молча — иначе какое же это прощение.*

Если же, наоборот, жизнь столкнет вас с человеком по-настоящему злым, то есть с беднягой, не способным посмотреть правде в лицо, ожесточенным, черствым, — порвите с ним. Из вашего общения не выйдет ничего путного. Пусть даже ваш противник не лишен достоинств и пользуется уважением окружающих — раз вы оба так устроены, что не переносите друг друга, забудьте о мире. Лучше прямой разрыв, чем кисло-сладкий компромисс. Пусть вами движет не злопамятность, а желание соблюсти моральную гигиену. Скажите себе: «Я предпочитаю с ним не видеться, чтобы не выходить из себя». *Будем общаться с теми, кто нас любит.* Те, кто ненавидят нас, подавляют и унижают нашу душу. Да и о чем говорить с врагами: «В споре рождается истина, лишь если спорят друзья. Да и то не всегда...» Я имею в виду: лишь если спорящие стоят на одних и тех же позициях в принципиально важных вопросах и относятся друг к другу с уважением и даже с восхищением. «Избавиться от приступа тщеславия — все равно что выйти из темной комнаты на свет, к солнцу».

Что же касается чудовищ, прилагающих все силы, чтобы навредить (есть и такие), обращайтесь с ними как с дикими зверями. Повторяю еще раз: ни грана ненависти — она только унижит вас, а их все равно не изменит. Лев не вызывает ненависти; если он бросается на человека, его убивают. Сумасшедший не вызывает ненависти; на него надевают смирительную рубашку и лечат. Не ненависть к Гитлеру уничтожила Гитлера, а самолеты и танки. С их помощью люди окружили логово и прикончили зверя. Пожив с мое, вы поймете, что на жестокость нужно отвечать жестокостью. В непротивлении злу насилием есть своя прелесть, но оно на руку подлецам. Важнее всего — *предотвращать жестокость*, всеми силами борясь с ее проповедниками...

Впрочем, вернемся к вам; я хотел бы видеть вас великодушным и отважным, готовым одобрить всякую разумную реформу, даже если вам лично она невыгодна. Всегда боритесь с теми, кто разжигает войну, против кого бы она ни была направлена. Однако, если война все же начнется, смело идите в бой, будьте хорошим солдатом, сражайтесь без страха и ненависти. «Порок развязывает войну; добродетель воюет за правое дело».

Опасности, которыми чревата наша эпоха

Люди моего возраста любят хвалить времена своей юности и бранить нынешнее время. «Вы только представьте себе, — говорят

они, — какой безоблачной была жизнь французов до первой мировой войны. Последняя война, в которой Франция принимала участие — франко-прусская война 1870 года, — не нанесла нации непоправимого ущерба и в сравнении с боями XX века выглядит детской забавой. В начале XX века ходили слухи о возможности войны, но никто им не верил. Оружие в те времена было опасно только для тех, кто находился на поле боя; в тылу люди чувствовали себя почти в полной безопасности. Валютный курс был твердым; доллар стоил пять франков, фунт стерлингов — двадцать пять франков. Казалось, что такова воля providения. Наши отцы продумывали будущее своих семей вплоть до мелочей. Налоги, плата за жилье не выходили за пределы разумного. Не было никаких атомных реакций; твердые тела оставались твердыми. Девушки, как правило, вступали в брак девственницами. В сельском хозяйстве, промышленности, торговле сыновья приходили на смену отцам. Традиции соблюдались и в семейной жизни. А сегодня...»

Конечно, мне тоже нравилась жизнь начала века; в ту пору я был юн и доверчив. Но я прекрасно вижу, что эта идиллическая картина неверна. Мало кто мог без страха думать о будущем, массы были беззащитны перед лицом болезней или подступающей старости. Большая часть французов жила в нужде, без удобств, не имела досуга; работа пожирала все время; оплачиваемого отпуска не существовало. Война, как показали события, была не за горами. Прямые налоги в самом деле были невелики, но государство не брало на себя забот, которые должно было бы брать; нищим, больным, престарелым приходилось тяжелее, чем сегодня. Нет, нашему прошлому было далеко до золотого века. По правде говоря, я вообще не верю в золотой век; человек всегда остается человеком, то есть героем и зверем в одном лице.

Законы природы ничуть не изменились. «Прошлогодний снег был таким же белым, как сегодняшний. Его хлопья кружились так же легко и падали так же неслышно». Старая, народы идеализируют свое прошлое. «В доброе старое время, — говорят они. — В доброе старое время умели любить; в доброе старое время подростки уважали старших и не носили ни черных¹, ни золоченых курток». Это неправда. Не то чтобы сегодня все шло хорошо. Но все всегда было плохо. Женщины были добродетельнее? Девушки скромнее? Ничуть. Никогда распущенность не была большей, чем во времена Людовика XV. Мир в те времена не знал тревог? Наоборот. Религиозные войны XVI века были не менее жестоки, чем идеологические войны века XX. «Следует смириться с тем, что есть, и принять то, что приходит ему на смену... Я живу

¹ «Черные куртки» — хулиганствующая молодежь. — *Прим. перев.*

в эпоху самолетов и не тоскую по дилижансу... Прошлогодного снега не бывает. Есть снег и его белизна» (Габриель Делоне).

В конечном счете я счастлив, что живу в нашу удивительную эпоху. За эти полвека человек постиг больше секретов природы, чем наши предки за двадцать тысяч лет; он открыл такие богатые источники энергии и стал таким могущественным, что собственная сила может его погубить; он исследует космос и плавает в межпланетном пространстве; он летает над землей из города в город со скоростью в три раза большей, чем скорость звука, он строит машины, которые считают и планируют лучше, чем человеческий мозг, — все это прекрасно и очень увлекательно. Ваше поколение будет еще быстрее идти путем открытий. Вам многое предстоит: добиться в биологии таких же успехов, как в физике, разрушить механизмы наследственности, превратить в точную науку политэкономии. Работы хватит. Работы хватит надолго, навсегда. И чем дальше, тем яснее мы будем осознавать, как мало мы знаем.

Тем более что недостаточно что-нибудь открыть. Надо еще, как говорил Валери, освоить собственные открытия. Мы не освоили как следует наши недавние изобретения. Знаете остроумное высказывание Жана Ростана: «Человеку надо научиться быть могущественным»? Могущественным, но не всемогущим. Не будем преувеличивать. Полет с Земли на Луну или даже на Марс и Венеру, на кометы и в другие галактики свидетельствует о незаурядной изобретательности и храбрости человека; но в масштабе вселенной это пустяк. Если бы какой-нибудь обитатель электрона открыл способ перелететь со своего электрона на соседний, все «электронцы» затрубили бы о чуде. Ну и что с того? Событие, потрясшее эти крошечные существа, не имело бы глобального значения. Мы сделали четыре шага в пустоту? Что такое четыре шага в сравнении с бесконечностью? Мы считаем, что изучили цепи молекул, передающих наследственные признаки, но ведь каждая из этих молекул заключает в себе целый мир, и мир этот для нас тайна за семью печатями. Обе бесконечности Паскаля * недоступны нам и останутся такими навечно. Мы не боги. Просто в нашем масштабе, на нашем комочке грязи мы обрели дьявольскую силу. Нам остается стать достойными этой силы.

У нас есть физические средства уничтожить цивилизацию и род человеческий; у нас нет моральных средств предотвратить это уничтожение. Народы с грозным видом потрясают межконтинентальными ракетами, и где гарантия, что они в конце концов не предпочтут уничтожить всё и вся, лишь бы не потерять свой престиж. Одна из задач вашего поколения (если вы на это способны) — положить конец этим глупым ребяческим выходкам. Ге-

рои Гомера могли вволю браниться друг с другом — бог с ними, они решали вопросы чести в поединке, рискуя только собственной жизнью. Государи XVIII столетия силой отбирали друг у друга земли — это еще куда ни шло (хотя поведение их не назовешь благородным); в их времена сражались лишь военные. Но нельзя допустить, чтобы те, кто стоят у кормила власти в наши дни, развязали ядерную войну. Никакая распря, в особенности словесная, не стоит сотен миллионов жизней... Уже сейчас некоторые дальновидные и трезвые руководители государств поняли это. Они удерживаются от потоков брани. Но в мире еще остается много бесноватых, и миссия ваша не из легких. От вашей победы над словопрениями зависит судьба рода человеческого.

В совсем иной, не такой опасной сфере, сфере искусств, вас тоже ждет борьба со словами. Во всякую эпоху в литературе существовали непримиримые течения: древние и новые, классики и романтики. Однако по своего рода всеобщему молчаливому уговору никто никогда не оспаривал у великих авторов всех времен их законное место. Гюго почитал Гомера, Рабле, Монтеня, Корнеля. Сегодня вам твердят, что старые формы обветшали, что новая живопись возвещает конец всякой живописи, что традиционным архитектурным формам нет места в современных городах, что новый роман провозглашает гибель романа, что писать рассказ с сюжетом — преступление, что благодаря эротизму отпала нужда в описании чувств... Слова, слова.

Опасность нашего времени не в том, что на земле живет кучка безнравственных людей, авантюристов, бандитов и разбойников. Эти отбросы общества существовали всегда; случалось даже, что из низов выходили великие люди. Особая опасность нашего времени в том, что ныне писатели искренне уверены, что, оправдывая аморализм, мягкотелость, закон джунглей и безобразное искусство, поступают мужественно. Меж тем ничего героического тут нет; это самый пошлый конформизм. Опасность, по словам одного из ваших ровесников, состоит в том, что «вместо философского учения нам предлагают заклинания, вместо литературной школы — правила пунктуации, вместо религиозного возрождения — аббатов-психоаналитиков, вместо мистики — абсурд, вместо счастья — комфорт». Другая опасность — в том, что публика утратила способность воспринимать произведения искусства. В XVII веке любители искусства и литературы имели вкус, и он редко изменял им. Они восхищались Версалем, хотя, возможно, и не были способны оценить красоту готического собора или античной статуэтки. Из произведений Мольера мы знаем, что среди них встречались Вадюсы и Триссотены *, которые, совсем как их потомки, Расхваливали глупость. Но все-таки людей XVII века было трудно и даже невозможно заставить восхищаться нагромождением

случайных и бессмысленных слов или потеками краски, в горячем бреде выплеснутой художником на полотно.

В мире творятся немыслимые безумства. В английских газетах сообщалось о концерте тишины, который дал однажды некий безвестный пианист. Шумная реклама сделала свое дело — в день концерта зал был полон. Virtuоз тишины садится за рояль и играет, но поскольку все струны сняты, не раздается ни единого звука. Люди в зале косятся друг на друга. Каждый ждет, что сделает сосед, и в результате вся аудитория сидит затаив дыхание. После двух часов гробовой тишины концерт оканчивается. Пианист встает и кланяется. Его провожают бурными аплодисментами. На следующий день виртуоз тишины рассказывает эту историю по телевизору и в заключение признается: «Я хотел посмотреть, как далеко простирается человеческая глупость; она безгранична».

Я бы сказал, не столько глупость, сколько слабость. Слушатели *понимали*, что ничего не слышат, но боялись показаться старомодными. «Публике так часто давали пощечины, — говорит Жан Кокто, — что теперь, аплодируя, она сама бьет себя по щекам». Я называю снобами людей, которые притворно восхищаются тем, чего в действительности не любят и не понимают. Снобизм — это порок. Вам предстоит пусть не изжить его окончательно (это невозможно), но хотя бы по мере сил бороться с ним и его пагубными последствиями.

Поймите меня правильно. *Я вовсе не противник новых форм в искусстве*. Всякое потрясение полезно, оно пробуждает от спячки. Потрясение — неотъемлемая часть произведения искусства. То, что одна эпоха считает непонятным, для следующей эпохи становится общим местом. Импрессионистов осмеивали, хулили, они долгое время прозябали в нищете; сегодня их полотна — гордость музеев. Жюль Леметр насмеялся над Верленом и Малларме; Сент-Бёв видел в Бодлере хорошо воспитанного и со вкусом одетого молодого человека, которому не стоит писать стихи.* Вчерашние отверженные порой становятся мэтрами. Экстравагантному сюрреализму мы обязаны чудесным Арагоном. Мишель Бютор*, Натали Саррот*, Роб-Грийе*, Клод Симон*, Клод Мориак*, каковы бы ни были их теории, весьма талантливы. Я прошу вас только о двух вещах: не презирайте мастеров прошлого; если слава их дошла до нашего времени, значит, они это заслужили. Отстаивайте новые формы только в том случае, если они вам *действительно* нравятся. Не стоит ориентироваться на общественное мнение. Это не маяк, а блуждающие огни. Слушайте *своего* вкуса, уважая в первую очередь тех авторов, которыми до вас восхищались бесчисленные поколения людей.

Цель

Люди живут, едят, любят, рожают детей, трудятся. Зачем? Гёте отвечал: «Чтобы пирамида моей жизни, основание которой было заложено еще до меня, поднялась как можно выше». Попытаться сделать из своей жизни шедевр — занятие достойное. Фундамент и вправду всегда бывает заложен еще до нас. Возьмем, например, меня: я родился в провинции в семье промышленника и должен был пойти по стопам отца, а моя мать, женщина очень образованная, привила мне вкус к изящной словесности. Вот исходная точка. На этом фундаменте я как умел возводил свою пирамиду. В вашем возрасте я и не подозревал, какой она будет. Я никогда не строил далеко идущих жизненных планов. Я ставил перед собой ближайшие цели: написать такую-то книгу, прочесть курс лекций в таком-то университете, убедить людей в истинности такого-то положения. Случай то изменял и расстраивал мои планы, то способствовал их выполнению. Непредвиденные события подсказывали мне сюжеты. Произведение получалось совсем не таким, каким я его себе представлял. Я леденел от ненависти; меня согревала дружба. Пирамида поднималась в небо, несовершенная, неровная, с кривыми ступенями. Сейчас она почти закончена. Когда архитектор с грехом пополам положит в свою постройку последний камень, ему останется только исчезнуть.

Вы молоды и только начинаете строить свою пирамиду на том фундаменте, что достался вам в наследство. Я хотел бы уберечь вас от повторения моих ошибок. Моя пирамида не стала всем, чем могла стать. Почему? Отчасти потому, что я потерял слишком много драгоценного времени. Вы перебьете меня: «Разве вы теряли время зря? Да кто лучше вас умел с пользой потратить каждую секунду?» Это не так. Я действительно много работал, но часто впустую. Сколько лекций, сколько путешествий отняли уйму времени, но не добавили в пирамиду ни камешка! Меня не упрекнешь ни в тщеславии, ни в корыстолюбии; всему виной моя чрезмерная любезность. Я не умел отказывать наотрез, а это единственный способ отказать. Я боялся огорчить, обидеть. Если вы хотите создать нечто великое в литературе, науке, политике или промышленности, отдайтесь созиданию целиком и полностью. «Жизнь коротка; искусство вечно». Написал ли бы Пруст «В поисках утраченного времени», если бы отвлекался по пустякам? Создал ли бы Бальзак свой вымышленный мир, если бы отдался целиком миру реальному? Открыли ли бы Пастер, Флеминг *, Эйнштейн новые законы природы, если бы не сконцентрировали свою мысль, острую, как луч лазера, на одном предмете? Выберите со всей ответственностью точку приложе-

ния своих усилий, и, сделав выбор, будьте тверды, зорки, упорны.

Ваш выбор может пасть на предметы, которые другие сочли бы недостойными. Достаточно, если они удовлетворяют вас. Друзьям Фабра * и Флеминга, вероятно, казалось странным, что можно посвятить жизнь насекомым или бактериям; друзья Валери не понимали, зачем этот молодой человек годами отшлифовывает никому не понятные стихи. Стихи и открытия обретают бессмертие, а с ними и их творцы. Впрочем, великие люди — мой конек, и я, пожалуй, слишком увлекся, говоря о них. Быть может, вам не суждено войти в славную когорту гениев. Неважно. Что бы вы ни избрали, правила остаются прежними. *Нужно «уметь быть великим и в малом».* Можно быть великим торговцем или промышленником, здесь тоже необходимы сосредоточенность, четкость, обдуманное сочетание осторожности и смелости. Вчера я видел, как работает один молодой книготорговец, больной полиомиелитом. Величие этого человека проявлялось во всем: в выборе книг, в советах клиентам, в предпочтении одних авторов другим, в отношении к читателям. Его пирамида, пусть невысокая, была прекрасна в своем порыве к небу Хорошо сделанных вещей.

Понимаете? Главное не «преуспеть» в смысле «блистать». Это приложится — или не приложится — в зависимости от обстоятельств. Главное — отдать все силы избранному делу. В деревне, где я живу, есть фруктовый сад. Главный садовник не ищет славы и думает лишь о том, как вырастить яблоки, много вкусных яблок. Ему помогают обширные познания и большой опыт. Целыми днями он трудится, по вечерам читает специальные журналы, чтобы быть в курсе деятельности своих коллег, поддерживает с подчиненными дружеские отношения, не переставая энергично руководить их работой. Он старается овладеть смежными науками. Например, он знает все об опылении цветов пчелами, о роли насекомых, умеет предсказывать погоду. Лучшего садовода нельзя себе и представить. Невозможно требовать от человека большего. Делайте маленькое дело, но овладейте им в совершенстве и относитесь к нему как к делу великому. В своей области вы станете великим человеком.

И о вас пойдет молва. Ибо совершенство — редкость. Я знал ремесленников, которые трудились в полной безвестности, не помышляя о славе, и, пройдя через множество испытаний, получили в конце концов признание. Вспомним трех девушек из Турени, которые на своей ферме, не имея ни поддержки, ни денег, красили овечью шерсть и ткали из нее ковры с архаическим и символическим орнаментом. Им пришлось нелегко, но они остались верны своему призванию. И в один прекрасный день фонд, который так и называется «фонд Призвания», узнал о них, обратил

на них внимание общественности, создал им имя. Они добились своего.

Я не хочу сказать, что счастливая развязка — правило. Бернар Палисси * тоже нашел новую форму красоты. Он выстрадал это открытие и думал, что все трудности позади. Однако Палисси был протестантом и под конец жизни попал за свои религиозные убеждения в тюрьму, где и умер, сломленный горем. Казалось бы, можно назвать его неудачником. Но в царстве духа победа осталась за ним. Я не могу поручиться за успех ваших начинаний. Случай играет здесь не меньшую роль, чем труд и талант. Но если вам удастся в любых обстоятельствах сохранить корректность, достоинство, мужество, если вы не уступите в главном, вы станете непобедимым. Повторяю вам: цель не в том, чтобы «преуспеть», добиться «бренных вещей» (Плутарх), но в том, чтобы иметь право, заглянув в свою душу при свете совести, убедиться, что сделанным можно гордиться или по крайней мере не краснеть за него. Приятно на старости лет жить в почете; старики немощны и нуждаются в моральной поддержке. Однако если жизнь ваша сложится иначе — не отчаивайтесь; важно, чтобы вы могли сказать себе: «Я всегда поступал так, как подсказывали мне разум и совесть». Цель жизни не в том, чтобы стяжать себе бессмертную славу. «Бессмертье жалкое, увенчанное лавром». Она в том, чтобы превращать каждый день в маленькую вечность.

Цель также и в том, чтобы быть счастливым. Монтерлан сказал: «Всю жизнь я руководствовался двумя правилами: всегда делать то, что хочется, в тот момент, когда этого хочется, всегда откладывать на завтра то, чего делать не хочется». Так он и жил, и прожил славную жизнь. Дело, однако, в том, что Монтерлану хотелось создавать прекрасные произведения и, делая то, что хочется, он создавал их. Художник имеет право отложить на завтра то, чего ему не хочется делать. Гёте тоже всегда начинал с того, что казалось ему самым легким. В политике, экономике, на войне все обстоит иначе, поскольку «время торопит и жизнь не ждет».

Ваше образование

Я не знаю, какое поприще вы выберете. Судя по всему, у вас есть способности и к словесности, и к точным наукам, и к праву, и к политике. Вы можете поступить на государственную службу, посвятить себя научным изысканиям или практической деятельности. Чем бы вы ни решили заняться, необходима культурная база. Это одна из первых ступеней пирамиды. Пожалуй, пора поговорить о ней. Я слышал, вы блестяще учились; поэтому вы, я полагаю, знаете из истории и литературы все, что положено знать хорошему ученику, то есть самую малость. Поэзию вы учили по

антологиям, историю — по учебникам. Быть культурным не значит знать обо всем понемногу, не значит это и знать все о чем-нибудь одном; быть культурным — значит изучить как следует произведения великих писателей, проникнуться духом их творчества, сродниться с ними.

Я хотел бы назвать тех немногих авторов, которые станут вам верными спутниками на всю жизнь. Я хотел бы, чтобы вы неустанно читали и перечитывали их. Хорошо было бы, чтобы их мысли стали вашими мыслями, их произведения — вашими воспоминаниями.

Например, когда речь заходит о первой встрече Растиньяка с Вотреном *, подлинный ценитель Бальзака должен уметь сразу открыть нужный том на нужной странице. Для этого надо знать и любить Бальзака, как знают и любят близкого друга, однако изучить так же глубоко всю мировую литературу невозможно. Приходится выбирать. Постепенно вы научитесь это делать — случай и вкус вам помогут. Я же лишь укажу вам пищу, которую считаю здоровой. Что-то из нее подойдет вам, что-то нет. Решайте сами. Начнем с греков. Я полагаю, вы любите Гомера, Эсхила, Софокла, Аристофана. «Есть ли что-нибудь скучнее «Илиады»? — спрашивал Андре Жид. Но «Илиада» вовсе не скучна, а «Одиссея» и подавно. Плутарх был кладезем мудрости для людей всех эпох. В нашей небольшой, но тщательно подобранной библиотеке мы отведем ему место рядом с Гомером. Где-нибудь около Платона. И конечно, независимо от того, верующий вы или неверующий, Ветхий и Новый заветы, оба одинаково величественные. Затем Эпиктет, Марк Аврелий, Сенека — проповедники стоической морали. Если вы сильны в латыни, читайте в подлиннике произведения Вергилия, Горация, Лукреция, Ювенала, элегических поэтов. В переводе их чары рассеиваются. Гомера в отличие от них можно читать по-французски; в хорошем переводе сохраняет свою царственную краткость и Тацит.

Теперь пропустим несколько веков. Рабле расшевелит ваш ум, но еще лучше это сделает Монтень. Если бы нужно было выбрать из всей литературы до XVI века только трех авторов, я оставил бы Гомера, Плутарха и Монтеня. Ален поставил себе за правило каждый год перечитывать одного великого поэта; я стараюсь поступать так же. Отведем один год Вийону, один — Ронсару и один — Дю Белле. С XVI веком покончено. Перейдем к XVII. Здесь выбирать нетрудно: все авторы прекрасны. Но раз речь идет о книгах-спутниках, я рекомендую вам мемуары кардинала де Реца и Сен-Симона * — образцы стиля; пьесы Корнеля, которые, буде в том появится нужда, преподадут вам урок чести; пьесы Мольера — кладезь мудрости; «Надгробные речи» Боссюэ, подобные органному концерту, и басни Лафонтена. Плюс Расин,

чьи пьесы вы будете смотреть на сцене всю жизнь, — посвятите ему один год как поэту.

Из писателей XVIII века я назову Монтескьё. Его трактат «О духе законов» станет вам верным спутником. Из Вольтера — «Кандид», которого вы прочтете как поэму. Короткие произведения Дидро: «Сон д'Аламбера», «Письмо о Слепых», «Племянник Рамо» — ни большего ума, ни лучшего стиля нельзя себе и представить. Поэтический год отдадим Мариво. С Руссо — проблема. Решим ее, выбрав в спутники «Исповедь». «Эмилия» и «Новую Элоизу» я прочел в жизни дважды: один раз по необходимости, перед защитой диплома, другой раз в пятьдесят лет из любопытства. Этого оказалось достаточно.

А вот и великий XIX век. Глаза разбегаются от обилия шедевров. Не будем забывать нашу задачу. Речь идет о небольшой постоянной библиотеке. Выбирать нужно осторожно и тщательно. Бенжамен Констан? Шатобриан? Само собой разумеется. «Замогильные записки» * всегда будут с вами. Местами они не уступают Рецу и Сен-Симону, хотя и слишком певучи. Рядом с ними дневник, который вел Лас Каз на острове Святой Елены. Наполеон много знал о людях и власти, у него же можно поучиться и стилю. Что касается Стендаля и Бальзака, тут я непреклонен. Прочтите их произведения все до единого, они пригодятся вам во всех случаях жизни. Я неразлучен с этими двумя романистами вот уже более шестидесяти лет и, перечитывая их, всякий раз открываю новые и новые красоты. Стендаль предложит вам образ жизни благородный и восхитительный, хотя и несколько безрасудный. Бальзак познакомит вас со *всеми* образами жизни, от самых порочных до самых достойных. Он обнажит перед вами пружины общества. Франция мало изменилась с тех пор, как он о ней писал, и наше время, время больших потрясений, больше похоже на эпоху «Человеческой комедии», чем пошловатый конец XIX века.

Шатобриан, Бальзак, Стендаль — эти три вершины возвышаются над горной цепью. Сент-Бёв? Я не без удовольствия читаю его, как говорил Бальзак, «биографии незнакомцев» *, но человек он был ненадежный и далеко не всегда высказывал справедливые суждения о современниках. Флобер? Талант и трудолюбие позволили ему, несмотря на отсутствие гения, создать два прекрасных романа — «Госпожу Бовари» и «Воспитание чувств». Жорж Санд? «История моей жизни» * и, быть может, начало «Консуэло» *. Следующую вершину являет собой Гюго. Глупцы говорят, что он был неумен. Прочтите «Увиденные факты» *, «Отверженных» и судите сами. Возьмите Гюго-поэта себе в спутники. Гюго с ранней юности виртуозно владел французским языком, изобретал чудесные ритмы, воспевал простые и сильные чувства и не утратил

своего мастерства до глубокой старости. Бодлер, Малларме, Валери, Верлен, которых ему противопоставляют, восхищались им и подражали ему. Впустите и их в свое святилище. А с ними Рембо, который будет вам полезен, когда вами овладеет дух мятежа, а это рано или поздно случится. «У того, кто в двадцать лет не был анархистом, — говорил Ален, — к тридцати годам не хватит сил даже на то, чтобы руководить пожарной командой».

Пьесы Мюссе остаются самыми шекспировскими из французских пьес, забавны его «Письма Дююи и Котоне»*; в ранней юности меня трогали многие его стихи, но, раз надо выбирать, я выбираю Гюго. Ален презирал Тэна и Ренана: он называл их «церковными сторожами от литературы»*. Я не так строг. На «Происхождение современной Франции» и «Философские драмы» стоит обратить внимание. Другая мишень Алена — Мериме, но мне кажется, в данном случае неприязнь объяснялась не столько литературными, сколько политическими соображениями: Ален не мог простить Мериме, что во времена Второй империи тот стал сенатором. Меж тем под холодностью Мериме таилась робость чувствительного человека; ради красавицы императрицы, которую он ребенком сажал себе на колени, он закрывал глаза на пороки Империи*. Его сухость была сродни стендалевской: в основе ее лежала стыдливость. Прочтите «Кармен», «Этрусскую вазу», «Двойную ошибку»; вы, как и я, не раз к ним вернетесь.

На горизонте еще одна вершина. За пологими склонами, на которых прошла моя юность — романами Франса и Барреса, — высятся гора — Марсель Пруст. Он не уступает в величии Бальзаку, хотя в отличие от последнего силен не изображением картины общества (мир его мал), но непревзойденным анализом механизмов памяти, чувств и творческого процесса. «В поисках утраченного времени» — поэма о времени, которое можно вернуть только с помощью искусства. Рядом с Прустом в вашем святилище расположатся его современники — Валери и Ален. Вы знаете, что Ален был моим учителем. Я хотел бы, чтобы он стал и вашим. В трех томах «Библиотеки Плеяды», содержащих его наследие, есть все: мораль, философия, определение сущности искусства и сущности религии. Его неровная, отрывистая манера письма поначалу покажется вам трудной. Не отступайтесь, вы почувствуете всю ее прелесть. Лично я понял Платона, Аристотеля, Канта, Декарта, Гегеля, Огюста Конта только благодаря Алену. Осмелюсь сказать больше: благодаря Алену я понял жизнь и людей. Как он распахнул передо мной дверь в мир Бальзака, так я распахиваю перед вами дверь в мир Алена; это самый богатый подарок, какой я могу вам сделать.

Остаются Бергсон и Клодель. Решайте сами, чем они могут быть вам полезны. Мне они дали много. Кроме того, остаются ве-

ликие зарубежные писатели. Вы не можете обойтись ни без Шекспира (как и Гомер, он пополнил сокровищницу общечеловеческих мифов), ни без Лопе де Веги, ни без Свифта, ни без Диккенса, ни без Эдгара По, ни без великого Гёте, ни без Данте, ни без Сервантеса. Наконец, никто не подарит вам такого волшебного ощущения жизни, как русские писатели. Нет ничего прекраснее лучших произведений Толстого («Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича»). Учение его всегда казалось мне надуманным, но романист он великолепный. Я ставлю его гораздо выше Достоевского. (Но быть может, тому виной несходство наших натур.) Рядом с Толстым поместите избранные рассказы и пьесы Чехова. Нет ни одного писателя, столь близкого моему сердцу. Я хотел бы, чтобы он пленил и вас. Наконец, «Мертвые души» Гоголя, «Рудин», «Отцы и дети», «Дым» Тургенева и повести Пушкина. Джойс? Кафка? Прочтите и решайте сами, отвечают ли они вашим запросам.

Итак, вот вам (кроме современных авторов, которых вы выберете сами) программа чтения на всю жизнь. Вы можете возразить: «Она перегружена. Где мне взять время, чтобы прочесть столько книг, ведь мне предстоит еще проштудировать массу работ по специальности?» Тогда я назову вам походную библиотеку, состоящую из семи авторов: Гомер, Монтень, Шекспир, Бальзак, Толстой, Пруст, Ален. В тот день, когда вы будете знать их в совершенстве, я хочу сказать, досконально, вы уже будете весьма образованным человеком. Но к этой литературной культуре вам надо добавить культуру научную, пусть даже профессия ваша на первый взгляд далека от науки. «Да не войдет сюда тот, кто не геометр». * И да не войдет сюда тот, кто не физик, не химик, не биолог. «Введение в экспериментальный метод» Клода Бернара * — один из ключей к современному миру. В первый раз все изменилось для человека, когда он узнал о существовании такой науки, как математика, во второй раз — когда понял, что наука должна считаться с фактами. Я не требую, чтобы вы читали и понимали труды специалистов — физиков и гуманитариев; я требую, чтобы вы были в курсе методов их работы и направления их поисков. Разве вы сможете руководить фабрикой, городом, страной, не зная ученых и их секретов?

Разве вы сможете понять современного человека, если по невежеству забудете о том, что является его делом и предметом его гордости: научных исследованиях? Ионеско * сказал однажды, что сам факт существования «Тельстара» * гораздо важнее посредственных спектаклей, которые передает телевидение. Олдос Хаксли утверждал, что недопустимо считать образованным человеком того, кто читал Шекспира, но не знает второго закона термодинамики. Я отнюдь не считаю, что наука вытеснит из нашего

общества искусство и литературу. Наука дает человеку всевозрастающую власть над внешним миром, литература помогает ему приводить в порядок мир внутренний. И то и другое равно необходимо. Разве мог бы ученый бороться с охватившей его бурей чувств и сохранять необходимую для научного эксперимента свободу духа, если бы ему на помощь время от времени не приходило искусство? В лучших технических учебных заведениях Америки (например, в Массачусетском технологическом институте) курс истории и литературы постоянно расширяется. Мир без человека, мир частиц, содержит секрет могущества; человеческий мир, мир чувств, открывает личности секрет гармонии. Я хочу, чтобы вы были либо ученым, влюбленным в литературу, либо литератором, интересующимся науками.

Как видите, работы у вас по горло. Перейдем к вашему досугу.

Досуг

Вчера у меня в гостях был молодой человек вашего возраста, он сказал мне:

— Я знаю, что вы трудитесь круглый год с утра до вечера. Люди моего поколения совершенно не понимают такого образа жизни. Наша эра — эра досуга. Уже сейчас можно предсказать, что скоро рабочий день сократится до семи часов, потом до шести часов, потом до пяти, отпуск будет длиться не три недели, а три месяца. Однако западный мир ни в чем не будет ощущать недостатка. Наука, создавая все более и более совершенные машины, придет на помощь промышленности. Заводы будут работать сами собой, людей заменят компьютеры. Труд утратит свою ценность. Истинной проблемой станет проблема организации досуга. Что вы на это скажете?

— Не думаю, — ответил я, — что стоит стремиться к эре полной праздности. Прекрасно, конечно, что люди больше не работают, как в дни моей юности, по десять-двенадцать часов в день. Шесть часов? Пусть шесть, это немного, но еще терпимо, ведь к рабочему времени прибавляется время на дорогу. Каждый из нас сможет уделить три-четыре часа в день чтению, садоводству, детям, сможет заниматься спортом, ходить в театр и в гости. Ладно. Пока все прекрасно... Пойдем дальше. Представьте себе двух-трехчасовой рабочий день. Боюсь, как бы люди не почувствовали тоску и неприкаянность. Вся прелесть досуга — в контрасте между работой и отдыхом. Сегодня нам доставляет огромное удовольствие отойти от станка или отложить в сторону бухгалтерскую ведомость, чтобы заняться спортом, взяться за книгу или отправиться в путешествие. В тот день, когда никакая работа не будет преры-

вать наш досуг, над нами нависнет угроза скуки.

— Придется к этому приспособиться, — сказал он. — Чтобы занять всех людей в стране, где почти всё будут делать машины, необходимо все больше и больше сокращать рабочий день. Иначе возникнет вынужденный досуг, то есть безработица. Кстати, разве в прошлом не было целых народов, состоящих из праздных людей? Там все делали не машины, а рабы, владельцы же их становились Платонами и Сенеками. А разве средневековый рыцарь ходил на службу? Да и совсем недавно, в XIX и в начале XX века, высшее общество представляло собой кучку бездельников, отнюдь не жалующихся на жизнь. Чем заняты все эти светские люди в цилиндрах, описанные Прустом, кроме обедов в клубе да ужинов у любовниц? Если прежде такой образ жизни вполне устраивал меньшинство, почему бы в будущем ему не стать состоянием всего народа?

— В вашем парадоксе есть доля истины, — ответил я. — В самом деле, средневековый рыцарь посвящал время охоте, битвам и поклонению даме сердца, а грек времен Перикла — философии, легкой атлетике и политике. Я допускаю, что продолжительный досуг перевоспитает людей нашего времени и привьет им вкус к достойному времяпрепровождению. Как-то раз меня попросили надписать мои книги в заводской библиотеке. Любознательность рабочих и работниц, их тяга к культуре живо тронули меня. Дешевые издания открывают народным массам доступ к творениям классиков и, несомненно, в чем-то изменяют их жизнь. Но если не хлебом единым жив человек, то и не чтением единым. Боюсь, его одолеет скука, а скука — мать войны.

Он пожал плечами.

— Ваши опасения, — сказал он, — в наше время смешны. Войны больше не будет; все знают, что это слишком опасно... Мы требуем права на лень. Разве это не естественное состояние первобытных народов в теплых странах? В наши дни благодаря центральному отоплению все страны стали теплыми. Вы раз сто писали, что только досуг создает питательную среду для любви-страсти и психологического анализа. Почему же то, что было верно в XVII веке, перестало быть верным в веке XX? На протяжении большей части жизни любовь — самый приятный способ препровождения времени.

— Конечно, но для расцвета любви-страсти, любви — чувства нужен был определенный моральный климат, складывавшийся под влиянием религиозных запретов, уважения к женщине, целомудренного языка. Сегодня, как вы мне сами сказали, большая часть молодежи не верит в бога, верующее меньшинство находит возможность договориться с небесами. О каком уважении к женщине может идти речь, когда она демонстрирует свою наготу на пляже,

на экране, на сцене. Покров тайны сорван раз и навсегда. Что же касается целомудренного языка, то уж и не знаю, где его искать. Все говорят всё, включая самые грубые слова. Чтобы избежать насмешек, самые робкие романисты считают своим долгом называть не только кошку кошкой, но каждый орган человеческого тела его лаконичным непечатным наименованием. В результате любовь сводится к играм в постели, на диване или на траве.

— Приятным играм.

— Приятным, но однообразным. Тысяча три любовницы искушают того, кто еще не знал женщин или знал их мало. Начиная с тридцатой появляются отвращение и скука.

— Я не согласен с вами, — сказал он. Физическая любовь — искусство, требующее постоянной тренировки. Фантазия и изощренность помогают достичь в нем высокого мастерства.

— В один прекрасный день изнеженное и развращенное общество, прогнив окончательно, рухнет. История Древнего Востока, античности — прекрасные тому примеры. Половые органы даны нам, чтобы продолжать род, вдобавок половой акт доставляет нам немалое удовольствие. Но позвольте только этой тяге к удовольствию полностью подчинить себе жизнь тела и духа, и она убьет вас.

— Чудесная смерть.

— Отдельный человек может так говорить, но целый народ — нет. Он обязан — и склонен — дорожить своей жизнью. Да и отдельный человек тоже... «Душа развратника, — говорил Монтескье, — презирает его тело». Ему вторит Ален: «Разврат — это крушение любви, как жестокость — крушение честолюбия».

— Все эти слова для меня пустой звук, — сказал он. — Обилие увлечений — не разврат, а просто обновление удовольствия путем смены партнера. Вы же сами цитировали Гёте: «Всякое начало любезно сердцу». Я мечтаю, чтобы вся моя жизнь состояла из начал.

— Вы увидите, что это непросто. Пора начал проходит. Я верю, что любовь украсит ваш досуг, но не думаю, что она заменит вам всё. Тяга к искусству, спорту, путешествиям гораздо долговечнее.

На этом я прощаюсь с моим гостем и возвращаюсь к вам, чтобы посоветовать вам смолodu выбрать какой-нибудь вид спорта и овладеть им в совершенстве. Благодаря этому вы вступите в братство, объединяющее народы, расы, классы. Если вы прыгаете с шестом выше, чем на пять метров, если вы пробегаете стометровку за десять с небольшим секунд, вы становитесь членом самого закрытого из клубов. Хорошо играя в теннис, футбол, регби, вы едва ли не в любом уголке земли будете чувствовать себя как дома. Спорт — бескорыстная деятельность, которая чудесно за-

полняет свободное время. Спортивные игры на воде и на берегу придадут в ваших глазах новое очарование горам, морю и женщинам.

Нужно ли вам заниматься каким-нибудь искусством? Искусство — не игра, самое великое искусство является одновременно и самым серьезным. Оно дарит душе свободу и покой. Искусство даст вам то, в чем отказывает жизнь, — мир, «внятный не разуму, а чувствам». Самый лютей враг душевного равновесия — воображение. Оно рисует нам будущее, полное невзгод и опасностей. Оно будит воспоминание о прошлом, погружая нас в пустые грезы о том, что могло бы случиться — и не случилось. Искусство заморозит вас зрелищами, неподвластными вашему воображению. Общение с госпожой Бовари совершенно безопасно, вам не надо ни уличать, ни спасать ее. На сцене вы увидите людей безумных, неблагодарных, жалких. В жизни их драмы выбили бы вас из колеи. Сидя в зрительном зале, вы мирно наблюдаете за ними и очищаетесь от своих страстей. Искусство предлагает духу то, в чем жизнь ему отказывает: единство созерцания и душевного спокойствия.

Вы сказали мне, что кино — прекрасное искусство; согласен. Нельзя сказать, чтобы оно часто радовало зрителей шедеврами. Есть масса посредственных и даже плохих фильмов. Но то же можно сказать и о книгах. Мне случалось пережить в кино большое потрясение («Улица» *, «Короткая встреча» *, «Непоседа»), иногда у меня захватывало дух от неожиданности («В прошлом году в Мариенбаде» *, «Клео от пяти до семи» *, «Земляничная поляна» *). Видел я и кинокомедии, не уступающие лучшим театральным постановкам: «Положение обязывает» *, «Все или ничего *». Такие фильмы доказывают, что кино в самом деле прекрасное искусство, пожалуй, оно лучше всего отвлекает нас от наших собственных забот и тревог. Вы полагаете, что в будущем появятся кинорежиссеры, которые займут в истории искусств такое же место, как писатели и драматурги. Почему бы и нет?

Что касается телевидения, оно могло бы оказать вам и вашим сверстникам неоценимые услуги. Этот маленький экран даст вам возможность высказать то, что вы чувствуете, миллионам зрителей. Какой удобный случай и какое сильное искушение! Быть может, культура чувств и образ мыслей ваших потомков зависят от того, как вы используете это чудесное средство обучения. Уже сейчас в каждой (или почти в каждой) семье каждый вечер люди включают телевизор, смотрят, слушают, обсуждают увиденное и услышанное. Уже сейчас часть свободного времени люди проводят перед голубым экраном. Уже сейчас очевидно, что повсюду телевидение объединяет людей независимо от их пола, класса и даже национальности. Ах! если бы я был так же молод, как вы,

я бы занялся этим искусством, вернее, попытался бы превратить его в искусство. Создать во Франции телевидение, достойное Мольера и Бальзака, — да, этому стоит посвятить жизнь. Вот это была бы пирамида!

Роль массовой культуры будет неуклонно возрастать. Она царит «там, где не властны ни работа, ни праздники, ни семья... Суррогатом великих ценностей становятся великие суррогаты» (Эдгар Морен *). Не зарабатывая больше хлеб в поте лица своего, часть человечества превращается в соглядатаев. Мужчины предпочитают проявлять свое мужское достоинство, глядя спортивные передачи да гангстерские фильмы. По правде говоря, я побаиваюсь, как бы насилие в искусстве не породило насилие в жизни. Роман «Так дерутся мужчины» претворился в жизнь, Джеймс Бонд вдохновляет вооруженные ограбления. В чести только молодежь. Стариков ни в грош не ставят, и им приходится молодиться. «Джеймс Дин — Шелли массовой культуры» *. Лично я думаю, что все возрасты жизни имеют право на уважение. И общество, где не почитают стариков, и общество, где не любят молодежь, равно несовершенно.

Общество изобилия

Прежде чем пойти дальше, я хочу вернуться к спору с вашим ровесником. «Добродетели, которые вы проповедуете, — говорил он мне, — имели, быть может, смысл в ту эпоху, когда человеку, чтобы выжить, приходилось трудиться не покладая рук, в эпоху, когда всего не хватало, когда изобилие было привилегией одного класса. Однако мы надеемся, что уже завтра все будут жить безбедно, женщины получат возможность не работать, мужчины — выходить на пенсию в пятьдесят или даже в сорок лет. Мы надеемся, что наше поколение избавится от всех ваших предрассудков, всех ваших традиций, всех ваших угрызений совести, потому что добьется самой последней свободы — свободы роскоши».

Да, все это мне известно, я читал книгу знаменитого американского профессора Гэлбрейта «Общество изобилия» *. Он утверждает, что в Соединенных Штатах число граждан, которым не хватает пищи, одежды, жилья с каждым днем сокращается. Островки бедности все еще существуют? Они вот-вот исчезнут. Уже и сейчас образы жизни различных классов приближаются друг к другу. Богатые больше не смеют (и не желают) выставлять свое богатство напоказ. Наоборот, они предпочитают вести подчеркнуту богемный образ жизни. (В Париже молодые, да и не очень молодые жители богатых районов — VIII, XVI — валом валият на спектакли из жизни низов общества.) У рабочего и среднего

служащего есть машина, приличная квартира, телевизор. Рабочий перестал быть отверженным, который, прижавшись носом к стеклу, завистливо смотрит с улицы на праздник жизни. Стол у него, быть может, не очень изысканный, но зато сытный и здоровый.

А завтра будет еще лучше. Нас уверяют, что общество достигнет такого изобилия, что сможет прокормить нетрудоспособных и неудачливых. Проблема уже не в том, чтобы производить то, что требует потребитель, но в том, чтобы убедить последнего потребить всю продукцию. Доказательство тому — расцвет рекламы. Чтобы пробудить аппетит у пещерных людей или индейских племен, не было нужды в рекламе. А в наши дни тому, кто не хочет выпускать товары себе в убыток, приходится соблазнять покупателей более эlegantной машиной, более эротическим бельем, более роскошной обстановкой, короче говоря, искусственно создавать потребности.

Испокон веков считалось, что самое важное для страны — выпуск продукции. Зачем, однако, выпускать предметы обихода, в которых становится все меньше и меньше нужды? Зачем выпускать товары, не пользующиеся спросом, — ведь это ведет к серьезным кризисам. Получается, что в доме у рядового покупателя должны, как в музее, храниться горы сокровищ. У него есть крыша над головой, пища, машина, телевизор? Не имеет значения, пусть изобретает себе новые потребности. Если он их не испытывает, ему поможет реклама. Но разве не очевидно, что, «когда один и тот же механизм удовлетворяет спрос и создает его, личность уподобляется белке в колесе: она силится поспеть за вращением колеса, которое вращается исключительно ее усилиями».

Ваш сверстник полагает, что время, когда компьютеры и машины будут делать все, а мужчины и женщины будут дни и ночи напролет предаваться любовным забавам, спортивным играм и занятиям искусством, не за горами, следовательно, важно уже сейчас сократить рабочий день и снизить пенсионный возраст. Я не согласен с ним. Во-первых, я что-то не вижу, чтобы человечество изнывало от изобилия. Во многих странах царят голод и нищета. Мы, богатые государства, должны оказать слаборазвитым странам серьезную помощь, как из человеколюбия, так и для того, чтобы предотвратить всемирную трагедию. Вот задача, которая еще долго будет поглощать излишки промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Пойдем дальше: как можно утверждать, что жители богатых стран не испытывают ни в чем нужды? Мы каждый день читаем о том, что многим людям не хватает жилья (я имею в виду не роскошные виллы, а самые скромные квартиры); что не хватает больниц, а из тех, что есть, одни обветшали, другие плохо обору-

дованы; что шоссеиные дороги уже не отвечают потребностям многочисленных автомобилистов; что классы в школах и лицах переполнены; что для научных исследований не хватает средств; что радио и телевидение ввиду финансовых затруднений вынуждены сократить свои программы. И это вы называете изобилием? Нам, французам, предстоит еще работать и работать, чтобы достичь такого жизненного уровня, как в Америке; а американцам предстоит еще работать и работать, чтобы их государственные предприятия поднялись до уровня частных; и всем нам, народам, живущим в довольстве, предстоит еще работать и работать, чтобы народы, живущие в нищете, начали жить по-человечески. Не рано ли отказываться от труда и осуждать его основания?

Вначале действовал закон: «В поте лица твоего будешь есть хлеб»*. Потом его то и дело стал заменять другой закон: «В поте лица чужого будешь есть хлеб». Вас прельщает закон: «В поте кнопок вычислительной машины будешь пить виски»? Быть может, такой день и настанет. Но до него еще далеко. Запросы людей самых разных слоев общества, особенно молодежи, неуклонно растут. А ведь вы не хуже меня знаете, что разделить можно только то, что имеешь.

Итак, я не думаю, что ваше поколение доживет до двухчасового рабочего дня и пенсии в тридцать лет. И слава богу. Вы имели бы слишком жалкий вид. Я всегда мечтал написать «Путешествие на остров дунасинов» в духе Свифта. Имя этого народа происходит, если верить ученым, от английского слова *do nothing*¹. Дунасины — «люди, которые ничего не делают». Наука на их острове достигла такого уровня развития, что один-единственный человек может с помощью батальона вычислительных машин руководить всем — выпуском продукции, ее распределением, досугом остальных людей. Этого диктатора я назвал бы Голопоэт; на сей раз этимология греческая: «тот, кто делает все»*. Голопоэт ведает всем: политикой, экономикой, искусством. Дунасины проводят свою жизнь, лежа в постели в гигантских клиниках, где поддерживается постоянная температура. Каждое утро машины регистрируют их потребности: медикаменты, белье, пища; Голопоэт нажимает кнопку — и роботы делают все необходимое. Дунасины то занимаются любовью, то смотрят цветной стереотелевизор. Голопоэт несколько веков держал при себе группу писателей и режиссеров, чтобы поставить на ноги дунасинское телевидение. А теперь компьютер-творец, держа в своей памяти произведения прошлого, создает на их основе все новые и новые варианты, комбинации которых бесконечны. Остается вопрос о дофи-

¹ Do nothing — ничегонеделание (англ.).

не. Ведь Голопоэт не бессмертен. Кто придет ему на смену, когда пробьет его час?

Но вернемся к вещам серьезным...

О том, как руководить людьми

Я уже спрашивал вас: «Разве вы сможете руководить фабрикой, городом, страной, не зная ученых и их секретов»? А разве сможете вы руководить самими учеными — теоретиками и практиками, — не имея разумных представлений об обязанностях руководителя? Обстоятельства сложились так, что мне какое-то время пришлось быть начальником, и я могу поделиться своим опытом. У вас, человека способного и умного, есть шансы занять ответственный пост. Вы сами почувствуете трудности этого ремесла (ибо это ремесло). Впрочем, рассмотрим сначала иной, тоже вполне достойный вариант: вы не хотите ни «делать карьеру» в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово, ни командовать людьми. Если вы занимаете такую позицию, я никогда не брошу в вас камень. Хорошо делать свое дело и наслаждаться жизнью, не ища славы, — один из путей к счастью. Однако это подходит только душам, чуждым всякого честолюбия. Отказываясь от карьеры, человек должен быть твердо уверен в своих силах и не испытывать потребности самоутвердиться в борьбе с соперниками. Прежде чем избрать судьбу безвестного мудреца, убедитесь, что не пожалеете об этом.

Если, напротив, вы решите последовать общему примеру и ринетесь в бой, то вам следует изучить пружины общества. Вы человек незнатный и небогатый. В былые времена вам было бы трудно, почти невозможно пробить себе дорогу. В нашу эпоху громкое имя открывает далеко не все двери, а богатство в начале жизненного пути расслабляет волю и потому не столько помогает, сколько вредит. Зато некоторые дипломы по-прежнему пользуются авторитетом. Оксфорд и Кэмбридж остаются самыми престижными учебными заведениями Англии. Во Франции наибольшие шансы преуспеть имеют выпускники Политехнической школы и Эколь Нормаль. Чиновники из Министерства финансов, Государственного совета, Коммерческого суда, префектуры образуют мощные корпорации. Именно эти люди стоят во главе государства. Находятся смельчаки, которые обязаны своей карьерой только себе, но и они окружают себя дипломированными специалистами. Если вы чувствуете в себе задатки ученого, писателя или художника, не вступайте на проторенный путь, идите своей, одному вам известной тропой, которая, быть может, приведет вас на вершину. Если же вы хотите просто сделать карьеру, то не пренебрегайте поддержкой коллег.

Принадлежность к коллективу дает большие преимущества. Известным врачам, крупным политическим деятелям необходимы молодые помощники. Руководитель направляет их и помогает им определиться, более того, он оказывает большое влияние на их мировоззрение. Нередко в ходе работы рождается прекрасная дружба, основанная на почтении и восхищении одной стороны и уважении и доверии другой. Порой начальник становится учителем, но это вещи совершенно разные. Ален был моим учителем; мне не нужно было от него ничего, кроме идей; ему не нужно было от меня ничего, кроме понимания. Крупный руководитель требует большего. Он инстинктивно благоволит к тем, кто преданно ему служит. Преуспевает тот, кто входит в курс всех дел, не говорит лишнего, но может дать по первому требованию необходимую справку. Я знал идеального заведующего канцелярией, идеальную секретаршу. Они были достойны оказанного им доверия. В противном случае они не занимали бы эти должности. «Деловые отношения не неиссякаемый источник, откуда баловень судьбы может пить сколько душе угодно; я сравнил бы их с источником, откуда может пить лишь тот, кто позаботился о подаче воды» (Ален). *У незаслуженной благосклонности короткий век.*

Тем не менее на первый взгляд путь вверх часто начинается с пустяков. Знакомство завязывается за шахматной доской или за бильярдом. Любой большой начальник много работает и нуждается в разрядке. Тот или та, кто умеет вовремя оторвать его от дела и немного развлечь, быстро становится своим человеком. У того, кто хорошо играет в шахматы или в теннис, умеет охотиться и ловить рыбу или, если начальник человек образованный, может блеснуть в разговоре эрудицией и остроумием, много шансов преуспеть. Но помните: это еще далеко не все. Ни у сильного игрока, ни у очаровательной женщины ничего не получится, если они не умеют работать на совесть. Красивая секретарша нравится больше, чем некрасивая. Но если она пишет с ошибками, забывает о деловых встречах и совершенно не разбирается в том, чем занимается шеф, ее не спасет никакая красота. Не все достойные люди добиваются успеха; никто не добивается успеха, не обладая достоинствами.

Вы человек достойный и довольно быстро сами станете руководителем. Тогда от вас потребуются и другие качества. Во-первых, объективность. Руководитель должен исходить из реального положения вещей и никогда не принимать желаемое за действительное. Он должен судить о ситуации непредвзято. Стоит ему начать смотреть на мир сквозь призму своих страстей и он пропал. Простой человек может порой быть самолюбивым. Самолюбивый руководитель опасен. Он хочет настоять на своем, не считаясь с фактами. Это невозможно. Будь Жоффр

самолюбив, он не отдал бы приказ об отступлении, и французы не выиграли бы сражение на Марне. Настоящий руководитель может идти на обдуманый риск. Кто знает, не раздвинет ли отвага границы возможного? В 1940 году англичанам казалось, что продолжать военные действия — безумие; Черчилль пошел на риск и выиграл.* Впрочем, в ту пору промедление было смерти подобно. Такие случаи редки. Промышленник, чьи склады завалены товарами, считает зазорным снизить выпуск продукции, но ничего не поделаешь. Цифры неумолимы. Здесь тоже нужно дать сигнал к отступлению и подождать случая перейти в контратаку.

Однако трезвой и холодной рассудительности мало — руководителю в не меньшей степени нужна пылкая и страстная душа. Он должен быть человеком сильным и волевым, способным воодушевить подчиненных. Если он любит свое дело, если интересы его совпадают с интересами родной страны, армии, в которой он служит, фабрики, которой он управляет, его беззаветная преданность передастся всем его сотрудникам. Собранный и решительный, как ученый, ставящий важный эксперимент, он отдается исполнению замысла всем своим существом со всем, что есть в нем хорошего и дурного, со всеми своими причудами. Подчиненные любят руководителя за его странности и вспышки гнева, сменяющиеся благодушием, за его резкие отповеди и остроумные шутки. Людям трудно привязаться к абстрактной функции, но они с радостью служат человеку из плоти и крови, если он талантлив. Заняв ответственный пост, продолжайте вести себя естественно. Ваши сотрудники полюбят вас за это еще больше.

Впрочем, такую раскованность можно себе позволить только в узком кругу. С большей частью подчиненных будьте справедливы, требовательны, великодушны настолько, насколько позволяют интересы дела, дружелюбны без панибратства. Между начальником и подчиненными должна существовать дистанция. Стойка «смирно» бывает не только физическая, но и моральная. Если вы заняли ответственный пост совсем юным, держитесь, как держался Бонапарт в Италии*. Заставьте себя уважать. Приучите тех, кем вы руководите, к мысли, что полученные от них сведения будут проверены. Вы не можете проконтролировать все (да в этом и нет нужды), но обязательно сделайте выборочную проверку. В чтении смет, балансов, бюджетов есть своя суровая поэзия. Нагрянув неожиданно, можно поймать подчиненных на поразительных оплошностях. Нападение японцев на Пирл-Харбор застигло американских солдат и офицеров врасплох. Ничто не держится само собой. Когда кругом тишь да гладь, самые лучшие работники теряют бдительность. Ваша задача — время от времени преподносить своим сотрудникам здоровые сюрпризы и будить тех, кто начинает клевать носом.

Обходитесь без роскоши и излишеств. Жить в свое удовольствие и пользоваться авторитетом — вещи несовместимые. Вы предпочитаете удовольствие? Дело ваше. Но если вы выбираете авторитет, и те, кто вам подчиняются, и те, кто метит на ваше место, будут пристально следить за вашей жизнью. Вам простят строгость, если вы будете строги и к самому себе. Английский двор соблюдает множество устаревших церемоний, но личная жизнь королевских особ начиная с королевы Виктории чаще всего была образцом скромности. Неурядицы в королевской семье ослабляют монархию. Вы не будете королем, но, быть может, станете правителем собственного маленького княжества: учреждения, предприятия. Будьте на высоте положения. Вспоминайте рассказ Киплинга «Человек, который захотел быть королем». Английский солдат благодаря своей храбрости встает во главе индийского племени горцев и властвует над ним безраздельно до тех пор, пока не влюбляется в женщину из этого племени и не делает ее своей наложницей. Тут власти его приходит конец. Его считали полубогом, он оказался всего лишь человеком. Племя изгоняет его.

Вы можете возразить: «Людовик XIV ни в чем себе не отказывал, он устраивал пышные празднества, утопал в роскоши и тем не менее правил долго и счастливо. Напротив, Людовик XVI, образец скромности и супружеской верности, подвергался преследованиям, был оклеветан и наконец казнен». Я отвечаю, что причиной бедствий Людовика XVI была Мария Антуанетта. Именно она навлекла на безвольного короля ненависть всего народа. Меж тем эта очаровательная королева предавалась лишь самым невинным развлечениям. Но она имела несчастье жить в эпоху, когда монархия теряла свой престиж, и давала своим панибратством, которое мы с вами только что осудили, поводы к злословию. Любая женщина могла безнаказанно отправиться в маске на бал в Оперу — но не королева. Вы, желающий стать королем, выберите себе достойную королеву.

Женщины

А теперь побеседуем о женщинах. Байрон говорил: «Невозможно жить ни с ними, ни без них». Без женщин вам жить не придется — вы будете жить с ними. Я с ранней юности считал, что они дарят мужчине самые острые наслаждения, какие ему суждено изведать в жизни. Я любил первые ростки чувства, первые встречи, первые шаги к сближению, первые уступки, «первые робкие ласки». Бойтесь лишить себя, из застенчивости или нерешительности, подобных воспоминаний. Они прекрасны. Даже на старости лет они по-прежнему вызывают умиление. Кто не испы-

тал юношеской любви, чувствует себя обделенным и никогда не утешится. Совсем не обязательно, чтобы эти любовные идиллии доходили до физической близости. В предвкушении столько прелести, что его стоит продлить. Посвятите вашу юность нежной страсти.

«Страстная любовь нелепа, пишет Валери. — Это смехотворная выдумка писателей». Монтерлан добавляет: «Разве не об этом я твердил во всех своих произведениях?» И правда, Монтерлан всегда «почитал плотский акт и презирал «сердечные излияния». Я не призываю вас презирать плотский акт — он восхитителен и «так обогащает мужчину» (Валери), но, кроме «сердечных излияний», существует еще подлинное чувство. Возьмите, например, Стендаля, циника, способного, однако, на безумную страсть. Желаю вам быть в любви таким же счастливым, как он.

Вы спрашиваете: «Но смогу ли я понравиться? И главное, смогу ли я понравиться той, которая нравится мне?» Утешайтесь тем, что женщины задают себе те же вопросы. Они хотят нравиться еще больше, чем вы. Утешайтесь тем, что и они не меньше нашего томятся желанием. Тело их ждет ласки, которую хотело бы им подарить наше тело. Если вы хороши собой, неотразимы, вас ждет больше побед, чем надо. Если вы не таковы, не отчаивайтесь. Есть некрасивые, но приятные своей оригинальностью лица. А главное — человеку галантному женщина простит любое уродство. Помните: почти всем женщинам скучно. Они бесконечно благодарны мужчине, который их развлекает. Я знал одного большого сердцееда, который был страшен как смертный грех. Но если он хотел добиться женщины, то осаждал ее буквально дни и ночи напролет. Он засыпал возлюбленную записками, цветами, тщательно выбранными подарками, свидетельствующими о прекрасном знании ее вкусов. Поначалу красавица возмущалась, жаловалась, приказывала ему прекратить. Потом она привыкала к этим сюрпризам и уже не могла без них обойтись. Раньше ее раздражали ночные телефонные звонки, теперь она ждала их с замиранием сердца, тревожилась, если поклонник запаздывал. Сердце ее было покорено. Крепость сдавалась.

Большую роль в вашей личной жизни могут сыграть письма. Да, даже в наше время. Конечно, они верное оружие только для влюбленного, хорошо владеющего пером. Но любовь подсказывает слова, а женщины любят комплименты. Письмо действует сильнее, чем телефонный звонок. Телефонный разговор — всегда импровизация и потому далек от совершенства. Письмо может стать произведением искусства, желания ваши облакаются в нем в совершенную форму. Ваша возлюбленная будет сотни раз с радостью и гордостью перечитывать прекрасную фразу, исполненную любви. В присутствии Роксаны Сирано робеет *, потому что

считает себя уродом, но под маской красавца Кристиана пишет письма, которые готовят почву для штурма и побеждают стыдливость. На самом деле Роксана любит не Кристиана, а автора писем, Сирано. Будьте сами своим Сирано. Покорив женщину, не пренебрегайте ею. Одержав победу, оставайтесь галантны: в этом залог любовного таланта. Я невольно заговорил в рифму, но скачал чистую правду. Повторяю вам, женщины любят, чтобы им уделяли внимание, развлекали беседой. Если этого не будете делать вы, это сделает кто-нибудь другой.

Честолюбец возразит: «У меня нет времени играть в игрушки. Работа и карьера требуют от меня полной отдачи. Женщины по природе своей пожирательницы времени; они, как вы сами говорите, любят бесконечную болтовню. Им нравятся бездельники. Тем хуже для них! Карьера прежде всего». Честолюбец не прав и сам себе вставляет палки в колеса. Карьера? Она в немалой степени зависит от женщин. В того, кто их любит, они вливают силы; того, кого они любят, они окружают почетом. «Моя карьера», — твердит честолюбец, но ведь женщины создают и рушат карьеры. В каком бы государстве вы ни жили, какую бы профессию ни избрали, рядом с могущественным человеком, от которого зависит ваша судьба, всегда есть женщина, к голосу которой он прислушивается, даже если утверждает, что не считается с ее мнением.

И потом, к чертям карьеру! Время, проведенное с женщиной, нельзя считать потерянным. Мужской ум нуждается в общении с женским. Конечно, современные женщины не похожи на женщин моей молодости, они все больше и больше уподобляются мужчинам, но это всего лишь дань пошлой моде. «Они получают такое же образование; они занимаются точными науками, спортом; они имеют право избирать и быть избранными. Обращаться с ними как с низшим полом — своего рода расизм». Я вовсе не советую вам обращаться с ними как с низшим полом, я хочу, чтобы вы обращались с ними как с другим полом. В мое время у женщин были месячные, беременности, климакс. Разве что-нибудь изменилось? Психология определяется физиологией. А физиология почти неизменна...

Огюст Конт видел в женщине эмоциональное, а в мужчине деятельное начало. Наверно, это правда, ибо детей надо любить, утешать, а мужчины — это большие дети, нуждающиеся в «любви и нежной женской ласке». Женщины, говорите вы, имеют право избирать и быть избранными? Конечно. Но только они и в политике ведут себя по-женски. Потому что в них живет «комплекс отца» — зародившийся еще в детстве, когда *их* отец был главой и опорой семьи. Они хотят видеть во главе государства героя, вызывающего уважение. Не такого, как Джеймс Бонд. Это воплоще-

ние агрессивной мужественности оставляет французенок равнодушными. Они любят людей «степенных, солидных»...

Когда женщины борются в рядах той или иной партии, они вкладывают в борьбу всю свою душу. В республиканской Испании была Пасионария. Всякая революция порождает своих *вязальщиц*. * Всякое подпольное движение находит своих прекрасных заговорщиц. Они предаются политике с таким же пылом, как и любви. Это легко понять. Если в государстве нет порядка, женщины — первые страдают от этого. Им не хватает молока для детей, мяса для мужей. Поскольку они воспитывают детей в традициях своего родного края, они более консервативны, чем мужчины. В Англии они сохраняют привязанность к королевской семье. Они вовсе не против того, чтобы ими правила женщина. Совсем наоборот. Королевские беременности, роды, свадьбы, трауры трогают их. Физиология роднит их со своей правительницей. Ее жизнь становится частью их семейной жизни. Но они хотят видеть рядом с королевой сильного мужчину. Такого, как принц Альберт, что был рядом с королевой Викторией.

Ваша жена окажет больше влияния на ваши политические взгляды, чем вы на ее. Если у вас не очень твердые убеждения, она обратит вас в свою веру. Она будет медленно и упорно точить вас днем и — по крайней мере в молодости — быстро добиваться своего ночью. Мужчине и в делах, и в политической борьбе приходится считаться с необходимостью. Он постоянно испытывает противодействие законов и обстоятельств. Женщина чувствует себя более свободной. Муж берет на себя сношения с внешним миром.

Итак, бок о бок с вами всегда будет жить существо, совершенно отличное от вас. Поначалу оно преподнесет вам много сурпризов, порой неприятных, но желание и любовь заставят вас смириться с ними. Со временем вы станете другим человеком и, если вы любите жену, разделите некоторые ее привычки. Поначалу уступая из любви, вы постепенно привыкнете не спорить. Конфликты неизбежны, но неразрешимых конфликтов у дружной супружеской четы не бывает. У вас останутся свои неприкосновенные сокровища: письменный стол, платяной шкаф, иногда машина. В остальном вы предоставите жене полную свободу действий и положитесь на ее инстинкт.

Для женщины не так важны доказательства, как для мужчины; она живет верой. Неважно, в кого — в бога, в близкого человека, в отца или — следствие замещения — в сильного мужчину. И это поможет вам, когда, измученный служебными неприятностями и невезением, вы станете мрачно смотреть на жизнь. «Несчастья, к которым готовишься, никогда не приходят; случается нечто худшее», — говорит мужчина (Жан Ростан). «Бог даст, все

образуется», — говорит женщина. «Мужчина постоянно переходит от схватки к схватке. Поэтому он мыслит мощно и лаконично, сразу берет быка за рога. Власть самца похожа на всякую власть: его приговоры обжалованию не подлежат» (Ален). Женщина остается большей оптимисткой, потому что у ее рока человеческое лицо. Ее судьба в руках существа, которое она может обольстить, убедить, растрогать, умолить. Она верит в чудеса, потому что сама творит их.

Конечно, если обстоятельства заставляют женщину играть мужскую роль, если она становится во главе предприятия или даже министерства, она перенимает манеры и образ мыслей мужчин. Но я не уверен, что этот мужской труд приносит ей такое же счастье, как совместная работа с мужем или начальником, которого она уважает. Последние несколько лет много говорят о женщине-личности и женщине-вещи. Древность знала только женщину-вещь. Женщину покупали, как одежду. Пленницы составляли часть добычи, победители делили их между собой. Даже Пенелопа и Андромаха не избежали судьбы женщины-вещи.* Если бы Одиссей не вернулся, Пенелопе пришлось бы выйти замуж за одного из женихов или умереть. Женщину-личность породила христианская эпоха. В новое время за женщиной были признаны права суверенной человеческой личности, чью свободу мужчина обязан уважать. Рыцарский идеал ставил женщину выше мужчины. Средневековый паладин гордился тем, что сражается за свою Прекрасную Даму.

На практике, однако, все было не так безоблачно. Не только проститутки и куртизанки, но и жены буржуа и крестьян по-прежнему оставались рабынями мужчин. «Мы воспитываем наших дочерей, как святых, а потом продаем, как молодых кобылиц», — говорила Жорж Санд. Она сама вытерпела в молодости немало унижений от мужа, который ее не стоил, и на всю жизнь сохранила об этом горькую память. Нынче нравы уже не те. Некоторые женщины поговаривают о мужчине-вещи. Приданое, выгодная партия не привлекают так, как раньше, потому что единственное подлинное богатство — работа. В наши дни мало кто живет на средства жены. Девушка, выросшая среди мужчин, может свободно сделать выбор. Она зарабатывает себе на жизнь и вовсе не нуждается в том, чтобы какой-нибудь мужчина поскорее взял ее на содержание.

Однако женщина-вещь не исчезла окончательно. Иные считают, что лучше потрудиться ночью, чем ходить на службу днем. Многие зарабатывают на жизнь, но зарабатывают мало и охотно принимают поддержку мужчины. Некоторые становятся объектом своего рода шантажа. Продащица зависит от начальника отдела, актриса зависит от продюсера, автора сценария, режиссера.

Если мужчина не слишком щепетилен и предлагает женщине сделку, не все находят в себе силы устоять. Такая близость без любви рождает ненависть. Желаю вам побольше душевного благородства. Старайтесь не удерживать женщину помимо ее воли. Счастье не в том, чтобы завоевать тело женщины (слово *завоевание* хорошо передает агрессивность влюбленного), а в том, чтобы стать ее избранником.

Брак

Вы человек современный и в ваши двадцать лет, несомненно, имеете кое-какой опыт в плотской любви. Можно ли не сгорать от желания, когда нет проходу от порнографических фильмов, эротических романов, обнаженных тел? «Бездеятельное желание рождает чуму» (Блейк). Значит, надо действовать, то есть любить. Но ваше поколение решает эту задачу не так, как мое. Во времена моей юности девушек неусыпно стерегли, они сторонились мужчин, боясь беременности и позора, поэтому юноше приходилось выбирать между целомудрием (нелегкий выход из положения), любовью продажных женщин (выход в те времена легко доступный, но недостойный благородного человека) и любовницей. Юноша проходил школу любви у замужней женщины, которая была старше и опытнее его. В начале 20-х годов прошлого столетия сорокапятилетняя госпожа де Берни пестовала двадцатилетнего Оноре де Бальзака, гений которого не смог бы расцвести без этой любви. В те времена говорили: «Плохо, если молодой человек женится девственником. Когда оба новобрачных ничего не знают и ничего не умеют, они рискуют разочароваться друг в друге и дело может кончиться разводом, а если религия запрещает таковой, брак свяжет на всю жизнь два существа, которые не понимают и не любят друг друга».

Что касается девушек, то хотя они уже не обладали смиренной покорностью мольеровских или бальзаковских простушек (которым отцовская власть навязывала богатого старика или знатного вертопраха), но тем не менее весьма смутно представляли себе плотскую сторону любви. Они делились друг с другом догадками и предположениями, пытались узнать правду, а в результате выходили замуж вслепую, только потому, что жених понравился родителям. Отсюда печальные истории первых брачных ночей, которыми полны пьесы Дюма-сына и романы Мопассана. Если муж действовал неловко и грубо, резкий переход от сентиментальной невинности к правде животной страсти вызывал ужас и смятение, вполне естественные, но от этого не менее мучительные. Мне могут возразить, что так обстояло дело только в буржуазной среде, что молодые крестьянки были лучше осведомлены, что среди ра-

бочих большинство браков заключалось не по расчету, а по любви. Это верно лишь отчасти; нередко случалось так, что молодая служанка выходила замуж за старого фермера, а родителям невесты рабочего был далеко не безразличен его заработок.

Сегодня положение дел изменилось. Самое древнее ремесло мира не исчезло, но в значительной мере утратило популярность и престиж. Нынче во Франции уже не купишь женщину в фирменном салоне, словно пару башмаков... Жилищный кризис привел к кризису адюльтера. Случайные партнеры могут встречаться в гостинице, но там не так уютно, как дома, и куда более опасно. Приятная обстановка способствовала любви; пошлая обстановка ее убивает. Зато девушки смелее отдаются молодым людям, чем в былые времена. Почему? По многим причинам. Женщина, которая работает и учится, свободна и независима; посещение лекций, занятия спортом, путешествия, отдых в летних лагерях создают почву для общения; общественное мнение стало снисходительнее, родители не так строго следят за девушками, как прежде; женщина теперь может либо избежать нежелательной беременности, либо вырастить ребенка одна. В наши дни многие женщины получили возможность обходиться без материальной помощи со стороны мужчины, им помогает государство.* По всем этим причинам многие девушки ведут себя так свободно, как в былые времена вели себя только мужчины...

Вернемся к вам. Жениться или остаться холостяком? Помните Панурга? «— Если вы считаете, что лучше остаться на прежнем положении и перемен не искать, то я предпочел бы не вступать в брак. — Коли так, не женитесь, — сказал Пантагрюэль. — Да, но разве вы хотите, чтобы я влачил свои дни один-одинешенек, без подружки жизни? — возразил Панург. — Ну, ну, женитесь с богом! — сказал Пантагрюэль.»¹* Что вам посоветовать? Не стану читать нравоучений. Мораль гуманистическая, но строгая предпишет вам быть верным и преданным, конечно сообразуясь с обстоятельствами и с характером своей возлюбленной. Вы не станете одинаково вести себя с легкомысленной кокеткой и с девушкой, которая в вас души не чает. Короче говоря, я думаю, что после первых, неизбежных ошибок вы выберете женитьбу.

Поначалу вам будет страшновато. И есть от чего. По доброй воле вступая в брак, то есть беря себе в жены одну-единственную женщину и создавая семью, мужчина отказывается от самого дорогого, что дарует ему свобода. «Верность для мужчины — как клетка для тигра. Она противна его природе», — писал Бернард Шоу. Это так. Но если бы все слушались только голоса природы, в мире не осталось бы ничего прекрасного. Никто не шел бы на

¹ Перевод Н. Любимова.

смерть, защищая слабых и невинных, никто не сидел бы по двенадцать часов в день за письменным столом, чтобы написать роман. Значит ли это, что надо поощрять в себе трусость, жестокость, непостоянство и лень? Всякий более или менее благородный поступок требует самопожертвования. Решиться на него бывает нелегко, но иначе невозможно жить дальше. Когда решение принято, вопрос «Удачен ли мой выбор?» уступает место вопросу «Как построить счастливую жизнь с той, кого я выбрал?». Недаром священник спрашивает у жениха и невесты, согласны ли они стать мужем и женой — ведь без этого нет ни таинства, ни брака.

Нужен ли брак? Возможно ли общество без брака, где детей будут воспитывать сообща и где будет царить сексуальная свобода? Почти вся человеческая история свидетельствует о том, что это невозможно. Брак не является принадлежностью той или иной страны, расы, религии, эпохи. Он один из тех неписанных законов, что коренятся в самой природе человека. «Человеческие детеныши» появляются на свет слабыми, растут долго, нуждаются в том, чтобы старшие передавали им свой опыт и традиции племени — отсюда необходимость создания прочных супружеских пар. Где представителю общины или государства взять материнскую нежность и отцовскую строгость? С другой стороны, «брак — единственная связь, которую время может упрочить» (Ален). Физическое влечение толкает человека на поиски острых ощущений. Непреходящая ценность института брака заключается в том, что он сдерживает непостоянство человеческих страстей постоянством супружеских отношений, поощряемых обществом.

Это последнее обстоятельство особенно важно. Как ни твердо намерение любовников всю жизнь хранить друг другу верность, союз их разрушается, потому что общество восстает против них. Анна Каренина и Вронский искренне любят друг друга, но общество осуждает их, и любовь кончается крахом; Лист и госпожа д'Агу * созданы друг для друга, но им приходится расстаться. Если любовники упорствуют, они превращаются в «каторжников любви». Нет ничего менее свободного, чем свободная любовь. Бывают, конечно, исключения, но в этих случаях либо женщина приносила свою жизнь в жертву любимому человеку (Жюльетта Друэ и Виктор Гюго) *, либо мужчина и женщина предоставляли друг другу полную свободу, и связывали их уже не столько любовные, сколько дружеские, приятельские отношения. Такие пары живут в добром согласии, однако нельзя не признать, что на подобные отношения способны только исключительные натуры. Большинство мужчин и женщин не хотят иметь своими партнерами донжуанов.

Итак, брак. Но какой? Мы сказали, что брак сдерживает не-

постоянство человеческих страстей. Вначале должна быть страсть. Выберите женщину, которая нравится вам и телом, и лицом или по крайней мере не вызывает у вас отвращения. Не обязательно, чтобы ее считали красивой все, важно, чтобы ее чары распространялись на вас. Человек со вкусом может так одеть и причесать дурнушку, что она станет красавицей. В «Воспоминаниях новобрачных» Рене де л'Эсторад выходит замуж за нелюбимого и делает из него человека, достойного ее любви. Впрочем, этот случай еще ничего не доказывает. Рене не могла бы перевоспитать своего мужа, не будь в нем соответствующих задатков. Брак по расчету оборачивается благом только в том случае, если есть надежда превратить его в брак по любви. В противном случае это брак не по рассудку, а по безрассудству. Запомните: доброе сердце, живой ум, общность вкусов важнее, чем прелестное лицо. Писали, что красота сулит счастье, но красота тела без достоинств души обманет ваши надежды.

Правда ли, что однообразие супружеской жизни притупляет желание? Если жена будет вялой и холодной, страсть вскоре уступит место усталости и скуке. Напротив, из привычки вместе переживать минуты наслаждения рождается счастье. «Большая часть мужчин, — говорит доктор О'Грэди *, — практически моногамны. Я хочу сказать, что вопреки легендам, распространяемым эротической литературой, нормальный мужчина далек от того, чтобы желать всех женщин, и похож на те спички, что зажигаются только от своего коробка. Желание у него вызывает лишь определенная женщина, причем в большинстве случаев эта женщина — его собственная жена. Если мы предположим, что для мужа лицо, тело, голос его жены становятся знаками, выражающими самую идею любви, мы легко поймем, что жена волнует его сильнее, чем та или иная случайная женщина, может быть более красивая, но не пробуждающая в нем никаких воспоминаний о проведенных вместе ночах. Для человека, склонного к моногамии, нормальная жизнь возможна лишь в моногамном браке».

Деньги

Презирать деньги легко человеку богатому или тому, кто лишен потребностей. Но есть ли люди, начисто лишенные потребностей? Самая непритязательная старушка должна где-то жить, как-то отапливать свое жилье, что-то есть. Обет бедности дает монах, а не монастырь, да и сам монах не живет святым духом. Я думаю, вы будете нормальным человеком: вам придется содержать жену, детей. Доходы ваши должны несколько превышать расходы, чтобы вы могли откладывать на черный день. Конечно,

государство платит пособие по болезни и пенсию по старости. Но ставки здесь самые низкие, а о своей семье вам в любом случае придется заботиться самому.

Зарабатывать деньги — с большим или меньшим успехом способен каждый, кто владеет каким-либо ремеслом и не уваливает от работы. Куда труднее распорядиться заработанными деньгами. Держать капитал в банке не так уж выгодно. Чтобы жить на ренту, надо иметь огромное состояние. Да к тому же за последние полвека девальвации стали таким частым явлением, что капитал ваш может растаять, как снег на солнце. Что же делать? Покупать акции, поскольку они представляют собой реальную ценность, а когда валютный курс падает, поднимаются в цене? Вас ждет несколько неприятных сюрпризов. Любая, даже самая процветающая отрасль промышленности может внезапно прийти в упадок из-за какого-нибудь изобретения, капризов моды или промахов руководства. У биржи свои перепады настроения, зависящие от политической обстановки; они непредсказуемы. Процентные бумаги, приносящие постоянный доход? Это разумно, особенно учитывая новые законы, но только при твердом валютном курсе. Покупать дома, участки? Еще недавно многие умные люди шли по этому пути, но нынче это не так выгодно, потому что налоги на недвижимое имущество сильно возросли. Коллекционировать картины, книги, антикварные вещи? Это занятие имеет то преимущество, что позволяет совместить приятное с полезным, только найдете ли вы покупателей, если захотите продать свою коллекцию? В эпохи кризисов любителей раритетов становится все меньше, в эпохи революций коллекции конфискуются.

Короче говоря, нечего и мечтать о том, чтобы абсолютно надежно поместить деньги. Но это не значит, что вы не должны стремиться поместить их относительно надежно. Вспомните народную мудрость: «Не кладите все яйца в одну корзину»... Оставьте себе несколько путей к отступлению. Осторожность — вещь похвальная, но нелегкая для человека с ограниченными средствами. Чтобы наполнить несколько корзин, надо иметь много яиц; чтобы прикрыть несколько путей отступления, надо иметь много боеприпасов. Быть может, вы захотите вложить все, что имеете, в какое-либо новое предприятие или научное исследование. Быть может, вы решите, что лучше все поставить на карту в надежде выиграть, чем постепенно проигрывать, играя по маленькой. Во всяком случае, старайтесь, чтобы расходы ваши были меньше доходов. Я говорю, старайтесь, потому что расходы нельзя ужимать до бесконечности, а доходы порой очень сильно колеблются.

Не говорите без крайней необходимости: «На худой конец возьму в долг». Влезать в долги всегда опасно. Самый друже-

любный кредитор станет лютым зверем, если утратит к вам доверие, и дружбе придет конец. Вы первый начнете избегать его, потому что он будет для вас живым укором. Даже если убыток для него не так чувствителен, он не простит вам, что вы его подвели. Самая самоотверженная семья устает давать деньги на несбыточные проекты. Иное дело, если ваше предприятие пойдет в гору. Став человеком опытным и платежеспособным, вы будете вправе прибегать к кредиту. Но не раньше, чем прикинете, какова будет ваша прибыль по самым скромным подсчетам. Никто не застрахован от случайностей, причем чаще всего случайности эти бывают неприятного свойства. Мы так легко обольщаемся, когда речь идет о нашем будущем. Лучше сохранить то, что имеешь, чем идти на риск и все потерять.

Вы скажете: «Это не средство нажать состояние». Совсем наоборот! Да и надо ли наживать состояние? Быть бедным и не иметь самого необходимого — большое несчастье; не меньшее несчастье — родиться богатым. В этом случае человек вырастает, не общаясь по-настоящему с другими людьми, не разделяя их трудов, печалей, радостей. Он живет в пустыне, населенной метрдоателями. «Золотая молодежь» часто терпит поражение и впадает в нужду. Люди, которые начали с нуля и сами сколотили свое состояние, более человечны. Они помнят о том, кем они были. Правда, постепенно воспоминания изглаживаются из их памяти. Наступает день, когда они начинают мыслить как богачи. А ведь «новые идеи не рождаются в кварталах, где садятся обедать в белых манишках... Искусства убеждения недостает именно тем, кто в нем нуждается. Они слепы. Они теряют власть, потому что им не хватает знаний. Знания — достояние бедняка». Желаю вам нажать среднее состояние, желаю вам нажать его своим трудом.

Нет ничего дурного в том, чтобы человек — инженер, коммерсант, художник — разбогател благодаря своим способностям и упорству. Напротив. Общество возвращает ему то, что получило от него. Если бы он не внес никакого вклада или вклад его был невелик, конкуренты вытеснили бы его. И в социалистических странах уровень жизни известного композитора или директора завода выше, чем у остальных трудящихся. Впрочем, за исключением нескольких известных киноактеров, пары художников, десятка певцов да двух-трех авторов детективных романов, творческий личностям редко удается сколотить огромное состояние. По большей части крупные состояния создаются по-другому — путем сложных комбинаций и подсчетов, не укладывающихся в мозг нормального человека. Организация акционерных обществ, слияние предприятий, удачные биржевые сделки, нахождение новых рынков сбыта, приобретение патентов и разнообразные

спекуляции и махинации приносят миллиарды. Миллиардер может быть полон добрых намерений, но он теряет ощущение реальности. Успех делает его слишком доверчивым, он расширяет дело, но по воле рока его картонный домик внезапно рушится. Никогда не будьте слишком богаты. Для богача, как для завоевателя, главное — умение вовремя остановиться. Это редкий дар.

Богатство особенно опасно для вас, если вы дорожите способностью к художественному творчеству. Природа творчества такова, что чем несчастнее и беднее художник, тем выше он воспаряет в своих произведениях. Стал ли бы Бальзак Бальзаком без нищеты, кредиторов, долговой тюрьмы, ростовщиков? За свою нелегкую жизнь ему приходилось сталкиваться с редчайшими человеческими типами, которых богач, надежно охраняемый в своем красивом особняке секретарями и слугами, никогда не узнает. Нужда заставляла его работать. Писал ли бы он по четыре романа в год, создавал ли бы в порыве вдохновения гениальные новеллы за одну ночь, если бы в дверях его не стоял некий страж коммерции, готовый тут же арестовать его, если он не заплатит по тому или иному векселю? Я своими глазами видел, как богатство погубило талант не одного музыканта и художника. *Участи этой удастся избежать лишь тем, кто и разбогатев продолжает трудиться так же, как во времена бедности.* Виктор Гюго владел огромным состоянием и умело распоряжался им, но до гробовой доски жил очень скромно. Бесплодие минует и тех художников, которые, подобно Бальзаку, не успев получить гонорар, тут же с безумной щедростью проматывают его.

Ален почитал скупцов, таких, как Гранде или Гобсек. Скупец приносит пользу обществу, говорил он, потому что создает материальные блага и не потребляет их. Рано или поздно накопленное скупцом возвращается обществу. «Запершись в своем бронированном убежище, презрев узы вежливости и дружбы, скупец прислушивается к началу трудового дня, к шагам тех, кто встает затемно. Он слушает, сознавая, что это утреннее движение — залог богатства. Он и сам встает затемно и, как Гранде, своими руками чинит лестницу. Гранде пел за работой, потому что был твердо убежден, что всякая работа — вклад в копилку». Расточитель бездумно потребляет, скупец не потребляет почти ничего и уважает труд. Он копит золото? Но когда денежные знаки лежат без употребления, они никого не разоряют, между тем как жизнь в роскоши разоряет всех.

Таково было убеждение Алена. На сей раз я не согласен с ним. Нет, я вам не советую копить деньги. Неверно, что лежащие без движения денежные знаки никого не разоряют. Чем больше золота находится в обращении, тем больше создается материальных ценностей и тем меньше людей живет в нищете. Я бы,

пожалуй, дал вам иной совет: «Обеспечьте по мере возможности настоящее и будущее себе и своим близким. Сделав это, живите скромно. Это будет полезнее для вашей печени, вашего сердца и вашего ума». Я знал одного миллиардера, который, устав от продажных женщин, сел в метро и пытался завоевать сердца юных незнакомок. Он дарил им скромные букеты фиалок и получал удовольствие от самого факта, что добился успеха столь недорогой ценой. Проблема не в том, чтобы иметь деньги на черную икру, а в том, чтобы находить в ней вкус.

Выработать правильное отношение к деньгам очень трудно. С одной стороны, глупо их презирать. Раз люди тысячелетиями использовали эти знаки, которые можно обменять на товары или передать другому лицу, значит, они не могли без этого обойтись. Социалистическое общество тоже платит трудящимся заработную плату, поощряет хранение денег в сберегательной кассе и предоставляет людям все больше возможностей тратить деньги в соответствии со своими вкусами. С другой стороны, быть рабом денег низко. Хвалить человека и заискивать перед ним только потому, что он богат, недостойно. Конечно, богатство не мешает человеку быть умным и обаятельным; можно дружить и с богачом, ценя в нем ум и обаяние. Но богатство как таковое не должно вызывать у вас ни любви, ни ненависти. В особенности это касается людей творческого труда: художник может принять (и даже потребовать) плату за свою работу, но он ни в коем случае не должен опускаться до торговли своим талантом. Другая сложная проблема — это деньги в семейных отношениях. Я не могу одобрить отца, который, живя в довольстве, оставляет своих детей прозябать в нужде. Зависть, интриги вокруг наследства рождаются в тех семьях, где голодные волчата кружат вокруг старого разжиревшего волка. Если у вас есть возможность, помогите своим детям встать на ноги. Конечно, в том случае, когда их планы кажутся вам разумными. Если один из них чувствует сильную, непреодолимую тягу к какому-либо роду деятельности, не мешайте ему, пусть даже вкусы его не совпадают с вашими. Родители Бальзака, мелкие буржуа, жаждавшие респектабельности, отнюдь не поощряли склонности сына к литературной деятельности. Однако они дали ему содержание и год времени, чтобы попробовать свои силы. Разве было бы лучше, если бы они его прокляли? Вспомните свою молодость. Но, помогая своим детям, требуйте, чтобы они и сами себе помогали. У них не будет ни твердого характера, ни силы воли, если они не научатся преодолевать препятствия. Птица кормит птенцов из клюва и при этом учит их летать самостоятельно.

Писательский труд

Когда я спросил вас: «Как вы собираетесь строить свою жизнь?», вы ответили: «Быть может, писать». Надо или отбросить «быть может», или отказаться от этого намерения. Если вы призваны стать писателем, вы станете им во что бы то ни стало. Виктор Гюго с детства хотел быть «Шатобрианом или никем». * Прирожденный писатель пишет, потому что ему есть что сказать и выразить это он может лишь на письме. Если вас притягивает чистый лист бумаги, если вы готовы всем пожертвовать ради того, чтобы поведать миру мысли, которые теснятся у вас в голове, ища выхода, если вы знаете, что будете писать, несмотря на провалы, несмотря на враждебность критиков, если вы, как Пруст, испытываете чувство освобождения и триумфа, когда вам удастся одной удачной фразой точно обрисовать человека, предмет или чувство, тогда в добрый час!

Но, вступая на эту стезю, знайте, что вы принимаете постриг и вам всю жизнь придется работать больше, чем человеку любой другой профессии. Когда видишь готовую, целостную и стройную книгу, то кажется, что перед тобой — творение природы. «Госпожа Бовари», «Адольф», «Отец Горио» естественны, как дуб или яблоня. Меж тем они — плоды огромного, невероятного труда. Взгляните на черновые рукописи великого произведения. Сколько перечеркиваний! Сколько вставок! Сколько исправлений в тексте и на полях! Какая странная бахрома листочков, подклеенных к гранкам! Конечно, случается, что в порыве вдохновения автор за ночь «выдает на-гора» целых тридцать страниц. Но какими бы вдохновенными ни были эти пламенные строки, они должны обрести окончательную форму, гладкость. Бывают и счастливые часы, но сколько тяжелых дней, когда писатель никак не может выбрать сюжет для нового произведения! Сколько отвергнутых начал! Сколько разочарований в тех случаях, когда автор думал, что растит розу, а выросли репейник.

Входящие сюда, оставьте не всякую надежду, но всякую лень и всякое тщеславие. Вам придется посмотреть на свое творение со стороны, судить его и в случае необходимости осудить. Кроме того, умеете разглядеть его красоты, если они в нем действительно есть. Научиться верно оценивать свои произведения можно только читая классиков. Вскормленный Чеховым и Кэтрин Мэнсфилд *, вы будете со смирением, порой с надеждой равнять свою прозу по их новеллам. Воспитанный на Бальзаке, Стендале, Прусте, вы будете строги к своим романам. Восхищаясь интеллектуальными фантазиями Свифта и Кафки, вы будете беспристрастно оценивать свои вымыслы. И остерегайтесь принять за новое то, что существует с незапамятных времен. Пример — кому принадлежат

слова: «Вы действительно не знаете, за что оказались в этой тюрьме, именуемой жизнью, и за что страдаете, но вы знаете, что процесс...» * ? Думаете, это Кафка? Ничего подобного, мой дорогой: Виньи! Вот вам урок осторожности. Не советую вам копировать стиль мастеров (хотя Пруст многому научился, пародируя их *); если вы обладаете писательским даром, вам и самому не захочется подражать. Вы бессознательно позаимствуете у Толстого манеру представлять героев, у Бальзака — любовь к пространственным вступлениям, у Стендаля — пылкую дерзость, но все остальное возьмете у самого себя и сами изготовите свой мед.

Будьте неподкупным судьей своей работы, но бойтесь презирать ее. Раз вы воспитаны на классиках, ваше собственное суждение приобретает большую ценность. Если, закончив произведение и перечитав его, вы найдете его прекрасным, верьте в это, кто бы что ни говорил. К счастью, среди критиков есть люди серьезные, беспристрастные, великодушные, образованные; вы будете прислушиваться к их мнению и считаться с их замечаниями. Но кроме них, на вашем пути встретятся — увы! — критики злобные и скупые на похвалы. «Посредственность остается посредственностью и в своем неумении восхищаться». Признаюсь, теплые отзывы могучих умов — Алена, Валери, Робера Кемпа, Эдмона Жалу *, Вирджинии Вулф, Эдмунда Госсе, Десмонда Маккарти (я называю только умерших) — оказали мне в юности большую поддержку. Если вам случается говорить о чужих произведениях, умейте похвалить то, что того заслуживает. Перечитайте чудесную статью Бальзака о «Пармской обители». * Гений, открывающий другого гения, — эта картина согревает душу, особенно когда вспоминаешь, что в ту пору ни тот, ни другой еще не были в полной мере оценены критикой.

Предположим, что призвание к писательскому труду и умение выражать свои мысли у вас есть. Это прекрасно, но какой род литературы вы выберете? Самые великие умы не сразу нашли себя. Бальзак считал себя драматургом, философом, памфлетистом. Свои первые романы он назвал «настоящим литературным свинством», только успех убедил его в том, что он романист. Будущий великий поэт узнает себя раньше. Байрон, Гюго еще подростками писали прекрасные стихи и знали это. Если человека тянет излить свои ощущения в стихах, если у него есть чувство ритма, это проявится еще до двадцати лет. Осознание себя романистом приходит позднее. Чтобы описать мир, нужен жизненный опыт. Желаю вам жить полной жизнью и избрать в юности профессию, которая столкнет вас с самыми разными людьми. Будущему романисту не помешает сначала заняться другим делом. Он накопит воспоминания. Диккенс был журналистом, Бальзак печатником. Оба прошли через нужду, кредиторов, долговую

тюрьму (Диккенс — навещая отца). * Эти несчастья принесли им счастье.

Призвание драматурга, судя по всему, проявляется так же рано, как призвание поэта, но расцветает лишь в благоприятных условиях. Романист, историк творят в своем кабинете или в тиши архива. Драматургу нужны сцена, актеры, зрители. Если ему повезет вовремя найти их, он получит возможность попробовать свои силы. Все великие драматурги — дети театра. Мольер был актером и писал для своей труппы; Шекспир играл сам и строчил шедевры для своих товарищей. Корнель, Расин, Мари-во были влюблены в актрис. Драматург — свой человек в мире подмостков и кулис; он знает актерское ремесло и основы режиссуры. Дюма-отец да и Дюма-сын тоже разыгрывали комедию в своих романах и даже в своей собственной жизни. Ответы их были репликами, концы глав — концами актов. Гёте открыл свое призвание на представлении театра марионеток; Ануй осознал себя драматургом за кулисами казино. Случается также, что романист становится на склоне лет драматургом под влиянием мудрого режиссера. Так Жироду привела в театр встреча с Жуве *.

Кем бы вы ни стали — романистом или эссеистом, драматургом или писателем, — будьте терпеливы. Слава — особа капризная и гордая, с ней шутки плохи. Бывает так, что первая же книга приносит шумный успех; бывает и так, что признание приходит не сразу. Но маловероятно, чтобы в наше время гений прошел по земле незамеченным. Столько издателей, столько читателей, столько продюсеров ищут авторов, что полное фиаско талантливого человека стало бы своего рода античудом. Вас оценят по достоинству и, если вы того заслуживаете, будут печатать и ставить. Останется только пройти узкий проход, отделяющий известность от славы. Литературные премии приносят (порой) известность, но это еще не слава. Вовсе нет. Славу приносят либо произведение, получившее всеобщее признание («Прародительница» *, «Поцелуй, дарованный прокаженному» *), либо книга, пьеса, отвечающая настроениям эпохи («Вертер», «Грязные руки» *), либо монументальное создание («Люди доброй воли» *), либо необычная судьба автора. «Большой Мольн» прославил Ален-Фурнье: читающая публика была потрясена романтическим поклонением героя книги едва знакомой женщине и безвременной гибелью автора *. Порой (но это не лучший путь к славе) внимание публики привлекают не литературные достоинства произведения, сами по себе весьма незначительные, а необычный образ жизни автора, его политическая позиция или вызывающая манера поведения. На первый взгляд кажется, что тайны и мистификации способствуют популярности. Однако искусственный успех недолговечен. Рано

или поздно справедливость восторжествует. Одно поколение может ошибиться, десять поколений не ошибаются.

Будет ли у вас свой стиль? Это зависит от вас. Стиль — победа личности над природой. Ренуар, Ван Гог и Сёра напишут один и тот же пейзаж в трех разных стилях. Без личности нет стиля. Почти всякий человек — личность; трудность в том, чтобы сохранить свою индивидуальность, не став ни банальным, ни легковесным. Чем детальнее и точнее описания, тем больше у автора шансов обрести свой стиль. У философов обычно нет стиля; но философы, которые, как Декарт, Бергсон или Ален, оперируют конкретными примерами и говорят обычным языком, обретают собственный стиль. Порой писатель, сам того не замечая, проходит мимо своего стиля. Пруст в начале своего творчества («Утехи и дни») * искал и не находил себя. Он открыл свой стиль, переводя Рескина; в трудах английского мыслителя мир купался в свете, которого Пруст всегда жаждал. После чего он стал писать не как Рескин, но как настоящий Пруст. *Ищите и вы обряцете себя* *.

Бал-маскарад

«Ищите и вы *себя* обряцете». Да! Вы должны найти себя не только в литературном, но и в человеческом плане, а это не так легко. Я когда-то был близко знаком с великим Пиранделло, в чьих пьесах всегда идет речь о многоликости человека. Я со школьной скамьи, говорил он мне, был одержим мыслью, что неверно описывать человека как цельную личность. В общении с одними людьми мы играем одну роль, в общении с другими — другую. Недаром мы порой страдаем, оказываясь в обществе двух друзей; только с каждым из них по отдельности мы чувствуем себя в своей тарелке. Много семейных драм объясняется тем, что супруги больше не могут играть роль, которая поначалу была взята на себя добровольно. Рядясь в одежды добродетельного семьянина, мужчина выбрал линию поведения, которую не в состоянии продолжать. Единственный выход — сбежать, то есть начать новую жизнь с другой женщиной, для которой он будет играть другую роль, в этот момент более близкую ему... Мысль, что все эти персонажи сливаются в одно-единственное я, — иллюзия!.. Жизнь — это постоянное изменение. Как только движение останавливается, человек старится и умирает.

Пиранделло был прав. В одном-единственном человеке совмещается сотня разных людей. Хорош он или дурен? И то и другое. Вы знаете это по себе, вы бываете нежным и жестоким, разумным и неистовым, мудрецом и безумцем. Это зависит от обстоятельств, от прочитанной книги, от советчиков, приятелей. Вспомните, например, Шатобриана. В нем жили два человека: один истово верующий, христианин по рождению и воспитанию,

другой — слабовольный грешник, гордец, распутник. Кто из них двоих Шатобриан? Ни тот ни другой. Шатобриан был суммой. Вспомните Наполеона. Какой глава государства был столь же честолюбив? Какой завоеватель был столь же ненасытен? И тем не менее с какой сдержанностью, можно даже сказать, с какой скромностью рассуждал он о себе и своей судьбе! На острове Святой Елены из-под маски императора выглянула душа младшего лейтенанта*, студента, мечтающего поселиться в Париже, жить на тридцать су в день и восхищаться игрой Тальма в пьесах Корнея.

Кто же настоящий Наполеон? Да все. Причем каждый из них был искренним даже в собственных глазах. Ведь мы играем не только перед другими, но и перед собой. Чувства и возраст изменяют нас, подобно тому как лучи прожектора превращают белую пачку балерины в желтую, розовую, голубую. Ваше юное я смеется сегодня над страстями стариков, а ведь и вас ждет то же самое, когда вы доживете до их лет. Свой отпечаток накладывает и профессия. Негодный мальчишка, накануне экзаменов раскrojивший кулаком челюсть комиссару полиции, быть может, станет впоследствии министром юстиции или председателем апелляционного суда. Молодой поэт, зло насмехающийся над Французской академией, в один прекрасный день под барабанный бой вступит под ее своды и, пьянея от счастья, обратится к академикам с благодарственной речью.

Итак, в вас дремлют самые разные люди, и если десять, сто из них дадут о себе знать по мере того, как вы будете взрослеть, влюбляться, продвигаться по служебной лестнице, то многие другие так до самого конца и не обнаружат себя. Есть люди, которые с юных лет раз и навсегда избрали себе позу. Иногда эта поза красива. Это поза человека мудрого, сурового, верного, который полностью посвятил себя счастью других людей и отказался от радостей жизни. Однако порой внутренний голос говорит актеру, который играет и играет с блеском эту возвышенную роль: «Неужели ты так и будешь всю жизнь ломать комедию? Из тебя с таким же успехом вышел бы и донжуан и циник, стоило только захотеть... Это было бы куда интереснее, а может, и честнее». Вот тут-то человек и начинает подозревать, что прожил жизнь зря, что лишил себя самых больших радостей. А почему? Потому что не решился сорвать со своего лица привычную личину, отражавшую лишь одну из сторон его натуры, единственную, что реализовалась в действительности.

Когда-то я был знаком с очаровательной англичанкой, отличавшейся почти болезненной робостью. Создавалось впечатление, что муж, человек большого ума, совершенно подавил ее. Мужчины, привлеченные ее красотой, настойчиво ухаживали за ней,

но ее замкнутость и мнимое равнодушие обескураживали их. Однажды одна знатная дама устроила в своем особняке бал-маскарад. Случилось так, что рядом со мной оказалась прекрасно сложенная молодая женщина. Она не танцевала. Из вежливости я завязал беседу, соседка моя отвечала так смело и остроумно, что совершенно покорила меня, и я не отходил от нее весь вечер. Уверившись в том, что я очарован ее грацией и речами, она засмеялась и приподняла маску. Пораженный, я узнал в ней прелестную молчунью. Маска позволила ей стать другой. Другой, то есть самой собой. Думаю, именно по этой причине балы-маскарады в Опере пользовались некогда огромным успехом. Так приятно забыться и почувствовать себя другим человеком.

Жизнь — маскарад. Надо ли всегда носить одну и ту же маску? Это зависит от маски — и от вас. Если маска вам не идет, если она вам мешает, если вам кажется, что она вынуждает вас играть роль, для которой вы не созданы, попытайтесь заменить ее другой. Их множество. Вот важная маска многообещающего политика; вот маска художника, к которой лучше всего подойдет яркая ковбойка с расстегнутым воротом; а вот маска будущего медика с пронизательным взглядом из-под очков. Еще есть время выбирать. Но будьте осторожны! Маска сама станет править бал. Другие маски будут принимать вас за того, кем вы кажетесь. Отправляясь на бал жизни, выберите себе подходящую маску.

Политика

Заниматься ли вам политикой и в какой маске? Равнодушие к политике — тоже одна из форм политической деятельности. Тот, кто не интересуется политикой, как бы говорит: «Мне наплевать на родной город, на родную страну, на весь мир». Такой человек мелко плавает и на первое место всегда ставит соображения личной выгоды и интересы минуты. От политики зависит и его собственная судьба, но ради того, чтобы его оставили в покое, он готов пожертвовать своим благополучием. Его можно сравнить с дохлой собакой, которая то плывет то течению, то кружится на месте в стоячей воде. Но вы-то живой человек, вы поплывете сами в том направлении, в каком сочтете нужным, иными словами, вы будете интересоваться политикой. Не обязательно принимать активное участие в политической борьбе. Единственное, чего я от вас хочу, — это чтобы вы обладали необходимым кругозором, имели собственное мнение, короче говоря, могли играть роль гражданина.

Стремиться ли вам к общественной деятельности? Решайте сами. Все зависит от вашего характера и обстоятельств. Есть люди,

к которым подходят слова Аристотеля: «Человек — животное политическое». Если вас влечет борьба, если вы от природы красноречивы, если вы на опыте убедились в своем умении увлечь аудиторию, толпу и, что в наше время гораздо важнее, «произвести впечатление», выступая по телевизору, то почему бы и нет? Мне нравятся люди, пришедшие в политику случайно. Как-то раз один человек был избран мэром большого города, потому что вода у него в ванной шла с переборами. Он стал искать причину, устранил неполадки и улучшил тем самым водоснабжение города. С этого началась его карьера.

Эррио, профессор-филолог, на заре своей деятельности гораздо больше думал о мадам Рекамье, чем о лионской мэрии. * Обстоятельства, известность, которой он пользовался в родном городе, приятный голос способствовали его избранию мэром. Это стало трамплином. Поскольку он показал себя хорошим администратором большого города, во время войны правительство доверило ему снабжение всей страны. От министра недалеко и до премьер-министра. Если случай поможет вам (а его благосклонность надо заслужить), вы будете идти по жизни от успеха к успеху.

Если представится возможность, стоит ли вам добиваться власти? Ален, красноречивый и целеустремленный мыслитель, блестящий диалектик, один из лучших профессоров Руанского народного университета, имел все основания питать честолюбивые надежды. Но он не давал себе воли, ибо больше всего хотел остаться свободным человеком. Лидеры политических партий, фавориты власть имущих суть также их пленники. Они должны нравиться. Ален об этом не заботился. Кроме того, он считал, что за великими мира сего нужен надзор и поэтому стране нужны рядовые граждане с острым умом. Он хотел быть одним из этих граждан. По той же причине во время первой мировой войны он, добровольцем вступив в армию, отказался от всех нашивок, кроме капральских. Я, как и он, неизменно отвергал все посты, которые мне предлагали, хотя иные из них были и высокими, и почетными. Но эти примеры еще ничего не доказывают, всякому народу нужны активные руководители. Быть может, вы станете одним из них.

Если это произойдет, занимайтесь в первую очередь практической деятельностью. Глава города и даже государства должен следовать завету — меньше слов, больше дела. Расширение сети путей сообщения, оборудование больниц, решение жилищной проблемы, строительство спортплощадок, поддержка театральных коллективов — вот о чем заботится настоящий мэр. Укрепление обороноспособности страны, проведение мудрой внешней политики, контроль над бюджетом, совершенствование налоговой си-

стемы, строительство школ, лицеев и университетов для подрастающего поколения, надежное и общедоступное социальное обеспечение, равенство всех граждан перед законом, уважение прав человека — вот о чем заботится мудрое правительство. Вы скажете: «Значит, неважно, правый я или левый?» Этого я не говорил. Но по-моему, между английским консерватором — сторонником реформ — и английским умеренным лейбористом нет существенной разницы. Обычно во всякой партии есть и благородные люди, и подлецы (о безумцах и чудовищах я не говорю). Это разделение кажется мне более важным, чем деление, в сущности произвольное, на социалистов и радикалов, независимых и народных республиканцев, Народно-республиканское движение и Союз защиты новой республики. Не будьте фанатиком своей партии. Нация едина, процветание каждого связано с процветанием всех. И ультраправые, и ультралевые всегда сами разрушали режим, который прежде защищали.

А главное — не будьте тупым упрямым, который отказывается выслушать мнение противной стороны. Отмахнуться от тех, кто думает не так, как мы, легче, чем опровергнуть их. В политике невозможно сохранять беспристрастие. Жизнь сделает вас либо консерватором, либо оппозиционером. Но старайтесь оценивать факты без предвзятости. Я знаю многих людей, которые рьяно отстаивают ту или иную меру, если она выдвинута их партией, и безжалостно осуждают *ту же самую* меру, если ее предлагает противник. Учтите: безумие и ненависть — не двигатели политики. «Величие не в том, чтобы впадать в крайность, но в том, чтобы касаться одновременно двух крайностей и заполнять промежуток между ними» (Паскаль).

Было время, когда никто на Западе не оспаривал парламентский режим. До 1914 года в общем и целом он приносил Франции только добро. Благодаря III Республике мы вступили в первую мировую войну с превосходной армией и могучими союзниками. Одного из деятелей III Республики называли в народе Отцом победы. * Продолжение было не столь блестящим. Во многих европейских странах парламентская анархия породила фашизм, диктатуру силы, без зазрения совести попирающую все свободы. Тем временем в России установилась иная, но не менее сильная власть. Пример других стран поколебал шаткое равновесие в общественной жизни французов. В результате разобщенная, раздираемая противоречиями Франция вступила во вторую мировую войну, не имея ни сил, ни веры. После войны в правительство вошло несколько незаурядных людей, но и это не изменило положения дел; в период IV Республики стало очевидно, что если французы хотят быть уверенными в завтрашнем дне, им необходимы конституционные реформы. Попыткой решить этот во-

прос было принятие конституции 1958 года*. Как всякая конституция, она может быть использована и во благо, и во зло. Я думаю, что, какова бы она ни была, она вам поможет.

Она укрепила исполнительную власть. Это было необходимо. Технический прогресс изменил производство. Экономика становится все более и более сложной. Следовательно, нужны перспективные планы. Разве можно доверить проведение их в жизнь министрам, пребывающим в постоянном страхе перед отставкой? Мы по-прежнему ратуем за то, чтобы парламент осуществлял контроль над правительством; мы ратуем за то, чтобы депутат оставался посредником между избирателями и властью, а при необходимости — защитником избирателей; мы ратуем за то, чтобы свобода мысли и свобода слова оставались священны; мы ратуем за то, чтобы правительство, не получившее большинства голосов на свободных выборах, уходило в отставку; мы ратуем за то, чтобы все граждане независимо от их происхождения, расы и вероисповедания были равны перед законом; мы ратуем за то, чтобы всякое правительство, не считающееся с мнением большинства, подлежало смещению; но мы ратуем также за то, чтобы это смещение происходило законным путем. Закон о разводе не должен допускать, чтобы пустой каприз разрывал священные узы брака; не мешало бы оградить каким-нибудь законом от их собственных капризов и парламенты.

«Главная задача правительства на каждом этапе, — писал Жак Рюэф*, — верно оценить долю прошлого, которую можно сохранить в настоящем, и долю настоящего, которую можно завещать будущему». Это правильная точка зрения, и вы убедитесь в том, как важно сохранять в настоящем довольно большую долю прошлого. Нация не может начать с нуля, отказавшись от всего, что построили предыдущие поколения. Долговечные символы преемственности — архитектурные памятники. Французская революция сохранила Версаль; русская революция сохранила Кремль и Зимний дворец. Реставрация, потом Республика сохранили лучшие учреждения Империи: префектуры, Государственный совет, Университет, Почетный легион. Пусть ваше поколение будет таким же мудрым. Долговечность установления — залог его силы. Привычки, выработанные таким установлением, трудно вырвать с корнем. Старайтесь по возможности уважать традиции. Если вы их отмените, вам придется создать другие, а будут ли они лучше? «Я съел лангуста, но сохранил его панцирь», — говорил Лиоте. Последуйте его примеру, сохраняйте внешнюю арматуру государства, тогда вам будет гораздо легче изменить то, что покажется устаревшим.

Вам не избежать искушения демагогией. Демагог спекулирует на бедах народа и ради того, чтобы победить, обещает удовлетво-

рить *все* нужды, твердо сознавая, что не в силах сдержать обещания. Подобная ложь может принести кратковременный успех, но за ним всегда следует тяжкое пробуждение, которое влечет за собой либо реакцию (термидор, 18 брюмера), либо, если демагог, несмотря ни на что, пытается удержаться у власти, диктатуру. Так что вас, я думаю, не удивит, что я предостерегаю вас от любых видов демагогии. Случается, конечно, что демагогическая политика приносит успех, но успех этот эфемерен. «Господни мельницы мелют медленно, но верно» *. Рано или поздно лживые обещания порождают недовольство и бунт. В конечном счете только честные политики одерживают долговечные победы.

Вы часто будете разрываться между компромиссом в интересах дела и бескомпромиссностью во что бы то ни стало. Правовверные сторонники Французской революции отдали ее в руки Барраса, потом Бонапарта. * Где равновесие пользы и бескомпромиссности? Конечно, все зависит от обстоятельств, но прежде всего нужно уметь различать бескомпромиссность истинную и ложную.

Педантично следовать той или иной доктрине, не считаясь с фактами, — это уже не бескомпромиссность, а упрямство. Маркс, человек могучего ума, построил свою систему на экономических данных современного ему общества. Живи он сегодня, он первым внес бы в нее изменения. Так же обстоит дело и с политической платформой: никто не станет сегодня отстаивать либерализм в чистом виде. Право на земельную и торговую собственность оспаривается и облагается налогом даже в тех странах, где господствует свободное предпринимательство. Хранить верность системе, которая вступила в конфликт с жизнью, не бескомпромиссность, а глупость. Не только бескомпромиссность, но и польза бывает истинная и ложная. Исповедуя принцип «чем хуже, тем лучше» и вступая в союз с опаснейшими противниками ради большинства голосов, вы ничего не добьетесь, но лишь поставите себя в ложное положение и утратите всякий авторитет. Нужно думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне.

Разбег

Сколько советов! Давать-то их легко, да следовать им трудно. Но я ведь не требую, чтобы все удавалось вам с самого начала. Нужно относиться к самому себе мягко и бережно. Хороший наездник не заставит брать препятствия усталую или невыезженную лошадь. Он начнет с неторопливой прогулки по лесу, поведет коня шагом, затем мелкой рысью. Когда конь разогреется, наездник

пустит его галопом по ровной лужайке. После этого лошадь придет в форму и будет полностью послушна воле всадника.

Сегодня утром вы чувствуете себя усталым. Накануне вы поздно легли либо слишком плотно поели. Вы плохо спали. За окном дождь. Вот-вот пойдет снег, и голова у вас тяжелая. Однако вас ждет куча дел. Послушайте меня: *начните с самого простого*. Вам тоже требуется разбег. Будьте снисходительны к своему телу и уму.

Я следую этому правилу в своей писательской практике. Если в какой-то день я не очень хорошо себя чувствую, я не берусь за рассказ, который потребовал бы от меня напряжения всех сил. Я открываю книгу и, перечитывая самые любимые страницы, ставлю их себе в пример. Либо берусь за самое легкое из ожидающих меня дел: письмо, статью. Это не потеря времени. Все равно этими делами надо заняться. Сделав их, я освобождаю себе время в будущем.

Гёте давал начинающим авторам сходные советы. Легче, говорил он, написать в порыве вдохновения короткое стихотворение, чем сочинить длинную эпопею. Поэтому на первых порах пишите кратко. Цикл коротких стихотворных импровизаций удастся вам скорее, чем огромная надуманная махина. Гораздо позднее, когда приходят зрелость и профессионализм, одаренный гением сочинитель пишет своего «Фауста».

Ни вы, ни я не напишем «Фауста». Но у нас, как и у всех людей, есть цель, к которой мы стремимся, задача, которую мы хотим выполнить. Будем справедливы к себе. У многих молодых людей, если они не добились успеха с самого начала, появляется тенденция недооценивать себя. «Я никогда не создам ничего стоящего, — говорят они. — У меня не хватит на это ни смелости, ни ума». Они смотрят на более способного товарища и думают: «Везет же ему! Ему все дается без труда».

Бывает, конечно, и так. Я знал одного студента Политехнической школы, который целыми днями бездельничал, барабанил по клавишам пианино, а когда его вызывали к доске, заново открывал математические законы. Но эти чудеса — не правило. Да и что нам известно о чужом труде? Вы же не знаете, какие неудачи постигли другого человека, от каких честолюбивых планов ему пришлось отказаться. Быть может, он тоже стремился как можно быстрее достичь отдаленной цели — просто вам об этом ничего не известно. Потом, умудренный опытом, он стал лучше соразмерять свои силы, выбрал более близкую цель и теперь хорошо делает то, что умеет. Поступайте, как он. Выберите ритм, который вам подходит. Определите, на что вы способны. У каждого человека своя степень совершенства. У лошади одна степень совершенства, у человека — другая, говорил Спиноза. У святого одна степень со-

вершенства, у вас — другая. Тренируйтесь на ровных лужайках. Препятствия вы будете брать позже.

Часто говорят, что молодые люди тщеславны. Это неверно. Многие из них не уверены в своих силах. Те, кто хвастаются или грубят, как правило, страдают комплексом неполноценности. Они пытаются подбодрить себя рассказами о подвигах, которых не совершали. Они разрушают потому, что не умеют созидать. Не цените себя ни слишком высоко, ни слишком низко. Ясно отличайте работу, которая вам по силам, от той, что выше ваших сил. Со временем вы станете более опытным и умелым. Не теряйте веру в себя. И главное — не отзывайтесь о себе дурно. Ведь вам могут поверить.

Не торопитесь. Разжигая в печи огонь, вы сначала поджигаете лучину, с нее пламя перекидывается на сухой хворост. Когда пламя, набрав силу, вздымается вверх и начинает гудеть, вы отваживаетесь подбросить в печь полено. Если и оно в свою очередь загорается, вы отправляете вслед за ним второе. Потом третье — вот вы и разожгли огонь. А если бы вы сразу забросали вашу лучинку толстыми поленьями, она бы погасла. Так и в жизни. Вам надо выполнить какую-то работу? Сначала приготовьте все, что вам потребуется, — это лучина. Потом дайте себе время на разбег — это хворост. А уж потом настанет черед толстых поленьев. Иначе работа никогда не будет сделана...

Я испытал это на себе. Чтобы не оставить без средств к существованию многие семьи, я был вынужден заняться сельским хозяйством. Я обратился за помощью к специалистам. Чего только они мне ни насоветовали: купить целое стадо, разворотить все свои луга, вспахать землю. Дело не заладилось. Меня спасло то, что я зарабатывал на жизнь другим способом. Будь я только землевладельцем, я бы разорился. Почему? Потому что мои консультанты не имели терпения. Стадо увеличивается за счет естественного прироста, годами. Земля что живое существо. Не перегружайте ее сверх меры.

Не переусердствуйте с поленьями. И в любви, кстати, тоже. Если вы вступаете в брак в надежде тотчас зажечь в своей жене пылкую страсть, вы рискуете погасить искру любви. Конечно, если вы еще до свадьбы пылко любили друг друга, достаточно будет лишь поддерживать огонь. Но если брак ваш основан на дружбе, уважении, то несите к домашнему очагу хворост знаков внимания, хорошего настроения, общих вкусов. Постепенно пламя разгорится как следует, и вам можно будет не беспокоиться. Теперь все в порядке. Этого пламени уже не потушить и толстым поленьям страсти. Зажечь огонь в очаге, в любви или в работе — это искусство, требующее сноровки, внимания и терпения.

Подлинная жизнь

Вы спрашивали у меня совета, как вам строить жизнь. Я искренне хотел поделиться с вами своим опытом, но прошу вас не смешивать эти азы житейской мудрости с вещами гораздо более важными. Конечно, надо трудиться; наверное, нужно осознать свою принадлежность к определенному слою общества, что не помешает вам впоследствии стать выше этого; не стоит пренебрегать поддержкой религии; нужно участвовать в политической жизни, поскольку, если обществом не управлять, в нем восторжествует пагубная анархия. Все это верно, но главное — в ином.

Наедине с собой звездным летним вечером загляните себе в душу. Расставьте все по своим местам. Подумайте о тех, кто считает себя великими, о преуспевших и о сверхпреуспевших в жизни, о тех, кто сгибается под тяжестью реликвий и медалей. Вспомните, что под этой сверкающей мишурой, под этими крахмальными манишками всего лишь тела, такие же, как у вас. Да что я говорю? Совсем не такие. Ведь вы молоды, ваше тело стройно и мускулисто. А они старики; у них толстые животы и вялые мускулы; у них двойной подбородок и дряблая, морщинистая кожа.

Это не мешает иным из них обладать большим умом. Уважайте их возраст и заслуги, но не считайте, что они сделаны из другого, лучшего теста. По большей части они несчастны, недовольны жизнью и жалеют об утраченной юности. Как они ни умны, почти все они, опьяненные собственным напыщенным красноречием, одурманенные системами и отвлеченными понятиями, забыли о подлинной жизни, а это очень опасно. Если бы они не жили в призрачном мире, созданном их помутившимся разумом, если бы они окунулись в нелегкую повседневную жизнь бедных людей, они сплотились бы, чтобы перестроить мир. Но они полны честолюбия и обид, они разжигают никому не нужные конфликты. Сколько горя приносят они человечеству! Если бы они как следует представляли себе, как юноши бьются в агонии на залитых водой рисовых полях, задыхаются в болотах, они сделали бы все, чтобы предотвратить бессмысленные войны. Но их ослабшие глаза не видят, их уши не слышат. Сколько человеческой крови проливают эти люди!

Взгляните — подлинная жизнь рядом с вами. Она в цветах на лужайке; в ящерице, которая греется на солнышке у вас на балконе; в детях, которые с нежностью смотрят на мать; в целующихся влюбленных; во всех этих домишках, где люди пытаются работать, любить, веселиться. Нет ничего важнее этих скромных судеб. Их сумма и составляет человечество. Но людей так легко обмануть. Несколько туманных слов могут довести их до убийств, вражды, ненависти. Употребите всю власть, которой достигнете,

на то, чтобы вернуть их к подлинной жизни с ее немудреными радостями и привязанностями.

Да и сами живите подлинной жизнью, а не играйте трагикомическую роль, в которую не очень-то верите. «Жизнь слишком коротка, чтобы позволить себе прожить ее ничтожно».*

Заключение в форме диалога

— Ваши советы разумны, но я сильно сомневаюсь, что кто-нибудь им последует.

— Я их не только не навязывал, но даже не предлагал; их у меня попросили.

— Они подходят вашему возрасту, но не молодежи. «Советы стариков, как зимнее солнце—они светят, но не греют».

— Я и сам говорил, что в различные периоды жизни характер, пороки и добродетели человека меняются.

— Вы действительно это сказали, но тогда зачем советовать умеренность тому, кто находится в расцвете молодости? Откуда ему взять мудрость Марка Аврелия, если он кипит желаниями и энергией. Особенно в наше время. Вы не можете не знать, что являетесь современником битников, сердитых молодых людей, «черных курток» и «прово»*. На что им ваш стоицизм?

— Он мог бы стать их спасением... Впрочем, я обращался не к ним... Мой Луцилий, мой Натэниэл*, для которого я пишу, не из числа сердитых молодых людей... Встревоженный? Неуверенный? Пожалуй. Именно тревогу его я и пытался рассеять, говоря о вечном человеке.

— На что ему вечный человек? Он родился в страшное время, когда все рушится; он мучается тоской своей эпохи.

— Тоска не новость. Рене, Вертер, Адольф страдали «болезнью века». Кафка, Брукнер описали «болезнь юности»*. Всякий раз, когда после бурного периода революций и войн наступает относительное спокойствие и внешнее процветание, «дитя века» скупает. Не находя применения своим силам, молодежь разбивает витрины, поджигает автомобили...

— И бранит стариков.

— Ничего хорошего в этом нет. Да и нового тоже. На премьере «Эрнани» юные романтики освистывали лысых классиков и кричали: «Эй, вы, плешивые, но вас плачет гильотина!»

— Они по крайней мере не рвались к власти. Я видел по телевизору, как одна студентка из Амстердама заявила: «Пора отправить на пенсию всех, кто старше тридцати лет».

— Сумасшедшая девчонка. Ее товарищи резко протестовали: «Мы не хотим власти». И слава богу! Голландский народ и не

доверил бы им ее. Народная мудрость высоко ценит опыт. Секретарем коммунистической партии не может стать мальчишка.

— Французская революция доверила оружие молодым генералам...

— Но привел к власти Бонапарта старик, Сийес *

— Зато сам Бонапарт был молод и тем не менее поражал зрелых мужей своими познаниями и умом.

Что это доказывает? Что характер важнее, чем возраст. Достоинства не зависят от возраста. Да и сам возраст — понятие относительное. Бывают разочарованные во всем двадцатилетние старики; бывают восьмидесятилетние юноши, молодые душой и телом, полные замыслов.

— Надолго их не хватит.

— «Но время, черт возьми, не главное для дела».*

— Я прошу прощения у Мольера и у вас, но время, которым человек располагает, определяет его активность. Чтобы предпринять важные преобразования, надо иметь впереди годы.

— Или воспитать молодежь, способную продолжать начатое. Это-то я и пытался сделать, когда в меру моих скромных сил напоминал достойному юноше истины, которые я считаю непреходящими.

— Как могут истины не быть преходящими, когда все вокруг так быстро меняется? Один из ваших коллег сказал, что мы живем в эпоху, когда лейтенант образованнее полковника, потому что он учился позже, а за время, отделяющее годы его учения от того времени, когда получал образование полковник, в науке произошел переворот. Чего стоит *ваша* традиционная мораль, когда технический прогресс изменяет нравы? Как могут взаимоотношения полов остаться прежними, если последствия полового акта перестали быть необратимыми? Как может работа остаться долгом, если автоматизация делает ее лишней? Почему вы хотите, чтобы мораль в двухтысячном году была такой же, как в тысячном? Как молодежи не тревожиться, если она не видит выхода? Что вы ей предлагаете? Вы знаете, что она жаждет приключений. Долгое время ее кумирами были капитаны, путешественники, первооткрыватели; позже мальчишки стали бредить авиацией; еще позже космосом. Но в космос всех не возьмешь. Самого большого бюджета в мире едва хватает, чтобы послать туда пару десятков человек. Что же остается молодежи? Драка и за неимением лучшего бессмысленные и отчаянные бунты.

— Я не согласен с вами. В мире всегда будут приключения для молодежи, которая их достойна. Просто это будут другие приключения. Вы жалеете, что не осталось неоткрытых земель; есть «открытые» земли, о которых мы почти ничего не знаем. Морское дно ждет своих пионеров. А также область наук и искусств.

Многое уже открыто? Да, но еще больше остается открыть. Много уже написано? Да, но еще больше остается написать. Организовать дом культуры, научно-исследовательское общество, народный театр—разве это не приключение? Снять в двадцать пять лет, без гроша в кармане, лучший в мире фильм—разве это не приключение? Перестаньте твердить молодежи, что она несчастна; она сделает все необходимое, чтобы стать счастливой. «Лучше, — учил Спиноза, — беседовать с человеком о его свободе, чем о его рабстве». Это особенно справедливо по отношению к человеку молодому, и именно об этом моя книга.

КОММЕНТАРИИ

ВО ЧТО Я ВЕРЮ

Эссе «Во что я верю» опубликовано в Париже в 1951 г. издательством «Грассе». На русском языке публикуется впервые.

К стр. 24

Леконт дю Нуи, Пьер (1883—1947) — французский биолог.

К стр. 25

«Христианство совершило переворот... Распятие Христа затрагивает каждого из нас...» (*Андре Мальро*). — Цитата из мемуарного произведения «Орешники Альтенбурга» (изд. в 1948 г.) Андре Мальро (1901—1976).

Ален (наст. имя Эмиль Огюст Шартье, 1868—1951) — французский философ и литературовед, оказавший огромное влияние на мировоззрение Моруа. Основное произведение — «Суждения» (опубл. в 1956 г.).

К стр. 31

Боссюэ убаюкивает саму смерть мерным покачиванием своих долгих периодов. — Речь идет об устных проповедях и «Надгробных речах» (1669) Боссюэ (Жак Бенинь, 1627—1704); стиль этих произведений считается образцом ораторского искусства.

К с. 32

Валери, не испытавший безысходной тоски Паскаля, не понимал и величия его творений... — Мировоззрение Валери (Поль, 1871—1945) противоположно философской концепции Паскаля (Блез, 1623—1662). Валери терзает мыслью о трагическом бессилии человеческого разума проникнуть в сущность вещей. Паскаль видит трагедию человека в изначальной противоречивости его сущности: могуществу его разума, способного к познанию мира, противопоставит ничтожество его природы, неспособной победить страсти и страдания.

ТРАГЕДИЯ ФРАНЦИИ

«Трагедия Франции» написана в 1940 году и в том же году опубликована на французском и английском языках в Нью-Йорке издательством «Мэзон Франсез», предпринявшим выпуск серии «Голоса Франции». Книга Моруа была первой в этой серии. В русском переводе вошла в сборник: Андре Симон, Гордон Уотерфилд, Андре Моруа, Андре Жиро (Пертинакс), Жюль Ромен. О тех, кто предал Францию. М., Гослитиздат, 1941. В настоящем издании читателю предлагается новый перевод.

К с. 35

Франсуа-Поте, Андре (1887—1978) — французский дипломат и литератор, посол Франции в Германии (с 1931 г.), потом в Италии (с 1938 г.). Проводил линию на сближение Франции с этими фашистскими странами.

К с. 36

Они (поляки) шли на сближение с Германией. — Речь идет о «доктрине Бека» (министра иностранных дел Польши) — «не вступать ни в какие соглашения с одним своим сильным соседом против другого, то есть ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии». На деле польским правительством велись с Германией полуофициальные переговоры.

Гитлер... нарушив Локарнские договоры, вводит свои войска в Рейнскую область... — 7 марта 1936 г. Германия односторонним актом расторгла Локарнские договоры, заключенные 1 декабря 1925 г., и ввела в демилитаризованную зону свои войска.

К с. 37

...визит британского премьер-министра в Берхтесгаден... — 15 сентября 1938 г. в преддверии Мюнхенского соглашения Чемберлен встретился с Гитлером в Берхтесгадене (город в Баварии, в окрестностях которого находилась резиденция канцлера рейха).

Кэ д'Орсе — на Кэ (набережной) д'Орсе в Париже находится министерство иностранных дел Франции.

Когда я прибыл в Годесберг на вторую встречу... — вторая встреча Чемберлена с Гитлером произошла в Годесберге 22—23 сентября 1938 г., обсуждались новые жесткие требования Германии по отношению к Чехословакии, которые позже в Мюнхене были навязаны чехословацкой делегации.

К с. 39

...англичане... не введут воинскую повинность... — В мирное время военные силы Великобритании формировались вербовкой добровольцев, воинская повинность вводилась только в военное время.

Бонне, Жорж (1889—1972) — французский политический деятель; в 1938—1939 гг. — министр иностранных дел, с начала войны до марта 1940 г. — министр юстиции. Странник мюнхенской политики.

Гамелен, Морис Гюстав (1872—1958) — французский армейский генерал; во второй мировой войне до мая 1940 г. — главнокомандующий сухопутными союзными войсками во Франции; 19 мая 1940 г. из-за катастрофиче-

ского провала его плана кампании заменен генералом Вейганом, после заключения перемирия арестован и интернирован.

К с. 41

...я требую, чтобы поляки отдали немцам Данциг и «польский коридор»... — По Версальскому мирному договору (1919), Данциг получил права «вольного города» под управлением комиссара Лиги Наций и при польском управлении его внешней политикой. Польше была передана узкая полоса территории, соединяющая ее с Данцигом. В 30-е годы Гитлер заявил о претензиях Германии на эту «исконно немецкую» территорию; политика «умиротворения» включала удовлетворение этих требований Гитлера.

К с. 42

Лоррен, Перси — в 1939 г. посол Великобритании в Италии.

Галифакс, Эдуард Фредерик Вуд (1881—1959) — британский политический деятель, консерватор; сторонник соглашения с Гитлером. Выйдя в отставку (1946), опубликовал мемуары в защиту «политики умиротворения агрессора».

К с. 44

...после нападения итальянцев на Абиссинию Англия... не применила к Италии ни экономических, ни финансовых санкций... — После нападения Италии на Эфиопию (Абиссинию) 2 октября 1935 г. СССР призвал Лигу Наций применить против агрессора экономические санкции. Англия активно выступила против этого. В декабре 1935 г. Англией и Францией подписано соглашение, позволившее Муссолини завершить захват Эфиопии.

К с. 45

...я описал их в своей первой книге... — Имеется в виду роман А. Моруа «Молчаливый полковник Брембл» (1917).

Горт, Джон Стендиш Веркер (1886—1946) — маршал, начальник британского имперского штаба, главнокомандующий британского экспедиционного корпуса во Франции в 1939—1940 гг.

К с. 46

Жиро, Анри (1879—1949) — французский генерал.

К с. 48

...книга генерала Шовино «Возможно ли в наши дни вторжение?» — Автор книги (вышла во Франции в начале 1939 г. с предисловием Петена) утверждал, что на «линии Мажино» можно будет «удерживать германскую армию в течение трех лет».

Роттердам — это последнее легкое Германии... — В 1939—1940 гг., во время экономической блокады Германии, Роттердам (Голландия) оставался единственным центром, через который Германия поддерживала торговлю с другими странами.

К с. 49

Шевалье, Морис (1888—1972) — в 30-е годы популярный во всем мире французский шансонье.

К с. 50

«*Томми*» — прозвище солдат английских колониальных войск, а с первой мировой войны и солдат экспедиционных войск.

К с. 53

Дотри, Рауль (1880—1951) — французский инженер; в 1939—1940 гг. — министр вооружений; в 1944—1945 гг. — министр восстановления и градостроительства.

К с. 56

Лиоте, Пьер (р. в 1893 г.) — известный французский публицист, автор многочисленных работ о второй мировой войне.

К с. 57

В день коронации короля Георга VI в Вестминстерском аббатстве... — Георг VI (1895—1952), король Великобритании, короновался в 1936 г.

К с. 58

«*война двух Эдуардов*» — имеется в виду ссора Даладье (Эдуард, 1884—1970) с Эррио (Эдуард, 1872—1957) в 1933 г., когда Эррио, противник «пакта четырех», повел против Даладье яростную публичную кампанию и в конце концов добился отказа Франции от ратификации пакта.

Тристан Бернар... «*Троеручка*» — имя героя комедии «Троеручка» (1905) Тристана (наст. имя Бернар, Поль, 1866—1947) стало нарицательным для обозначения нерешительного, слабохарактерного человека. Даладье получил такое прозвище за политическую неустойчивость.

К с. 59

...«*человек, который хочет стать королем*»... — *Новелла* из сборника «Простые рассказы с гор» (1888) Р. Киплинга называется «Человек, который захотел стать королем».

К с. 61

В битве на Марне... — Имеется в виду битва, происшедшая 6—12 сентября 1914 г., когда французский главнокомандующий Жоффри и военный генерал-губернатор Парижа Гальени, воспользовавшись заминкой в немецком наступлении, осуществили двойной захват немцев с флангов (не путать с Марнским сражением 1918 г.!).

К с. 62

Потом разговор зашел о Французской академии и академическом словаре — Основная задача Французской академии (состав ее постоянный — «40 бессмертных» деятелей культуры, науки и политики) — совершенствование французского языка, издание толкового словаря французского языка.

«Пуалю» (бука смельчак, храбрец) — прозвище французских солдат во время первой мировой войны.

Жорж, Жозеф (1870—1951) — французский генерал; в 1939 г. — командующий французскими войсками на северо-востоке.

К с. 63

...вопрос о Бельгии. — Бельгия и Голландия, опасаясь Англии и Франции не меньше, чем Германии, не давали согласия на проход англо-французских войск через свою территорию к германской границе. Поэтому ничто не помешало немецким войскам вторгнуться на территорию этих государств 10 мая 1940 г.

Сражение при Нарвике... — Победа английского флота над немецким у порта Нарвик (Норвегия) 10 апреля 1940 г.

К с. 64

Дела в Норвегии шли неважно. — Имеется в виду вывод войск союзников из Норвегии и капитуляция норвежской армии (10 июня 1940 г.).

К с. 65

Ногес, Шарль (1876—1971) — французский генерал; после перемирия — на службе у Петена.

К с. 66

Хюнтцигер, Шарль (1880—1941) — французский генерал; принял перемирие и был военным министром в правительстве Петена.

Вейган, Максим (1867—1965) — французский армейский генерал; 19 мая 1940 г. назначен главнокомандующим всеми союзными войсками (вместо смещенного Гамелена — см. коммент. к с. 39); один из виновников капитуляции Франции.

Франше д'Эсперэ, Луи (1856—1942) — французский маршал в первой мировой войне.

В лице Петена он (Рейно) обрел судьбу... — Петен, став преемником Рейно на посту премьер-министра (16 июня 1940 г.) и заключив перемирие с гитлеровской Германией, начал в 1941 г. по требованию Гитлера процесс над Рейно, Даладье, Блюмом и другими министрами Третьей республики, которых обвинил в поражении Франции. Однако процесс пошел в нежелательном для Гитлера и Петена направлении и был «приостановлен».

К с. 68

...англо-французский конфликт в Судане... — В 1898 г. конфликт из-за Фашоды (юго-восточный Судан) между французами и англичанами едва не привел к войне.

...восстание Абд Аль-Керима. — Абд Аль-Керим (1881 или 1882—1963), президент республики Риф (1921—1926), образованной в испанской зоне Марокко рифскими племенами в результате борьбы за национальную независимость.

К с. 80

Мартель, Тьерри де (1876—1940) — французский хирург, один из основателей французской школы нейрохирургии.

К с. 81

...в 1904 году Делькассе... добился создания Антанты... — Деятельность министра иностранных дел Франции Теофиля Делькассе (1852—1923), направленная на укрепление связей Франции с другими европейскими государствами, привела к заключению в Лондоне 8 марта 1904 г. англо-французского соглашения («сердечное согласие»), положившего начало Антанте.

К с. 82

После заключения перемирия... — Компьенским перемирием (11 ноября 1918 г.) закончились военные действия в первой мировой войне.

К с. 83

...когда в правительство вошли лейбористы. — Имеется в виду правительственный кризис в Англии 7—8 мая 1940 г., явившийся результатом провала союзников в Норвегии (Чемберлен подал в отставку). Новое коалиционное правительство (лейбористы, либералы, консервативная оппозиция) возглавил Уинстон Черчилль (1874—1965).

К с. 84

Случившееся с «Графом Шпее» и «Альтмарком», а также сражение при Нарвике... — Немецкий броненосец «Граф Шпее», крейсировавший в Индийском океане и в Южной Атлантике, в декабре 1939 г. был подбит тремя английскими крейсерами и, не получив убежища в Уругвае, затоплен по приказу командира в устье Ла-Платы; команда (тысяча человек) была интернирована, командир застрелился. Эпизод с немецким пароходом «Альтмарк» относится к 16 февраля 1940 г.: британские ВМС успешно атаковали его в норвежских территориальных водах. О сражении при Нарвике см. коммент. к с. 63.

К с. 87

Ллойд, Джордж Амбруз (1879—1941) — британский политический деятель и администратор, консерватор

Николсон, Гарольд — английский писатель, принадлежавший к кругу Вирджинии Вулф.

К с. 91

...в Турени... последняя встреча Рейно и Черчилля. — Имеется в виду состоявшееся 13 июня 1940 г. в Туре совещание Рейно и Черчилля, на котором Рейно от имени своего правительства пытался выяснить отношение Англии к возможности заключения Францией сепаратного перемирия и натолкнулся на решимость английского правительства продолжать борьбу.

Потом он заговорил о флоте. Этот вопрос волновал всех англичан. — Настаивая на перемирии, Петен клялся правительству, что будут приняты толь-

ко почетные условия, что во имя чести Франции французский флот не будет выдан противнику. Этот вопрос особенно волновал союзную Англию, которая опасалась использования Гитлером французских военных кораблей в дальнейшей войне.

Уинстон Черчилль... предложил слить обе державы в одну... с французом во главе. — 16 июня 1940 г. Черчилль предложил проект объединения Великобритании и Франции — с объединением обоих парламентов, единой внешней, финансовой и экономической политикой, единым гражданством, объединенными ресурсами, совместными органами борьбы. Кандидатом на пост премьер-министра франко-британского союза называли Рейно. Но английское предложение запоздало: в этот день, не получив поддержки своей позиции у большинства кабинета, Рейно подал в отставку, а новый премьер Петен тотчас же запросил перемирия.

К с. 93

Лоуэлловские чтения (или Лоуэлловский институт) — учреждены американским филантропом коммерсантом Джоном Лоуэллом (1799—1836), основавшим фонд для субсидирования лекций по философии, естественной истории, искусству и наукам; происходят в Бостоне.

... я узнал... печальную новость о сражении в Оране. — Хотя по Компьенскому соглашению 1940 г. Германия обязывалась не использовать французский военный флот, Англия справедливо не доверяла этим обязательствам. 3—4 июля 1940 г. английские военные суда подошли к Орану, Мерс-эль-Кебиру и другим французским портам в Алжире, где была сосредоточена часть французского военного флота, и потребовали сдачи. Получив отказ, англичане открыли огонь по французским кораблям. Часть их была потоплена, а другие выведены из строя.

К с. 94

Монтескье сказал, что демократический строй зиждется на добродетели. — Монтескье в сочинении «О духе законов» (1748) делит все возможные государственные устройства на три группы, в соответствии с основными принципами управления. Принципом демократии, считает он, является добродетель, так как гражданами руководит чувство любви к отечеству и равенству; принципом монархии является честь; принципом деспотии — страх.

К с. 95

Разве раскол в вашей стране начался не в 1793 году? — Собеседник Моруа предполагает, что партийная борьба первых лет Французской революции, в период якобинской диктатуры (1793—1794) принявшая форму революционного и контрреволюционного террора, наложила свой отпечаток на всю дальнейшую жизнь страны.

К с. 96

...после конференции в Стрезе... — На конференции в Стрезе по вопросу о нарушении Германией Версальского договора (11—14 апреля 1935 г.) Англией, Францией и Италией была принята декларация, провозгласившая независимость и неприкосновенность Австрии. Но уже в январе

1936 г. Муссолини поощрил Гитлера на вмешательство во внутреннюю политику Австрии и принудил австрийское правительство принять это вмешательство; в марте 1938 г. Германия оккупировала Австрию.

К с. 97

За плечами у нее — Вальми и Аустерлиц. — Вальми — деревня в департаменте Марна, где 20 сентября 1792 г. французская революционная армия одержала первую победу над интервентами. 2 декабря 1805 г. армия Наполеона одержала под Аустерлицем блестящую победу над русско-австрийскими войсками

К с. 98

Закон, давший британскому правительству полномочия ... был принят английским парламентом за несколько минут. — 22 мая 1940 г. английский парламент принял беспрецедентный «акт о чрезвычайных полномочиях 1940 года», по которому правительству предоставлялось право мобилизовать любых лиц, всякую собственность и все финансовые ресурсы королевства; оно получало полный контроль над промышленностью.

К с. 100

Теории Руссо ... породили террор, а террор двадцать лет спустя привел к реставрации Бурбонов и белому террору. — Идеи Жана Жака Руссо (1712—1778) нашли свое воплощение в документах Великой Французской буржуазной революции: в Декларации прав человека и гражданина, в Конституции 1793 г. Мысль Руссо о диктатуре (см. «Об общественном договоре...» 1762 г.) предвосхищала практику якобинской диктатуры, практику террора. Первая реставрация Бурбонов — апрель 1814 г.; белый террор начался после второй реставрации Бурбонов, в 1815 г.

К с. 101

Гладстон ненавидел Дизраэли, а Дизраэли не любил Пиль... — Гладстон, Уильям Юарт (1809—1898) — лидер Либеральной партии, премьер-министр в 1868—1874, 1880—1885, 1886, 1892—1894. Либералам оппонировали консерваторы во главе с Дизраэли (Бенджамин, 1804—1881; премьер-министр в 1868 и 1874—1880). Пиль, Роберт (1788—1850) — премьер-министр Великобритании в 1834—1835 и 1841—1846 г.

НАДЕЖДЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Книга «Надежды и воспоминания» издана на французском языке издательством «Мэзон Франсез» в Нью-Йорке в 1943 г. На русском языке публикуется впервые.

К с. 105

Общества оказания помощи Франции — общественные организации, создававшиеся в США совместно французами, уехавшими из Франции во время оккупации, и американскими гражданами.

К с. 107

...что написал... Роже Мартен дю Гар... — Из писем Мартена дю Гар Флорану Маргаритису (опубл. в 1959 г.).

К с. 108

Морган, Анна (1873—1952) — вместе со своим братом Джоном Морганом, американским финансистом, занималась филантропической деятельностью. Отдала свое огромное состояние на нужды пострадавших в годы первой и второй мировых войн.

Флерюс и Вальми — славные даты в истории французского оружия: во время войны революционной Франции против 1-й антифранцузской коалиции французские войска одержали победу при Вальми (см. коммент. к с. 97) и при Флерюсе (бельгийское селение, 26 июня 1794 г.).

К с. 109

...в 1917 году, после выхода русских из войны, нашей союзницей стала Америка. — Военные действия на русском фронте прекратились в ноябре 1917 г., с началом переговоров в Брест-Литовске, однако мирный договор между Советской Россией и Германией был подписан и ратифицирован лишь в марте 1918 г. США вступили в войну значительно раньше — 3 апреля 1917 г.

К с. 110

...пленниками врага оказывались французские короли или императоры: Людовик Святой в 1250 году попал в плен к туркам... — В 1250 г., во время Седьмого крестового похода, возглавлявший его Людовик IX (1214—1270, король с 1226) был взят в плен султаном Муаззамом туран-шахом; вскоре он выкупился из плена за огромную по тем временам сумму — 200 тыс. ливров. В середине XIV в. был канонизирован католической церковью.

...Иоанн II Добрый в 1356 году — к англичанам... — В битве при Пуатье (1356 г.), одном из наиболее значительных сражений Столетней войны, французское войско было разбито, а король Иоанн (1319—1364, король с 1350) взят в плен и увезен в Лондон; умер пленником в 1364 г.

...Франциск I в 1515 году — к испанцам... — Франциск I (1494—1547, король с 1515) потерпел поражение от императора Карла IV, короля Испании, в битве при Павии (1515) и попал в плен. В письме из плена он написал свою знаменитую фразу: «Все потеряно, кроме чести».

...Наполеон III в 1870 году — к немцам. — В начале франко-прусской войны (1870—1871) Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873, император в 1852—1870) принял на себя звание главнокомандующего и 1 сентября 1870 г., после Седанского сражения, закончившегося поражением французов, сдался в плен вместе с основными силами французской армии. 4 сентября он был низложен, и во Франции провозглашена республика.

К с. 111

...по большей части мирными средствами, Франция создала богатую и цветущую колониальную империю. — Моруа здесь очень смягчает историю: в конце XIX в. Франция вела энергичную колониальную экспансию, при этом значительная часть французских колоний присоединялась к метрополии

и удерживалась военной силой (военная экспедиция в Тунис — 1881 г., военная экспедиция на Мадагаскар — 1883 г., в Индокитае — 1883 и его аннексия в 1896 г., оккупация Фашоды — 1898 г. и т.д.).

К с. 112

...потомки тех, кто сражался при Вальми и Ваграме... — Вальми — см. коммент. к с. 97; в битве при Ваграме (селение в Австрии, 5–6 июля 1809 г.) наполеоновские войска одержали победу над австрийцами.

К с. 113

Институт Франции — организован в США в 1911 г., занимается исследованиями в области французской культуры.

К с. 114

...любоваться на улице Ля Боэси полотнами Вюйяра или Боннара... — В нижних этажах домов на улице Ля Боэси в Париже располагались художественные салоны. Вюйяр, Эдуард (1868—1940), Боннар, Пьер (1867—1947) — французские художники-постимпрессионисты.

Орден Белого Орла — польский орден, учрежден в 1325 г.

«Записки» Бассомпьера — Бассомпьер, Франсуа де (1579—1646) — французский маршал и дипломат. По приказу Ришелье был заключен в Бастилию, где провел 12 лет (с 1631 по 1643 г.); там и написаны «Записки».

Водуайе, Жан Луи (1883—1963), *Жалу, Эдмон* (1878—1949), *Колет, Габриель Сидони* (1873—1954) — французские писатели.

У Мопассана есть рассказ о двух парижанах, господине Соваже и господине Мориссо. — Рассказ «Два приятеля», опубликован в газете «Жиль Блаз» 5 февраля 1883 г.

К с. 115

Маршал Лиоте... который основал за свою жизнь двадцать семь городов и одну империю. — Лиоте, Луи Юбер (1854—1934) — маршал Франции с 1921 г.; принял участие в колониальных войнах Франции в Индокитае, на Мадагаскаре, в Северной Африке. В 1912—1925 гг., создав в Марокко протекторат Франции и будучи его верховным комиссаром, осуществлял там строительство первой в стране железной дороги и ряда городов. Восстание рифов в 1925 г. привело к его отставке. Моруа посетил Лиоте в Марокко, а в 1931 г. вышла его книга «Лиоте», в которой образ маршала несколько идеализирован.

Грассе, Бернар (1881—1955) — известный французский издатель, сыгравший важную роль в литературной жизни Франции; автор критических эссе.

К с. 116

...чистый огонь вечной Франции, хранимый «Марсельезой» Рюда. — Рюд, Франсуа (1784—1855) — французский скульптор, автор одного из барельефов Триумфальной арки; этот барельеф называют «Марсельезой из камня».

К с. 117

...разыгрывается мистерия Страстей Господних. — В 1937 г. в Париже была поставлена «Мистерия Страстей Господних» средневекового поэта Арнуля Гребана (ок. 1420 — ок. 1471).

Пеги, Шарль (1873—1914) — французский поэт и публицист, автор поэм, стилизованных в духе средневековых мистерий. В начале первой мировой войны добровольно ушел на фронт и погиб в бою.

К с. 118

...Жироду написал прекраснейшую из своих трагедий... — имеется в виду трагедия «Безумная из Шайо» (поставлена и издана в 1945 г.).

...Пуленк создал балет по мотивам басен Лафонтена... — балет «Примерные животные» (поставлен «Гранд-Опера» в 1942 г.) французского композитора Франсиса Пуленка (1899—1963).

К с. 120

Свобода и Единство, теперь и навсегда, единые и нераздельные. — Слова из речи, произнесенной 26 января 1830 г. в Сенате американским политическим деятелем Дэниэлом Уэбстером (1782—1852).

ГОЛЫЕ ФАКТЫ

«Голые факты» — памятные записи, которые А. Моруа вел с 1927 по 1962 г.; изданы в Париже в 1963 г. издательством «Галлимар». На русском языке публикуются впервые.

К с. 121

Гуро, Анри Эжен (1867—1946) — французский генерал, служил в колониальных войсках, в 1912 г. был помощником Лиоте в Марокко; в 1923—1937 гг. — губернатор Парижа.

К с. 122

Я сам был... в стрелковых частях на Сиди-Брахиме... — В 1845 г., 23—25 сентября, на Сиди-Брахиме (Алжир) произошло сражение между французскими стрелками и войсками эмира Абд Эль-Кадера — одно из последних сражений войны в Алжире, закончившейся покорением Алжира. Годовщину этого сражения французские стрелки отмечают как свой традиционный праздник, устраивается военный парад.

К с. 123

Буйссон, Фернан (1874—1959) — французский политический деятель, социалист; в 1928—1936 гг. — председатель палаты депутатов.

Тома, Альбер (1878—1932) — французский политический деятель, социалист; в 1929—1932 гг. — президент Международного бюро труда.

Международное бюро труда — автономный орган при Лиге Наций; его организация была предусмотрена уставом Лиги Наций, одобренным Парижской мирной конференцией в 1919 г.

Бертло, Пьер Эжен Марселен (1827—1907) — французский химик, считал науку главной движущей силой общества. Был также и государственным деятелем: с 1881 г. до конца жизни — сенатор, в 1886—1887 гг. — министр просвещения, в 1895—1896 гг. — министр иностранных дел.

К с. 124

Думер, Поль (1857—1932) — государственный деятель Франции, председатель сената в 1927 г., президент республики в 1931—1932 гг. (застрелен 6 мая 1932 г. террористом). В 1914 г. был председателем палаты депутатов.

Гальени, Жозеф (1849—1916) — в 1914 г. военный генерал-губернатор Парижа.

К с. 125

Клоц, Луи Люсьен — один из буржуазных политических деятелей Третьей республики; в 1919 г. вошел в состав французской делегации на Парижской мирной конференции.

...*Лига Наций не является действенным инструментом.* — Устав Лиги Наций был составлен таким образом, что допускал бесконечные дискуссии даже в случаях, требовавших действительных мер. Лига Наций «пропитана вся насковзь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 241).

К с. 126

...*чепуха в духе папаша Юбю.* — Папаша Юбю — герой сатирической комедии французского писателя Альфреда Жарри (1873—1907) «Юбю-король», воплощение буржуазного тупоумия.

К с. 127

Думерг, Гастон (1863—1937) — французский государственный деятель, премьер-министр в 1913—1914 гг. и в 1934 г., председатель Сената в 1923 г., президент Республики в 1924—1931 гг.

К с. 128

Унамуно, Мигель де (1864—1936) — испанский писатель, философ; в 1924 г., после установления диктатуры Примо де Риверы, был выслан на Канарские острова, бежал оттуда во Францию. В 1930 г. вернулся на родину, был депутатом кортесов (1931—1933). Заявил о своем осуждении фашистского мятежа Франко и в 1936 г. был отстранен от всех должностей.

К с. 129

Дежарден, Эрнест (1853—1948) — французский историк.

Ружон, Анри (1853—1914) — постоянный секретарь Академии изящных искусств, автор критических этюдов.

Лами, Этьен (1845—1919) — французский политический деятель, католик, автор трудов на исторические и политические темы.

К с. 130

«Тетради» Поля Валери — изданы посмертно.

Оронт, Филипп, Альцест — персонажи комедии Мольера «Мизантроп» (пост. в 1666 г., изд. в 1667 г.).

Пиранделло, Луиджи (1867—1936) — итальянский писатель; «Шесть персонажей в поисках автора» — 1921 г.

К с. 132

Даби, Эжен (1898—1936) — французский писатель, романист. «Отель дю Нор» — 1929 г.

К с. 133

«*Люди доброй воли*» (1932—1946) — многотомная эпопея Жюль Ромена (наст. имя Луи Фаригуль, 1885—1972), изображающая жизнь Франции в 1908—1933 гг.

Миль, Пьер (1864—1941) — французский романист, фантаст; путешественник.

К с. 134

Не смею назвать Египет... — До 1914 г. Египет был частью Османской империи (находясь под британским контролем); в 1914 г. стал британским протекторатом, а в 1922 г. была объявлена независимость Египта (Встреча Моруа с Франсом происходит в 1923 г.).

«*Таис*» — роман А. Франса 1890 г.

«*Диалоги о командовании*» — эссе А. Моруа 1924 г.

...когда он (Наполеон) давал свои указания насчет рекрутов «*Марии-Луизы*»... — «*Марии-Луизы*» — так прозвали во Франции новобранцев призыва 1813 и 1814 гг.; к этому времени страна была настолько истощена наполеоновскими войнами, что в армию забрали безусых юнцов, подлежащих призыву лишь через несколько лет.

К с. 136

...панамская авантюра унесла целое поколение... — многие деятели Третьей республики были вынуждены прервать свои карьеры после жульнической аферы «Панама» (1879 г.).

Дююи, Шарль (1851—1923) — французский политический деятель, премьер-министр в 1892, 1894—1895, 1898—1899 гг., председатель палаты депутатов в 1893—1894 гг.; сенатор в 1900—1923 гг.

Барту, Луи (1862—1934) — французский политический деятель, сторонник франко-советского сотрудничества. 9 октября 1934 г. был убит в Марселе вместе с королем Югославии Александром I.

Дю Бо, Шарль (1882—1939) — французский эссеист; отличительной чертой творчества является глубокий психоанализ. В 1927 г. обратился к католицизму. Его «Дневник» (который он вел с 1908 г., издан посмертно в 1946—1957 гг.) проникнут мистицизмом.

К с. 138

Кайо, Жозеф (1863—1944) — французский политический деятель, радикал.

Мандель, Жорж (1885—1944) — французский политический деятель, соратник Клемансо.

Эстонье, Эдуард (1862—1942) — французский писатель, романист; инженер по образованию.

К с. 139

Рец, Поль де Гонди (1613—1679) — кардинал, французский писатель и политический деятель, один из вождей Фронды.

«*Оценщик души*» — новелла А. Моруа 1931 г.

К с. 140

«*Машина для чтения мыслей*» — сборник фантастических новелл А. Моруа 1937 г.

К с. 141

Оба мы росли... во времена Анатоля Франса и Мориса Барреса, жили под оком варваров, возделывали сад Беренисы. — Моруа напоминает о произведениях «Под оком варваров» (1887) и «Сад Беренисы» (1891) — романах из трилогии «Культ Я» Мориса Барреса (1862—1923).

...*Лакордер с полотна Шассерио...* — Моруа имеет в виду «Портрет Лакордера», принадлежащий кисти французского живописца Теодора Шассерио (1819—1856).

К с. 142

Фаррер, Клод (наст. имя Фредерик Баргон, 1876—1957) — французский писатель; участник первой мировой войны, моряк.

«*Climats*» — роман А. Моруа 1928 г.

К с. 143

Секваны — одно из крупнейших племен, живших по берегам реки Сены (Секваны).

Нёвё, Пол (1865—1939) — романист, член Гонкуровской академии; писал главным образом о деревне.

Шоме, Андре. (1874—1955) — французский критик и публицист.

Жерар, Гастон — французский политический деятель, правый радикал, представитель крупного капитала; участвовал в Народном фронте.

К с. 145

...*Робеспьер погубил себя именно так, в день празднества Верховного Существа.* — В последний период якобинской диктатуры (май-июль 1794 г.) Максимилиан Робеспьер активно пытался внедрить во Франции так называемый «культ Верховного Существа», идея которого была почерпнута им у Жана Жака Руссо. Этот культ противопоставлялся как «фанатизму», то есть католической религии, так и «аристократическому атеизму», то

есть культу Разума. Проповедь нового культа не имела успеха в народе и прекратилась сразу же после 9 термидора.

Эррио, видимо, имеет в виду эпизод на празднике в честь Верховного Существа 8 июня на Марсовом поле и в Тюильрийском саду. Во время шествия Робеспьер оказался во главе его, на несколько шагов впереди остальных. В политической символике того времени это означало претензию на единоличную власть, на тиранию, то есть то, в чем обвиняли Робеспьера 8—10 термидора, всего месяц с небольшим спустя. Некоторые исследователи считают, что ситуация с шествием была искусственно организована тайными врагами Робеспьера, чтобы подорвать его авторитет.

К с. 146

Агреже — ученая степень во Франции, дающая право преподавать в лицах и университетах.

Леже, Алекс (наст. имя Сен-Жон Перс, 1887—1975) — французский поэт, один из крупнейших поэтов Движения Сопротивления; дипломат.

К с. 146—147

«Пелеас и Мелисанда» (1892); *«Синяя птица»* (1908) — драмы Метерлинка (Морис, 1862—1949); *«Сокровище смиренных»* (1896) — сборник его эссе.

К с. 150

В основу знаменитой легенды о священнике Иоанне... — очевидно, имеются в виду рассказы хронистов XII—XIII вв. о существующем будто бы где-то в Азии обширном христианском царстве, управляемом государем-пресвитером Иоанном. «Царство пресвитера Иоанна» помещали то где-то «за Индией», то в Тибете, то в Средней Азии: Видимо, в основе легенды действительно лежат успехи несторианской проповеди в Центральной Азии.

К с. 151

Леру, Гастон (1868—1927) — журналист и писатель, автор детективных романов.

Леблан, Морис (1864—1941) — писатель, автор многочисленных психологических и детективных романов.

К с. 152

Тор — один из главных богов скандинавской мифологии, бог грома, бури и плодородия.

К с. 154

«Кнок»-«Кнок, или Триумф медицины» — комедия Жюль Ромена (1923).

«Асмодей» — драма Ф. Мориака (1938).

«Горащий» — трагедия П. Корнеля (1640).

К с. 155

«Гофолия» — трагедия Ж. Расина (1691).

«Игра любви и случая» — комедия П. Мариво (1730).

Вальтер, Бруно (наст. фам. Шлезингер, 1876—1962) — немецкий дирижер; в 1933 г. эмигрировал, с 1939 г. — в США.

«*Похищение из сераля*» — опера Моцарта (1782).

«*Блаженные да умут*» — одноактная пьеса, инсценировка пословицы; вышла в издательстве «Ля табль ронд» в 1955 г.

К с. 156

Сосьетер — член общества «Комеди Франсез», объединения французских актеров, в функции которого входит забота о сохранении традиций французского театра и расширении его репертуара, а также материальная поддержка членов общества (между ними распределяется часть доходов).

К с. 157

Кемп, Робер (1879—1959) — французский литературный и театральный критик, с 1944 г. вел раздел критики в «Монд».

Одиберти, Жак (1899—1966) — французский поэт, прозаик, драматург; авангардист. Пьеса «Чесотка» — 1961 г.

...как на премьере «*Эрнани*»... — Постановка драмы В. Гюго «*Эрнани*» в феврале 1830 г. вызвала знаменитую «битву романтиков с классиками».

Гарсон, Морис (1889—1967) — французский юрист, адвокат; автор работ по истории юриспруденции.

К с. 158

Маршал де Тюренн — Тюренн, Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), французский маршал.

Пьеса «*Смеиные жеманницы*» Мольера — поставлена в 1659 г., издана в 1660 г.

К с. 159

«*Блистательные любовники*» Мольера (1670) — придворная комедия-балет; король Людовик XIV играл в ней две роли: Аполлона и Нептуна.

Эдуард Эррио и *Франсуа-Понсе* — помимо политики занимались литературой, оба члены Французской академии. *Робер д'Аркур* и *Пьер Бенуа* (1886—1962) — французские писатели, члены Французской академии.

К с. 160

Леон Берар, бывший председателем в момент смерти Жерома Таро, имеет право приветствовать его преемника... — каждое из пяти отделений Французской академии имеет постоянное число членов; новый академик может быть избран только после смерти одного из них.

«*Адская машина*» — пьеса Кокто (Жан, 1889—1963), трактующая миф об Эдипе (1934).

Берар, Кристиан (1902—1949) — французский художник, портретист, известный театральный декоратор.

Амбриер, Френсис (р. 1907) — французский романист и театральный критик; лауреат Гонкуровской премии 1940 г.

К с. 161

Анрио, Эмиль (1889—1961) — французский писатель, критик и романист.

Бийи, Андре (1882—1971) — французский писатель и литературовед.

Марсель Пруст, «Против Сент-Бёва» — статья 1954 г.

К с. 162

Полан, Жан (1884—1968) — французский писатель, критик, эссеист, языковед.

«Моби Дик, или Белый кит» (1851) — роман Германа Мелвилла (1819—1891).

«Лорд Джим» (1900) — роман Джозефа Конрада (1857—1924).

Китс, Джон (1795—1821) — английский поэт-романтик.

«Капризы Марианны» — пьеса А. де Мюссе (1833).

К с. 163

«Испанская кровь» — цикл новелл французского писателя Жоржа Гови (р. 1910), опублик. в 1958 г.

«Необычайные истории» — сборник новелл Эдгара По (1809—1849).

«Жестокие рассказы» (1883) — сборник рассказов французского писателя Вилье де Лиль-Адана (Филипп Огюст Матиас, 1838—1889).

Буалев, Рене Тардиво (1867—1926) — французский писатель.

...сам Пруст, не прочти он Рескина и Джорджа Элиота... не стал бы Марселем Прустом. — В 1904—1906 гг. опубликованы сделанные Прустом переводы произведений английского искусствоведа, историка и публициста Рескина (Джон, 1819—1900) «Библия Амьена» и «Сезам и лилии». Джордж Элиот (наст. имя Мэри Энн Эванс, 1819—1880) — английская писательница, автор реалистических романов.

«Радость разрыва» (1897), *«Хлеб брака»* (1899) — бытовые комедии Жюлья Ренара (1864—1910).

Бек, Анри (1837—1899) — французский драматург.

К с. 164

«Король в Нью-Йорке» — фильм Чарли Чаплина, вышел на экраны в 1957 г.

К с. 165

Ноай, Анна де (1876—1933) — французская поэтесса.

К с. 166

Мийо, Дариус (1892—1974) — французский композитор.

«Благовещение» — пьеса П. Клоделя 1912 г.

К с. 168

«Золотая голова» (1889) — юношеская пьеса П. Клоделя из сборника «Дерево» (1901).

Тибодэ, Альбер (1874—1936) — французский критик.

Арман, Луи (1905—1971) — французский инженер, председатель французского национального общества железных дорог; в 1957—1959 гг. — председатель Евратома.

Паньоль, Марсель (1895—1974) — писатель и кинематографист. «Фабриан» — его комедия 1956 г.

К с. 169

Авторы этого открытия... профессор Ли и профессор Ян. — Имеется в виду гипотеза о несохранении четности в слабых взаимодействиях американских физиков Ли Цзун-дао (р. 1926 в Китае) и Ян Чжэнь-нина (р. 1922 в Китае). Нобелевская премия 1957 г.

Удачный опыт профессора Ву... — Ву, Хьен-сюн (р. 1912 в Китае) — американский физик-экспериментатор, подтвердила гипотезу Ли и Яна.

К с. 170

Мериме в «Локисе»... — Новелла Мериме «Локис» (1869) включает элемент фантастики, почерпнутый в литовском фольклоре.

«Александр Флеминг» — книга А. Моруа 1959 г.

Устинов, Питер (Петер, р. 1921 в Лондоне) — английский актер, продюсер, писатель. Комедия «Любовь четырех полковников» — 1951 г.

Бернштейн, Анри (1876—1953), *Ашар, Марсель* (р. 1899), *Салакру, Арман* (р. 1899), *Паньоль, Марсель* (см. коммент. к с. 168) — французские драматурги.

К с. 171

Лоутон, Чарлз (1899—1962) — английский актер.

К с. 172

Ростан, Жан (1894—1977) — французский биолог, сын Эдмона Ростана; автор научных трудов.

К с. 173

«Обманщики» — фильм М. Карне 1958 г.

...С примесью Эмиля Ожье. — Ожье, Эмиль (1820—1889) — французский драматург, автор пьес, в которых занимательность сюжета сочетается с морально-дидактической установкой.

К с. 175

Встретил у художника Карзу Рене Клера, который... поставил на сцене Национального народного театра пьесу «С любовью не шутят»... — Карзу, Жан (р. 1907) — французский художник, дебютировал в салоне Независимых (1930); писал декорации для «Комеди Франсез» и Национального народного театра (Т. Н. Р.). Национальный народный театр (основан в 1920 г.) пользуется широкой известностью, в 1951—1963 гг. им руководил актер и режиссер Жан Вилар. «С любовью не шутят» (1834) — одна из ранних пьес Альфреда де Мюссе.

...как в «*Любовной досаде*» Мольера. — Комедия «*Любовная досада*» поставлена в 1656 г., издана в 1663 г.

О, Дидро! — По мнению Моруа, сцена между Сюзанной Флон и Жераром Филипом совершенно не в духе Дидро, который считал вживание в роль опасным для гармонии художественного целого (Дидро, «Парадокс об актере», 1773—1778, изд. в 1830)

К с. 176

...люди в Бенаресе верят в метампсихозу... — Метампсихоза — переселение душ, вера в нее — составная часть индуизма. В 1962 г. в Бенаресе (Индия) собралось множество людей, ожидавших «предсказанного» конца света и перевоплощения душ.

Габриель Марсель рассказывает, что Жуандо... — Марсель, Габриель (1889—1973) — французский философ и драматург. Жуандо, Марсель (р. 1888) — французский писатель, автор рассказов, в которых мистицизм смешан с иронией.

ПИСЬМА НЕЗНАКОМКЕ

«Письма знакомке» опубликованы в Париже в 1956 г. издательством «Ля Жён Парк». На русском языке появились в сокращенном виде в журнале «Иностранная литература» (1974, № 1). В настоящем издании читателю предлагается новый перевод.

К с. 177

Мериме... узнал о том, что его знакомку зовут Женни Дакен... — Дакен, Жанна-Франсуаза (1811—1895) прислала Мериме свои иллюстрации к его «Хронике царствования Карла IX» (1829), и с этого началась их переписка. Через несколько месяцев они встретились; переписка продолжалась до 1870 г.

К с. 178

Владычица Ирана — шахиня Сорейя, жена шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви (1919—1980, свергнут в 1979 г. в результате народной революции).

Леото, Поль (1872—1956) — французский писатель.

«*Чтобы понравиться другим... разумней, чем они*». — Изречение из «Размышлений, или Моральных изречений и максим» (1665) Ларошфуко (Франсуа де, 1613—1680).

К с. 180

У Октава Мирбо есть новелла... — имеется в виду одна из новелл книги «Письма из моей хижины» (1886) французского писателя Октава Мирбо (1848—1917).

К с. 181

«*Браво, Руссен, вот славная комедия!*» — Руссен, Андре (р. 1911) — фран-

цузский драматург. Видимо, имеется в виду пьеса «Когда появляется ребенок».

В «Непорочной» Филиппа Эриа... — Эриа, Филипп (наст. имя Раймон Жерар Пейель, 1898—1971) — французский писатель и драматург, автор драмы «Непорочная» (1947).

В своей книге «Прекрасный новый мир» Олдос Хаксли... — «Прекрасный новый мир» (1932) — антиутопия о стандартизованном технократическом обществе Олдоса Хаксли (1894—1963).

К с. 182

Песня Превера и Косма... — Превер, Жак (1900—1977) — французский поэт и сценарист; Косма, Жозеф (1905—1969) — французский композитор. В содружестве создали пятьдесят песен, наиболее известные из которых: «Барбара», «Опавшие листья», «Я такая, какая есть». Песни Превера и Косма популярны среди молодежи — студентов и служащих Сен-Жермен-де-Пре и соседнего с ним Латинского квартала.

...один из персонажей «Севильского цирюльника». — Имеется в виду дон Базилио.

К с. 192

...едва Рахиль дала появиться на свет Вениамину, как тут же и умерла. — Рахиль, дочь Лавана, жена Иакова (Израиля). Библия, кн. Бытия, 35, 16—19.

К с. 193

Салакру, Арман (р. 1899), *Шамсон, Андре* (р. 1900), *Мориак, Клод* (р. 1914) — современные французские писатели; *Манюэль, Ролан* (р. 1892) — французский композитор и музыкант, с 1947 г. вел по радио передачу «Плезир де ля мюзик».

К с. 194

...в «Астрее» и в «Принцессе Клевской»... — «Астрея» — произведение французской писательницы Мадлен де Скюдери (1607—1701); «Принцесса Клевская» (1678) — роман французской писательницы мадам ле Лафайет (Мари Мадлен, 1634—1693).

К с. 195

Греки недолюбливали Аристид... за то, что все называли его Справедливым. — Аристид, прозванный Справедливым (ок. 540 — ок. 467 до н.э.), афинский полководец и государственный деятель, прославившийся в битвах при Марфоне и при Саламине, управлял финансами со скрупулезной честностью; подвергся ostracismu.

Жувенель, Анри де (1876—1935) — французский журналист и политический деятель; в начале своей деятельности был редактором газеты «Матен».

К с. 198

«Золотой гвоздь» — новелла Сент-Бёва, написанная в 1844—1845 гг., опубликована в 1881 г.; посвящена Софи Луаре д'Арбувиль.

К с. 199

Рекамье (Жанна Франсуаза Жюли Аделаида Бернар, 1777—1849) — хозяйка салона, собирала у себя самое блестящее общество; была возлюбленной Шатобриана.

К с. 200

Тибо, Жак (1880—1953) — французский скрипач, один из организаторов Международного конкурса пианистов и скрипачей.

«Трудные времена» (1934) — сатирическая пьеса Эдуарда Бурде.

К с. 202

Монтерлан в своем... романе «Холостяки»... — Монтерлан, Анри де (1896—1972) — французский романист и драматург; роман «Холостяки» — 1934 г.

К с. 205

...роман Мередита «Трагические комедианты». Это — жизнеописание Фердинанда Лассалья... — Мередит, Джордж (1828—1909) — английский поэт и романист. В романе «Трагические комедианты» (1880) отражены некоторые эпизоды из жизни Ф. Лассалья (1825—1864) — одного из основоположников немецкого социализма.

К с. 206

Мур, Джордж (1852—1933) — английский романист и эссеист.

...гетера, которую Пьер Луи откопал в далекой древней Греции. — Луи, Пьер (1870—1925) — французский романист и поэт, автор романа «Афродита» (1896).

К с. 208

Эмиль Анрио... в романе «Все вот-вот кончится»... — Анрио, Эмиль (наст. имя Эмиль Поль Эктор Мегро, 1889—1961) — французский писатель, литературный критик и публицист; роман «Все вот-вот кончится» — 1954 г.

К с. 212

...госпожа Дорваль во время представления... драмы Дюма-отца «Антонии». — Дорваль, Мари (наст. имя Мари Делоне, 1798—1849) — знаменитая французская актриса, представительница прогрессивного романтического театра; с 1818 г. выступала главным образом в демократическом театре «Порт-Сен-Мартен»; в драме Дюма-отца «Антонии» (1831) играла главную роль.

Бокаж, Пьер (наст. имя Пьер Тузе, ок. 1799 — ок. 1862) — знаменитый французский актер, играл в театрах «Одеон», «Порт-Сен-Мартен». Исполнял роли героев-бунтарей в драмах Гюго, Дюма-сына. Бокаж — участник революции 1830 г., в 1850 г. снят с поста директора театра «Одеон» за бесплатный спектакль в честь годовщины революции.

Великая Симона — видимо, имеется в виду Симона Синьоре (р. 1921) — французская драматическая актриса.

К с. 213

Тэска, Морис (р. 1904) — французский романист и эссеист; «Симона, или Супружеское счастье» — эссе 1949 г.

К с. 214

«Белая симфония в мажорных тонах» — так называется стихотворение Теофиля Готье (1811—1872).

К с. 222

Лас Каз — Лас Каз, Эмманюэль Огюстен Дьёдоне (1766—1842) — французский писатель. Сопровождал Наполеона в ссылку на остров Святой Елены, где оставался с ним в течение восемнадцати месяцев и записывал его воспоминания; в 1823 г. издал их под названием «*Mémoires de Sainte-Hélène*».

К с. 225

Панглос — доктор Панглос, герой повести Вольтера «Кандид».

К с. 229

«Письма некоторым людям» Поля Валери... — Опубликованы посмертно, в 1952 г.

К с. 230

Бауэр, Жерар (1888—1967) — писатель и журналист, член Гонкуровской академии.

К с. 231

«Царь Эдип» («Эдип-царь») — трагедия Софокла, созданная ок. 425 г. до н.э.

В Доме Софокла... — А. Моруа называет «Домом Софокла» театр «Комеди Франсез», общепринятое название которого «Дом Мольера».

«Грязь на снегу» — роман Ж. Сименона; написан в 1948 г. в США.

«Прекрасная Елена» — оперетта Оффенбаха 1864 г.

К с. 234

Если бы Арлетта Ставиская меньше любила драгоценности, история... сложилась бы по-иному. — Арлетта Ставиская — жена крупного афериста Александра Ставиского, присвоившего значительные средства продажей фальшивых облигаций. В этом деле оказались замешанными некоторые государственные деятели Третьей республики. В связи с «делом Ставиского» в различных слоях общества поднялась буря возмущения коррупцией и злоупотреблениями. Этим как предлогом воспользовались французские фашисты. Предпринятая ими 6 февраля 1934 г. попытка мятежа провалилась, т.к. левые партии и группировки, объединившись, оказали фашистам организованное сопротивление; это был решающий шаг на пути к созданию Народного фронта.

Если бы солдаты ... в наших книгах не упоминались бы ни Аустерлиц, ни Ваграм. — 13 вандемьера III года (5 октября 1795 г.), во время мятежа монархистов против термидорианского Конвента, Наполеон Бонапарт приказал Мюрату доставить в Париж орудия из военного лагеря вблизи столицы.

Пушки были доставлены молниеносно, и это вынудило мятежников сдать. После подавления мятежа Наполеон — «генерал 13 вандемьера» — приобрел среди республиканцев большую популярность. Аустерлиц — см. коммент. к с. 97; Ваграм — см. коммент. к с. 112.

Пришли президент Вильсон... в Париж... в политическую жизнь Европы. — 28-й президент США Вильсон (Томас Вудро, 1856—1924) сам возглавил делегацию США на мирной конференции в Париже в 1919—1920 гг. Он включил в эту делегацию трех демократов и только одного республиканца, хотя на выборах в конгресс в декабре 1918 г. республиканцы получили большинство. Таким образом, предложенные Вильсоном гарантии безопасности Франции не были приняты сенатом США, Версальский мирный договор не был ратифицирован, и США не вошли в Лигу Наций.

К с. 243

«Нежная, как воспоминание» — название сборника любовных посланий (изд. в 1952 г.) Гийома Аполлинера (1880—1918) Мадлен Пажи.

К с. 248

...великого Гюго... целых пятьдесят лет боготворила Жюльетта Друэ... — Жюльетта Друэ была подругой В. Гюго в течение почти полувека, до самой своей смерти (в 1883 г., за два года до смерти Гюго), и оба они до конца дней сохранили друг к другу нежные чувства. Друэ была актрисой и ради Гюго оставила сцену.

К с. 251

Г-жа Дедеффан, Мари (1697—1780) — хозяйка литературного салона; *г-жа Рекамье* — см. коммент. к с. 199; *г-жа де Луан*, Мари-Анна Детурбей (1837—1908) — хозяйка одного из парижских салонов. Во время «дела Дрейфуса» у нее собирались члены реакционной Лиги патриотов Франции, ее салон противостоял салону г-жи де Кайаве. *Г-жа Арман де Кайаве* — мать Гастона Армана де Кайаве (1869—1915), французского драматурга.

К с. 252

Эгерией звали нимфу, вдохновляющую Пуму Помпилия... — Эгерия — в римской мифологии пророчица-нимфа ручья в священной роще; Нума Помпилий (ок. 715 — ок. 672 до н. э.) — легендарный римский царь.

К с. 253

«Лилия долины» — роман Оноре де Бальзака (1835).

К с. 255

Поэма, неистовая, как «Гнев Самсона» — Видимо, имеется в виду поэма Джона Мильтона (1608—1674) «Самсон-борец».

«Ода радости», Симфония до минор, Крейцера соната — сочинения Бетховена. «Ода радости» Ф. Шиллера у Бетховена повторяется дважды: в опере «Фиделио» (1803—1805) и как заключительная часть 9-й симфонии (впервые исполнена в 1824 г.). Симфония до минор — 5-я симфония (1808). «Крейцера соната» — 1802 г.

Иегуди Менухин и его сестра... — Менухин, Иегуди (р. 1916) — всемирно известный американский скрипач; с ним вместе выступала его сестра Хефциба (р. 1920), пианистка.

«Реквием» Форе — Форе, Габриель (1845—1924) — французский композитор и органист. «Реквием» написан в 1888 г.

К с. 256

«Жизнь Жорж Санд» — «Лелия, или Жизнь Жорж Санд» написана А. Моруа в 1952 г.

К с. 257

«Олимпико, или Жизнь Виктора Гюго» — произведение А. Моруа 1954 г.

К с. 262

Бурже, Поль Шарль Жозеф (1852—1935) — французский писатель.

К с. 265

«Кузен Понс» (1846—1847), *«Обедня безбожника»* (1836) — романы Оноре де Бальзака.

К с. 267

«Театральная история» — роман А. Франса 1903 г.

Брук, Джеймс (1803—1868) — английский военный и путешественник.

ИСКУССТВО БЕСЕДЫ

Афоризмы и максимы

«Искусство беседы» было опубликовано парижским издательством «Ашет» в 1927 г. На русском языке публикуется впервые.

К с. 273

Кювье, Жорж (1769—1832) — французский зоолог, палеонтолог; установил принцип «корреляции органов», на основе которого реконструировал строение многих вымерших животных.

К с. 276

Овидий неправ. Именно в несчастье... — Имеются в виду строки из «Скорбных элегий» (кн. I, 9 стих) Овидия; эти же строки цитируются в «Открытом письме молодому человеку» (см. с. 300 н. и.).

К с. 280

Алеви, Даниель (1872—1962) — французский историк.

К с. 284

В «Пире» Платона... — «Пир» — одно из основных произведений Платона (ок. 427—ок. 347 до н.э.), построенное в форме беседы.

К с. 285

«Не меньше, чем граций, не больше, чем муз», — говорил Дизраэли. — По традиции считается, что граций (богинь добра, радости, благоденствия) было три; муз, богинь-покровительниц поэзии, искусств и наук, было девять.

Во времена доктора Джонсона... — Джонсон, Сэмюэл (1709—1784) — английский критик, лексикограф, эссеист; составил «Словарь английского языка» (1755).

Босуэлл, Джеймс (1740—1795) — английский писатель, друг и биограф Джонсона, автор книги «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791).

К с. 287

Салон г-жи Вердюрен — г-жа Вердюрен, хозяйка салона в романе М. Пруста «По направлению к Свану».

К с. 290

Будь господин де ля Палис... — Возможны два толкования: 1. De la palisse — французская поговорка о провозглашении банальных истин, т. е. г-н де ля Палис = г-н Банальность. 2. Ля Палис, Жак де Шабан (II пол. XV в. — 1525), знаменитый французский капитан, принявший участие во многих военных кампаниях (при Карле VIII, Людовике XII, Франсуа I). О его подвигах солдаты складывали песни, одна из них дошла и до наших дней.

К с. 292

«Мари Жозеф? — спросил Ривароль. — Это брат Авеля Шенье». Ривароль, Антуан де (1753—1801) — французский писатель и журналист, известный остроумец. Мари Жозеф Шенье (1764—1811) — драматург, якобинец, член Конвента до и после 9 термидора. Андре Шенье (1762—1794) — его брат, поэт и публицист; вначале сочувствовал революции, во время якобинской диктатуры стал ее противником («Шенье возбудил к себе ненависть партий. Он прославлял Шарлотту Кордэ...» А. де Латуш, в прим. Пушкина к стихотворению «Андрей Шенье») и был казнен 8 термидора, накануне переворота. Говоря, что Мари Жозеф брат Авеля Шенье, Ривароль косвенно называет его Каином, братоубийцей.

Уолпол говорил о маршале де Ришелье... — цитата из мемуаров английского писателя Хораса Уолпола «Последние десять лет правления Георга II», изданных в 1846 г. Маршал Ришелье, Луи Франсуа Арман дю Плесси (1696—1788) — участник ряда войн, играл важную роль при дворе Людовика XV.

«Жизнь Иисуса» (1863) — первая часть «Истории происхождения христианства» (1863—1883) Ренана (Жозеф Эрнест, 1823—1892).

«Святая Иоанна» (1923) — единственная трагедия, написанная Бернадом Шоу.

К с. 293

Оливье, Эмиль (1825—1913) — французский политический деятель, премьер-министр конца Второй империи (1870). О его мемуарах, опубликованных в 1897 г., его современник публицист Анри Рошфор сказал:

«Оливье жлет так, как если бы он до сих пор все еще был первым министром».

К с. 294

Лакретьель, Жак де (р. 1888) — французский писатель и эссеист.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ О НАУКЕ ЖИТЬ

«Открытое письмо молодому человеку о науке жить» издано парижским издательством «Альбен Мишель» в 1966 г. На русском языке публикуется впервые.

К с. 299

Так говорит Вотрен... — Вотрен, Люсьен де Рюбампре — персонажи «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака. Приведенный здесь монолог — из романа «Утраченные иллюзии» (1837—1843).

К с. 304

Обе бесконечности Паскаля... — Паскаль (см. коммент. к с. 32), развивая представление о трагичности и хрупкости человеческого бытия, воспользовался математическим понятием «бесконечность»: две бесконечности — это «все» и «ничто»; «человек — ничто по сравнению с бесконечностью, все в сравнении с ничтожеством, середина между всем и ничем» (Паскаль, «Мысли», опубл. в 1669 г.).

К с. 305

Из произведений Мольера мы знаем... Вадюсы и Триссотены... — Вадюс, Триссотен — персонажи комедии Мольера «Ученые женщины» (поставлена в Париже в 1672 г.), представляющие тип «ученых педантов».

К с. 306

Жюль Леметр насмехался над Верленом и Малларме; Сент-Бёв видел в Бодлере... молодого человека, которому не стоит писать стихи. — Леметр, Жюль (1853—1914) — критик и писатель, преклонялся перед классиками и не признавал символистов, в частности, Верлена (Поль, 1844—1896) и Малларме (Стефан, 1842—1898), стоявших у его истоков. Сент-Бёв, Шарль Огюстен (1804—1869), критик и поэт, в своих стихах и критических работах утверждал романтическое искусство и не принимал стихи Бодлера (Шарль, 1821—1867), провозвестника декаданса.

Бютор, Мишель (р. 1926), *Саррот, Натали* (р. 1900), *Роб-Грийе, Ален* (р. 1922), *Симон, Клод* (р. 1913), *Мориак, Клод* (р. 1914) — современные французские писатели-романисты, принадлежащие к школе «нового романа».

К с. 307

Флеминг, Александер (1881—1955) — английский микробиолог; открыл пенициллин. Ему посвящена книга А. Моруа «Жизнь Александра Флеминга» (1959).

К с. 308

Фабр, Жан Анри (1823—1915) — французский энтомолог; один из первых популяризаторов естественных наук.

К с. 309

Палисси, Бернар (1510 — ок. 1590) — французский художник-керамист и естествоиспытатель. Жил в бедности и для обжига своих работ сжег даже собственную мебель. Занимался химией, геологией. Умер в Бастилии.

К с. 310

...первая встреча Растиньяка с Вотреном... — роман Бальзака «Отец Горио» (1834—1835).

Сен-Симон, Луи де Рувруа, герцог де (1675—1755) — французский политический деятель и писатель, автор «Мемуаров» (опубл. в 1829—1830) — яркого, местами сатирического описания придворной жизни времен Людовика XIV и Регентства.

К с. 311

«Замогильные записки» Шатобриана — 1848 г.

Сент-Бёв... «биографии незнакомцев»... — Имеются в виду критические этюды о писателях XVII—XIX вв. («Литературно-критические портреты», 1836—1839) и очерки о писателях Пор-Рояля («История Пор-Рояля», 1840—1859) Сент-Бёва.

«История моей жизни» Жорж Санд — мемуары, написанные в 1854—1855 гг. Дилогия «Консуэло» состоит из романов «Консуэло» (1842) и «Графиня Рудольштадт» (1843).

«Увиденные факты» — сборник очерков Гюго, записки очевидца об исторических событиях, деятелях и современниках; публиковались в конце 30-х-начале 40-х гг. XIX в.

К с. 312

«Письма Дютюи и Котоне» Мюссе (Альфред де, 1810—1857) — сборник статей на общественно-политические и литературные темы (1836—1837).

Тэн, Ренан — «церковные сторожа от литературы» — Тэн, Ипполит (1828—1893) — французский философ; родоначальник эстетической теории натурализма и основатель культурно-исторической школы. В «Происхождении современной Франции» (опубл. в 1895 г.) отразилось неприятие Тэном Французской революции. Ренан, Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель и филолог, автор «Истории происхождения христианства» (1863—1883). «Философские драмы» — «Калибан» (1878), «Живая вода» (1880), «Священник из Неми» (1885), «Жуарская настоятельница» (1886) — проникнуты скепсисом, релятивизмом в вопросах нравственности. Очевидно, Ален называл их «церковными сторожами от литературы», потому что оба они — позитивист Тэн и скептик Ренан — занимали охранительную позицию в отношении современного им буржуазного общества.

...во времена Второй империи тот (Мериме) стал сенатором. ...ради красавицы императрицы... закрывал глаза на пороки Империи. — Проспер Мериме

(1803—1870) стал сенатором в 1853 г., после провозглашения императором Наполеона III (1852). Супруга Луи-Наполеона, Евгения Монтихо, — испанская танцовщица, с которой Мериме познакомился во время своих путешествий по Испании.

К с. 313

«Да не войдет сюда тот, кто не геометр». — Надпись над входом в Академию Платона.

Бернар, Клод (1813—1878) — французский естествоиспытатель, физиолог и патолог. Фундаментальный труд, о котором идет речь, — «Введение в метод экспериментальной медицины» (1865).

Ионеско, Эжен (р. 1912) — современный французский драматург, создатель «авангардистского театра».

«Тельстар» — журнал-обозрение, выпускающий наряду с хроникой и различными обзорами телепрограммы и рекламу телепередач.

К с. 317

«Улица» («Они бродили по дорогам») — фильм Фернандо Феллини, 1954 г., Италия; *«Короткая встреча»* — фильм Дэвида Лина, 1945 г., Англия; *«В прошлом году в Мариенбаде»* — сценарий Роб-Грийе, реж. Ален Родде, 1961 г., Франция; *«Клео от пяти до семи»* — фильм Аньез Варда, 1962 г., Франция; *«Земляничная поляна»* — фильм Ингмара Бергмана, 1957 г., Швеция; *«Положение обязывает»* — фильм Роберта Фамера, 1949 г., Англия; *«Все или ничего»* — фильм Роберта Пироша, 1953 г., США.

К с. 318

Морен, Эдгар (р. 1921) — современный французский социолог; особенно интересуется проблемами массовых коммуникаций.

«Джеймс Дин — Шелли массовой культуры». — Джеймс Дин, «парень с индианской фермы», как его называли, — популярнейший американский киноактер 50-х гг., кумир молодежи. Лучший из фильмов Дина — «Бунтовщик без причины» (1955). Бунтарство героя Дина позволяет — в некотором отношении — сопоставить его с романтическим героем лирики Шелли (Перси Биш, 1792—1822). Сближает их и сходство судеб: Дин погиб в автомобильной катастрофе в возрасте 24 лет, Шелли утонул во время бури, когда ему не было тридцати.

Гэлбрейт, Джон Кеннет (р. 1908) — американский экономист, дипломат времен Кеннеди, писатель; автор многих работ по социологии и экономике капитализма. *«Общество изобилия»* (1958) — публицистический очерк, в котором развенчивается иллюзия о процветании США.

К с. 320

«В поте лица твоего будешь есть хлеб». — Библия, кн. Бытия, 3, 19.

Голопоэт — от гр. holos — весь, poiētēs — творец.

К с. 323

В 1940 году англичанам казалось, что продолжать военные действия — безумие; Черчилль пошел на риск и выиграл. — Идея заключения мира с Германией

распространялась в некоторых кругах в Англии еще зимой 1940 г. Активными сторонниками восстановления мира с Германией были члены «клевденской клики» — реакционные политические и государственные деятели. Капитуляция Франции в июне 1940 г. усилила «пацифистские» настроения этих кругов. Однако правительство Черчилля «лучше отражало массовые настроения и совсем не собиралось капитулировать перед гитлеровской Германией» (И. Майский, «Воспоминания советского посла», кн. 2, с. 478).

...как держался Бонапарт в Италии. — В 1796 г. Директория назначила 27-летнего генерала Наполеона Бонапарта командующим армией, которая должна была вести военные действия в Италии. Наполеон сумел так сплотить, организовать и подчинить своей воле немногочисленную армию, что она вскоре разгромила армии Пьемонта и Австрии.

К с. 325

В присутствии Роксаны Сирано робеет... — Здесь пересказывается сюжет пьесы Ростана (Эдмон, 1868—19181 «Сирано де Бержерак» (1897).

К с. 327

Всякая революция порождает своих вязальщиц. — «Вязальщицы Робеспьера» — так называли женщин из народа, заполнявших галереи революционного трибунала, приветствовавших его приговоры и провожавших повозки с осужденными к Гревской площади: обычно они были с вязаньем в руках.

К с. 328

Даже Пенелопа и Андромаха не избежали судьбы женщины-вещи. — Пенелопа, жена Одиссея, — символ супружеской верности. Андромаха, верная и любящая жена Гектора, потеряв и оплакав мужа и сына, все же выходит замуж за Неоптолема, сына Ахилла («Илиада»).

К с. 330

В наши дни многие женщины получили возможность обходиться без материальной помощи со стороны мужчины, им помогает государство. — Конституция Франции 1946 г. закрепила ряд социально-экономических прав граждан, в том числе и право на материальное обеспечение матери и ребенка.

Помните Панурга? «— Если вы считаете... Ну, ну, женитесь с богом! — сказал Пантагрюэль». — Диалог из романа Рабле (Франсуа, 1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1552).

К с. 331

Лист и госпожа д'Агу... — В 1833 году Ференц Лист (1811—1886) встретился с французской писательницей д'Агу (Мари де Флавины, 1805—1876), творившей под псевдонимом Даниель Стерн. Связь их продолжалась до конца 30-х годов. Это был период творческого расцвета у Листа.

...женщина приносила свою жизнь в жертву любимому человеку (Жюльетта Друэ и Виктор Гюго)... — См. коммент. к с. 248.

К с. 332

...говорит доктор О'Грэди... — доктор О'Грэди — персонаж романа А. Мо-
руа «Речи доктора О'Грэди» (1922).

К с. 337

Виктор Гюго с детства хотел быть «Шатобрианом или никем». — Эту фра-
зу («Хочу быть Шатобрианом или никем») 14-летний Виктор Гюго запи-
сал в своем дневнике в 1816 г.

Мэнсфилд, Этрин (наст. имя Кэтлин Бичем, 1888—1923) — англий-
ская и новозеландская писательница, мастер психологической новеллы.

К с. 338

«Вы действительно не знаете... процесс...» — Цитата из произведения
Виньи «Рабство и величие солдата» (1835).

...Пруст многому научился, пародируя их (мастеров)... — М. Пруст издал
в 1919 г. написанные им ранее «Подражания и смесь» — сборник пародий
на французских классиков.

Жалу, Эдмон (1878—1949) — французский писатель-эссеист и литера-
турный критик.

Перечитайте чудесную статью Бальзака о «Пармской обители». — «Этюд
о Бейле» (1840).

К с. 339

Оба прошли через ... долговую тюрьму (Диккенс — навещающая отца). — Отец
Диккенса, портовый чиновник, разорился и попал в долговую тюрьму.
Связанные с этим периодом детские впечатления Диккенса нашли отра-
жение в его произведениях (например, в романе «Крошка Доррит»,
1857).

*Гёте открыл свое призвание... Ануй осознал себя... Жироду... встреча с Жу-
ве.* — Гёте рассказал об этом в неоконченном романе «Театральное призвание
Вильгельма Мейстера» (1777—1785, опубли. в 1911 г.). Страсть Жана
Ануя (р. 1910) к театру возникла в ранней юности: он смотрел все оперет-
ты в Аркашонском казино (его мать была скрипачкой); сам Ануй го-
ворит, что драматурга в нем пробудила премьера «Зигфрида» в Театре
на Елисейских полях. Встреча Жана Жироду (1882—1944) с Луи Жуве
(1887—1951), актером и режиссером Театра на Елисейских полях, много
значила в творческой биографии обоих: замечания и указания Жуве при-
вели к созданию первой драмы Жироду «Зигфрид», постановка которой
3 мая 1928 г. стала событием в театральной жизни Франции. В дальней-
шем Жуве ставил почти все драмы Жироду (и после его смерти,
в 1945 г. — «Безумную из Шайо»).

«Прародительница» (1923) и *«Поцелуй, дарованный прокаженному»* (1922) —
романы Мориака (Франсуа, 1885—1970), принесшие писателю широкую из-
вестность и заставившие говорить о нем как о новом ярком явлении со-
временной литературы; *«Грязные руки»* (1948) — драма Сартра (Жан Поль,
1905—1980); *«Люди доброй воли»* — см. коммент. к с. 133. Автор романа
«Большой Мольн» (1913) Ален-Фурнье (наст. имя Анри Фурнье,

1886—1914) погиб 28-летним под Верденом в самом начале первой мировой войны.

К с. 340

Пруст в начале своего творчества («Утехи и дни»)... открыл свой стиль, переводя Рескина — «Утехи и дни» (изд. в 1896 г.) — первый сборник новелл М. Пруста. О переводах Прустом Рескина см. коммент. к с. 163.

Ищите и вы обратитесь себя. — Парафраза евангельского текста: «Ищите, и обратитесь» (Еванг. от Матф., 7,7).

К с. 341

...на острове святой Елены из-под маски императора выглянула душа младшего лейтенанта... — Речь идет о произведении Лас Каза (см. коммент. к с. 222).

К с. 343

Эррио, профессор-филолог, на заре своей деятельности гораздо больше думал о мадам Рекамье, чем о лионской мэриш. — Эдуард Эррио (см. коммент. к с. 58) написал исследование «Мадам Рекамье и ее друзья» (1905). Свою политическую карьеру начал с поста мэра города Лиона.

К с. 344

Одного из деятелей III Республики называли в народе Отцом победы. — Вероятно, имеется в виду маршал Петен, слывший до 1940 г. национальным героем, или маршал Фош.

К с. 345

...принятие конституции 1958 года. — 28 сентября 1958 г. была утверждена новая конституция Франции, которая изменила пропорции исполнительной и законодательной власти в пользу президента. Первым президентом Пятой республики 21 декабря 1958 г. был избран генерал де Голль.

Рюэф, Жак (р. 1896) — крупный французский финансист и экономист, при де Голле — председатель комитета экспертов по стабилизации франка и подготовке Франции к вступлению в «Общий рынок».

К с. 346

«Господни мельницы мелют медленно, но верно». — Чешская пословица, соответствует русской «Бог правду видит, да не скоро скажет».

Правоверные сторонники Французской революции отдали ее в руки Барраса, потом Бонапарта. — Поль Баррас (1755—1829), депутат Конвента, монтаньяр, один из организаторов термидорианского переворота, бессменный член Директории (с 1795 по 1799), считался «сильным человеком», способным защитить революцию и от якобинцев, и от монархистов, содействовал приходу к власти Наполеона Бонапарта. При подготовке свержения Директории на роль защитника республики от монархии буржуазия выдвинула Бонапарта, пользовавшегося репутацией твердого республиканца.

К с. 350

«Жизнь слишком коротка, чтобы позволить себе прожить ее ничтожно». — Этот афоризм Дизраэли (см. коммент. к с. 101) Моруа сделал эпиграфом к своей книге «Жизнь Дизраэли» (1927).

«Право» — молодежная левая группа 60-х гг., состоявшая из множества группировок; в эти годы была также пролетарская молодежная группа «проло».

Мой Луцилий, мой Натэниэл... — «Мой Луцилий!» — обращение, которым начинается каждое письмо в произведении Сенеки «Нравственные письма к Луцилию». Натэниэл — вероятно, мистер Натэниэл Уинкль, подопечный и друг мистера Сэмюэла Пиквика (Чарлз Диккенс, «По-смертные записки Пиквикского клуба», 1837).

Брукнер описал «болезнь юности»... — Брукнер, Фердинанд (наст. имя Теодор Таггер, 1891—1958) — австрийский писатель, драматург, автор драмы «Болезнь юности» (1929), драматической трилогии «Молодежь двух войн» (1947) и других драматических произведений

К с. 351

Но привел к власти Бонапарта старик, Сийес. — Аббат Сийес (Эмманюэль Жозеф, 1748—1836), деятель Великой Французской революции, идеолог буржуазии, в годы якобинской диктатуры — руководитель «болота» в Конвенте, после 9 термидора — член Комитета общественного спасения; в 1799 г., будучи членом Директории, участвовал в заговоре 18 брюмера и выработке конституции, которая учредила Консулат и обеспечила Наполеону всю полноту власти. Вскоре после этого Наполеон отстранил Сийеса от политической деятельности.

«Но время, черт возьми, не главное для дела» — «Мизантроп», действие I, сцена 2.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абд Аль-Керим 68
Августин Блаженный Аврелий 283
Аврелий Марк 300, 310, 350
Агу Мари де Флавины д' 331
Алеви Даниель 280
Ален 25, 30, 130, 157, 167, 222, 226, 229, 246, 257, 260, 271, 298, 300, 312, 313, 316, 322, 328, 331, 335, 338, 340, 343
Ален-Фурнье 206, 339
Альберт 327
Амбриер Френсис 161, 163
Анрио Эмиль 161, 208
Ануй Жан 339
Аполлинер Гийом 243, 244
Арагон Луи 118, 157, 306
Аристид 195
Аристотель 222, 312, 343
Аристофан 310
Аркур Робер д' 159
Арман Луи 168—170
Ашар Марсель 170, 171
- Байрон Джордж Ноэл Гордон 59, 195, 231, 232, 245, 253, 254, 324, 338
- Бальзак Оноре де 102, 181, 189, 190, 202—204, 222, 223, 243, 253, 254, 265, 299, 307, 310—313, 318, 329, 335—338
Баринг Морис 92, 224
Баррас Поль 346
Барратт Артур Шеридан 52
Баррес Морис 60, 141, 294, 312
Барту Луи 136, 145
Бассомпьер Франсуа де 114
Бауэр Жерар 230
Бевин Эрнест 99
Бедар Пьер 105
Бек Анри 163
Бельгиз Камилла 213
Бенуа Пьер 159
Берар Кристиан 160
Берар Леон 160
Бергман Ингрид 164
Бергсон Анри 129, 139, 312, 340
Беркли Джордж 22
Бернар Тристан 58
Бернар Клод 313
Берни Лаура де 329
Бернштейн Анри 170
Берген Пьер 155
Бертло Пьер Эжен Марселен 123, 127

- Бетховен Людвиг ван 32, 255
 Биар Леони 159
 Бивербрук Уильям Максвелл
 Айткен 83
 Биднелл Мария 253
 Бийи Андре 161—163, 207
 Бийот Гастон Анри Гюстав 72,
 83
 Бисмарк Отто фон Шёнхаузен
 110
 Бланшар Жорж 72
 Блейк Уильям 328
 Блюм Леон 123, 146
 Бодлер Шарль 158, 243, 306,
 312
 Бокаж Пьер 212
 Бомарше Пьер Огюстен 157, 171
 Бонапарт — см. Наполеон I
 Боннар Пьер 114
 Бонне Жорж 39—42
 Боссюэ Жак Бенинь 31, 310
 Босуэлл (Босвелл) Джеймс 285
 Бриан Аристид 123, 127, 138,
 202
 Бриссон Пьер 162
 Брук Джеймс 267
 Брукнер Фердинанд 350
 Буалев Рене 163, 288
 Буиссон Фернан 123, 124
 Буланже Жорж 144
 Бурже Поль Шарль Жозеф 262
 Бютот Мишель 306

Валери Поль 32, 92, 130, 131,
 137, 150, 159, 167, 179, 180,
 222, 223, 229, 230, 288, 304,
 308, 312, 325, 338
 Вальтер Бруно 155
 Ван Гог Винсент 340
 Ван Дейк Антони с 166
 Вейган Максим 66, 72, 75, 77,
 91
 Вейе Поль Луи 164
 Веллингтон (Уэллингтон) Артур
 Уэлсли 40
 Вергилий Марон Публий 92, 310
 Верлен Поль 158, 243, 306,
 312
 Вийон Франсуа 243, 310
 Виктория 324, 327

 Вилье де Лиль-Адан Филипп
 Огюст Магиас 163
 Вильморен Луиза де 171, 194
 Вильсон Томас Вудро 164, 234
 Виньи Альфред де 338
 Виолле-ле-Дюк Эжен 161
 Водуайе Жан Луи 114
 Вольпи Джузеппе 56
 Ву Хьен-сюн 169
 Вулф Вирджиния 338
 Вольтер 108, 181, 225, 311
 Вуйяр Эдуард 114

Галифакс Эдвард Фредерик Вуд
 42
 Гальени Жозеф 124, 125, 205
 Гамбетта Леон 202
 Гамелен Морис Гюстав 39, 45,
 52, 61-63, 65-67, 69
 Гарбо Грета 183
 Гарсон Морис 157
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих
 100, 222, 312
 Георг VI 57
 Гер Польш 156
 Геринг Герман 62
 Гёте Иоганн Вольфганг 159, 189,
 264, 295, 307, 309, 313, 316,
 339, 347
 Гизо Франсуа 202
 Гитлер Адольф 35-39, 46, 48-50,
 56, 98, 299, 302
 Гладстон Уильям Юарт 101
 Гови Жорж 163
 Гоген Польш 160
 Гоголь Н. В. 162, 224, 313
 Гойя Франсиско Хосе де 129
 Голль Шарль де 57, 92, 93
 Гомер 25, 151, 159, 222, 305, 310,
 313
 Гораций 92, 222, 230, 310
 Горт Джон Стендиш Веркер 45—
 48, 55, 61, 62, 78, 85, 87
 Госсэ Эдмунд 338
 Грассе Бернар 115, 116, 165
 Григг Эдвард 91
 Гуро Анри Эжен 121
 Гэ Софи 195
 Гэлбрейт Джон Кеннет 318

Гюго Виктор 132, 133, 159, 167,
194, 195, 222, 248, 249, 257,
259, 261, 264, 311, 312, 331,
335, 337, 338

Даби Эжен 132, 133

Дакен Жанна Франсуаза 177

Даладьё Эдуард 36, 41, 42, 53,
57—60, 63—66

Дансэни Эдвард Джон 234

Данте Алигьери 129, 244, 313

Дарлан Франсуа 64

Дафф-Купер Альфред 77, 87, 88

Дега Эдгар 116

Дежарден Эрнест 129

Декав Пьер 155—157

Декарт Рене 222, 227, 312, 340

Деламар Лиз 156, 157

Делькассе Теофиль 81

Делоне Альбер 172

Делоне Габриель 304

Джеймс Генри 206, 277

Джойс Джеймс 313

Джонсон Сэмюэл 285

Дидро Дени 175, 311

Дизраэли Бенджамин 101, 285

Диккенс Чарлз 253, 261, 313,

338, 339

Дин Джеймс 318

Доде Альфонс 161

Дорваль Мари 156, 212

Достоевский Ф. М. 313

Дотри Рауль 53, 54, 83

Дрейпер Рут 202

Дрейфус Альфред 143

Друзэ Жюльетта 159, 248, 249,

331

Думер Поль 124, 125, 142, 143

Думерг Гастон 127, 145

Дуэ Джулио 75

Дюамель Жорж 159

Дю Белле Жоашен 310

Дю Бо Шарль 136, 137, 224

Дюеван Казимир 210

Дюеффан Мари 251, 276

Дюма Александр (Д.-отец) 212,

339

Дюма Александр (Д.-сын) 163,

329, 339

Дюпюи Шарль Александр 136

Дюра Клер де Керсен де 267

Елизавета II 90

Жанна Д'Арк 110, 113

Жалу Эдмон 114, 338

Жерар Гастон 143, 144

Жид Андре 137, 173, 174, 196,
310

Жийон Андре 176

Жирардо Анни 156

Жиро Анри 46, 52, 66, 70

Жироду Жан 118, 158, 339

Жорж Жозеф 52, 62, 63, 65

Жофр Жозеф 61, 62, 116, 205,
322

Жуандо Марсель 176

Жубер Жозеф 213, 224

Жуве Луи 339

Жувенель Анри де 195, 196

Золя Эмиль 164

Иден Антони 96

Иоанн II Добрый 110

Ионеско Эжен 313

Кайаве Арман де 251

Кайо Жозеф 138

Кант Иммануил 222, 312

Карзу Жан 175

Карне Марсель 174

Кафка Франц 313, 337, 350

Кемп Робер 157, 161, 178, 338

Киплинг Джозеф Редьярд 29,
151, 162, 222, 267, 324

Китс Джон 162

Клемансо Жорж 57, 67, 138

Клеопатра 234, 235

Клер Рене 158, 175

Клодель Поль 127, 146, 166—168,
222, 312

Клоц Луи Люсьен 125

Клук Александр фон. 205

Кокто Жан 74, 158—160, 288, 306

Колет Сидони Габриель 114

Конрад Джозеф 162, 208

Констан де Ребек Бенжамен. Ан-
ри 311

Конт Огюст 222, 312, 326

- Конфуций (Кун-цзы) 283
 Корап Андре Жорж 67, 72, 73
 Корбен Шарль 89
 Корда Александер 171
 Корнель Пьер 158, 261, 305, 310, 339, 341
 Косма Жозеф 182
 Кот Пьер 125
 Кэмпбелл Рональд 91
 Кэн Жюльен 123, 124
 Кювье Жорж 273
- Лабрюйер Жан де 249
 Лас Каз Эмманюэль Огюстен 222, 311
 Лакретель Жак де 294
 Лалу Рене 162
 Ламартин Альфонс де 293
 Ламп Этьен 129
 Ларошфуко Франсуа де 179
 Лассаль Фердинанд 205
 Лафайет Мари Мадлен де 194
 Лафонтен Жан де 118, 261, 310
 Лаффон Иоланда 212
 Леблан Морис 151
 Лебрен Альбер 49, 60, 64, 103
 Леже Алекси 127, 146
 Леже Фернан 157, 166
 Лей Августа 232
 Леконт дю Нуи Пьер 24
 Леметр Жюль 306
 Леото Поль 178
 Леру Гастон 151
 Ли Цзун-дао 169
 Линкольн Авраам 256
 Лиоте Луи Юбер 54, 115, 197, 345
 Лиоте Пьер 56
 Лист Ференц 331
 Ллойд Джордж Амбруз 87, 91
 Лопе де Вега 313
 Лоррен Перси 42
 Лоутон Чарлз 171
 Луан Жанна де Турбе де 251
 Луаре д'Арбувиль Софи 199
 Луи Пьер 206
 Луи Филипп 159
 Лукреций 310
 Людовик IX Святой 110
 Людовик XIV 324
 Людовик XV 203, 303
- Людовик XVI 324
- Макиавелли (Макьявелли) Никколо** 100
 Макдональд Джеймс Рамсей 92, 125, 126
 Маккарти Десмонд 92, 94, 338
 Малерб Франсуа 92
 Малларме Стефан 306, 312
 Мальро Андре 25
 Мандель Жорж 138
 Маньи Клод Эдмон 161, 162
 Манюэль Ролан 193
 Маржери Ролан де 77, 79
 Мариво Пьер Карле де Шамблен де 155, 164, 175, 311, 339
 Мария Антуанетта 256, 324
 Маркс Карл 346
 Марнэ Тереза 157
 Марс Анна Франсуаза 156
 Марсель Габриель 176
 М артель Тьерри де 80, 81
 Мартен дю Гар Роже 107
 Марэ Жан 160
 Матис Милли 169
 Мелвилл Герман 162
 Менухин Иегуди 255
 Мередит Джордж 205
 Мериме Проспер 170, 177, 179, 312
 Метерлинк Морис 146—149
 Микеланджело Буонарроти 191
 Миль Пьер 133
 Мийо Дариус 166
 Мирбо Октав 180
 Мишле Жюль 132
 Мольер 130—132, 154, 156, 158, 159, 170, 175, 189, 190, 194, 305, 310, 318, 339, 351
 Монтень Мишель де 191, 207, 305, 310, 313
 Монтерлан Анри де 195, 202, 235, 296, 309, 325
 Монтескье Шарль Луи 101, 311, 316
 Мопассан Ги де 114, 213, 262, 329
 Морган Анна 108
 Морган Мишель 183
 Морен Эдгар 318

- Мориак Клод 141, 172, 173, 193,
 194, 306
 Мориак Франсуа 108, 140—142,
 162
 Мортимер Раймонд 92
 Муссолини Бенито 56, 100
 Мур Джордж 206
 Моцарт Вольфганг Амадей 155,
 263
 Мэнсфилд Кэтрин 337
 Мюнье Артур 271
 Мюссе Альфред де 107, 157, 164,
 170, 175, 182, 263, 312

Наполеон I 29, 116, 134, 145,
 197, 222, 234, 256, 323, 341,
 346, 351
 Наполеон III 110
 Нёвё Пол 143, 144
 Несторий 149, 150
 Николсон Гарольд 83, 87, 88
 Ницше Фридрих 233
 Ноай Анна де 165, 288
 Ногес Шарль Огюст Поль 62, 65
 Нума Помпилий 252
 Нуффилд Уильям Ричард Мор-
 рис 46

Овидий 300
 Одиберти Жак 157, 158
 Ожье Эмиль 173
 Оливье Эмиль 293

Палисси Бернар 309
 Паньоль Марсель 168, 170
 Паскаль Блез 32, 130, 131, 210,
 234, 304
 Пастер Луи 307
 Пеги Шарль 107, 108, 117
 Пердриер Элен 155—157
 Перикл 315
 Петен Анри Филипп 66, 67
 Петрарка Франческо 245
 Пик Чарлз 88
 Пиль Роберт 101
 Пиранделло Луиджи 211, 340
 Платон 23, 222, 284, 310, 312
 Плутарх 309, 310
 Плэйфэр Патрик Генри Лион 78
 По Эдгар Аллан 163, 313

 Полян Жан 162, 290
 Поло Марко 149
 Превьер Жак 182
 Примо де Ривера Мигель 128
 Пруст Марсель 115, 161, 163,
 167, 173, 194, 209, 213, 222,
 223, 244, 261, 262, 278, 280,
 307, 312, 313, 337, 338, 340
 Пуанкаре Раймон 67, 101, 122,
 124, 125, 134, 138, 202
 Пуленк Франсис 118
 Пушкин А. С. 313

Рабле Франсуа 189, 305, 310
 Расин Жан 31, 92, 108, 310, 339
 Рафаэль Санти 166
 Рашель Элизабет 156
 Рей Робер 57, 176
 Рейно Поль 53, 57—66, 77, 86, 91,
 103, 157, 168
 Рекамье Жанна Франсуаза
 Жюльетта 244, 251, 252, 343
 Рембо Артюр 145, 158, 312
 Ренан Эрнест 113, 312
 Ренар Жюль 163, 164
 Ренуар Огюст 160, 340
 Рескин (Раскин) Джон 163, 223,
 340
 Рец Поль де Гонди 139, 222, 310,
 311
 Риббентроп Иоахим 41
 Ривароль Антуан де 292
 Рильке Райнер Мария 229
 Ришелье Луи Франсуа Арман
 292
 Роб-Грийе Ален 306
 Робеспьер Максимилиен 145
 Роден Огюст 213
 Роллан Ромен 222
 Ромен Жюль 133
 Ронсар Пьер де 182, 195, 310
 Ростан Жан 158, 172, 304, 327
 Ружон Анри 129
 Руссен Андре 181, 182
 Руссо Жан Жак 100, 222, 311
 Рюд Франсуа 116
 Рюэфф Жак 345

Сабуре Мари 154
 Саган Франсуаза 164

Салакру Арман 170, 193
Санд Жорж 175, 209, 222, 223,
227, 228, 238, 239, 261, 311,
328
Саррот Натали 306
Свифт Джонатан 207, 313, 320,
337
Севинье Мари де 160, 273, 289
Сенека Луций Анней 236, 310
Сен-Симон Луи де Рувруа де
222, 310, 311
Сент-Бёв Шарль Огюстен 161,
198, 199, 213, 269, 306, 311
Сент-Экзюпери Антуан де 78
Сервантес Сааведра Мигель де
313
Сёра Жорж 340
Сийес (Сьейес) Эмманюэль Жо-
зеф 351
Сименон Жорж 231
Симон Клод 306
Сократ 284
Софокл 231, 310
Спиноза Бенедикт 222, 260, 282,
301, 347, 352
Спирс Эдвард 91
Ставиская Арлетта 234
Стендаль 178, 183, 195, 196, 203,
207, 208, 219, 222, 244, 311,
325, 337, 338
Стивенсон Роберт Льюис 180,
274, 288

Талейран (Талейран-Перигор)
Шарль Морис де 291
Тальма Франсуа Жозеф 341
Тардьё Андре 143
Таро Жером 160
Тацит 222, 310
Тибо Жак 200
Тибодё Альбер 168
Тиррелл Уильям Джордж 82
Толстой Л. Н. 254, 255, 313, 338
Тома Альбер 123—125
Три Рональд 87
Триоле Эльза 157
Тургенев И. С. 313
Тьер Адольф 138, 202, 293
Тэн Ипполит 312
Тэска Морис 213, 214

Тюрени Анри де 158
Уайльд Оскар 285, 292
Унамуно Мигель де 128, 129
Уолпол Хорас 292
Устинов Питер 170, 171
Уэллс Герберт Джордж 152—154

Фабр Жан Анри 308
Фаррер Клод 142
Филип Жерар 175
Фиппс Эрик 35, 91
Фишер Джон Арбутнот 151
Флеминг Александер 170, 307,
308
Флобер Гюстав 116, 203, 311
Флон Сюзанна 175
Форе Габриель 255
Фош Фердинанд 46, 61, 66, 67,
108, 117, 121, 167
Франс Анатолий 133, 134, 141,
267, 312
Франсуа-Понсе Андре 35, 41, 42,
159
Франциск I 110
Франше д'Эсперэ Луи 66

Хаксли (Гексли) Олдос 181, 313
Хардинж Александер Генри Лу-
ис 90
Хор-Белиша Лесли 39, 40, 46, 55
Хюнтцигер Шарль 66

Цезарь Гай Юлий 29

Чаплин Майкл 165
Чаплин Чарлз Спенсер 158, 159,
164, 165
Челлини Бенвенуто 195
Чемберлен Невилл 36—39, 42, 96
Чемберлен Остин 125
Черчилль Уинстон Леонард
Спенсер 33, 34, 40, 44, 86,
90—92, 98, 99, 196, 323
Честертон Гилберт Кит 151, 152
Чехов А. П. 137, 157, 224, 313,
337
Чиано Галеаццо 41, 42
Човорт Мэри-Энн 253

Шамсон Андре 193

Шассерио Теодор 141
Шатобриан Франсуа Рене де 95,
199, 224, 244, 267, 311, 337,
340, 341
Шардон Жак 213
Шарон Жак 156
Шевалье Морис 49, 50, 171
Шеврие Жан 154
Шекспир Уильям 130, 159, 170,
313, 339
Шелли Перси Биш 318
Шенье Мари Жозеф 292
Шерон Анри 195
Шиллер Иоганн Фридрих 300
Шовино 48
Шоме Андре 143
Шоу Джордж Бернард 30, 153,
154, 158, 186, 330

Шуман Роберт 294
Эйнштейн Альберт 307
Элиот Джордж 163
Эмерсон Ралф Уолдо 213
Эпиктет 310
Эрвьё Поль 155
Эриа Филипп 181
Эррио Эдуард 58, 144—146, 159,
343
Эстонье Эдуард 138
Эсхил 25, 310
Ювенал Децим Юний 310
Янсен 106
Ян Чжэнь-нин (Янг) 169

СОДЕРЖАНИЕ

Андре Моруа — публицист. Ф. С. Наркирьер, А. Ф. Строев	5
Во что я верю. Перевод В. А. Мильчиной	21
Трагедия Франции. Перевод В. А. Мильчиной	33
Надежды и воспоминания. Перевод О. Э. Гринберг.	105
В защиту военнопленных	105
Дух Франции	109
Париж вчера — сегодня — завтра.....	113
Голые факты. Перевод Н. М. Жарковой	121
Письма незнакомке. Перевод Я. З. Лесюка	177
Искусство беседы. Афоризмы и максимы. Перевод М. Н. Ваксма- хера	272
Открытое письмо молодому человеку о науке жить. Перевод О. Э. Гринберг.	295
Комментарии	353
Указатель имен.	385

АНДРЕ МОРУА

НАДЕЖДЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

ИБ № 12258

Художник *В. И. Левинсон*. Художественный редактор *В. П. Пузанков*. Технический редактор *Р. Ф. Медведева*. Младший редактор *Е. Ю. Леонова*. Сдано в набор 22.12.82. Подписано в печать 09.06.83. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная 70 гр. Гарнитура баскервиль. Печать офсетная. Условн. печ. л. 20,58+0,84 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 25,43. Тираж 200000 экз. (2-ой завод 100001—200000 экз.) Заказ № 81. Цена 90 коп. Изд. № 36477. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17. Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Можайск, 143200, ул. Мира, 93